

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Stepovich, Andronik I.

ОЧЕРКЪ ИСТОРИИ ЧЕШСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Славянскій народъ въ Богеміи, не смотря на свою малочисленность, по крайней мѣрѣ одинъ разъ въ продолженіе своей исторіи получилъ значеніе *осемірное* (Палацкій).

СОСТАВИЛЪ
А. Степовичъ.

Съ фотографическимъ снимкомъ съ Краледворской рукописи.

Изданіе Кіевского Славянскаго Общества.

КІЕВЪ.

Тип. Е. Т. Керерь Большая Владимірская ул., д. Оѣтовой.
1886.

FX

PG 5001
573

Дозволено Цензурою. Кієвъ, 14 Іюня 1886 года.

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

<i>Страница.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Должно быть.</i>
31	12 сверху	языки	языки
32	13 снизу	любовь	любовь
44	14 снизу	относящаяся	относящуюся
45	15 сверху	Дорошѣ	Доротѣ
71	2 сверху	Кариль	Карль
74	4 сверху	чататель	читатель
206	5 снизу	šivot	život
272	14 сверху	,озаглавленъ	,озаглавлен.
—	7 снизу	прозанчевской	прозаической
—	5 снизу	зыковѣдѣнію	языковѣдѣнію
279	15 снизу	защищаетъ	Защищаль*
299	14 снизу	(параллели	(уравненія)

Кромѣ того на 194 стр. (7 строка снизу) стихотвореніе должно читаться такъ:

Авшакъ битвы крѣваве а сѣче
 Не отевроу блажености храмъ!
 Вѣзте, же енѣ свѣтла блескне мече
 Выдобудоу вѣчну славу вамъ!

* Дѣло въ томъ, что нынѣ г. Гебауэръ изъ защитника подлинности Краледворской рукописи сдѣлался ярымъ

II

ея противникомъ, впрочемъ, послѣ долгихъ колебаній, какъ онъ самъ заявляетъ, и именно его статья въ Атенеѣ, какъ будетъ ниже сказано (см. 16 стр.), направленная противъ Краледворской р—си, была первымъ выстрѣломъ, возобновившимъ старый, потухнувшій было, споръ. Противъ статей Гебауэра и Ө. Масарыка, редактора „Атенея“, помѣщенныхъ въ этомъ журналѣ, направлены статьи въ „Освѣтѣ“, главнымъ образомъ, проф. І. Калоуска. Вообще, споръ очень разгорѣлся, и въ немъ приняли участіе даже публицисты и политики, напр. Ю. Грегеръ въ „Народныхъ Лискахъ“ (и отдѣльной книжечкой).

КЪ ЧТЕНІЮ ЧЕШСКИХЪ ВЫДРЖЕКЪ.

Для удобства русскихъ читателей, мы насчитали всѣ чешскія выдержки кириллицей, притомъ, для выраженія нѣкоторыхъ особенныхъ чешскихъ звуковъ, употребили и особенныя знаки.

R вездѣ, кромѣ Зеленогорской рукописи (Любушинъ Судъ), читается передъ мягкими гласными *ě, ѣ, и др.*, какъ *рж*. Иногда такое *r* у насъ обозначено особымъ значкомъ (*ř*), а иногда, по недостатку такихъ значковъ, сопровождается *j* (*řj*) или *ь* [*рь*], или даже оставлено, по примѣру Гаттала (въ его изданіи „Александриды“), безъ измѣненія тамъ, гдѣ за нимъ слѣдуетъ предполагающійся *j* (или *й*).

ŕ — означаетъ звукъ, средній между *у* и *о* (по чешски изображ. *ů*).

ou — знакъ двугласнаго звука, вторая часть котораго представляетъ нѣчто среднее между *у* и *о* (по чешски изображается *ou*).

Кромѣ того, нерѣдко, особенно въ словахъ, удобопомытныхъ для русскаго, во имѣющихъ нѣсколько необычный обликъ (форму), въ скобкахъ ставились такіе слоги, которые, вмѣстѣ съ чешскими словами, давали русскій обликъ слова. Примѣръ: *кажде(—а)го*.

ludē uderichu rani bimbū hromne uiraxi
crubi hluagne choruhui ai stori
wrazia uelmoit otyzale pod uch
dauē itch uderi uelie ppolanu upolene
oruzie chuatani auol uelie Ciozne rani le
Fu polene ai Ciacu Ciemotamo dauem cr
ciu kubrnie przietopi daledale pryed
udatani Ciacu amocitnie icti bhem da
no wltane iedno Ciuoce ppolani uelie uel
ane qarmur nad wliu zemli opole rojno
Cie radolt ppolani pze rojnoCie mado
it Foltol pphi rozletunne radolt ppolani p
mu ppolani zemi o radoltnei phi Docina
Cie kapiule leitunec Ciacu Cziuech ruih opo

iti Ciuoce au lunocho tiliu raloCio oC
ti Ciuoce uany nabiedne ludi. Nie icti fa
nue Fole lud nas bmbi Fole daleto pael bio
ny wrahō nioze Cira waltice dluhū tabem
niemacahu alu uapci Ciaci otyhysiel Ciaci
driewuich hor wale kuuu. Ciaci nioze
Cia dauce Cziuech zladu zbozice paki wany w
zcham duori chizice au Ciectuue uelchach
uelbrozluo pobrachu hromne Ciaci daleto
Ciaci idu uelue Ciaci uelue Ciaci uelue
Ciaci uelue Ciaci dluho Ciaci uelue Ciaci uelue
uice uenue ppolich Ciaci Ciaci uelue Ciaci uelue
ole uelue zeleu pnie uelue Ciaci uelue Ciaci uelue
pnie uelue Ciaci uelue Ciaci uelue Ciaci uelue
Ciaci uelue Ciaci uelue Ciaci uelue Ciaci uelue
ludē uelue ppolich Ciaci uelue Ciaci uelue Ciaci uelue
Ciaci uelue Ciaci uelue Ciaci uelue Ciaci uelue Ciaci uelue
Ciaci uelue Ciaci uelue Ciaci uelue Ciaci uelue Ciaci uelue

**Бъ фотографическому снимку листка „Краледворской
рукописи“**

Текстъ листка по фотографіи:

ludē uderichu rani bubni hromne
uirazi
chu (zuuki) trubi hluczne choruhui tu sbori
na (most) wrazili (или wraziu)
uesmostotrsasasie pod iich
dauē stčh uderi uwsie u polani
ai polene
oruzie chuataiu ai wladiki sie-
czne rani se
ku polene tu skaciu siemotamo
dauem tr
ciu kubranie prsiekopi daledale
prsied
udatnu sieciu ai uicestuie iesti
bohem da
no wstane iedno slunce po wsiem
nebi wst
ane Jarmir nad wsiu zemiю o-
piet rozno
si sie radost po wsiei pže roz-
nosi sie rado
st kolkol p̃hi rozletnusia radost
po wsiei ze
mi powsiei zemi od radostnei
p̃hi Pocina
sie kapitule sestmezcietna trsie
tiech knih opo
biti sasikov eo

*Тотъ же текстъ, переписан-
ный новымъ чешскимъ право-
писаниемъ:*

Ludem. Uderichu rany bubny
hromne,
Vyrzichu zvuky trubы hlučne.
Choruhvy tu sbory na most wrazili:
Vesъ most otrasa sě pod jich da-
vem.
Strach uderi u vsě u Polany:
Ai, Polene oruzie chwataju!
Aj vladьky sěčne rany seku!
Polene tu skaču sěmo tamo,
Davem trču ku braně přěkopy,
Dale, dale před udatnou sěčou.
Aj, vıcestvie jesti bohem dano!
Vstane jedno slunce po vsěm nebi
Vstane Jarmir nad vsiu zemiю opět.
Roznosi sě radost po vsěj Praze,
Roznosi sě radost kolkol Prahy,
Rozletnu sě radost po vsěj zemi,
Po vsěj zemi od radostnej Prahy.
Počina sě kapitule šestmezcětma
Trětěch knih o pobiti sasikov.

VI

<p> Ai ti slunce aisluneczko ti- lisi zalostiuo ciẽ ti swietis na ny na biedne ludi kde iest k niez kdie ludnas brani kotie daleko zaiel kto ny wrahõ uitrze sira vlastice dluhim tahem niemci tahu asu niemci sasici otzhorsielskich drsiewnich hor wnase kraini Da- ite neboza tka daite strsiebro zlato zbozice paki wam wi zehaiu duori chizice awsiecko nam wizehach str iebro zlato pobrachu howiedceo- tehāchu dale ktro skam idu netuzte kmetie ne- tuzte iuz nam traui czka wstaua tako dluho stupana cuziem kopitem wite uience zpolskich kuetow sue wipštiteliu oseniesie zelena pm̃eniesie wsie Rućiesie pm̃ienise aita Benes hermanow tainolud wh romadu zue ptiw sasikom shlu- cechusie kmetsti </p>	<p> Aj ty slunce, aj slunečko! Ty li jsi žalostivo, Čemu ty světiš na ny, Na bēdne ludi? Kdē jest kněz, kdē lud naš braný? K Otě daleko zajel: Kto ny vrahom vytrže, Sira vlastice? Dłuhym tahem němci tahu, A su němci sacici, Ot zborělských dřevních hor V naše krajiny. Dajte, nebožatka, daite Střěbro, zlato, zbožice, Paky vam vyžehaju Dvory, chyžice. A vsěcko nam vyžehachu, Střěbro, zlato pobrachu, Hovědce otehnachu; Dale k Troskam jdu. Ne tužte kmetie, netužte! Iuž vam travička vstava, Tako dluho šupana Cuzěm kopytem. Vite věnce z polských květov Svemu vyprostiteliu! Osenie sě zelena, Proměnie sě vsě. Ruče sě vsě promeniše. Ajta Beneš Hermanov Tamo lud v hromadu zve Protiv sasikom. Shlučechu sě kmetšti lude </p>
---	--

VII

lude wlese podhrubu skalu wsiak	V lese pod Hrubou skalou,
zaoruzie ime	Vsiak za oružie jmě cep
cep ptiuo whō benes benes w	Protivo vrahom.
prsiedu iede	Beneš, Beneš v předu jede,
zaniem wes lud dražliui pomstu	Za niem vesь lud dražlivy;
pomstu uola	„Pomstu, pomstu!“ vola

(Раздѣленіе па стихи сдѣлано по первому изданію Краледворской рукописи Вячеслава Ганки, 1819 года.)

Привожу тотъ же текстъ, переписанный русскими буквами и объясненный въ трудныхъ случаяхъ. (Перевода не прилагаю, по тому что читатель можетъ найти таковой въ „Поэзии Славянъ“ Н. Гербеля, гдѣ приведенъ стихотворный переводъ всѣхъ произведеній Краледворской рукописи, сдѣланный Н. Бергомъ).

Предлагаемый фотографическій снимокъ состоятъ, какъ замѣтитъ читатель, изъ двухъ частей: 1) верхней, заключающей въ себѣ окончаніе поэмы „Ольдрихъ и Болеславъ“ (см 10 стр.), и 2) нижней, гдѣ находится начало пѣсни о побѣдѣ Бенеша Германыча надъ саксами.

1) людемъ. Уде(а)риху(—ли) раны (удары, винит. надежъ
• мн. ч.) бубны громне(—кіе),

Выразиху(—ли, издали) звуки (вин. пад. мн. ч.) трубы
глуčne (—ня, громкія).

Хоругвы (вин. пад. мн. ч.) ту(тъ) сборы (им. пад. мн. ч.)
на мость вразили (вотанули):

Весь мость отрѣаса сѣ (потрясается) подъ ихъ дадемъ
(—ленемъ, напоромъ).

Страхъ уде(а)ри(лъ) у всѣ у Поляны (напалъ на всѣхъ
поляковъ):

Ай, полене (поляки) оружье хватаю(тъ)!

VIII

Ай, владыки сѣчне (разсѣченныя) раны сѣку(тъ)
 Полене ту скачу(тъ) сѣмо тамо (самъ-тамъ, сюда-туда)
 Давемъ тѣрчу (бѣгутъ, соб., торчатъ) ку бранѣ (жъ во-
 ротамъ) прѣкопы(—ами; рвами)

Дале-дале прѣдъ удатноу(—лою) сѣчоу(—ею).

Ай вицествье (витязство, побѣда) ести богомъ дано!

Встане едно слунце по всѣмъ неби,

Встане Ярмиръ надъ всю земью опѣ(я)т(ъ).

Розноси(тъ) сѣ(я) радост(ь) по всѣй Празѣ.

Розноси сѣ радость кольколь (около) Прагы,

Розлетну(—ѣла) сѣ радость по всѣй земи,

По всѣй земи одъ радостней(—ой) Прагы.

Почина(етъ) сѣ капитуле (глава) шестмезцѣтма (двадцать
 шестая, собственно: шесть между двумядесятью = 10+6+10)
 трѣтѣхъ книгъ о побиті(и) сасиковъ (саксовъ):

2) Ай ты слунце, ай слунечко!

Ты ли йси (еси) жалостиво;

(По)чему ты свѣтишь на ны (насъ)

На бѣдне(—ыхъ) люди?

К(и)дѣ ест(ъ) кнѣ(я)з(ь), кдѣ людъ нашъ бра(н)ный?

Къ Отѣ (Оттону IV Баварскому) далеко заѣ(ха)лъ:

Кто ны врагомъ(—амъ, у враговъ) вытѣрже (исторгъ),

Сира властице? (сирая, бѣдная отчизна)

Длу(дол)гимъ тагемъ (рядомъ, строємъ) нѣмци тагу (тя-
 нутся)

А су(тъ) нѣмци сасици

Отъ згорѣльскихъ дрѣвнихъ горъ

Въ наше краины.

Дайте, небожѣтка (бѣдняжки), дайте

Стрѣбро, злато, збожице (имущество),

Паки (опять) вамъ выжегаю(тъ)

Дворы, хыжице(—ны).

IX

А всѣцко (все) намъ выже(и)гаху(—ли)
 Стрѣбро, злато побраху(—ли),
 Говѣдце (скотъ) оте(о)гнаху(—ли),
 Далѣ къ Троскамъ иду(ть).
 Не тужьте, кметіе (хозяева), не тужьте (горюйте)
 Ю(у)жъ вамъ травичка встава(—еть),
 Тако длу(дол)го ступана
 Цузѣмъ (чужимъ) копыте(о)мъ.
 Вите (вей—) вѣнце (и)зъ польскихъ (полевыхъ) в(ц)вѣтовъ
 Св(о)ему выпростителю (освободителю)!
 Осеніе (посѣвъ) сѣ зелена(—ѣть)
 Промѣнѣ сѣ (измѣнится) всѣ (все).
 Руче (быстро) сѣ всѣ промѣнише(—лось)
 Айта Бенешъ Германовъ
 Тамо людъ въ громаду зъве(—ть)
 Противъ сасикомъ.
 Сглучеху (столпились) сѣ кметшти (сельскіе) люде
 Въ лѣсѣ подъ Грубоу Скалоу
 Всякъ за оружье имѣ(лъ) цѣпъ
 Противъ врагомъ.
 Бенешъ, Бенешъ въ прједу (впереди) ѣде(ть),
 За нѣ(и)мъ весь людъ дражливый (раздраженный);
 „Помьсту (мечь), помьсту!“ вола(—еть, кричитъ)...

Славянскій народъ въ Богеміи, не смотря на свою малочисленность, по крайней мѣрѣ одинъ разъ въ продолженіе своей исторіи получилъ значеніе *всемирное* (Палацкіи).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Едва ли можетъ уже быть сомнѣніе въ томъ что исторія литературы чешскаго народа имѣетъ значеніе не только въ славянствѣ, но и въ цѣломъ человѣчествѣ: она возбуждаетъ собою, смѣло можно сказать, общечеловѣческій интересъ. И дѣйствительно: не можетъ не имѣть всемирно-историческаго значенія та литература, которая спасла славянству цѣлый народъ, издавна жившій среди германства, подобно малому острову, которая положительно воскресила изъ крайняго упадка этотъ народъ, къ концу прошлаго столѣтія потерявшій почти всякое значеніе и представлявшій изъ себя не болѣе какъ простонародье австрійской области Богеміи! Это удивительное событіе, по вѣрному замѣчанію одного изъ знаменитыхъ русскихъ славистовъ Гильфердинга, представляется однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ примѣровъ тѣхъ совершенно неожиданныхъ побѣдъ человѣческаго духа надъ глубоко матеріальною силою, которыя всегда дѣйствуютъ чрезвычайно обогащающимъ образомъ и весьма благотворно на человѣческую природу, наполняютъ вашу душу высокимъ умиленнымъ чувствомъ, и о которыхъ съ отрадою воспоминаетъ исторія. Для человѣка, внимательно вчитавшагося въ судьбы чешской литературы, это послѣдняя получаетъ именно вышеуказанный смыслъ и значеніе.

XI

Цѣлью составителя этой книги именно и было—дать возможность нашему читающему обществу прослѣдить въ возможно болѣе легкомъ изложеніи удивительную судьбу одной изъ славянскихъ литературъ и, убѣдившись въ ея необыкновенной живучести, признать за нею дѣйствительно всемірно-историческую важность.

Кромѣ того, при составленіи этой книжки имѣлось въ виду и вообще распространеніе въ нашемъ образованномъ обществѣ славянскихъ знаній какъ можно болѣе общедоступнымъ путемъ. Въ нашей словесности есть уже весьма почтенный трудъ по исторіи славянскихъ литературъ—я говорю объ извѣстной книгѣ гг. Пыпина и Спасовича, вышедшей уже вторымъ изданіемъ; но эта книга по своей обширности и довольно высокой цѣнѣ (2 большихъ тома 8 р.) едвали можетъ имѣть широкое распространеніе, и потому общедоступное изданіе отдѣльныхъ небольшихъ книжекъ по каждой изъ славянскихъ литературъ является дѣломъ неоспоримой важности и почти неотложнымъ. Кромѣ того, книга г. Пыпина заключаетъ въ себѣ слишкомъ много публицистическаго матеріала и не всегда можетъ удовлетворить читателя въ отношеніи литературнаго; а намъ хотѣлось дать читателямъ именно такую книгу, которая представляла бы собою главнымъ образомъ хорошо подобранный фактическій матеріалъ по исторіи одной изъ славянскихъ литературъ.

Предлагаемая книга плодъ долгихъ, иногда кропотливыхъ занятій автора въ области чешской словесности. Вотъ почему самый вопросъ о степени ея самостоятельности, въ сущности, оказывается излишнимъ: въ нее вошло все, что авторъ когда нибудь читалъ или зналъ о тѣхъ или иныхъ явленіяхъ изучаемой имъ литературы. Болѣе осязательнымъ заимствованіемъ

XII

емъ представляется, впрочемъ, общее расположеніе матеріала, которое въ очень многихъ случаяхъ сдѣлано по извѣстной книгѣ „Historie česke literatury“ г. Карла Тифтрунка; что же касается изложенія, и освѣщенія фактовъ то чаще всего авторъ держится опять таки Тифтрунка, затѣмъ В. Небескаго А. Н. Пыпина, и отчасти Фр. Бачковскаго (Dějiny českého písemnictví doby nové Пр. 1884—6 г.) пользуясь каждымъ въ своемъ мѣстѣ; иныя же эпохи и явленія изложены вполне самостоятельно, по личнымъ, болѣе или менѣе глубокимъ изученіямъ, напр. новѣйшее направленіе чешской поэзіи, іезуитская литература и Коняшъ, въ значительной мѣрѣ вопросъ о Краледворской и Зеленогорской рукописяхъ, о Ө. Щитномъ, Коменскомъ и пр.

Болѣе всего составитель хлопоталъ о томъ, чтобы его книга представляла не столько болѣе или менѣе полный списокъ именъ (такова, собственно говоря, вышеприведенная книга г. Тифтрунка, впрочемъ весьма почтенная въ другихъ отношеніяхъ), сколько живое и по возможности наглядное и изящное изображеніе явленій родственной намъ словесности. Для чего въ значительной мѣрѣ, иногда, быть можетъ, излишней, приведены выдержки, отрывки и образцы изъ болѣе важныхъ въ какомъ либо отношеніи произведеній; нѣкоторыя небольшія пьесы помѣщены даже цѣликомъ. Разумѣется, не упущены изъ виду, по возможности, и другія также важныя стороны дѣла: полнота изложенія, новизна и свѣжесть данныхъ, библіографическія указанія и пр.; впрочемъ, что касается послѣднихъ, то, такъ какъ авторъ не имѣетъ большихъ притязаній на особое научное значеніе своего труда, предназначая его главнымъ образомъ для чтенія нашего образованнаго общества и учащейся молодежи, изъ нихъ приведены лишь самыя важныя и необходимыя, словомъ, тѣ, къ которымъ прежде всего долженъ обратиться всякій, желающій

XIII

ближе и лично ознакомиться съ предметомъ; болѣе же мелкія и менѣе важныя опущены, такъ какъ ихъ легко найти или въ извѣстной книгѣ г. Пыпина „Исторія славянскихъ литературъ“ или въ разныхъ спеціальныхъ библиографическихъ обзорахъ (напр. *Slovanský katalog bibliografický* изд. съ 1877 г. А. Михалкомъ и Яр. Клучкомъ, „*Ukazatel k prvním 50 ro níkům Časopisu Muzea*“, составленный г. Вацл. Шульцемъ Прага 1878 г., „*Věstník bibliografický*“ Урбанка и др. въ такомъ родѣ).

Составитель счелъ необходимымъ приложить къ книгѣ и фотографическій снимокъ съ одного листика Краледворской рукописи, ввиду того вполне законнаго и понятнаго любопытства, которое внушалъ и будетъ еще долго внушать къ себѣ этотъ замѣчательный памятникъ, какая бы литературная судьба ни постигла его. Будетъ ли онъ признанъ подложнымъ (при чемъ будутъ, разумѣется, указаны и средства, при помощи коихъ была возможна такая удивительная для начала нынѣшняго вѣка поддѣлка!), или очистится окончательно отъ подозрѣній—въ данномъ случаѣ это почти безразлично; онъ совершилъ великое историческое дѣло: главнѣйшимъ образомъ поспособствовалъ возрожденію чеховъ, и этого довольно для вѣковѣчной о немъ памяти. Подлинникъ бережно хранится въ чешскомъ народномъ музеѣ въ Прагѣ и доселѣ еще привлекаетъ собою многихъ любознательныхъ путешественниковъ. Думаю, что приложеніе въ книгѣ фотографическаго снимка съ него при такихъ условіяхъ далеко не излишне.

ВВЕДЕНИЕ.

Исторія чешской литературы занимается разсмотрѣніемъ письменныхъ памятниковъ чешскославянскаго народа въ Чехіи, Моравіи, Силезіи и сѣверозападной Венгріи.

Каждый народъ проходитъ обыкновенно три поры своего литературнаго развитія. Въ его молодости творчество исключительно поэтическое; рѣчь его—жива и образна, такъ какъ слово служитъ непосредственнымъ выраженіемъ даннаго представленія, а отвлеченія еще нѣтъ. Растетъ народъ и развивается, подвергается теченію самыхъ разнообразныхъ обстоятельствъ, дѣлается способнымъ къ сознательной умственной дѣятельности; воображеніе и чувство уступаютъ мѣсто разуму; слова мало по малу отвлекаются отъ представленій, употребляются свободно человѣческой мыслию, какъ простые символы; является проза, болѣе удовлетворяющая разнообразнымъ требованіямъ мысли. За разцвѣтомъ литературы слѣдуетъ обыкновенно въ силу разныхъ историческихъ условій упадокъ ея. Онъ можетъ и не быть окончательнымъ, а только временнымъ: съ болѣе счастливыми обстоятельствами подымается и духъ народа; тогда литература можетъ возродиться. Это, напр., и случилось съ чехами. Сообразно съ такимъ ходомъ развитія литературы чеховъ ее можно раздѣлить для удобства обозрѣнія на 3 поры:

I. Древнюю, отъ начала чешской письменности до Гуса, приблизительно до 1410 г.

II. Среднюю, въ которой можно различить два главных явленія:

а) разцвѣтъ и зрѣлость чешской словесности—до Бѣлогорск. битвы (1620 г.).

б) упадокъ ея до изгнанія чешскаго языка изъ школъ и правительственныхъ мѣстъ въ 1774 г.

III. Новую, въ которой легко различаются: а) время возрожденія чешской словесности изъ упадка (съ конца прошлаго вѣка до 1848 года и б) время полного укрѣпленія новой чешской литературы и установленія новыхъ основаній въ ней.

Примѣчаніе. Иногда дѣлятъ 1-й періодъ на 2 части: а) до прекращенія рода Премысловичей (1306) и б) до 1410 г.; а во 2-ю первую половину раздѣляютъ на: а) отъ 1410 г. до вступленія Фердинанда I на чешскій престолъ (1526) и б) до Бѣлогор. битвы. Такимъ образомъ получается уже болѣе сложное дѣленіе, въ чемъ едва-ли можетъ быть надобность. Мы будемъ держаться 1-го дѣленія.

I. ДРЕВНЯЯ ПОРА.

Самобытная поэзія.

Къ прекраснѣйшимъ образцамъ такой поэзіи еще не очень давно относили почти безусловно (а чешскіе историки литературы въ большинствѣ и доселѣ относятъ) два памятника, замѣчательные своею странною судьбою: рукописи Зеленогорскую (Любушинъ судъ) и Краледворскую. Если-бы непременно доказана была наконецъ дѣйствительная неподложность этихъ во всякомъ случаѣ чрезвычайно замѣчательныхъ памятниковъ (или, по крайней мѣрѣ, хотя одного изъ нихъ, именно Краледворской рукописи), и давній споръ о ихъ подлинной принадлежности сѣдой чешской древности разрѣшился въ благопріятномъ для нихъ смыслѣ, то чешская словесность обладала-бы такими древними и вмѣстѣ роскошными по силѣ красокъ и поэтической образности произведеніями, какими мало могутъ похвалиться другіе народы, а въ особенности инославянскіе. Къ несчастію для чешской словесности, названныя рукописи (въ особенности Зеленогорская), уже издавна казавшіяся многимъ ученымъ, даже вполне безпристрастно относившимся къ чехамъ и ихъ національному вопросу, подозрительными какъ по разнымъ страннымъ обстоятельствамъ, которыми сопровождалось открытіе ихъ, такъ и по тому совершенно одинокому положенію, какое онѣ занимаютъ въ чешской словесности (срв., напр., русское „Слово о полку Игоревѣ и Волынскую лѣтопись съ одной стороны, а Задонщину съ другой) —

рукописи эти, повторяю, находятся въ послѣднее время въ весьма сильномъ подозрѣніи; та сторона между учеными, которая утверждаетъ ихъ подложность, обладаетъ уже массою трудно-сокрушимыхъ доказательствъ своего мнѣнія, защитники-же неподдѣльности рукописей съ каждымъ годомъ становятся все слабѣе и слабѣе. Хотя до полнаго рѣшенія вопроса въ ту или другую сторону еще и очень далеко, тѣмъ не менѣе, кажется, у лицъ, слѣдящихъ за всѣмъ ходомъ дѣла, чаще и чаще можно встрѣтить убѣжденіе въ томъ, что старыя рукописи въ концѣ концовъ будутъ рѣшительно признаны чрезвычайно ловкими поэтическими поддѣлками. Есть, впрочемъ, одно обстоятельство въ этомъ дѣлѣ чрезвычайно странное и доселѣ ни коимъ образомъ не объяснимое, до сихъ поръ оно служитъ однимъ изъ наиболее прочныхъ и непреборимыхъ доказательствъ, какими пользуется защита неподложности рукописей. Обстоятельство это слѣдующее: если рукописи поддѣльны, то какъ допустить возможность существованія у чеховъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія лица, которое, чтобы совершить такую поддѣлку, должно было превосходить въ учености, и притомъ всесторонней, самого Добровскаго, этого многочленаго патріарха славяновѣдѣнія, а во вторыхъ обладать огромнымъ поэтическимъ дарованіемъ и даромъ предвидѣнія въ будущемъ? Кто же могъ быть таковымъ? И какія причины заставили это лицо заниматься всю жизнь поддѣлками и остаться въ неизвѣстности? Не даромъ нашъ знаменитый славистъ И. И. Срезневскій, говоря по поводу изслѣдованія чешскаго ученаго А. Патеры о поддѣланныхъ чешскихъ словахъ въ древнемъ (XIII в.) латинскомъ словарѣ „*Mater verborum*“ (мать словъ), замѣтилъ, что „приходится только удивляться уму, знанію, чутью поддѣльщика, а вмѣстѣ съ тѣмъ и возможности владѣть такимъ знаніемъ и чутьемъ въ землѣ чешской въ то время, когда и самые почтенные люди, возматая науки и къ нимъ близкіе—

ими не владѣли". (Чешскія глоссы въ *Mater Verborum*. Разборъ А. О. Патеры и дополнительные замѣчанія И. И. Срезневскаго 150 стр. Приложение къ XXXI тому Записокъ Императорской Академіи Наукъ № 4 Спб. 1878 г.). И это сказано о поддѣлкѣ глоссъ въ словарѣ, т. е. о дѣлѣ, несравненно болѣе легкомъ, чѣмъ сочиненіе и поддѣлка подъ старину цѣлыхъ повѣтъ, при томъ поддѣлка крайне удачная, сбивавшая съ толку первостепенныхъ ученыхъ и знатоковъ славянской филологіи, словесности, древностей, исторіи и др.! Словомъ вопросъ еще доселѣ слишкомъ теменъ и запутанъ. Съ удовольствіемъ отсылаемъ читателя къ весьма обстоятельному изложенію этого мудреннаго вопроса, сдѣланному А. Н. Пыпинымъ въ его извѣстной книгѣ „Исторія славянскихъ литературъ“. (См. напр. 805—816 стр., а также 818—821 и 930—933 стр.)

Мнѣ кажется, что къ рукописи Краледворской (если не Зеленогорской; другія „открытія“; какъ „Пѣсня подъ Вышеградомъ“, „Любовная пѣсня короля Вацлава I“ и даже „Згорѣльскіе отрывки“ чешскаго перевода евангелія отъ Іоанна давно уже безвозвратно признаны подложными) можно смѣло въ извѣстной мѣрѣ примѣнить слова, сказанныя Срезневымъ по поводу чешскихъ словъ въ „*Mater Verborum*“: „Если даже и доказано будетъ, что глоссы приписаны въ XIX в., то остается вопросъ: не списаны-ли они съ какого нибудь утраченнаго или скрывающагося древняго памятника, такъ что вписывавшій ихъ только переписывалъ и, если мудрствовалъ лукаво, то только въ подчисткахъ и въ подправкахъ?“ (См. вышеназванную книгу 151 стр.). Тогда вопросъ могъ-бы быть сведенъ только къ поддѣлкѣ рукописи, для сообщенія имъ болѣе древности, а следовательно и ученой цѣнности, а никакъ не самихъ произведеній, которыя могли быть списаны съ старой, если не съ древней рукописи?

Какъ-бы то ни было, сдѣлавши эти необходимыя сообщенія, мы должны будемъ все таки ввести въ свое изложеніе произведенія изъ спорныхъ рукописей съ одной стороны уже по ихъ необыкновенной важности въ исторіи чешскаго возрожденія въ девятнадцатомъ вѣкѣ, а съ другой просто потому, что они еще, такъ сказать, не сняты съ репертуара чешской словесности и доселѣ. О нихъ придется говорить такъ, какъ бы они были несомнѣнно вполне подлинны, т. е. не касаясь вопроса о ихъ подложности или неподложности, мало умѣстнаго въ легкомъ общедоступномъ изложеніи исторіи чешской литературы.

Зеленогорская рукопись ¹⁾ названа такъ отъ Зеленогорскаго замка близъ Непомука, гдѣ она была найдена въ 1817 г. Іосифомъ Коваржемъ, управляющимъ князя Іеронима Коллоредо-Мансфельда. Рукопись состоитъ изъ четырехъ пергаментныхъ листиковъ, судя по письму, X или даже XI в.; такимъ образомъ она является старѣйшимъ памятникомъ не только въ чешской, но и вообще славянской литературѣ. Состоитъ она изъ 2 отрывковъ. Первый, маленькій, описываетъ окончаніе какого то сейма, 2-й, бѣльшій, извѣстный подъ именемъ «Суда Любуши», рассказываетъ о распрѣ братьевъ Хрудоша и Стяглава за наслѣдство. Это произведеніе представляетъ намъ прекрасную картину старочешскаго земскаго суда, для

¹⁾ О ней см. книгу Шафарика и Палацкаго: die ältesten Denkmäler der böhmisch. Sprache. Прага 1840.

Подробн. исторію открытія Зелен. р-си см. 1) „побѣда“ во внутреннюю Чехію „Лавровскаго“ (въ „Утрѣ“ 1858), 2) статья *Томка* въ Сѣзор. Сѣск. мѣс. 1859 г., 3) статья Пипина „Вѣч. Ганка“ въ „Современникѣ“ 1861 г. т. 86.

Вообще о Зелен. р-си см. Сѣзор. сѣск. мѣс. 1858, 59, 60 и 64 г.

Научн. словн. Ригера.

Объ обѣихъ рукописяхъ см. обстоятельный трудъ А. Стороженка:

Очеркъ литературной исторіи рукописей Зеленогорской и Крадеворской. Вып. I. Кіевъ 1880 г.

котораго Любуша созвала «кметовъ, лѣховъ, владыкъ» ²⁾ изъ всѣхъ концовъ чешской земли,—съ характерными принадлежностями глубокой древности: вѣщими дѣвами—хранительницами дѣдовскаго правовѣднаго преданія, «правдоувѣстнымъ пламенемъ и святоцудною водою»—орудіями божьяго суда, „досками-правдодатными“; доски эти свидѣлствуютъ о существованіи у древнихъ чеховъ писанныхъ законовъ, происхождение которыхъ приписывается въ поэмѣ „богамъ вѣкожизненнымъ“.

Кромѣ этой исторической важности, „судъ Любушинъ“ имѣетъ и чисто литературный интересъ по своей поэтической цѣнности, состоящей въ живыхъ образахъ, прекрасныхъ описаніяхъ и въ частомъ драматизованіи дѣйствія. Чего стоитъ уже одно начало—это великолѣпное олицетвореніе рѣки Влтавы, не могущей оставаться равнодушной въ спору братьевъ, потомковъ стариннаго чешскаго рода:

Ай, Влетаво, че (что) мутиши воду (2) стрѣбропѣну?

За (или) тѣ (тя, тебя) люта розвлялаше (взволновала) буря,

Сесыпавши тучу шира неба,

Оплакавши главы горъ зеленыхъ,

Выплакавши златопѣску глину?

Како быхъ язъ воды не мутила,

Кегды съ вадита (ссорятсѣ) родна братьы,

Родна братьы о дѣдины отнѣ и пр.

Изъ характеровъ поэмы (братья, подруга сестры ихъ, являющаяся въ образѣ ласточки; ненавистникъ нѣмцевъ Ратиборъ и пр.) яснѣе всѣхъ очерчена Любуша, полная женственности и кротости, справедливая и незлобивая, свято хранящая обычаи старины. Этотъ прекрасный образъ дѣвы—владычицы издавна былъ любимъ народной поэзіей, которая со-

²⁾ Срав. латинск. *comites*; свита, думцы, преимущественно изъ среды старцевъ; срав. нѣмецк. *grame*, откуда *graf*, графъ (=лат. *comes*) Лѣхи—представители племенъ; владыки—родоначальники, представители отдѣльных родовъ; у каждой же части рода, семьи, главой былъ, естественно, „отъ“, т. е. отецъ.

средоточила въ немъ лучшія качества женской природы. Характеристики лицъ сдѣланы древнимъ поэтическимъ способомъ—объективно; ихъ мы узнаемъ изъ рѣчей и дѣйствій, а не изъ преднамѣреннаго описанія автора. Что касается содержанія памятника, то, вслѣдствіе его неоконченности, мы не имѣемъ данныхъ для рѣшенія вопроса, какъ и чѣмъ кончилась тяжба. Уже изъ другихъ источниковъ извѣстно, что Любуша должна была выбрать себѣ мужа.

Упрекъ по адресу княжны впрочемъ находится и въ нашемъ памятникѣ. Когда сеймъ рѣшилъ, что братья должны владѣть „дѣдиной“ сообща, „лютый“ Хрудошъ, одинъ изъ братьевъ, воспротивился этому рѣшенію и заявилъ:

„Горе птенцемъ,
Къ нимъ же змія внори!
Горе мужемъ,
Имъ же жена владе!
Мужу власти (владѣть)
Мужемъ заподобцо,
Первенцу дѣдину
Дати правда!“

Тогда Любуша заявила сейму:

„Вольте мужа мезу собу ровна,
Кы бы владѣ вамъ по жедѣзу.
Дѣвчѣ рука на вы къ владѣ слаба!“
Тогда вста Ратиборъ отъ горъ Бреконоши,
Ѣ сѣ (взялся) тако слово говорити:
Нехвално намъ въ нѣмцехъ искати правду:
У насъ правда по закону свату,
Ю же принесу отци наши
Въ сѣ же (жирне власти прееъ три рѣки)...

Этимъ и оканчивается отрывокъ.

Краледворская рукопись названа такъ отъ города Кра-
лѣвѣ—Дворъ, гдѣ еѣ нашелъ Вячеславъ Ганка въ 1817 году
въ церковной башнѣ. Состоитъ она изъ 12 листовъ и при-
надлежитъ, по всей вѣроятности, концу XIII или началу XIV
в.; она представляетъ жалкій остатокъ какого то огромнаго
сборника, въ которомъ утратилось, по крайней мѣрѣ, 2 кни-
ги и 25 главъ 3-ей, такъ какъ остатокъ начинается отрыв-
комъ, составлявшимъ конецъ 25-й главы 3-й книги. 26 и 27
главы сохранились вполнѣ, 28 же опять оканчивается нача-
ломъ какой-то новой цѣсн *„zakrakosie w h (ga) die wr (an)“*.
Чисто эпическія поэмы рукописи слѣдующія (въ порядкѣ ру-
кописи): „Ольдрихъ и Брлеславъ“, 26 гл. *Бенешъ Германовъ*,
Ярославъ, 27 гл. Честмиръ и Влаславъ, Людиша и Люборъ,
Забой, Славой и Людекъ; лирикоэпическія: 28 гл. Збыгонь,
Елень, Ягоды и чисто лирическія: Кытице, Руже, Зезгулице,
Опущена и Скриванекъ. Въ отношеніи древности содержанія
эпическія поэмы обыкновенно располагаются такимъ образомъ:
Забой, Честмиръ, Ольдрихъ, Бенешъ, Людиша и Люборъ, Яро-
славъ. Пѣсня „Елень“ относится нѣкоторыми (Небесскій)
къ той же порѣ творчества, къ какой и Забой и Честмиръ
(2-я половина VIII и 1-я IX вѣковъ), а иными (Свобода)
къ еще болѣе ранней. Прочія пьесы—созданы несомнѣнно
гораздо позднѣе. Но всѣ эти произведенія, будучи столь раз-
ной древности, соединены были въ одномъ сборникѣ. Рукопись
дошедшаго до насъ остатка принадлежитъ по палеографичес-
кимъ даннымъ къ концу XIII в. (Палацкій) или къ началу
XIV (Добровскій).

Въ „Забой“, разсказывается о пораженіи, нанесенномъ
Чехами чужеземцамъ, которые вторгнулись въ страну подъ
начальствомъ какого то Людѣка и вводили насильно христіан-
ство. Это—одинъ случай изъ той страстной борьбы между
язычествомъ и христіанствомъ, которая происходила въ Чехии

въ VIII—IX вв. Трудно сказать, когда и гдѣ онъ произошелъ, такъ какъ описанія мѣстностей слишкомъ общи; думаютъ, впрочемъ, что дѣло происходило гдѣ нибудь въ западной или юго-западной Чехіи въ началѣ девятого вѣка, въ царствованіе Карла Великаго. Виновникомъ и героемъ торжества является самъ пѣвецъ—богатырь Забой; обладая божественнымъ даромъ дѣйствовать на сердца могучей пѣснью, подобно древнему пѣвцу Люміру, который двигалъ Вышеградъ и всѣ области своимъ пѣніемъ, онъ возбудилъ соотечественниковъ яркой картиной угнетенія отчизны и ополчилъ ихъ на незваныхъ гостей. Размѣръ этой поэмы вольный, но чаще всего попадаются восьмислоговые и десятилоговые стихи.

Вотъ образчикъ этого размѣра:

Розступи сѣ мужство лѣсемъ,

Туды таже (потянулось) Забоевымъ словомъ,

Онамо словомъ прудка (прыткаго) Славое(я).

Глубинами лѣсовъ къ модру (синему) верху и т. д.

Въ poemѣ „Честміръ“, составленной вольнымъ размѣромъ, изображается междоусобная борьба князей—Пражскаго Неклана и Лучанскаго, или Луцкаго, Властислава, происходившая въ первой половинѣ девятого столѣтія.

Побѣда остается на сторонѣ Пражанъ, которыми предводительствовалъ храбрый Честміръ. Съ этимъ событіемъ связывается возвышеніе Праги надъ прочими чешскими городами; чешскіе лѣтописцы сохранили о немъ немало любопытнѣйшихъ подробностей, хотя всѣ (и Козьма Пражскій, и Далемилъ, и Пулкава, и Гаетъ) умалчиваютъ объ измѣнѣ Крувой и плѣнѣ воеводы Войміра съ дочерью, что намъ извѣстно только изъ поэмы.

Въ отрывкѣ „Ольдрихъ и Болеславъ“ прославляется изгнаніе Поляковъ и короля ихъ Болеслава Храбраго изъ Пра-

ги въ 1004 году и освобожденіе чеховъ отъ польскаго владычества.

Размѣръ стихотворенія — десятислоговые стихи, какъ и въ другой поэмѣ „Ярославъ“, о которой ниже.

Между воеводами особенно выдается *Вымонъ-Дубъ*, какъ самый близкій къ князю Ольдриху.

Въ пѣснѣ о Бенешѣ воспѣвается побѣда, одержанная имъ въ 1203 году надъ Савсами, вторгнувшимися въ Чехію, подъ Грубой Скалой—замкомъ Бенеша Германовича. Пѣсня своимъ стихомъ отличается отъ прочихъ поэмъ рукописи и имѣетъ характеръ романа. Сложена она была, по убѣжденію нѣкоторыхъ ученыхъ вслѣдъ за самимъ происшествіемъ.

Вотъ образчикъ этого любопытнаго размѣра (строфа состоитъ изъ четырехъ стиховъ, изъ которыхъ первый восьмисложный, второй и третій—семисложные, а четвертый—пятисложный):

Ай ты слунце, ай слунечко,
Ты ли си (еси) жалостиво?
Чему ты свѣтишь на ны,
На бѣдне люди? и т. д.

Въ поэмѣ „Людиша и Люборъ“ сложенной восьмисложными стихами, воспѣвается пиръ, устроенный княземъ Залабскимъ и сопровождавшійся поединками чешскихъ героев („Славне сѣдані“). Содержаніе этого произведенія относится вѣроятно всего ко времени короля Отокара II (1253—78), при которомъ турниры особенно вошли въ моду у чеховъ.

Образецъ:

Знаменайте стари, млади,
О поткахъ (стычкахъ) и о сѣдани.
Бѣше другды (нѣкогда) князь Залабскій,
Князь славный, богатый, добрый,

Тенѣ (онѣ) имѣше дщерь едину,
Собѣ и всѣмъ милу веле (очень) и т. д. .

Поэма „Ярославъ“ повѣствуетъ о побѣдѣ, одержанной христианами въ 1241 г. надъ Татарами; эта поэма, въ оцѣнѣ нѣкоторыхъ чешскихъ эстетиковъ, вмѣстѣ съ „Забоемъ“ является превосходнѣйшимъ произведеніемъ всей Краледворской рукописи. Поэма эта сложена десятисложными стихами, на подобіе сербскихъ пѣсень и, какъ думаютъ нѣкоторые ученые, явилась скоро послѣ самого событія, рассказаннаго въ ней.

Вотъ начало этого произведенія:

Звѣстую вамъ повѣсть велеславу
О великихъ поткахъ (битвахъ), лютыхъ боехъ;
Настойте и весь свой умъ сбѣрайте,
Настойте, и надивно вамъ слуху!
Во власти, гдѣ Оломуцъ веводи (господствуетъ).
Ести тамо гора невысока,
Невысока, Гостайновъ ей имѣ,
Мати Божья дивы (чудеса) тамо твори и т. д.

За краткимъ обращеніемъ къ слушателямъ слѣдуетъ введеніе, объясняющее причину нападенія Татаръ (убіеніе на западѣ татарской княжны Кублаевны; здѣсь извращены и спутаны: а) дѣйствительно случившееся умерщвленіе нѣмцами русской княжны, внуки Михаила Всеволодовича, Киевскаго и б) сказаніе объ убіеніи одной татарской княжны какимъ то княземъ); далѣе слѣдуетъ рассказъ о покореніи ими Руси и Польши и движеніи къ Оломуцу. Борьба христианъ съ Татарами у Оломуца распадается на 3 главные момента, героями которыхъ является поочередно Вячеславъ, Вратиславъ и рѣшитель дѣла Ярославъ. Сравнительно съ „Забоемъ“ эта поэма, по мнѣнію чешскихъ критиковъ, представляетъ болѣе

гладкости въ слогѣ и носить на себѣ черты утонченной средне-вѣковой рыцарской поэзіи; между тѣмъ достоинства „Забоя“ по тому же мнѣнію, состоятъ въ простотѣ и непосредственности творчества, въ единствѣ дѣйствія и цѣльности характеровъ. Личность Забоя проходитъ сквозъ всю поэму отъ начала до конца, тогда какъ въ „Ярославѣ“ главное дѣйствіе разбито на 3 момента и имѣетъ трехъ героевъ.

Лирико-эпическія стихотворенія: *Елень*, *Збыгонь* и *Ягоды* относятся по своему происхожденію, какъ обыкновенно думаютъ, къ языческому времени. Въ первомъ, при вольномъ размѣрѣ чрезвычайно жалостно воспѣвается смерть юноши, сильнаго и красиваго, подобно молодому оленю, убитаго коварнымъ врагомъ и оплакиваемого жалостливыми дѣвами.

Вотъ для примѣра первые пять стиховъ:

Бѣгаше елень по горахъ, по власти;
Поскакова по горахъ, по долинахъ.
Красна парогъ (рога) носи,
Красныма парогома густый лѣсъ прораже
По лѣсѣ скакаше гбитыми (гибкими) ногами.

Во второмъ стихотвореніи, составленномъ двѣнадцати-сложными стихами изображается скорбь юноши, у котораго злобный Збыгонь увелъ милую; юноша, напавъ на замокъ своего врага и убивъ его, освобождаетъ дѣвушку:

Вотъ для образца нѣсколько стиховъ:

Полетова голубъ се дрѣва на дрѣво;
Жалостиво вѣрка горје всему лѣсу:
Ай ты, лѣсе ширый! въ тебѣ азъ летавахъ
Съ голубицу драгу, съ милу-прѣсмилитку и пр.

Очень мило въ этой пьесѣ сопоставленіе судьбы юноши съ судьбой голубя, у котораго крагуй (астребъ) унесъ подругу.

Въ „Ягодахъ“ легкими стихами изображаются шалости любви двухъ молодыхъ сердецъ. Любопытенъ размѣръ этого стихотворенія: въ каждой строфѣ, состоящей изъ четырехъ стиховъ, чередуются восьмисложные и шестисложные стихи.

Вотъ примѣръ:

Пожди мила въ похладечѣ,
Въ зелено боречѣ;
Язъ (я) добѣгу на палучекъ (лужекъ)
По(за) конечекъ бѣлый.
Конечекъ сѣ на палуцѣ
Въ густей травѣ пасе;
Моя мила въ похладечѣ
На милого ждае (ждетъ)

и т. д.

Лирическія пѣсни рукописи—это плодъ непосредственнаго народнаго творчества, въ чемъ согласны почти всѣ чешскіе критики-эстетики, это безыскусственные произведенія того-же народа, въ средѣ котораго явились и даровитые пѣвцы, доведшіе въ своихъ искусственныхъ, но истиннонародныхъ вышеупомянутыхъ эпическихъ поэмахъ геній своего народа до высшей его красоты и выразившіе въ нихъ прекрасную сущность его творчества. Этихъ пѣсенъ всего пять: *Кытице* (снопикъ, букетъ), *Роже* (Роза) *Зезулице* (возуля, букушка) *Опушена* и *Скриванекъ*. Во всѣхъ пѣсенкахъ выражается то нѣжная тоска дѣвушки по миломъ другѣ, то ея боязнь одиночества, то жгучая скорбь объ утраченныхъ родичахъ и миломъ, то безнадежная тоска о другѣ, уведенномъ „у каменный градекъ“. Онѣ обнаруживаютъ чрезвычайно много сходства съ

пѣснями другихъ славянскихъ племенъ, особенно русскаго, но объ этомъ будетъ сказано ниже ¹⁾).

Бросимъ теперь общій взглядъ на поэтическія достоинства древней народнои поэзіи чеховъ. Наглядность, живость образовъ и картинность—вотъ достоинства древнечешской поэзіи, происходяція изъ реального пониманія вещей, лицъ и ихъ дѣяній. Простая дѣйствительность въ изящныхъ образахъ и картинахъ—вотъ основной характеръ ея, какъ и всякой другой истиннонародной поэзіи.

Въ произведеніяхъ этой поэзіи прежде всего масса метафорическихъ образовъ, аллегорій, уподобленій. Подруга сестры ссорящихся братьевъ является въ образѣ „пріазненной ласочки“ (*družna vlastovica*); о Хрудошѣ, позорящемъ Любушу, сказано, что онъ заревѣлъ „ярымъ туромъ“. Вратиславъ, „акъ туръ ярый, скочи“ въ поэмѣ „Ярославъ“. Забой стонетъ „плачемъ голубинымъ“, вскакиваетъ „яко елень“ пробирается „лисьими

¹⁾ Желающимъ лично познакомиться съ произведеніями знаменитыхъ рукописей можно особенно посоветовать слѣдующія два прекрасныя изданія (среди огромнаго множества всякихъ другихъ): 1) *Некрасова* (*Краледворская рукопись*. Спб. 1872 г.); 2) Іосифа Коринка („*Rukopis Zelenohorský a Kralodvorský*“ 3-е изд. 1875 г.) для знакомыхъ съ новымъ чешскимъ языкомъ. Русскій переводъ этихъ произведеній сдѣланъ Н. Бергомъ.

Вотъ перечень болѣе важныхъ трудовъ, для изученія вопроса о Краледворской и Зеленогорской рукописяхъ (кромя указанныхъ на стр. 6):

- 1) *Palacký*: Der Mongoleneinfall im Jahre 1241 (1843 г.).
- 2) Соколовъ А.: Краледворская рукопись и Судъ Любуши. (Учен. зап. кав. ун-в. 1845—6 гг.).
- 3) Большая Полиглотта, in. 18° стр. X + 806. 1852 г. /
- 4) Kralodvorský rukopis od Nebeského. Časop. česk. muz. 1852—3 г.
- 5) *I Vocel*. Aesthetický význam básni Zábaj a Jaroslav. Čas. č. m. 1854 г.
- 6) Ueber die Königinhofer Handschrift, von Julius Feifalik. Wien 1860 г.
- 7) Květ: Aesthetický rozbor rukopisu Kralodvorského 1861 г.
- 8) Die Echtheit der Königinhofer Handschrift von Ios. und Herm. Jeirček. 1862 г.
- 9) Споръ о подлинности Суда Любуши и Краледворск. рукописи. А. Кунина. Зап. Имп. Акад. Наукъ 1862 г.

свои“ и вотъ какъ отвѣчаетъ пылкому, требующему немедленнаго нападенія, Славою:

Слави братрје

Кдыжъ гада потрјети (стереть) хчеши,

На главу му найистѣ;

Тамо глава его!

А вотъ картина поединка Забоя и Людѣка:

Дубъ противъ дубу зрѣти зе всего лѣса.

Забой гна противъ Людѣку наде всѣ вое.

Или картина преслѣдованія враговъ, выраженная въ такомъ чудномъ сравненіи.

„И по крайнахъ вездѣ въ ширь и въ ширь.

Лютый острѣжъ (ястребъ) розепъ (распустилъ) свое
вредле (крылья) свое длуже.

Быстро лета за птацтвемъ:

10) *Namēnū Slovník*. статья Небескаго о Краледвор. рукописи.

11) Макушевъ В: Изъ чтеній о старочешской письменности. Филологич. Зап. 1877—8 гг.

12) *Ламанскій* Новѣйшіе памятники древнечешскаго языка. (Журн. Мин. Нар. Пр. 1879 г. Статья, къ сожалѣнію, не окончена).

13) *Šembera* Historia lit. české.

14) *Brandl*: Obrana Libušeina Soudu (направлена противъ Шемберы, признающаго Зеленогорскую рукопись поддѣльною).

15) *Срезневскій* И. Былица о Судѣ Либуши и друг. (Русск. Филолог. Вѣст. 1879 г.).

Кромѣ того много дальнихъ статей помѣщено въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, какъ, напр., *Stěslozor* (особ. 1858 г.), *Listy filol. a prádař* и друг.

Полный библиографическій указатель литературы обихъ рукописей до 1877 г. читатель можетъ найти въ упомянутомъ на 6-ой страницѣ трудѣ г. А. Стороженка. Кстати слѣдуетъ замѣтить, что потухнувшій было на время споръ о подлинности обихъ рукописей съ прошлаго года опять поднялся, съ легкой руки г. Гебауэра. Чѣмъ кончится эта новая вспѣшка, конечно, трудно еще сказать. Много важнаго долженъ сказать упорный защитникъ подлинности „Краледворской“ рукописи проф. Гаттала, давно уже обѣщающій полную защиту этого памятника. Пока появились только небольшіе отрывки изъ его труда (одинъ въ „Osvětě“ за 1885 г., а другой въ „Národních Listach“ (1885 г. № 357, 358 и 1886 г. № 3 и 16).

Забоеви вон розегнаху сѣ въ ширѣ,

Вездѣ по властехъ гнаху люто по вразѣхъ,

Вездѣ стражеху е и ступаху кони“. (214—220 ст.)

Воины Честміра стремились „яко ледовите мракы“

Крувой рываше (ревѣлъ) на градѣ рваніемъ быка, и мечъ его падалъ на Пражанъ „яко древо се скалы“

На образное замѣчаніе Воиміра о страшной силѣ враговъ:

„Кый палицу малюды задръжи“.

Честміръ отвѣчаетъ:

„Чему чело противъ скале взпрѣчи,

Лишка облуди туръ яроглавыи!“

Сраженіе Бенеша Германовича съ врагами выставлено въ такомъ сравненіи:

Сразистѣ ту обѣ странѣ,

Яежъ бы лѣсъ въ лѣсъ сѣ валилъ;

Якъ блескъ грома по неби,

Тако блескъ мечевъ.

А сколько разнообразныхъ сравненій въ „Ярославѣ“! „Лѣпа Кублаевна, яко луна“, сіяла своей красой, „Яко зора по ютрѣ, кегды надъ мракавы шумы (надъ сумрачными лѣсами) взниде“. Въ описаніи битвы: „стрѣлы дѣщиху, яко прѣвалъ (ливень) зъ мраковъ (облаковъ), оцеповъ (копій) ломъ, яко рахоть грому, блескетъ мечевъ, яко огонь бурје.—Татары окружили христіанъ, „яко вълци овце“.—Христіане бросились въ средину враговъ „яко огонь зъ земѣ“.

Татере сѣ гнуху въ праву страну

Яко мракъ чѣрный, кегды ледемъ (градомъ) грози

Посути (засыпать) ўроды (урожай) тучныхъ поли:

Тако бы рой слышанъ отъ далека.

И ниже: Айта размноже сѣ татаръ мноствіе,

Якъ сѣ множіе вечерни тма въ осень.

Наконецъ, Ярославъ „яко орелъ лети . . .“,

Розкаценъ (озлобленный) гна(лъ), яко левъ дражливый,

Кдыжъ му теплу крѣвь съ уда(ется) зрѣти

Бегды настрѣленъ за ловцемъ жене:

Тако злюти съ възъ татары тѣрчи (стремится),

Кромѣ переносныхъ выраженій и сравненій—этой первой ступени поэтической рѣчи—мы находимъ въ древнихъ пѣсняхъ и олицетворенія, и обращенія, являющіяся въ то время, когда пѣвцы еще ближе становятся своей мыслью къ природѣ. Мы уже упоминали выше о замѣчательномъ обращеніи пѣвца къ рѣкѣ Влтавѣ. Подобное нѣчто есть и въ „Забоѣ“, гдѣ „дива рѣка“, словно торжествуя побѣду надъ врагами, „ухватила множество дузихъ“ и перенесла „свое звѣсты на другой брѣгъ“. Сюда же слѣдуетъ отнести и обращеніе къ голубю въ „Збылонѣ“ и олицетвореніе крагуевъ въ „Оленѣ“. Очень симпатично нѣжное обращеніе дѣвушки къ плывущему по водѣ вѣнку (кытице) или тоскливое — къ лѣсамъ Милетинскимъ, не раздѣляющимъ бѣдствія дѣвушки („Опущена“). Въ пѣснѣ „Скриванекъ“ (жаворонокъ) эта птица съ участіемъ спрашиваетъ дѣвушку о причинѣ ея грусти. Та проситъ жаворонка дать знать милому о ея горѣ и поклониться ему посредствомъ пѣнія.

Вообще лирическія пѣсни особенно богаты такими поэтическими фигурами; это и понятно: въ нихъ больше всего изливаютъ свои чувства простыя дѣвушки и, находясь среди живой, близкой имъ природы, охотнѣе всего повѣряютъ ей свою любовь и свое горе.

Нерѣдко встрѣчаются даже олицетворенія отвлеченныхъ понятій, гдѣ этого требуетъ важность ихъ или выразительность слога. „Прудкость (пряткость) вырази Людѣемъ зъ четныхъ (многочисленныхъ) враговъ противъ Забою“ или: страхъ вра-

гомъ вырази въ гор(д)лѣ скръеки (крики); „радость взевзнь (срв. „звенить слава въ Кіевѣ“) въ устѣ воиновъ забоевыхъ и заискри въ радостнѣ зраку“. Такія образныя выраженія, которыя, хотя и употребляются по привычкѣ даже въ нынѣшнемъ разсудительномъ языкѣ (и уже подлинный смыслъ въ нихъ вывѣтрился), не оставляютъ въ нашемъ умѣ никакого образнаго представленія, въ древнихъ пѣсняхъ чеховъ еще обладаютъ первобытной свѣжестью и непосредственной образностью.

Такъ, злоба, вслѣдствіе жестокости Крувоя, „разлилась у Честмира изъ широкой груди по всѣмъ членамъ“. Въ „Бенешѣ“ мы читаемъ, что „Гнѣвы ухватику крутостью обѣ странѣ, взбуриху сѣ въ утробахъ розезленныхъ мужъ“. Въ поэмѣ „Ярославъ“ говорится, что вслѣдствіе побѣды татаръ надъ русскими и уграми, „отступи надѣя (надежда) всѣ крѣстьяны...“; „встане бѣда тужна по краинахъ...“

Наглядности слога очень помогаетъ *драматичность дѣйствій*; въ древнѣйшихъ произведеніяхъ чеховъ она составляетъ третье ихъ преимущество. „Любушинъ судъ“ почти весь представленъ въ довольно драматической формѣ; то же относится и къ тѣмъ пѣснямъ краледворской рукописи, которыя подревнѣе, въ которыхъ; слѣдовательно, пѣвцы непосредственнѣе и проще понимали вещи, изображали ихъ нагляднѣе. Въ остальныхъ пѣсняхъ, особенно въ „Ярославѣ“, драматизація является рѣже, чаще всего по настоящему требованію хода событій; таково, напримѣръ, то мѣсто, гдѣ описывается столкновение Вестоны и Вратислава, гдѣ такъ энергически льется разсказъ, такъ ярко и сильно обрисовано бѣдственное положеніе христіанъ.

Часто приходится встрѣчаться и съ превосходными описаніями и при томъ не только дѣйствительно существовавшихъ предметовъ—мѣстностей, битвъ и проч., но и состоянія духа

человѣческаго и притомъ въ наглядныхъ образахъ. Уже въ „Любушинѣ“ судѣ мы читаемъ о Хрудошѣ:

„Жылчѣ сѣ ему розли по утробѣ,
Трасеху сѣ лютостью вси уди“.

Въ Краледворской рукописи тоже попадаетъ довольно много разныхъ описаній, обыкновенно пересыпанныхъ массой сравненій, олицетвореній и пр. Достаточно указать на картинное описаніе жертвоприношенія въ „Честмирѣ“ (155—170 ст.), осады Крувоева замка (90—170 ст. тамъ же), боя въ „Ярославѣ“ 248 ст.

И бы потка (стычка) крута послѣднѣ:
Взиде хрѣсть (трескъ) и дръкетъ (стукъ) острыхъ
мечевъ,

Ломъ оцеповъ (дротиковъ, сумизъ), рахетъ (грохотъ)
кони быстрыхъ;

И бы кланье и бы порубанье,
И бы лканье (плачь) и бы радованье,
Кревъ сѣ вале, якъ быстрины дѣщевы,
Мрхъ (трупъ; срв. малорус. *мерци* = умершіе) ту ле-
жеше, якъ въ лѣсѣ дѣревъ.

И далѣе до 263 ст. Срв. въ „Словѣ о полку Игоревѣ“ слѣдующее изображеніе битвы:

..... Летятъ стрѣлы каленныя,
Гримлють сабли о шеломы,
Трещать копіа харалужныя
Въ полѣ незнаемѣ, среди земли половецкыя.
Черна земля подѣ копыты
Костымъ была посѣяна, а кровію поліана.
Тугою въздоша (т. е. кости) по русской земли...
Битася день, битася другый,
Третьяго днѣ къ полуднію
Падоша стязи Игоревы.

Или вотъ картина побоища:

.... Ту щить леже, ту гельмице драга,
Ту конь влече въ стрѣмнехъ воеводу,
Ту сѣнь (сей) ешутно (тщетно, напрасно) въ та-
тары тече,

Анде (а тамъ) милосерде про Богъ проси и пр.

(„Ярославъ“ 80—86)

Сравнивая приведенныя описанія битвы изъ Краледворской рукописи и изъ „Слова о полку Игоревѣ“, мы не можемъ не замѣтить удивительнаго сходства между ними даже въ отдѣльныхъ выраженіяхъ, а не просто въ общемъ характерѣ; въ обоихъ описаніяхъ почти одинаково и роскошными красками отмѣчена страшная энергія смертнаго боя! Впрочемъ, если всмотрѣться въ дѣло ближе, то легко замѣтишь, что, насколько въ „Словѣ“ коротко, яркими красками и въ чрезвычайно сильныхъ поэтическихъ образахъ обрисованъ весь ходъ роковой для русскихъ битвы съ половцами, ¹⁾ настолько въ „рукописи“ описанія сраженій вообще довольно подробны и даже нѣсколько растянуты; отъ того получается у читателя и менѣе сильное впечатлѣніе.

Сраженія, особенно изображенныя въ древнѣйшихъ пѣсняхъ „рукописи“ (какъ, напримѣръ „Забой и Славой“), напоминаютъ скорѣе богатырскія битвы, изображенныя въ русскихъ былинахъ и лѣтописяхъ, гдѣ, какъ извѣстно, главный

¹⁾ Напримѣръ хотя бы взять это чудное мѣсто:

„Что ми шумить, что ми звенить
Давеча рано предъ зорями?
Игорь пылен заворачаетъ,
Жаль бо ему мила брата Всерегода...
Ту кровавого вина не доста(ю),
Ту пирь доконьчаша храбрія Русичи:
Сваты попонща, а сами полегоша
За землю русьскую. Ничить трава жалощами,
А древо съ тугою къ земли приклонилось...

моментъ борьбы—это бой вождей между собою, исходъ котораго обыкновенно и рѣшаетъ участь сраженій. О войнахъ простыхъ обыкновенно умалчивается либо упоминается вскользь, что, впрочемъ, составляетъ общую черту всякаго древняго подлинно народнаго эпоса.

Въ древнѣйшихъ пѣсняхъ „рукописи“ описанія вообще изображены слогомъ простымъ, иногда краткимъ, часто до того неуклюжимъ, что стародревность и самобытность ихъ, такъ сказать, бьетъ въ глаза.

Въ пѣсняхъ болѣе молодыхъ (Людиша и Люборъ, Ярославъ) на мѣсто краткости является расплывчатость, слогъ получаетъ гладкость, съ какой мы встрѣчаемся только въ лучшихъ произведеніяхъ средневѣковой романтической поэзіи.

Характеристики—это высшее качество древней эпики, служащее до извѣстной степени даже мѣриломъ произведеній ея,—составляютъ еще одно отличительное качество старочешской поэзіи. Не останавливаясь только на внѣшнемъ видѣ, но проникая въ сердце, мысль, волю личностей, онѣ представляютъ намъ и душевный, менѣе доступный міръ человѣка. Это же свидѣлствуетъ не только о стилистической ловкости поэтовъ, но и объ ихъ психологическомъ глубокомысліи—безспорно знакъ истиннаго творческаго дарованія. Конечно, не въ лирическихъ пѣсняхъ будемъ мы искать характеровъ; тамъ изображены только общія, а не личныя, чувства и положенія: тоска по далекомъ другѣ, скорбь о потерѣ близкихъ и проч.

Мы обратимся къ эпическимъ поэмамъ: тамъ часто найдутся возвышенныя личныя черты: любовь къ родинѣ, вѣрѣ отцовъ и ихъ обычаямъ и порядкамъ наполняетъ сердца героевъ патріотическимъ воодушевленіемъ и направляетъ ихъ волю къ могучимъ дѣйствіямъ. Языческій богатырь Забой съ презрѣніемъ говоритъ о жестокомъ притѣснителѣ: „дымемъ

есть намъ вѣдѣнье . его“ а христіанскій витязь Вратиславъ, восклицаетъ:

Мерзкость есть пороба (рабство) господину;

Грѣхъ въ поробу самохтѣвъ дати шію.

Благородная любовь къ свободѣ одинако горячо выражена у того и другаго. И Забой предъ боемъ съ полной вѣрой заявляетъ, что „бози намъ вицезствіе даю (побѣду)“, и христіанинъ Вратиславъ въ критическую минуту восклицаетъ „Богъ намъ сешле помощь уфающимъ (уповающимъ)“.

Вообще древнѣйшая поэзія охотно представляла возвышенные образы народнаго величія.

Характеристика въ древнѣйшихъ поэмахъ объективна, получается сама собой изъ рѣчей и дѣйствій лицъ (таковы: Любушинъ судъ, Забой, Честміръ, Елень); напротивъ въ позднѣйшихъ она субъективна, поэтъ самъ рассказываетъ о героѣ, показывая его сквозь призму собственнаго личнаго сочувствія или несочувствія. Вотъ для примѣра характеристика Ярославъ:

„Айта Ярославъ якъ орелъ летѣ!

Тверду оцель (сталь) на могуцехъ пѣрсехъ,

Подъ оцели храбрости удатенствье,

Подъ гелмицѹ (шлемомъ) велебыстеръ вѣглась;

Ярота му зъ жгавѹ (горящихъ) зракѹ плаше;

(пылала);

Очевидно, что здѣсь слишкомъ горячо говоритъ личное чувство поэта, его восторженность предъмогучимъ избавителемъ христіанъ.

А вотъ напротивъ характеристика, сдѣланная однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ другому:

Ай та вѣце (сказалъ) Выгонъ кнѣзу Ольдрѣ:

Гой, послышь ты, велеславный кнѣзе!

Богъ ти буярьсть да (лѣ) у всѣхъ уды;
Богъ ти да (лѣ) вѣгласы (мудрьсть) *въ буйну маву.*
Ты ны (насъ) веде протѣ злымъ Поляномъ!
По твемъ словѣхъ пойдѣмъ въ право, въ лѣво,
Будь въ прѣдѣ, будь въ задѣ у всѣхъ потки (битвы)
люте

Взъ гору, взмужте храбрьсть буйныхъ сѣрдцѣхъ!

Изъ всего вышесказаннаго мы приходимъ къ слѣдующему важному выводу: древнечешскія поэмы Зеленогорской и Краледворской рукописей, по крайней мѣрѣ эпическія, суть не безыскусственныя, строго протонародныя произведенія, но облагороженныя искусствомъ и дарованіемъ пѣвцовъ, воспитанныхъ духомъ народнымъ, выдѣлявшихся изъ общаго уровня. Они поняли поэтическую сторону своего народа, показали намъ ее въ ея высшихъ и благороднѣйшихъ чертахъ и проявленіяхъ; ихъ произведенія—превосходнѣйшіе образцы народно-художественнаго творчества.

Эта благородная, подлинно народная поэзія обрабатывалась въ Чехіи до конца XIII или начала XIV вѣка; въ это время кончается дѣятельность самобытной, если можно такъ выразиться, школы чешской поэзіи.

Въ концѣ концовъ должно признать, что поэтическая цѣнность древнечешскихъ произведеній признана знатоками всѣхъ почти европейскихъ народовъ; это выразилось въ огромномъ множествѣ переводовъ, существующихъ теперь почти на всѣхъ языкахъ Европы. Въ этомъ отношеніи до 1852 года смотри Ганкину большую „Полиглотту“. Но съ того времени количество переводовъ еще болѣе увеличилось. Вдобавокъ ко всему вышесказанному скажемъ еще нѣсколько словъ объ удивительномъ сходствѣ „рукописей“ съ извѣстнымъ

древнерусскимъ памятникомъ „Словомъ о полку Игоревѣ“ и русскими народными пѣснями въ поэтическомъ отношеніи, такъ какъ это очень важно въ особенности для вопроса о подлинности и даже народности разсмотрѣнныхъ нами древне-чешскихъ поэтическихъ памятниковъ. Дѣло въ томъ, что даже при бѣгломъ чтеніи замѣчается поразительная въ нѣкоторыхъ случаяхъ общность эпитетовъ, поэтическихъ красокъ, сравненій и пр. въ этихъ произведеніяхъ; чувствуется общій духъ ихъ, общее происхожденіе изъ одного славянскаго народнаго источника.

Такъ видимъ мы въ нихъ одинаково живое отношеніе къ природѣ: по представленію пѣвцевъ, ей не чужды людскія печали, и человѣкъ обращается къ ней съ рѣчью, какъ къ живому существу. Съ приближеніемъ половецкихъ полчищъ рѣки, какъ бы предчувствуя пораженіе Игоря и сочувствуя ему, „мутно текутъ“, земля стонетъ.... Послѣ пораженія русскихъ, какъ бы изъ сочувствія къ русской землѣ „ничить трава жалошамъ, а древо съ тугою къ земли приклонилось“. Игорь, возвращаясь изъ плѣна, обращается съ хвалебной рѣчью къ Донцу, поздравляющему его съ успѣхомъ. Пѣвецъ „Любушина суда“ также обращается къ рѣкѣ Влтавѣ, съ жалостными словами: Ай, Влтаво, че мутиши воду стрепропѣну? „А она, показывая, что человѣческія дѣла и отношенія ей не чужды, отвѣчаетъ: „Како быхъ язъ воды не мутила, кыды сѣ вадита родна братры о дѣдины отнѣ, вадита сѣ круто мезу собу“...

Затѣмъ, какъ въ „Словѣ“ Половцы сравниваются съ черными тучами, хотящими закрыть четыре солнца—четырехъ князей, такъ и въ „рукописи“ войска уподобляются „ледовитымъ мракомъ (градовымъ тучамъ, см. „Честмиръ ст. 57), а князь Ярмиръ—солнцу (см. „Ольдрихъ 56 ст.). Сходны также оли-

цетворенія Обиды ¹⁾ въ „Словѣ“ и „Тряса, страховъ“ т. е. силы ужаса въ „рукописи“. „Трясь съ (ихъ) гнаше съ боище,

Страхъ съ гърдѣ ихъ выразе (исторгнулъ) окрѣки (крики ужаса см. „Забой“) или:

„Въ задъ, въ задъ *страхи имъ быху* зе вся лѣса (см. „Честмиръ“). Здѣсь же уміѣстно упомянуть и о выраженіи: „радость зевнѣ зъустъ“ воиновъ Забоевыхъ, сходномъ съ выраженіемъ „Слова“: Звенить Слава въ Кіевѣ. Какъ въ „Словѣ“ Всеволодъ сравнивается съ ярымъ туромъ, (поскелани (разщеплены) саблями калеными шеломи аварстіи отъ тебе, Яртуре Вьсеволоде!), такъ въ пѣснѣ о Ярославѣ этому звѣрю употребляется Вратиславъ.

„Ту Вратиславъ, якъ туръ ярый, скочи,
Вѣстона за сильнѣ нажи (руки) хвати....

„Старымъ словесамъ“ „Слова“ соотвѣтствуютъ *ветхія словеса* въ „Ярославѣ“.

Выраженія же: *отень златъ столъ, комонъ, доловъ* и пр. попадаются часто и въ „Словѣ“ и въ „рукописи“. Замѣчательны также въ „рукописяхъ“ выраженія: *гой и айта (айже ты)*, которыя, хотя отсутствуютъ въ „Словѣ“, но сплошь да рядомъ украшаютъ русскія былины. Но сходство этихъ памятниковъ не ограничивается отдѣльными выраженіями; оно, какъ мы уже замѣтили выше, выражается также въ духѣ и тонѣ разсказа; уже это одно могло бы служить при извѣстныхъ условіяхъ хорошимъ опроверженіемъ всякихъ сомнѣній въ подлинности памятниковъ.

¹⁾ Встала Обида въ силахъ Дажьбожа внука,
Вступила дѣвою въ землю Трояну,
Всплескала лебединни крыли на синемъ морѣ,
У Дону плещочи, убуди жирна времена....

Но особенно удивительно какое то странное сходство лирических пѣсенъ „рукописи“ съ нѣкоторыми велико—и малорусскими пѣснями; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ попадаются почти тождественные стихи. Характеръ поэтическихъ обращеній, тонъ лирики до того сходны, что дѣйствительно могутъ возбуждать даже нѣкоторое подозрѣніе... Сличимъ для примѣра 42 „семейную“ пѣсню въ „Связаніяхъ русскаго народа“ Сахарова съ пѣсней „рукописи“ *Rože*.

Rože.

Ахъ ты роже (роза), красна роже!

Чему си ранѣ розквѣтла?

Розквѣтавши помързла,

Помързавши усвѣдла (увяла)

Усвѣдѣвши опахла?

Вечеръ сѣдѣхъ, дѣло сѣдѣхъ,

До куроуѣніе сѣдѣхъ, ниць (ничего) дожѣдати не
можехъ,

Вше дрѣзги (цепки), лучки (лучину) сежехъ
(сожгла).

Уснухъ. Снѣше ми сѣ ве снѣ,

Якобы мнѣ, небожце, на правой руце съ пьрста

Свлеклъ сѣ златый пьрстенець;

Смеклъ сѣ (выскользнулъ) драгий каменець

Каменець не надидехъ (нашла), змилитка (милаго)
сѣ не дожѣдохъ!

Русская пѣсня.

Ахъ ты садъ ли мой, садочекъ, садъ да зеленое ви-
ноградье!

Ты къ чему, садъ, рамо разцвѣтаешь,

Развѣтавши, садъ, засыхаешь,

Землю листьємъ, садъ, устилаешь?

Я вѣчоръ—вѣчоръ молодешенька долго вѣчоръ проси-
дѣла

И до самаго до разсвѣта всю лучинушку припалаила....
Все тебя, мой другъ, дожидалася.

Или напр. слѣдующій отрывокъ изъ 12 № „Семейныхъ
пѣсень“ Сахарова:

Какъ вѣчоръ мнѣ молодешенькой,
Мнѣ мало спалось, много видѣлось;
Нехорошъ то мнѣ сонъ привидѣлся:
Ужъ кабы у меня у младешеньки
На правой рукѣ на мизинчикѣ
Распаялся мой золотъ перстень,
Выкатился дорогой камень.....

„Кытице“ много сходна съ малорусской пѣсней“ Ой у
садоньку павоньки ходять“, „Опущена“ съ № 10 „Семейныхъ
пѣсень“ Сахарова. „Ягоды“ съ рускою пѣсней:

Ходила младешенька по борочку
Брала, брала ягоду земляничку,
Наколола ноженьку на гресочку,
Болить, болить ноженька, да не больно и пр.

Не менѣе любопытно и замѣчательное сходство между
начальными стихами „Любушина суда“ и одной русской пѣ-
сней изъ собранія Кирѣевскаго, изданнаго въ 1870 году.
Рѣка. Донъ, къ которой обращаются, какъ къ живому существ-
ву, подобно тому какъ это происходитъ и съ Волтавой въ
„Любушиномъ судѣ“. Какъ ты тихій Донъ... все мутень
течень, помутился ты, Донъ, сверху до низу!

Отвѣчаетъ:

Ужъ какъ то мнѣ все мутну не быть,
Распустилъ я своихъ ясныхъ соколовъ
Ясныхъ соколовъ, донскихъ козаковъ.

Это поразительное сходство можетъ для защитниковъ при извѣстныхъ условіяхъ служить довольно вѣскимъ доказательствомъ неподдѣльности, если не самихъ рукописей, то, по крайней мѣрѣ, самихъ произведеній, находящихся въ нихъ: это сходство можетъ имѣть свое глубокое основаніе въ общности выраженія одного славянскаго духа у разныхъ племенъ.

ПОЭЗІЯ ПОДРАЖАТЕЛЬНАЯ,

чуждая народнымъ началамъ.

Съ западноевропейскимъ просвѣщеніемъ стала проникать въ Чехію мало по малу и староромантическая поэзія, плодъ перекрестныхъ вліяній—христіанскаго, народно-германскаго, римскаго и восточнаго. Стремленіемъ къ сверхчувственному, небесному она особенно отличалась отъ древне-народной поэзіи, основывавшейся на земной реальности. Мощное вліяніе романтизма повліяло во 1-хъ на содержаніе чешской поэзіи, отъвертивъ поэтовъ отъ домашней народной дѣйствительности, во 2-хъ на форму, введя вмѣсто стараго славянскаго размѣра чуженародную рѣму.

Первые плоды этой новой школы, напр., „Александрейда“, еще приближались къ младшимъ пѣснямъ Краледворской рукописи по крайней мѣрѣ сильнымъ своенароднымъ языкомъ; но съ теченіемъ времени пропадало и это качество, и чешская поэзія впала понемногу въ безплодное стихоплетство и риторизмъ, гдѣ форма принималась за чистую монету истинной поэзіи. Это неутѣшительное явленіе замѣчается и въ свѣтской поэзіи и въ духовной.

I. СВѢТСКАЯ ПОЭЗІЯ.

Походы Александра В. впервые открыли для греческой гражданственности страну чудесъ—востокъ. Съ тѣхъ поръ общеніе востока и запада было уже постоянное; вмѣстѣ съ тѣмъ не прерывалась и передача народами другъ другу преданій, сказокъ, сказаній. Бывали времена, когда народы ближе становились лицомъ къ лицу; тогда естественно усиливался и обмѣнъ мыслей и словесныхъ произведеній. Такова, наприм., пора крестовыхъ походовъ, еще раньше борьба романскихъ народовъ противъ арабовъ въ Испаніи; событія эти вели ко множеству различныхъ приключеній, давали возможность къ героическимъ подвигамъ съ обѣихъ сторонъ. Явились поэмы и подѣ въ вліяніемъ пылкихъ сказаній восточной фантазіи наполнились разными чудесами и приключеніями, тѣмъ сказочнымъ міромъ, который сталъ потомъ неперемѣнной принадлежностью романтизма. Между другими сказаніями зашли въ Европу и восточныя повѣсти объ Александрѣ, имѣвшія по своей распространенности столь рѣшительное вліяніе на судьбу всѣхъ европейскихъ литературъ ¹⁾. Подвиги Александра самымъ обаятельнымъ образомъ повліяли на склонную къ чудесному фантазію восточныхъ народовъ, и обаяніе это выразилось въ огромной массѣ сказаній. Индусъ, монголъ, персъ, арабъ посвятили ему особый кругъ преданій. Въ Европу перешли главнымъ образомъ сказанія египетскаго происхожденія, родившіяся въ Александріи—этомъ великомъ торжищѣ трехъ частей свѣта, этомъ городѣ Александра по преимуществу, хранителѣ его завѣтовъ и гроба. Египетское тщеславіе, подобно персидскому, не допустило, чтобы въ завоевателей Египта текла чуждая кровь: Александръ оказался сыномъ Нектанаба,

¹⁾ См. Casop. muz. за 1847 г. XXI т. 2-й.

египетскаго царя, бѣжавшаго въ Грецію отъ нашествія персовъ, и жены Филиппа. Египетская выдумка была извѣстна въ Европѣ уже въ III в. по Р. Х. и чрезъ Псевдокаллисеевъ романъ перешла въ огромное множество европейскихъ Александреидъ, происшедшихъ отъ этого романа. Самый же романъ явился такимъ образомъ. Какой нибудь Александріецъ собралъ ходившія при немъ повѣсти объ Александрѣ въ греческомъ сочиненіи; передѣланное византійскимъ монахомъ, оно прикрылось именемъ философа Каллисеена, сопровождавшаго Александра въ походахъ, но умершаго гораздо раньше его. Скоро явилось множество передѣлокъ и переводовъ этой повѣсти на латинскій и народныя языки западной Европы. Но не всѣ европейскія Александріи произошли изъ этого источника; часть ихъ, впрочемъ несравненно меньшая, ведетъ начало отъ Александрии, сочиненной Готье Шатильонскимъ (Вальтеръ Кастильонскій) во 2-й половинѣ XII вѣка, человекомъ высокой образованности и хорошо владѣвшимъ латинской рѣчью. Въ повѣсти его историческое перемѣшано съ самымъ невѣроятнымъ и просто ложнымъ, что, разумѣется, не рекомендуетъ автора со стороны осмотрительности и разборчивости. Недостатокъ эпической пластичности затѣняется цвѣтистымъ и привлекательнымъ слогомъ, благодаря чему повѣсть скоро до того распространилась, что вытѣснила изъ школъ Виргилія и Лукана. Отъ нея между разными другими Александріями (напр. нѣмецкая Ульриха фонъ-Эшенбаха) произошла и чешская—неизвѣстнаго автора, сохранившаяся въ отрывкахъ. Авторъ чешской Александрии, человекъ даровитый, знакомый съ старочешской народной поэзіей, (что и отразилось на немъ сильной поэтической рѣчью, бойкимъ стихомъ и пр.), сумѣлъ отнестись къ своему первообразу совершенно свободно и самостоятельно; онъ глубоко отразилъ на своемъ произведеніи христіанско-рыцарское міросо-

зерпаніе своего вѣка. Въ его твореніи чехи имѣютъ превосходный образецъ романтической школы своей поэзіи. Авторъ, хотя и придерживается аристократическихъ стрѣмленій чешскаго панства, однако отличается и патріотически народнымъ духомъ. Не любя нѣмцевъ, онъ не могъ благосклонно относиться и къ нѣмцелюбу Вячеславу II (1283—1305), на котораго въ его повѣсти есть довольно ясныя и рѣзкіе намеки. Нелюбовь автора къ нѣмцамъ находила опору въ той части чешскаго дворянства, которая дѣйствовала противъ прилива нѣмцевъ и возрастанія въ числѣ нѣмецкаго мѣщанства. Усиленіе нѣмецкаго элемента стало особенно замѣтно со времени Вячеслава I (1230—1253), вызывавшаго массу ремесленниковъ, и ревностно распространявшаго нѣмецкіе обычаи (напр. турниры), строившаго города по нѣмецкому способу и дававшаго имъ нѣмецкія названія. Онъ очень любилъ нѣмецкую поэзію, ласкалъ и щедро одарялъ нѣмцевъ миннезингеровъ и самъ даже сочинилъ нѣмецкую любовную пѣсню. Тоже было и при сынѣ его, Премыслѣ Отокарѣ II (1253—1283). Изъ королевскаго дворца любовь къ чуждой поэзіи переходила въ высшіе и средніе классы общества. Въ такомъ положеніи были дѣла, когда при королѣ Вячеславѣ II явилась чешская Александреида, живое свидѣтельство того, какъ повиновались духу времени даже поэты—патріоты. На авторѣ чешскаго „Александра“ мы, по крайней мѣрѣ, можемъ видѣть, что вліяніе старочешской народной поэзіи еще отражалось на первыхъ произведеніяхъ романтической школы сильнымъ языкомъ, правильнымъ и плавнымъ стихомъ. Въ XIV в. это вліяніе прекращается, чешская поэзія дѣлается холодно-мертвенной, лишенной живаго вдохновенія и много разглагольствующей; содержаніе сдѣлалось какъ-то мелко и совершенно затмилось блестящей, но пустой рифмой; словомъ, за немногими

исключеніями, это была не поэзія, а риемованная проза. Чтобы видѣть особенности стиха и слога «Александрейды», я приведу изъ нея два отрывка. (по изданію М. Гатталы и Ад. Патеры 1881 г. *Zbytku rymowaných Alexandreid staročeských*“; рукопись второй половины XIV в. и находится въ пражской библіотекѣ св. Вита).

1. Отрывокъ, изъ котораго видна нелюбовь автора къ нѣмцамъ, наводнившимъ въ его время страну:

Бы Богъ услышети рачилъ (соизволилъ)
Све(ое) крѣстѣнство ги то зрачилъ (увидѣлъ),
Бы такы жъ былъ ческимъ кралемъ:
Уфалъ (уповалъ) быхъ въ то, жъ (что) бы за малемъ
Лечъ будъ Литва, лечъ Татери,
Какъ жъ су(тъ) (и)меновани ктери,
Бесермени небо Пруси
Лечъ непо(д)тврзени Руси
Пришли бы къ такей припрѣтѣ,
Якъ жъ бы сѣ крѣста прихопѣце,
Были свыхъ модль (божествъ) одступѣце.
И то бы сѣ стати могло,
Ачъ (хотя) бы то цо южъ помогло,
Же Нѣмци, йижъ (которые) су(тъ) zde гoscѣ
(гости)
Хтѣ дождаци, бы на мосцѣ (мосту),
Празѣ, его жъ Богъ снадъ (быть можетъ) неха
(оставляетъ)
Не было видѣти Чеха;
И могло бы сѣ бържъ (скорѣе) стѣти,
Бы ихъ было не видати (77—78 стр.)

2) О походахъ Александра В.

Йиждь бы(лъ) часъ противу зори,
Кдыждь быва крикъ птачи собори,
Кдаждь то се ноцъ се днемъ дѣли,
А едыждь слунце на свѣтъ спѣли,
Александеръ взведа (—я) зраки
Везрѣ на зорѣ облаки;
Узрѣвъ день, яко се лѣче,
Встана, руче (скоро) сѣ облече.
Сѣдъ (сѣлѣ) и ста(лъ) на едне горѣ
Обезрѣ ту власть отъ морѣ.
Потомъ сѣ въ земли обрати
Поче мѣста сглѣдовати;
А какъ сѣ коли обратѣше,
Ту на вше страны видѣше,
Кдежто вина, жита ктвѣху,
Кдеждь етера ловиштѣ бѣху.
Зрѣвъ впады дли и на прѣки
Узрѣ, анде сильне рѣкы,
Зъ нихъ тече широце вода
А моцна въ нихъ рыбоплода.
Вида (—я) то вельми сѣ сжада (пожелатѣ)
Взмлуви такъ къ свымъ ли(ю)демъ сада;
Зрѣте на вше страны въ полѣ,
Кака въ тѣхъ то земѣхъ волѣ (-я);
Зде кралевство, zde хци (хочу) имѣти,
А вамъ хци све(—ои) земѣ приети!
Рѣка такъ, ницъ не отѣже,
Да(лъ), ктождь цо достоенѣ бѣше

Въ томъ сѣ ницѣ былъ не розпачилъ,
Внижъ бы весь свѣтъ былъ потлачилъ (прибавилъ).
То сдѣвъ, каза вѣмъ встати,
До Цилиціе сѣ брати;
Посла(лъ) къ мѣстамъ и на грады
А къ тврземъ zde и онады;
А якъ жъ го наглѣ (быстро) звѣдѣху,
Такъ ей (его) сѣ милости прие(ня)ху.
Тегды сѣ въ ту власть увѣже
Глубе тамъ прѣдъ сѣ потѣже,
Уда(ло)сѣ ему ѣти (ѣхать) тады,
Кдежъто су(тъ) тройске ограды,
Еште единке знаменье
Ту, кдежъ то лежи(тъ) каменье. (стр. 17—18).

(Болѣ отрывковъ читатель найдетъ въ Славянской Хрестоматіи Г. Воскресенскаго. Вып. III. Москва 1884 г.)

Выше уже было замѣчено, что съ XIV-го вѣка наступила пора полнѣйшаго упадка чешской поэзіи... Мы встрѣчаемся тутъ съ разнообразными, занесенными съ крайняго запада, произведеніями, вродѣ повѣсти „Тристрамъ“ или поэмы—„Тандаріашъ а Флорибелла“.

Оба эти произведенія принадлежатъ къ области бретанскихъ повѣстей Артурава цикла, распространившихся въ XII вѣкѣ по всей Западной Европѣ. Всѣ повѣсти о Тристанѣ могутъ быть приведены къ 2 главнымъ изводамъ, источники которыхъ утрачены. Авторъ чешскаго Тристана составлялъ свою повѣсть по обоимъ изводамъ; въ первыхъ 40 главахъ онъ придерживается нѣмецкой повѣсти Эйларда фонъ Оберге (1189—1207), перваго извода. Начиная съ 40 главы и кончая 66-й источникомъ ему служить превосходная повѣсть даровитаго Готфрида Страсбургскаго (написана около 1230 г.); описанія этого автора

необыкновенно блестящи, очаровательны, слишком богаты поэтическими красотою; слогъ великолѣпенъ, хотя нерѣдко пересыпанъ французскими фразами, что дѣлалось тогда охотно.

Недостатокъ его повѣсти состоитъ въ огромномъ множествѣ иносказаній, въ мистицизмѣ, которому отведено важное мѣсто. Все это чрезвычайно увеличиваетъ объемъ повѣсти: она далеко не окончена и имѣетъ до 20000 стиховъ! Чешскій авторъ, пользуясь Готфридовой повѣстью, не церемонился впрочемъ съ иносказательнымъ и мистическимъ элементомъ и безпощадно выбрасывалъ все это. Съ 66-й главы чешскій романъ слѣдуетъ опять за Эйлардомъ, но уже не такъ строго. Далѣе, до самаго конца, онъ пользуется попеременно то имъ, то Генрихомъ фонъ Фрейбергомъ, продолжавшимъ Готфридова „Тристана“ по заказу чешскаго пана Раймунда фонъ Лихтенбурга, почитателя нѣмецкой словесности.

Разсадникомъ повѣстей о Тристанѣ была сѣверная Франція (Бретань) и южная Англія (Валлисъ); отсюда онѣ распространились главнымъ образомъ въ передѣлкахъ съ французскаго по всей Западной Европѣ и приобрѣли величайшее распространеніе въ народѣ. И долго онѣ, даже послѣ того, какъ въ образованномъ обществѣ появились другія литературныя склонности и стремленія, еще ходили по Европѣ въ качествѣ народной литературы, составляя вмѣстѣ со многими другими произведеніями любимое чтеніе низшаго класса. Со держаніе повѣстей о „Тристанѣ“—роковая любовь его къ своей теткѣ, русой Изольдѣ, соединенная, вслѣдствіе неудобства положенія, съ различными ухищреніями влюбленныхъ и съ бѣдствіями, которымъ они подвергаются. Женившись на ревнивой блудрукой. Изольдѣ больше изъ благодарности за излѣченіе, Тристанъ бросаетъ ея и отправляется къ теткѣ и т. д. Многотрудная жизнь нашего героя кончается, наконецъ: такъ, онъ получаетъ смертельныя раны отъ рыцаря, съ женой котораго

помогалъ своему другу устроить свиданіе. Обѣ Изольды умирають надъ его трупомъ. Чешскій „Тристанъ“ сложенъ въ XIV вѣкѣ, при Вячеславѣ IV, очень небрежно, неправильнымъ размѣромъ, иногда неудовлетворяющимъ самымъ скромнымъ требованіямъ просодіи; въ авторѣ не видно поэтическаго пониманія сказаній о Тристанѣ. Содержаніе повѣсти авторъ передалъ очень порядочно, но самъ не могъ или не хотѣлъ проникнуть въ глубину ея.

То же слѣдуетъ сказать и о повѣсти „Тандаріанъ и Флорибелла“, гдѣ разсказывается про любовь королевича Тандарія въ прекрасной Флорибеллѣ и про ихъ бракъ послѣ множества приключеній и подвиговъ, совершенныхъ непобѣдимымъ королевичемъ. Отношеніе чешскаго извода къ другимъ здѣсь опредѣлить уже гораздо труднѣе. Небесскій пробовалъ сличать чешскую повѣсть съ нѣмецкой того же имени, но не счелъ нужнымъ идти дальше третьей части разсказа, такъ какъ оказывалось, что едвали чешская повѣсть черпала изъ нѣмецкой: во 1-хъ онѣ слишкомъ уже разнятся въ объемѣ, а во 2-хъ нетождественны по содержанію. Болѣе этого ничего нельзя сказать 1).

Степень утвержденія въ чешской поэзіи стихотворства и даже римоплетства довольно наглядно указываетъ такъ называемой Далимиловой или Болеславской хроники 2) сложенной неизвѣстнымъ авторомъ скоро послѣ 1310 г. Ее приписывали канонику Болеславской церкви, Далимилу Мезиржіцкому, на томъ основаніи, что о немъ упоминаетъ Гаекъ въ своей хроникѣ. Вѣроятно же, что авторомъ ея былъ какой нибудь рыцарь; это видно изъ самаго содержанія его; притомъ же Далимилъ въ началѣ самъ ссылается на Болеславскую хронику, которой пользовался. Событія въ Далимиловой хроникѣ отъ древнѣйшихъ временъ доведены до временъ Яна

1) См. „Сазор. Муз.“ 1846 года, XX.

2) О ней смотри „Часопись чешскаго музея“ 1879 г.

Люксембургскаго (1314 г.). Событія послѣ Премысла Отакара II онъ разсказываетъ по личнымъ впечатлѣніямъ, причемъ открыто выражаетъ свою ненависть къ нѣмцамъ, такъ сильно распространившимся въ Чехіи при послѣднихъ Премысловичахъ ко вреду мѣстнаго населенія. Эта хроника—первое историческое произведеніе, писанное по чешски; до нея же были только латинскія хроники. Любопытно, что авторъ, несмотря на свою нелюбовь ко всему чужему, особенно нѣмецкому, употребляетъ все таки чужезарный размѣръ—риему; это указываетъ только на повсемѣстное тогда утвержденіе ея между чешскими писателями. Что касается внутренней дѣйности этой лѣтописи, то было бы несправедливо считать ее плохой въ поэтическомъ отношеніи: въ ней есть хорошія описанія, слогъ ея довольно искусенъ, и даже языкъ, обыкновенно заугодно-приличный, подѣ часъ возвышается до извѣстной силы и яркости. Все это вмѣстѣ съ патриотическимъ духомъ сдѣлало хроникѣ очень любимой и наиболѣе распространенной до самаго изданія Гайковой лѣтописи. Она усердно переписывалась и уже въ XIV вѣкѣ была переведена по нѣмецки съ смягченіемъ рѣзкостей противъ нѣмцевъ. По чешски издана она впервые въ 1620 г. и тогда же была предана сожженію—уцѣлѣло лишь нѣсколько экземпляровъ. (Лучшее новое изданіе сдѣлано Ганкой въ 1851 г. подѣ заглавіемъ „Dalimilova Chronika česka“ и повторено въ 1876 году. О Далимилѣ см. „Часопись“ 1876 г. Отрывки изъ Далимила приведены ниже въ отдѣлѣ литературы исторіи).

Романтическое направленіе овладѣло и литературой для народа. Являлись произведенія, нравившіяся публикѣ обиліемъ удивительныхъ приключеній, а иногда касавшіяся отечественныхъ событій; нерѣдко они отличались даже нѣкоторой свѣжестью и содержанія и языка. Упомянемъ о нѣкоторыхъ изъ нихъ. Хроники о Штильфридѣ и Брунцвигѣ дошли до насъ въ проза-

ической передѣлкѣ; первоначально же, въ своихъ первообразахъ, онѣ были, безъ сомнѣнія, написаны стихами. Рѣчь идетъ о какомъ то чешскомъ князѣ Штильфридѣ, который въ далекихъ земляхъ въ честь и славу чешскаго языка совершилъ много побѣдныхъ подвиговъ и добылъ чешской землѣ гербъ чернаго орла на щитѣ. Позже сынъ его Брунцвикъ подобными же подвигами установилъ у чеховъ земскій гербъ—бѣлаго льва. Кажется, эти повѣсти указываютъ на князей Вратислава и Владислава, изъ которыхъ первый былъ за героическую помощь повышенъ императоромъ Генрихомъ IV въ короли, а второй — императоромъ Фридрихомъ I. Содержаніе романа „Ткадлечекъ“ составляетъ бесѣда между Жалующимся и Несчастливымъ, въ которой Ткадлечекъ разсказалъ о красотѣ прелестной Адлички, любимой имъ, доставшейся другому и горько имъ оплакиваемой. Людвикъ Ткадлечекъ и предметъ его страсти жили во 2-й половинѣ XIV вѣка при дворѣ вдовой королевы Елизаветы въ Кралевоу Градцѣ. Разсказъ ведется мило и просто, слогомъ живымъ и искуснымъ и потому является замѣчательнымъ произведеніемъ въ эту пору упадка... Въ авторѣ видна необыкновенная образованность, знаніе священнаго писанія и всеобщей литературы, особенно греко-римской.

Троянская хроника переведена въ XIV вѣкѣ съ латинскаго романа, который въ 1287 году былъ сочиненъ итальянцемъ Гвидономъ де-Колумна по греческому подлиннику. Она была напечатана, первая между чешскими книгами, въ Пильзвѣ въ 1468 г.; послѣ была еще нѣсколько разъ издана, такъ какъ была очень любима. Сюда относится и Псевдо-Каллисеновъ романъ объ Александрѣ, переведенный по чешски прозой въ XIV вѣкѣ.

Дидактическое направленіе, бывшее въ ходу особенно у нѣмцевъ, существовало и въ чешской литературѣ; и поучи-

тельная аллегорія и звѣриная басня обрабатывались довольно прилежно. Басня была у чеховъ и раньше; отъ XIII в. сохранилась самостоятельная басня „О лисицѣ и жбанѣ“ (o lišce a o žbani; издана у Ганки и въ „Výbor“ ст. 227) Главнымъ источникомъ, изъ котораго переводились и по которому слагались самостоятельно чешскія басни, былъ Эзопъ, извѣстный чехамъ уже въ 1300 г. Были извѣстны и индійскія сказки Бидпая въ латинскомъ переводѣ.

Во 2-й половинѣ XIV в. явился въ чешской литературѣ замѣчательный сатирическій баснописецъ, ученый панъ Смилъ изъ Пардубицъ, прозванный Фляшкой. Онъ былъ воспитанъ между прочимъ подъ вліяніемъ просвѣщеннаго архіепископа Арношта изъ Пардубицъ; брата его дѣда. По свидѣтельству извѣстнаго чешскаго юриста Викторина (XIV в.) и другихъ, Смилъ, какъ ученый, набожный и благородный человекъ, былъ очень любимъ народомъ. Къ сожалѣнію, онъ погибъ въ 1403 г. во время кровавыхъ смутъ въ Чехіи. Ему принадлежать сборникъ чешскихъ пословицъ и нѣсколько дидактико-сатирическихъ басенъ. Важнѣйшая изъ нихъ и наибольшая „Новый совѣтъ“ (1395 г.) (Nova rada), названная такъ, быть можетъ, въ соотвѣтствіе его же баснѣ „Rada otce k synu“, какъ старшей „радѣ“ по времени написанія. Содержаніе „Новой рады“ слѣдующее: Молодой царь левъ созвалъ звѣрей, чтобы они посовѣтовали, какъ ему слѣдуетъ управлять послѣ своего покойнаго отца. Совѣтниковъ сошлось 44. Первымъ выступилъ орелъ, а за нимъ и прочіе, чередуясь звѣрь съ птицей. Совѣты и правила касаются частью частной жизни, частью земскаго управленія; кромѣ нихъ есть и богатый запасъ прекрасныхъ нравственныхъ поученій, взывающихъ къ мудрости, справедливости, любви къ правдѣ и ближнему, скромности и богобоязливости. Мѣстами идутъ черезчуръ уже длинныя разглагольствованія, отъ которыхъ, впрочемъ, рѣдкій писатель былъ свободенъ въ средніе вѣка. Часто

недостаетъ въ баснѣ правдоподобія, соответствія совѣтовъ природѣ совѣтниковъ; такъ, на примѣръ, хищный соволъ совѣтуетъ царю остерегаться причинять насилія подданнымъ. За всѣмъ тѣмъ „Новая рада“ свидѣтельствуетъ о мѣткости сужденій, опытности и рѣдкомъ дарованіи автора. Онъ прилежно наблюдалъ жизнь и характеръ людей и глубокомысленно судилъ о нихъ. Его произведеніе съ одинаковымъ интересомъ дѣйствуетъ на умъ и чувство читателя.

Вотъ образчикъ изъ этого любопытнаго произведенія:
„Заецъ“ (совѣтуетъ):

Заецъ по своей вазѣ плаше (плахый-пугливый)

Такъ при томъ сбору стапѣ

Рѣка: крали, (и)мѣй се на печи (заботѣ)

А не строй се къ жадней (никакой) сѣчи,

Але (но) ве впелике потце (стычкѣ)

Будь якожто на поскоцѣ (скачекѣ, бѣгство).

Не дбай (заботься) одѣніе ани мече,

Небѣтъ (ибо) каждый сназе (легкѣ) утече(тъ),

Ктожъ сѣ брани (оружіемъ) не прѣтѣжи,

Неровнѣтъ рыхлѣе (скорѣе) бѣжи(тъ).

Приписываемый нѣкоторыми ему же „Совѣтъ звѣрей“ имѣетъ то преимущество предъ „Новой радой“, что совѣты звѣрей ближе подходятъ къ ихъ природнымъ свойствамъ. Впрочемъ „Совѣтъ звѣрей“, и ниже приводимый „Споръ воды съ виномъ“, по новѣйшимъ излѣдованіямъ, принадлежать не Смилю, а какому то другому неизвѣстному доселѣ сочинителю. (О Смилѣ Фляшкѣ см. Sazor. Mus. 1855 и Sbornik vědecký V 1873 г. „Новый совѣтъ“ изданъ въ Прагѣ г. Гебауэромъ въ 1876. См. „Památky staré literatury české I“).

Вотъ еще нѣсколько любопытныхъ сатирическихъ и аллегорическихъ произведеній. „Сатиры о рѣмесльницѣхъ“ —поло-

вины XIV в., двѣ басни: „Споръ воды съ виномъ“ и „Подковнѣ а жакъ“ (конюхъ и ученикъ), приписываемыя, какъ сказано выше, несправедливо Смилю Фляшкѣ, „Споръ душе съ тѣломъ“ и проч. Это послѣднее стихотвореніе, излагающее столь любимый и распространенный мотивъ, какъ распри между душой и тѣломъ, имѣетъ въ латинскомъ подлинникѣ форму видѣнія, приписываемаго св. Филиберту, хотя въ его житіи и не упоминается объ этомъ. Чешская передѣлка XIV в. латинскаго „Спора“ довольно самостоятельна и по формѣ и даже по содержанію (конецъ въ ней совсѣмъ иной; о Филибертѣ и его видѣніи нѣтъ и помину, и самый споръ происходитъ еще при жизни тѣла и проч.). Она значительно выше и латинскаго подлинника и своихъ сестеръ, нѣмецкихъ передѣлокъ, не имѣя ихъ грубости и безвкусія; обнаруживаетъ много умѣлости и свѣжести, нерѣдко нѣжную шутовскость (Марія, напр., зоветъ Іисуса „Мoj ptáčku“) и замѣчательныя поэтическія красоты. Ради всего этого можно простить нѣкоторую ея растянутость и разныя странности, которыя для средневѣковаго вкуса могли казаться остроумными и удачными, напр. жалоба чертей; *Nast' Maria v posy klekse* (стучить) или: *Čt mne čeka, hrozně štěka* (лаетъ), или образы вродѣ души, сидящей у черта на вѣсахъ.

Что касается шутки „Споръ воды съ виномъ“, то будетъ далеко не лишне привести вкратцѣ суть этой въ высшей степени остроумной сатиры на нравы тогдашняго латинскаго духовенства. Какой то „мистръ св. письма“ (т. е. магистръ богословія) увидѣлъ во снѣ, будто ангелъ доставилъ его на судъ, который былъ производимъ самимъ Богомъ водѣ и вину, поспорившимъ между собою изъ-за первенства. Во время спора обѣ стороны часто ссылались на священное писаніе: напр., вода хвалилась, что послужила для крещенія самаго Спасителя, что издѣлала всѣ болѣзни въ купели „Визезда“,

что текла изъ ребра Иисуса Христа, и упрекала вино, какъ охмѣляющій напитокъ, въ той бѣдѣ, которую оно учинило Ною и Лоту. Вино возражало, что Христосъ назвалъ именно его, а не воду, своею кровью и воду превратилъ въ вино, а не наоборотъ. Затѣмъ вино указывало, что его люди берегаютъ въ чистой посудѣ и держатъ въ почетѣ, для угощень, а съ водой не церемонятся, разливаютъ ее, потому что ея много, и она служитъ для питья животнымъ и звѣрямъ; отвѣчая на упрекъ въ опьяняющихъ свойствахъ, говорило вино и о томъ дѣйстви, какое оно производитъ: выпивши его, всякій чувствуетъ себя прямымъ витяземъ, хотя самъ, быть можетъ, и гроша не стоитъ.

(Ктожъ се винемъ подпилъ смѣле,
Мнѣтъ' быт'(и)мѣлъ часто грѣивенъ целе,
Мнѣтъ' самъ, быт' былъ правый витѣзъ,
Протожъ самъ снадѣ не стои(тъ) за пенѣзъ).

Такъ какъ вода побѣждала, и магистръ боялся, что она могла уничтожить вино, и ему нечего было бы пить, то онъ началъ ихъ мирить; онъ сказалъ, что предъ Богомъ они равны, и разница между ними лишь та, что вино назначено духовному чину, а вода свѣтскому; и какъ оба эти сословія не могутъ обойтись одно безъ другаго, такъ и водѣ должно жить въ мирѣ съ виномъ и не спорить о предпочтеніи: „вѣдь кто предпочитаетъ воду, вѣрно не имѣетъ чѣмъ заплатить за вино, а потому предоставьте на волю Божию, кому изъ людей пить воду, а кому вино“.

Между аллегорическими стихотвореніями заслуживаетъ упоминанія „Anticlaudianus“ соч. Алана Риссельскаго (1114—1203), значительно сокращенное въ чешской передѣлкѣ. По немъ можно составить довольно вѣрное понятіе о философіи и космогоніи среднихъ вѣковъ. (О „Спорѣ“ см. статью Небе-

скаго въ „Casop. Mus. 1847 XXI, т. I. Вообще о Смиль Фляшкѣ см. „Часопись“ 1855 г., „Sborník vědecký“ 1873 г. и Иречковъ „Rukovět“ 194—5 стр.).

2. ДУХОВНАЯ ПОЭЗИЯ.

Древнѣйшимъ памятникомъ тутъ слѣдуетъ считать церковную пѣснь „Господине, помилуй ны“ которая и доселѣ поется въ церкви. Дошла она до насъ въ спискѣ XIV вѣка, но сложена была, если не самими Кирилломъ и Меѳодіемъ, то по крайней мѣрѣ кѣмъ нибудь изъ ихъ первыхъ учениковъ, такъ какъ, по свидѣтельству древнѣйшаго лѣтописца Козьмы, ея пѣлъ простой народъ уже при посвященіи перваго епископа, Дѣтмара, въ 973 г. Затѣмъ—глагольскіе отрывки на 2-хъ пергаментовыхъ листахъ X вѣка; въ нихъ находится нѣсколько гимновъ греческаго обряда, писанныхъ на старославянскомъ языкѣ глагольскимъ письмомъ. Къ этой же порѣ относятъ и пѣснь „Святый Вацлаве, войводо чешке земѣ“, относящаяся къ извѣстному покровителю чешской земли, св. Вячеславу; житіе его, а равно служба и пѣснь въ честь его, дошли до насъ только въ русскихъ спискахъ. Всѣ эти пѣсни не имѣютъ римической формы, какъ и древнѣйшіе свѣтскіе памятники. Но скоро явилась и она, какъ это доказываютъ многочисленныя сборники прекрасныхъ церковныхъ пѣсней, которыя пѣлись на церковныхъ хорахъ, особенно въ XIV в. при архіепископѣ Эрнестѣ Пардубицкомъ. И доселѣ еще извѣстны пѣсни: „Народилъ се Кристусъ Панъ“ и Всталъ тесть твои хвале“ (въ эту минуту). Древнѣйшею изъ такихъ римованныхъ пѣсней нужно считать пѣсню въ 16 стиховъ „Slovo do Světa stvorení“, открытую Ад. Патерою въ латинской рукописи XIII вѣка, принадлежащей капитульной библіотекѣ. (См. „Ча-

сопись“ 1878 г. II 289—294 стр.); затѣмъ имъ же была открыта и другая пѣсна въ латинской рукописи XIII и XIV в., принадлежащей Пражской университетской библіотекѣ: о божьемъ тѣлѣ. (См. „Часопись“ 1882 г.)

Къ этому же роду поэзіи относятся и такъ называемыя легенды о жизни и дѣлахъ Спасителя, Богоматери, апостоловъ и прочихъ святыхъ; большая часть этихъ сказаній относится къ концу XIII и началу XIV вѣка. Самая замѣчательная изъ нихъ и величиной и поэтическими достоинствами—легенда о св. Катеринѣ. Въ духовной поэзіи она по своему значенію—то же, что въ свѣтской—Александрія. Слогъ въ ней легокъ и живъ, стихъ плавенъ, языкъ довольно чистъ и силенъ. Впрочемъ нельзя не замѣтить иногда излишней расплывчатости и вліянія реторической изысканности въ ущербъ естественности ¹⁾. Довольно хороша и легенда о св. Дорошѣ. Прочія же большей частью неважны, аскетически-чудеснаго характера, расплывчаты и доказываютъ только полное паденіе поэзіи. Таковы легенды о св. Прокопѣ, св. Ансельмѣ, Иисусовѣ дѣтствѣ и пр. Впрочемъ всѣ они составляли назидательное и любимое чтеніе, изъ котораго публика поучалась образцамъ христіанскаго геройства, стремившагося вдали отъ суетнаго свѣта къ нравственному совершенству. Вотъ почему эти легенды зачастую являются въ молитвенныхъ книгахъ, оставшихся въ большомъ множествѣ отъ XIV—XV вѣка.

Для характеристики этого рода произведеній я приведу нѣсколько подробностей объ одномъ изъ нихъ, именно „Дѣтство Иисуса“. Сюжетъ Иисусова дѣтства очень старъ и разбросанъ по апокрифическимъ евангеліямъ. Въ св. писаніи почти ничего не говорится о дѣтствѣ Христа; естественно, что мысль и чувство христіанина не могли удовлетвориться

*) Отрывокъ изъ этой легенды см. въ концѣ книги въ приложеніяхъ.

столь скудными свѣдѣніями о первыхъ годахъ жизни Спасителя человѣчества; фантазія необходимо должна была явиться на помощь и пополнить этотъ пробѣлъ. Вотъ гдѣ причина появленія апокрифическихъ сказаній о жизни Христа уже во II вѣкѣ; изъ нихъ скоро составились цѣлыя евангелія и не только на греческомъ языкѣ или латинскомъ, но и на арабскомъ. 1-я часть чешскаго „дѣтства“ составлена по греческому „Protoevangelium Jacobi“ и латинской „Historia de nativitate Mariae et de infante Salvatoris“, а 2-я съ XXXV ст. — по греческому евангелію Thomae Israelitae. Въ общемъ это произведеніе носитъ характеръ крайне безпорядочной компіляціи, ряда выхваченныхъ изъ разныхъ книгъ кусковъ, раздѣленныхъ конечнымъ „аминь“. Неряшливость работы отзывается и на крайне неловкомъ стихѣ, то слишкомъ длинномъ (въ 17 слоговъ) то очень короткомъ (въ 6 слоговъ), и на перепутанности содержанія. „Дѣтство“ замѣчательно еще въ тотъ отношеніи, что характеризуетъ хорошо вкусъ средне-вѣковыхъ читателей, ихъ добродушную нетребовательность. Безвкусіе и красота, остроуміе и бессмыслица смѣшиваются и переплетаются на каждомъ шагу. Рядомъ, напр., съ дѣйствительно милыми сценками (напр., образъ пальмы, предлагающей свои плоды изсохшимъ устами божественнаго отрока и его родныхъ)—безобразныя картины жалкой мстительности Іисуса, забавы мученіемъ. Подобныя неловкости, наконецъ, вовсе не свидѣтельствуютъ ни объ искусствѣ, ни о дарованіи сочинителя. (См. въ „Casop. mus.“ 1847 XXI т. 1).

Здѣсь же слѣдуетъ упомянуть и о псалмахъ, любовь къ которымъ у поэтовъ родилась уже въ XIII—XIV в., когда явились и попытки перевода ихъ на народный языкъ. Къ концу XIII в. или началу XIV относится извѣстный Клементинскій псалтирь, къ XIV в. Виттенбергскій и многіе другіе.

Важная роль, пришедшаяся на долю Мистеріи въ духовной жизни средних вв., заставляеть нѣсколько распространиться объ этомъ интересномъ явленіи. В. Небесскій, съ которымъ въ данномъ случаѣ однакоже не во всемъ можно согласиться, (*Cas Cēs mus.* 1847 XXI т. I. въ статьѣ „*Mastičkař*“) того мнѣнія о мистеріи, что она не имѣла почти никакого вліянія на развитіе новоевропейской художественной драмы. Драма — удѣлъ смертныхъ людей, и боги или святые не могутъ имѣть въ ней мѣста безъ ущерба ея развитію. А мистерія именно брала свои сюжеты изъ такого неудобнаго источника и естественно не могла стать зародышемъ, изъ котораго могли бы вырасти образцовыя драматическія произведенія; она исчезла, не оставивъ по себѣ вѣковѣчнаго плодотворнаго результата. Происхожденіе ея должно искать въ обрядахъ христіанскихъ, оно стоитъ въ связи съ главными праздниками и священными событіями; можно даже сказать, что первоначально мистерія составляла, такъ сказать, экстраординарную часть богослуженія, иллюстрацію обряда. Кромѣ всей наглядности для народа, о которой такъ усердно заботились въ изображеніи священнѣйшихъ событій — а это при непониманіи публичной богослужебнаго языка было тѣмъ болѣе важно, — мистеріи заключали въ себѣ часто поэтическія сцены и величественныя положенія, какъ напримѣръ поклоненіе царей, трепеть пастуховъ при появленіи ангеловъ и пр. Уже издревле страсти Господни пѣлись речитативомъ, и за каждое лицо пѣлъ особый голосъ. Эта драматичность обрядовъ требовала только небольшихъ измѣненій въ смыслѣ сцены, чтобы обратиться въ мистерію. Сначала клиромъ въ церквахъ и монастыряхъ исполнялись предъ народомъ въ драматическомъ дѣйствіи и на латинскомъ языкѣ только важнѣйшія событія изъ жизни Спасителя въ соотвѣтственное время: въ сочельникъ — его рожденіе, въ великія ночи предъ Пасхой — его мученіе, смерть и

воскресеніе. Но скоро содержаніе мистерій расширилось; сюжеты стали браться изъ цѣлаго священнаго писанія (напр. о дѣвахъ умныхъ и глупыхъ, о св. Николаѣ, о Божьемъ тѣлѣ и пр.); увеличеніе дѣйствующихъ лицъ потребовало участія мірянъ, которые стали смотрѣть на участіе въ мистеріяхъ, какъ на богоугодное дѣло, и поддерживались въ такомъ возрѣніи самой церковью.

Но вмѣстѣ съ этимъ неизбежно вошелъ въ мистерію и мірской элементъ—въ видѣ прибаутокъ и пословицъ на народномъ языкѣ. Изъ свѣтскихъ лицъ и эпизодовъ особенно рано является въ мистеріи торговецъ, какъ потому, что въ свящ. писаніи нерѣдко идетъ рѣчь о покупкѣ (двѣ Маріи купили масти, глупые дѣвы хотѣли купить масла); такъ и потому что въ праздники, когда представлялись мистеріи, бывали большіе базары и много торговаго люду. Такой торговецъ, напр., является въ очень старой (первая половина XI в.) французской мистеріи о мудрыхъ и глупыхъ дѣвахъ. Въ одной мистеріи XIII в. о „Мукахъ Христа“ купецъ приходитъ и выхваляетъ свои масти, которыя хочетъ купить Марія Магдалина, чтобы наругаться. Она засыпаетъ на сценѣ, является ангелъ и заставляетъ ее переимѣнить намѣреніе. Скоро эта свѣтская прибавка переимѣнила религіозное содержаніе и сдѣлалась до того, если можно такъ выразиться, скромной, что приходится удивляться ея существованію рядомъ съ священными событіями. Когда мистерія въ XIII вѣкѣ была изгнана изъ церкви на погостъ, она сразу же увеличилась во всѣхъ своихъ подробностяхъ. Число дѣйствующихъ лицъ стало доходить до нѣсколькихъ сотъ, и свѣтскіе исполнители окончательно затерли духовныхъ; представленія стали совершаться уже на народныхъ языкахъ, и только изрѣдка вставлялись латинскія предложенія. Больше всего и лучше всего развилась мистерія во Франціи; тамъ нерѣдко ее разыгрывали прямо на улицахъ богомольцы,

студенты, ремесленники и прочій бродячій людъ. Въ этой же странѣ было сочинено и наибольшее количество мистерій.

Германія, напротивъ, замѣчательно бѣдна мистеріями и въ количественномъ и въ качественномъ отношеніи. Тутъ нѣмцы уступаютъ значительно даже чехамъ; нѣкоторыя ихъ мистеріи переведены съ чешскаго (что, напримѣръ, видно изъ чешскихъ словъ и выраженій въ этихъ нѣмецкихъ обработкахъ), при чемъ щепетильность нѣмцевъ выпустила тѣ мѣста, гдѣ ужъ слишкомъ вольно заявлялъ себя чешскій юморъ либо ѣдкая насмѣшка.

Изъ чешскихъ мистерій XIV вѣка уцѣлѣло, сколько извѣстно, 3: а) „Mastička“ (продавецъ мазей; это только само-бытный комическій эпизодъ изъ мистеріи о воскресеніи Господа; прочее въ чешскомъ подлинникѣ утрачено, но въ нѣмецкихъ передѣлкахъ „Мастичкаря“ сохранилось. (См. Vyb z lit. č. 66 стр.) б) „Hrob boží“, простой переводъ латинской мистеріи, (419 стр.) и в) доселѣ, кажется, неизданная, о „Рождествѣ Христовѣ“; рукопись находится въ публичной пражской библіотекѣ). Изъ этихъ произведеній только „Мастичкарь“ составленъ особенно ловко, умѣло и хорошимъ слогомъ, но этотъ слогъ часто распущенъ и дерзокъ до богохульства; трудно даже повѣрить, чтобы такіа пьесы представлялись публично. Уже изъ этихъ трехъ образцовъ можно видѣть, что чешская мистерія, хотя и произошла, подобно прочимъ западноевропейскимъ, изъ латинскихъ подлинниковъ, получила однако же вполне народный характеръ; въ болѣе нравственномъ, очищенномъ, видѣ она переходила отъ чеховъ и къ нѣмцамъ. (Нѣмецкихъ передѣловъ Мастичкаря извѣстно три).

П Р О З А.

Церковныя произведенія были первыми прозаическими въ Чехіи, какъ и въ остальной Европѣ. Древнѣйшія изъ нихъ, впрочемъ, были писаны на церковно-славянскомъ языкѣ; они были переведены частью Кирилломъ и Меѳодіемъ, частью учениками ихъ. Это доказываютъ уже вышеупомянутые „Глагольскіе отрывки“ церковныхъ пѣсней, составляющіе, очевидно, только часть большаго цѣлаго, служившаго для церковныхъ нуждъ. (Glagolitische fragmente. Prag. 1857) Когда славянское богослуженіе было вытѣснено латинскимъ, стали появляться чешскіе переводы церковныхъ произведеній. Древнѣйшій изъ такихъ переводовъ—пергаментный отрывокъ евангелія св. Іоанна X в., уступающій въ древности только Любушину суду. (Проф Шембера и этотъ отрывокъ считаетъ, подобно Любушину суду, поддѣльнымъ. Въ защиту же неподложности отрывка была помѣщена статья въ „Часописѣ Чешскаго Музея за 1878 г. на 150 стр.) Это тотъ самый отрывокъ, который былъ открытъ въ 1828 г. В. Ганкою въ переплетѣ книги „Disciplina et doctrina gymnasii Gorlicensis“ (Згорѣльской гимназіи); отсюда и отрывокъ извѣстенъ подъ именемъ „Згорѣльскаго“. Основной текстъ—латинскій по вульгатѣ, переводъ же чешскій помѣщенъ надъ латинскими строками (Interlinear version). Гонимое славянское богослуженіе приютилось въ Сазавскомъ монастырѣ при настоятелѣ св. Прокопѣ († 1055). Тамъ то сохранился для насъ одинъ чрезвычайно важный памятникъ древнеславянской письменности, такъ называемое Сазаво-Еммаусское, или Реймское евангеліе, кирилловская часть котораго безъ сомнѣнія написана была самимъ св. Прокопомъ. Это евангеліе было подарено королемъ Карломъ IV славянскому Еммаусскому монастырю въ Прагѣ, откуда

неизвѣстнымъ образомъ попало въ XV вѣкѣ въ Царьградъ, а затѣмъ въ драгоценномъ переплетѣ во Францію въ Реймскій соборъ, гдѣ на немъ короли французскіе при коронованіи присягали до самаго конца XVIII вѣка. Тамъ его видѣлъ русскій царь Петръ Великій, и, къ удивленію французовъ, прочелъ первую, кирилловскую, часть.

Рано также писаны были житія святыхъ и собираемы въ сборники (пассіоналы—патерики). Чешскія житія конечно составлены по латинскимъ подлинникамъ, кромѣ, разумѣется, житій народнославянскихъ святыхъ—Людмилы, Вячеслава и пр., которыя несомнѣнно чисто чешскаго происхожденія.

Сюда же относится и такъ называемое „Житіе Христа“, компиляція, составленная по 4 евангеліямъ въ концѣ XIII или началѣ XIV в. Въ „Часописи Чешскаго Музея“ за 1885 г. помѣщенъ отрывокъ изъ этого „Живота Христа Пана“, изданный по рукописи, принадлежащей Музею, чрезвычайно тщательно.

Библия переводилась частями въ XIII, XIV вв. и была исполнѣ переведена лишь къ началу XV вѣка, когда и была собрана какимъ нибудь духовнымъ отцомъ въ одно цѣлое. (О старочешскомъ переводѣ Ветхаго заветъ см. Часописъ чешскаго музея 1864 и 72 гг. работы І. Иречка.) Древніе переводы священнаго писанія, кромѣ важности въ отношеніи языка, имѣютъ еще и высокую культурно-историческую цѣну, объясняя намъ до извѣстной степени нравы и обычаи предковъ „Переводчики, говоритъ Иречекъ, ввели въ нихъ много словъ и выраженій изъ своего времени, которыя мы напрасно стали бы искать въ свѣтскихъ памятникахъ. Переводчики библии часто старались изъяснить себѣ библейскія догадки по своему крайнему пониманію и опытности и конечно въ духѣ средне-вѣковой образованности. Отсюда, многія названія кушаній и напитковъ, одежды и обуви, посуды и вообще всей домашней

4*

утвари, растений и животных, зодческих и музыкальных предметов, находящаяся въ священномъ писаніи, суть столько же и свидѣтельства о жизни и обычаяхъ населенія того времени, которому принадлежитъ переводъ. Характеръ рѣчи также ясно изображаетъ намъ способъ, какимъ это населеніе привыкло выражать свои мысли.“ Наконецъ, слѣдуетъ замѣтить, что прилежное чтеніе библіи и старательный переводъ ея на чешскій языкъ были иколой, въ которой превосходные писатели XIV в., и между ними Штитный, достигли большой стилистической ловкости и могли ясно и толково рассуждать объ отвлеченнѣйшихъ предметахъ и истинахъ.

Съ церковной литературой въ эту пору тѣсно связана и литература духовно-нравственнаго содержанія, поучительная, представившая собою во многихъ отношеніяхъ замѣчательнѣйшія произведенія прозы XIV вѣка. Основаніе Карломъ IV Прагскаго университета сильно содѣйствовало успѣху наукъ и поднятію умственнаго и нравственнаго уровня въ Чехіи. Прага стала средоточіемъ научнаго изслѣдованія въ средней Европѣ. Правда, языкомъ науки былъ латинскій, и это не служило непосредственно къ усовершенію чешской рѣчи. Но университетъ будилъ мысль въ чешской молодежи, пылкость все росла, и это не замедлило отразиться и на чешской литературѣ. Во второй половинѣ XIV вѣка вышли изъ чешскаго народа замѣчательные мыслители и краснорѣчивые проповѣдники, которые, посредственно или непосредственно, но вліяли на развитіе литературы. Изъ особенно выдающихся лицъ можно назвать Войтѣха Ранка и рыцаря Матвѣя Яновскаго, добывшихъ своей ученостію степени магистровъ богословія въ пражскомъ университетѣ. (о Ранкѣ см. Часописъ Чешскаго Музея. 1872 г.) Краснорѣчіемъ прославился мораванинъ Милічъ изъ Кромѣрижа, вицекапцлеръ Карла IV. Отдавшись, по вызову короля, проповѣдничеству, Янъ Милічъ ревностно

сталъ нападать на пороки своего вѣка, на испорченность духовенства, желая улучшить нравы общества. Необычайная сила рѣчи и огненное вдохновеніе скоро приобрѣли ему съ одной стороны величайшую извѣстность въ обществѣ и при дворѣ, а съ другой сильныхъ враговъ, нерѣдко устраивавшихъ ему темничное заключеніе. Большое вліяніе своими совѣтами и наущеніями имѣлъ онъ на своего ученика, вышеупомяну- таго Матвѣя Яновскаго, который пошелъ еще далѣе учителя въ проповѣди неиспорченнаго христіанства, и на знаменитѣй- шаго писателя своего времени, Осму Штитнаго, который поучи- тельное направленіе дѣятельности Милича перенесъ на лите- ратурное поле и сдѣлался творцомъ благороднѣйшей старо- чешской прозы.

Благородный рыцарь Осма Штитный родился приблизи- тельно въ 1325 г. въ отцовскомъ замкѣ, Штитномѣ, въ Та- борскомъ округѣ, а умеръ около 1400 года. Съ дѣтства онъ отличался быстрымъ соображеніемъ, глубокой набожностью и тонкимъ чувствомъ красоты и величія природы; доброе вос- питаніе укрѣпило эти качества и развило въ немъ благород- ную любовь къ родному языку. Получивши подготовительное образованіе, кажется, въ монастырской школѣ, вскорѣ послѣ открытія университета, Штитный записался также студентомъ. Онъ самъ признается, что любилъ читать о божественныхъ предметахъ, охотно слушая преподавателей, и самъ обо всемъ размышлялъ. Кромѣ университета, на его образованіе вліяли вышеупомянутые Войтѣхъ Ранко и Янъ Миличъ. (о Миличѣ и другихъ см. „*Načpny slóvník*“ и Томекову исторію Праги).

Предметъ разработки тогдашней науки—составляли бо- гословскіе вопросы, особенно темные и загадочные. На нихъ шло все рвеніе и всѣ силы мыслителей и ученыхъ, призывав- шихъ на помощь философскія, часто дурно понятыя, системы древняго міра. Что же было въ результатъ? Необычайно тех-

ныя и запутанныя объясненія да масса писаній и соображеній величайшей учености, трактовавшихъ часто о самыхъ незначительныхъ вещахъ. Теперь смѣшно даже и подумать, на что уходили силы тогдашняго ученаго люда. Часто побужденіемъ къ такому усердствованію служило вовсе не стремленіе къ истинѣ, а жалкое тщеславіе, желаніе выставить на показъ свою, хотя бы и пустую, ученость. Они вовсе не заботились о томъ, чтобы своими изслѣдованіями принести дѣйствительную пользу образованію массы; смотря на ученость, какъ на исключительное достоинство своего цеха, схоластики употребляли въ своихъ сочиненіяхъ и чуждый обществу языкъ, латинскій; а потому о скольконибудь тѣсной связи ихъ съ массою общества, равно какъ и о болѣе или менѣе сильномъ вліяніи ихъ, нечего и говорить. Штитный скоро замѣтилъ своимъ яснымъ умомъ бесполезный эгоизмъ и бессмысленную сухость такой учености и потому вооружился противъ нея со всей мощью своего духа. Владѣя всеми тогдашними науками, онъ имѣлъ еще и счастливый даръ излагать свои свѣдѣнія ясно, удобопонятно и красивымъ слогомъ.

Предметомъ своей популяризаціи онъ выбралъ главнымъ образомъ истины христіанскаго ученія; охотнѣе всего онъ употреблялъ доказательства простыя и понятныя, основанныя на священномъ писаніи, на здоровомъ разумѣ и ясныхъ явленіяхъ природы, но не избѣгалъ и дѣйствительно важныхъ выводовъ старыхъ классическихъ философовъ; вдаваться же въ тонкости древнихъ системъ философскихъ и въ темное мудрствованіе считалъ вреднымъ. Главная цѣль его работы была—сдѣлать доступными результаты своихъ изслѣдованій народу, добиться того, чтобы земляки его „зе злѣго се карали, правдѣ се научили а въ добремъ се рознитали“ (ужасались злаго, учились истинѣ, усердствовали въ добрѣ). Онъ не отгораживалъ храмъ христіанской науки римской или латинской стѣной отъ на-

рода, онъ противъ схоластиковъ выставилъ то благородное начало, что всяческая ученость должна распространять въ темной массѣ неученаго люда полезныя знанія. Потому то въ своихъ произведеніяхъ онъ употреблялъ исключительно чешскую рѣчь, при томъ простую и ясную. Естественно, что его труды пользовались огромнымъ успѣхомъ въ обществѣ. Они были достойными наслѣдниками проповѣдей его учителя Яна Милича.

Подобная дѣятельность народнаго мыслителя, конечно, не могла особенно нравиться представителямъ латинской учености въ университетѣ. Они старались очернить его, твердя, что Штитный, употребляя общепонятный языкъ, унижаетъ ихъ высокую ученость, низведя её съ высоты ученыхъ цеховъ въ простой народъ; кромѣ того, они негодовали на него и за то, что онъ, не будучи „мистромъ“ (т. е. магистромъ), имѣлъ дерзость заниматься вещами, касаться которыхъ въ правѣ только „мистры“. Штитный сначала не обращалъ вниманія на эти упреки, а послѣ отвѣтилъ такъ: св. Павелъ писалъ еписколы (послания) свое жидумъ жидовскы, (Г)рѣкомъ (г)рѣцкы, каждому народу въ рѣчи ему зрозумительнѣ; прочъ (почему бы) быхъ а чехумъ, краянумъ (землякамъ) свы(ои)мъ, чesкы пьсати се остыхалъ (стыдился)? Буду (по) чesкы пьсати, протоже (ибо) Чехъ йсемъ, а панъ Бугъ чеха яко латиника милуе (любитъ)“.

Еще въ началѣ текущаго столѣтія никто не подозрѣвалъ ни множества сочиненій Штитнаго, ни цѣны ихъ. Только Палацкій, собирая матеріалъ для чешской исторіи, обратилъ вниманіе ученыхъ на нихъ, послѣ чего Юнгманъ, Челяковскій, Ганушъ, особенно же Яроміръ Эрбенъ и Въртатко начали выносить на свѣтъ эти сокровища.

Штитный писалъ свои труды въ видѣ разсужденій, и каждое изъ нихъ составляло особое цѣлое. До сихъ поръ найдено 26 такихъ книжекъ—двойкаго направленія: умозритель-

наго и правоучительнаго. Важнѣйшее произведеніе 1-го рода — „Rozmluvy nábožné“, называемыя у самого Штитнаго „Řeči besední“. Здѣсь онъ старается доказать научно истины христовата ученія; тутъ читатель найдетъ философскія разсужденія о Богѣ, ангелахъ, какъ посредникахъ между Богомъ и людьми, и о челоуѣчествѣ. Желая придать сочиненію больше занимательности, авторъ употребилъ сократическій способъ, давши труду видъ бесѣды между отцемъ и дѣтьми. Вслѣдствіе философской важности этого произведенія, г. Ганушъ основалъ главнымъ образомъ на немъ свой разборъ философіи Оомы Штитнаго, изданный въ 1852 г. Чешской Матицей.

Но большая часть трудовъ Штитнаго имѣютъ правоучительное содержаніе. Литературное стремленіе вело его главнымъ образомъ къ сѣянію въ народѣ твердыхъ религіозныхъ убѣжденій и благородныхъ нравственныхъ устоевъ. Произведенія этого рода у него частію самобытны, частію составлены по чужезычнымъ трудамъ. Восемь изъ нихъ были изданы подъ редакціей К. Яром. Эрбена, озаглавившаго ихъ „Tomáše ze Štitného knížky šestery o obecnychъ věcechъ kž'est'anskýchъ“, въ 1852 г. Пражскимъ университетомъ въ память своего 500-лѣтняго существованія. Прочія сочиненія поучительнаго характера, числомъ 17, озаглавленные „Thémy z Štitného knihy naučení křest'anského“, были изданы подъ редакціей бібліотекаря чешскаго музея Върятка въ 1873 г. къ празднованію собраніемъ Чешской Матицы столѣтія со дня рожденія Юнгмана. Произведенія, изданныя Эрбеномъ, были назначены самимъ Штитнымъ для своихъ дѣтей; прочіе же — для общества.

Кромѣ указанныхъ трудовъ, Штитному можно почти съ полнымъ правомъ приписать книжку „O (и)грѣ Шахове (о шахматахъ), какъ это и дѣлаетъ г. Фердин. Менчикъ, приготовившій это произведеніе къ изданію (см. Památku stare literatury české, č. 6. Прага 1880 г.). По изысканіямъ г. Мен-

чика эта книга вольно переведена въ концѣ XIV вѣка съ латинскаго (книга Якова Кассодисъ „Liber de moribus hominum или Solatium ludi scachorum“, составлен. около 1290 г.) Она состоитъ изъ 3 частей, заключающихъ въ себѣ 12 главъ. Въ первой части такія главы: 1) Прочъ (зачѣмъ) (и)гра въ шахы есть вымыслена? 2) Кд(т)о тѣхъ вымыслилъ 3) О шашехъ. Во 2-й части изложены частныя наставленія объ отдѣльныхъ фигурахъ (о королѣ, королевѣ, конѣ, башнѣ (или печи), рыцаряхъ, о попахъ.) Въ третьей части изложены правила о положеніи фигуръ и ихъ передвиженіи. Всѣ эти правила и наставленія о шахматной игрѣ, назначенныя какъ для короля, такъ и для людей всякаго другаго чина, пересыпаны прекрасными нравственными мыслями совершенно въ духѣ Штитнаго.

Самъ Штитный, какъ сынъ своего вѣка, зналъ толкъ въ этой игрѣ и, вѣроятно, любилъ ее, такъ какъ неразъ упоминаетъ о ней въ своихъ сочиненіяхъ. Напр. въ трудѣ „Книжки Шестеры“ на стр. 28 мы находимъ такое мѣсто: „Ай вдыжъ въ шахы (и)граи(—ють) йижъ (ужъ) здвига (сдвинувъ) шахъ длуго мысли(—лятъ), вде бы ей (его) безпечнѣ посадилъ“; а въ „Книгѣ наученіи крѣстьянскаго“ на стр. 22 стоятъ такія слова: Лѣпе (лучше) есть спати небъ (или) въ шахы грати, нежъ празднити (бездѣльничать). Я не стану приводить, разныхъ доказательствъ множества указываемыхъ Менчикомъ въ подтвержденіе едо догадки, что переводчикъ этой книги именно Штитный, но о нѣкоторыхъ упомяну. И въ книгѣ о шахматной игрѣ и у Штитнаго (см. „Книжки Шестеры“ 87 стр.) св. Елизавета приводится, какъ примѣръ скромности. Есть весьма сходныя мысли, выраженныя почти тождественно въ обѣихъ этихъ книгахъ. Напр. на 151 стр. „книгъ шестерыхъ“ находятся слѣдующія слова, почти повторяющіяся и въ книгѣ о шахматахъ на 29 стр. „Пани могу(тъ) подле (по) права

нѣктера права негодна промѣнѣвати а добре уставовати съ по(з)волені(е)мъ св(о)е(ѣ) обще (общины), анебѣ (либо) старшихъ (и)зъ обще, уряду св(о)его правемъ“

Если дѣйствительно книга о шахматахъ принадлежитъ перу Штитнаго, то это дѣлаетъ честь его проникательности, знанію своего вѣка и общества, умѣнію пользоваться всякимъ случаемъ для наставленія и поученія своихъ ближнихъ. Въ самомъ дѣлѣ онъ воспользовался для распространенія своихъ назидательныхъ и нравственныхъ мыслей игрою, любовь къ которой въ срдніе вѣка была необычайна; и расчетъ—перемѣшавъ наставленія къ этой игрѣ съ назиданіями и разными нравственными мыслями, дѣйствовать на улучшеніе общественныхъ нравовъ болѣе чѣмъ удаченъ.

О любви, какою пользовалась шахматная игра у средне-вѣковыхъ чеховъ, см. статью въ иллюстрированномъ чешскомъ изданіи „Свѣтозоръ“ за 1878 г. число 31. Я же приведу здѣсь слѣдующее мѣсто изъ романа о Тристрамѣ, также свидѣтельствующее о томъ же. (стихъ 2575).

„Брангенена безъ мѣшканіе вставши,
Шаховници(—у) къ собѣ взявши,
Постави(—ла) и (ее) ту прѣдъ свѣтло

Наконецъ общеизвѣстенъ средне-вѣковый обычай, въ силу котораго посоль, прибывшій къ какому нибудь владѣтельному двору съ цѣлю сватовства невѣсты для своего повелителя, долженъ былъ сыграть съ ней партію въ шахматы; такое сватовство могло быть успѣшнымъ лишь въ случаѣ его удачи.

Всѣ труды Штитнаго сильно переписывались и усердно читались. Написаны они такимъ живымъ и сильнымъ слогомъ, что непреодолимо дѣйствовали на умъ и сердце читателей ясностью и наглядностью содержанія. Но гдѣ хотѣлъ Штитный подѣйствовать убѣжденіемъ на читателя, тамъ простота

слога сѣняется краснорѣчіемъ, полнымъ библейскаго духа и силы.

Одно изъ главныхъ средствъ, съ помощью которыхъ онъ дѣлалъ свой слогъ столь пріятнымъ, было частое употребленіе образовъ изъ природы. Слѣдующія его слова свидѣлствуютъ о возвышенности его возрѣнія на природу: „Свѣтъ есть яко книга ктеру рука, я мнимъ (думаю), моцъ (мочь) а мудрость Божи напсала; впелики (всякій) творъ (тварь) есть яко слово въ те книзе, ежъ (котор.) о Божи моци а мудрости свѣдчити ма. Ту прійде, якъ се то става (какъ это обыкновенно бываетъ), еденъ, види ту книгу а погледне дони; вшакъ (однакоже) цо каждѣ слово знаменѣ неви (вѣдаеть). Прійде другій а хвали зевнѣйшекъ (внѣшность) книги, якъ сквостнѣ есть вазана, (какъ великолѣпно переплетена) а трѣтій велеби (возвеличиваетъ) zase (опять) еи добре письмо; еднѣ (только) душевнѣй чловѣкъ розуми смыслу, ктерый ве словесѣ есть“.

Дѣятельность Штитнаго—драгоцѣнное явленіе въ исторіи XIV вѣка. Едвали въ эту пору всеобщаго господства латини можно въ цѣлой Европѣ найти другаго такого писателя, который бы обогатилъ и облагородилъ свою народную письменность столькими прекрасными трудами. Языковѣдъ найдетъ въ нихъ великолѣпные образцы обработанной древнеческой прозы; историкъ образованности—богатый матеріалъ для уразумѣнія общественныхъ, политическихъ и религіозныхъ отношеній въ XIV вѣкѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ увидить всю моцъ вліянія этого чловѣка на воспріимчивую мысль народа, который былъ веденъ имъ къ самостоятельному мышленію и къ улучшенію глубоко навшихъ нравовъ. Матвѣй изъ Янова своими здоровыми произведеніями, писанными по латини, будиль пытливость мысли; Миличъ огненнымъ краснорѣчіемъ побуждалъ къ нравственной жизни. Штитный соединилъ въ

себѣ дѣятельность ихъ обоимъ и сдѣлалъ ее благодаря доступности изложенія вполне плодотворной. О Штитномъ см. „Освѣту“ за 1874 годъ и Часопись чешск. Музея за 1847, 1861 и 1878 годы.

Кромѣ поучительной литературы, представленной этимъ превосходнѣйшимъ писателемъ XIV вѣка, въ это время разрабатывались также *исторія и право*.

Древнѣйшая исторія состояла въ простомъ лѣтописаніи; лѣтописцы вписывали событія по порядку лѣтъ, не вникая ни въ сущность фактовъ, въ ихъ внутреннюю связь, ни въ важность ихъ и дѣйствующихъ лицъ. Языкомъ лѣтописей въ Чехіи, какъ и въ остальной Европѣ, сначала былъ исключительно латинскій, а писали ихъ обыкновенно лица духовныя, какъ наиболѣе образованныя. Лучшимъ изъ старыхъ чешскихъ лѣтописцевъ считается Козьма (+ 1125), деканъ Пражской капитулы, „отецъ чешской исторіи“. (Превосходный переводъ его лѣтописи см. въ Томковомъ трудѣ „Prameny (источники) dějin (исторіи) českých“ 1873 г.). Латинская лѣтопись долго еще господствовала въ Чехіи: только въ началѣ XIV вѣка явилась первая лѣтопись, и при томъ стихотворная, на народномъ языкѣ („Далимилова“) неизвѣстнаго автора; въ немъ съ наибольшимъ основаніемъ предполагаютъ рыцаря Іоаннитскаго ордена, который въ 1309—10 году, уже старцемъ, жилъ въ монастырѣ, въ Прагѣ на Малой Странѣ, у моста (см. Введеніе къ III отд. „Праменовъ“). О поэтическихъ достоинствахъ этой лѣтописи было уже выше говорено, а по содержанію она обнимаетъ собою событія отъ древнѣйшихъ временъ до короля Яна Люксембургскаго (1314 г.). Что касается исторической стороны, то не смотря на то, что составитель изображаетъ событія послѣ смерти короля Отокара II, какъ очевидецъ, все таки этой хроникой слѣдуетъ пользоваться осторожно, такъ какъ въ ней много баснословнаго и при-

страстного; вражда къ нѣмцамъ проведена въ ней повсемѣстно и слышномъ ужъ рѣзко и страшно. (Изъ всѣхъ довольно многочисленныхъ изданій Далимила желающему ознакомиться съ нимъ въ подлинникѣ лучше всего взять хорошее и научное изданіе извѣстнаго чешскаго ученаго I. Иречка „Rymova kronika česka tak řečeného Dalimila (Památky staré literatury české, číslo 2) Прага 1878 г., съ хорошимъ предисловіемъ объ авторѣ лѣтописи.)

Вотъ для образца отрывокъ изъ этой лѣтописи: Вавилонская башня и Сербы (происхожденіе славянъ):

Кдыжъ вешкенъ (когда весь) людъ про (за) сву

вину

Кромъ осми (=Ной, жена его и 3 женат. сына)

водоу згину(лъ),

То ти йижъ (ужъ) бѣху остаи,

Ото всхода слунце встали,

Ку полудню вжды сѣ браху (все пробирались)

Небо (ибо) бѣху пълни страху:

Потому сѣ вездѣ боецъ (боясь)

Сами собѣ въ томъ невѣрьецъ (вѣря)

Кдыжъ на одномъ полѣ бѣху,

Емужъ Сенааръ дѣху (звали)

Ту немудру раду (совѣтъ) вѣху (взяли),

А правѣ подобну къ смѣху.

Рькуцъ (говоря): Поставмы вѣжу (башню) собѣ,

Та будь взвыши ажъ до небе.

А кдыжъ ту вѣжу дѣлаху,

Твердыми циглами (кирпичами) стлаху;

Клій (клей) (в)мѣсто вапна (извести) имѣху,

Вшихни (всѣ) одну рѣчь млувиху (молвили).

Богу се дѣло не смияи (не полюбилось)
Онъ ихъ языки такъ змыли(—лъ) (смѣшаль)
Же (что) братръ братру не розумѣ(—лъ),
Але (но) каждый злапшню (особую) рѣчь имѣ(лъ).
Такъ свего дѣла прѣстаху,
А другъ отъ друга сѣ браху.
Каждый собѣ власть устави(лъ)
Отъ тѣхъ взиду розни нрави.
Особиху собѣ земѣ,
Якъжъ и дьнесъ ма (имѣеть) каждая све имѣ.
Мези иными Сърбове
Оттудъ, кде жъ быди (живуть) (Г)рѣкове,
Дле морѣ сѣ усадиху. (усѣлись вдоль Адриатичес-
каго моря)
Ажъ до Рима сѣ взплодиху...“ и дагѣс:

2. Чехъ.

Въ сърбскемъ языцѣ есть земѣ,
Ежъ то Харвати есть имѣ.
Въ той земли бѣше лехъ (дворянинъ)
Ему жъ имѣ бѣше Чехъ....
Тенъ Чехъ имѣше братровъ шість,
Про нѣжъ имѣше моцъ и честь

и т. д.

По приказанію короля Карла IV священникъ Прибиславъ Пулкава изъ Граденина († 1380), одно время ректоръ коллегіальной школы у св. Иліи, написалъ латинскую хронику о чешской землѣ, а потомъ перевелъ еѣ и на чешскій языкъ. Пулкава начинаетъ съ древнѣйшихъ временъ, какъ и Далимилъ, особенно останавливается на несчастномъ времени Оттона Браниборскаго и оканчиваетъ смертью королевы Ели-

советы 1330 г. Хроника Пулкавы—первая, написанная чешской прозой. Въ „Часописи чеш. муз.“ за 1885 г. мы находимъ чрезвычайно тщательно изданные отрывки изъ этой летописи, по рукописи, принадлежащей Музею; редакция принадлежит г. А. О. Патеръ. Этому же писателю принадлежит въроятнѣе всего и переводъ на чешскій языкъ по приказанію Карла IV автобіографіи этого короля. (Довольно большіе отрывки изъ „Козьмы Пражскаго“, „Далемила“, „Пулкавы“ и „Гайка“ русскій читатель можетъ найти у Н. Некрасова въ его изданіи Краледворской рукописи (Спб. 1872) 365—438 стр.)

Чехамъ не безызвѣстны были и замѣчательнѣйшія изъ иностранныхъ произведеній. Такъ Вавринецъ (Лаврентій) изъ Брѣзовой, магистръ Пражскаго университета, издалъ, въроятно въ началѣ XIV вѣка, на чешскомъ языкѣ любимую тогда путевую книгу Англичанина Ивана Мандевила „Cestu po svĕtu“, написанную въ 1332—35 г. Онъ же перевелъ съ латинскаго „хронику о римскихъ государяхъ“. Но важнѣйшимъ трудомъ этого рода былъ прекрасный переводъ знаменитаго путешествія „Милліонъ“ или описанія восточныхъ странъ, особенно же государства хана Кублая (Выборки изъ „Милліона“ и изъ другихъ упомянутыхъ переводовъ см. въ Vyb. z česk. literat. I и II части, также въ „Děj. řeci a lit. čes. od A Šembery; изъ путешествія Марка Поло Саз. с. м. 1873).

Это замѣчательное произведеніе написано извѣстнымъ венеціанскимъ путешественникомъ Маркомъ Поло къ концу XIII вѣка, какъ думаютъ, по латыни; въ XIV же вѣкѣ оно было переведено на различные другіе языки.

Кто сдѣлалъ чешскій переводъ, неизвѣстно; можно не безъ основанія думать, что переводъ принадлежалъ тому же Вавринцу Брѣзовскому.

Право также издавна обрабатывалось въ Чехіи. Тяжба составляет содержаніе древнѣйшаго произведенія „Любушинъ судъ“, гдѣ очевиденъ живой смыслъ справедливости вообще и домашняго права въ особенности. Тамъ упоминается о законахъ вѣкожизненныхъ боговъ, о доскахъ правдодатныхъ. Тамъ же и характерныя слова Ратибора: „Нехвально намъ въ Нѣмцѣхъ искати правду; у насъ правда по закону свату, юже принесеху отци наши“. Здѣсь очевидный намекъ на законы, изстари хранившіеся въ странѣ. Съ принятіемъ христіанства чешскій языкъ, ограниченный и въ другихъ областяхъ литературы, отсутствуетъ и въ правѣ; но съ XIV вѣка появляются юридическіе памятники и на немъ. Древнѣйшій изъ такихъ памятниковъ— „Книга Старого пана зъ Розенберка“— относится къ первой четверти XIV вѣка. Здѣсь описываются обычаи при веденіи разныхъ тяжбъ и юридическія правила, принятые для этого, и все это такъ подробно, что читатель получаетъ ясное понятіе о цѣломъ строѣ чешскаго суда въ началѣ XIV в. Къ сожалѣнію книга сохранилась не вся. Панъ Розенбергъ, упоминаемый въ названіи книги, есть безъ сомнѣнія Петръ, высшій коморникъ чешскаго короля (1312—1341).

Книга эта очень важна и въ другомъ отношеніи, именно какъ памятникъ старочешскаго юридическаго языка.

„Выкладъ (объясненіе) на право земскѣ“ соч. Ондрѣя зъ Дубѣ († 1412), высшаго судьи чешскаго королевства. Здѣсь объясняется способъ, которымъ велись дѣла въ земскомъ судѣ, при томъ очень подробно, такъ какъ предметъ былъ лично близокъ и извѣстенъ составителю. Отсюда же мы получаемъ свѣдѣнія о судахъ дворцовомъ, духовномъ и земскомъ.

Ондрѣй зъ Дубѣ, основавъ свой трудъ главнымъ образомъ на Книгѣ Розенбергской, ставъ такимъ образомъ какъ бы преемникомъ неизвѣстнаго автора, старѣйшаго почти на сто

лѣтъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ предшественникомъ еще славнѣйшаго правовѣда, Викторина изъ Вшегърдъ, прославившагося въ свою очередь лѣтъ чрезъ сто. „Рядъ (порядокъ) права земскаго“—книга, сходная по содержанию съ Розенбергской. Къ этому же времени относится чешскій переводъ книги „*Majestās Carolina*“ Карла IV, которая излагаетъ данныя объ управленіи чешскаго королевства (1348 г.). Наконецъ упомянемъ еще и о книгѣ „Рядъ коруновану крале чешскаго,“ написанной по латыни по приказанію Карла IV, а потомъ переведенной и по чешски.

Затѣмъ была масса книгъ, содержащихъ въ себѣ права городовъ, вассаловъ и пр., напр., „Права великаго города Праги“, переведенныя съ латинскаго, „Магдебургское право“ и др. Эти книги заключаютъ въ себѣ нерѣдко, не смотря на присутствіе въ чешской официальной жизни многихъ другихъ элементовъ, старинныя юридическія обычаи славянъ.

Въ заключеніе слѣдуетъ упомянуть и о древнихъ попыткахъ чешской лексикографіи и прежде всего о чешскихъ словахъ такъ называемаго Вацерада въ латинскомъ толковомъ словарѣ сенъ-галленскаго аббата и Констанцскаго епископа Соломона († 920 г.), важныхъ какъ въ культурномъ, такъ и въ языкознательномъ отношеніи. Это извѣстная книга, такъ называемая „*Mater verborum*“, огромнаго формата in folio. Разборъ чешскихъ словъ изъ этой книги см. въ Часописи чешскаго музея за 1877 г. (дѣльный трудъ г-на Патеры. Трудъ Патеры, очень цѣнный по своей добросовѣстности, изданъ и по-русски въ Приложеніи къ XXXI тому „Записокъ Императ. Академіи Наукъ“ Спб. 1878 г. Важны также и дополнительныя замѣчанія И. И. Срезневскаго, составляющія почти половину всей работы! См. также начало обстоятельной статьи В. И. Ламанскаго „Новѣйшіе памятники древне-чешскаго языка“ Ж. М. И. П. 1879 г.) *).

*) Г. Патера въ послѣднее время представилъ цѣлый рядъ

Этотъ же любопытный памятникъ заключаетъ въ себѣ и очень красивыя миниатюры, принадлежащія къ древнѣйшимъ и превосходнѣйшимъ памятникамъ древнечешскаго искусства. Онъ хранится въ чешскомъ музеѣ. Чешскія глоссы писаны въ 1202 г. Къ сожалѣнію, большая часть этихъ чешскихъ словъ, по изслѣдованію Патеры, оказалась поддѣльною! Именно такихъ словъ онъ насчиталъ болѣе восьмисотъ: только 339 глоссъ оказались подлинными! Любопытно, что въ числѣ подложныхъ словъ оказались самыя имена писца Вацерада и рисовальщика миниатюръ Мирослава!

Латиночешскій словарь Розкоханого писанъ между 1360 и 1364 годами. Были и другіе труды этого рода.

Изъ всего, что сказано въ этомъ обзорѣ чешской прозы, видно, что послѣ нравоучительной литературы особенно раз-
подобныхъ работъ, обнаруживающихъ въ немъ вообще большее критическое чутье истины и прекрасное знакомство съ древними рукописями, въ которыхъ онъ теперь едва ли не лучшій знатокъ между чешскими учеными. Въ 1879 году, напр., въ „Часописи чешскаго музея.“ 2 и 3-й вып. была помѣщена весьма отчетливая работа его „Старочешскіе глоссы (слова) въ латинскомъ псалтирѣ“, изд. по рукописи, принадлежащей музею. (398—417 стр. и 480—537) а за годъ передъ тѣмъ имъ же были изданы и такъ называемые „Грегорианскія глоссы“ (чешскія и старославянскія), находящіяся въ латинской рукописи, принадлежащей Капитульной Библіотекѣ въ Прагѣ. (См. Часопись чешскаго музея 1878 г. 4 выпускъ). Въ томъ же году и въ томъ же изданіи помѣщена была имъ и одна старочешская пѣсня XIII вѣка „Слово до свѣта створенье“, выбранная опять таки изъ латинской рукописи, принадлежащей тому же Капитульному Пражскому Книгохранилищу. Приходится только удивляться неумоимости и усердію этого чловѣка!)

работывалось право и развилось до замѣчательныхъ самостоятельныхъ трудовъ. Равномѣрно совершенствовался и правово́й языкъ, такъ что уже приблизительно съ 1379 года начали появляться вмѣсто латинскихъ чешскія грамоты, а при Вячеславѣ IV всякія общественныя объявленія и распоряженія появлялись уже на чешскомъ языкѣ.

II. СРЕДНЯЯ ПОРА.

а) время высшего развитія чешской словесности (отъ 1410 до 1620 года).

ОБЩИЯ ЗАМѢЧАНІЯ.

Какъ предшествующій періодъ былъ, можно сказать, поэтическимъ періодомъ чешской словесности по преимуществу, такъ этотъ, напротивъ, можно разсматривать, какъ время преимущественнаго развитія прозы и вообще мужественнаго разцвѣта литературы. Вторая половина перваго періода служитъ связующимъ звеномъ между ними, такъ какъ въ ней положены были прочныя основанія чешской прозы щитнымъ и правовѣдами. Изъ причинъ, способствовавшихъ преимущественному развитію прозы въ разсматриваемое нами время, особенно замѣтны: литературная дѣятельность Гуса и общества „братьевъ“ и вліяніе гуманистическихъ идей въ Чехіи. Гусъ между прочимъ исправилъ чешское правописаніе, въ которомъ господствовала до него большая неурядица. Латинская азбука не могла выразить всѣхъ славянскихъ звуковъ: ě, d', n', ř, ž (ч, дь, нь, рь, ж) и пр.; они изображались очень разнообразно, часто нѣсколькими буквами, отъ чего происходили нерѣдко недоразумѣнія и неясности. Долгота гласныхъ обозначалась ихъ удвоеніемъ, различіе *i* и *y* не наблюдалось, да и самое *y* почти опошлилось въ употребленіи.

Гусъ, опираясь на старославянскія преданія, дополнилъ латинскую азбуку разными знаками. Чисто славянскіе согласные звуки онъ сталъ обозначать латинскими буквами съ точками наверху (c, s, z...=č, š, ž...), i опредѣлили ставить послѣ мягкихъ согласныхъ, а y—послѣ твердыхъ. Обширнѣе эти правила были имъ изложены въ особомъ латинскомъ сочиненіи (издано съ чешскимъ переводомъ А. Шемберой въ 1857 года. „Mistra Jana Husi ortografie česka“). Простота, опредѣленность и послѣдовательность ихъ были очевидны; не смотря на то, они получили всеобщее распространеніе лишь въ XVI в. благодаря дѣятельности „братьевъ“. Правописаніе Гуса положено было главной основой и для нынѣшняго чешскаго.

Кромѣ этой заслуги, Гусу принадлежитъ и другая—продолженіе дѣла Щитнаго въ смыслѣ обработки простаго языка, старанія сдѣлать его пригоднымъ орудіемъ для поученія народа. Это видно не только изъ того, что онъ былъ „любимымъ“ проповѣдникомъ, но и изъ чешскихъ произведеній его, гдѣ простая рѣчь возведена на степень книжнаго языка. Гусъ въ этомъ дѣлѣ, естественно, пошелъ еще дальше Щитнаго.

Важно также, что Гусъ очень ревниво оберегалъ чистоту народнаго чешскаго языка и усердно возставалъ противъ внесенія въ него нѣмецкихъ словъ, что особенно замѣчалось въ рѣчи пражанъ. Въ своихъ сочиненіяхъ Гусъ также очень строго наблюдалъ чистоту языка.

Вотъ, напримѣръ, какъ онъ рѣзко выражается противъ пражанъ (Vyklad desatera bož. přikazanie, глава 40. Эрбенъ I, 133—4): „Кнѣжата, пани, рытѣри, владыки, мѣщене май(ютъ) сѣ поставити, абы чesка рѣчь не гынула; пойме(ть возьмestъ) ли чехъ нѣмкыни(ю), абы дѣти игнедъ (тотчасъ) сѣ чesкы учили а не двоили рѣчи, небъ (ибо) рѣчи двоеніе есть готовое завидѣніе, розтѣрженіе, попузеніе (возмущеніе) а сваръ

(ссоры). Протожъ (потому то) свате памѣти Карель пѣсарь, краль чешскій, приказаль есть былъ пражаномт, абы све дѣти ческы учили, а не раднемъ (думскомъ) дому, ему-жъ (по) нѣмецки рѣкаи(ють, зовуть) „gathaus“, абы ческы млу-вили а жаловали (судились). А вѣрнѣ, якожъ Неемія, слы-шавъ ано дѣтки жидовске млувіе одполу (на половину) азот-ски а не умѣи(ють) (по) жидовскы, а прото е (ихъ) мръскаль (хлесталь) а билъ: тежъ ныпѣ годни бы были мръсканіе(я) пражане а ини чехове, енжъ млувіе(ять) одполу ческы а од-полу нѣмецкы, рѣкаицъ (говора): „тоболька“ вмѣсто „то-болка“, „лико“ вмѣсто „лыко“, „гавтухъ“ вмѣсто „убрусецъ“, „шордъ“ вмѣсто „заштѣрка“, „кнедликъ“ вмѣсто „пишка“, „ренлиъ“ вмѣсто „трерожка“, „панцѣрь“ вмѣсто „крунеръ“, „гуншкопъ“ вмѣсто „конскій наглавекъ“, „марштале“ вмѣсто „коннице“, „мазгаусъ“ вмѣсто „свѣрхни сѣнь“, „трепкы“ вмѣсто „ходы“, „мантликъ“ вмѣсто „плащикъ“, „гаускнехтъ“ вмѣсто „домовый пахоекъ“, „форманъ“ вмѣсто „возатай“. А кто бы могъ вше выпсати, до су(ть) рѣчь ческу ижъ (ужъ) змѣтли (испортили)? Такъ же кды правый чсхъ слыши ани такъ млувіе(ять), не разуміе(ѣть) имъ, до млувіе; а одтудъ похазіе гнѣвъ, зависть, розброй, сварове а ческе потупеніе (униженіе).

„Община чешскихъ братьевъ“ въ этомъ отношеніи яв-ляется прямою духовною преемницей Гуса. Зародившись въ половинѣ XV вѣка, она только въ XVI вѣкѣ получила важ-ное значеніе для чешской литературы, когда приняла въ сво-емъ ученіи начало постояннаго усовершенствованія и посту-пательнаго движенія. Съ рѣдкой ревностью и добросовѣст-ностью заботилась она о просвѣщеніи и однимъ изъ главныхъ предметовъ изученія ставила родную рѣчь, такъ какъ усиленно трудилась и надъ обработкой, облагороженіемъ и чистотою народ-

наго языка. Лучшіе стилисты XVI и XVII вѣковъ, какъ Янъ Благославъ, Карилъ Жеротинъ, Амосъ Коменскій, принадлежали къ „братьямъ“.

Община усердно распространяла книгопечатаніе и къ концу XV вѣка основала книгопечатню въ городѣ Младой Болеславѣ, а въ началѣ XVI вѣка въ городахъ Бѣлѣ и Литомышлѣ, гдѣ до самаго 1547 г. было средоточіе общины. Когда „братевъ“ стали послѣ этого года преслѣдовать, такимъ мѣстомъ сдѣлался у нихъ Преровъ въ Моравіи, гдѣ тоже были устроены книгопечатни; знаменитѣйшею изъ нихъ была Иванчицкая, переведенная въ 1518 году въ Кралицы.

Третьей причиною процвѣтанія прозы въ это время былъ гуманизмъ, или изученіе классическихъ языковъ и литературъ, проявившееся въ Чехіи только во 2-й половинѣ XV вѣка, при королѣ Юріи Подѣбрадѣ. Нѣкто Янъ изъ Рабштейна, проведши нѣсколько лѣтъ въ Италіи, гдѣ гуманизмъ давно уже процвѣталъ, возвратился въ Чехію и пробудилъ тутъ любовь къ классическимъ занятіямъ. Уже въ 1462 г. Григорій Пражскій объяснялъ въ Пражскомъ университетѣ латинскихъ классиковъ, преимущественно Виргилія. Особенно сильно развился гуманизмъ въ Чехіи при королѣ Владиславѣ II, когда вслѣдствіе возстановленія католическаго царственного дома (предшественникъ Владислава, Юрій изъ Подѣбрадъ, былъ гуситъ), связь Чехіи съ Италіей стала тѣснѣе. Гуманисты чешскіе были двоякаго рода. Для однихъ изъ нихъ любимыя занятія классицизмомъ были конечной цѣлью ихъ стремленій; вѣнцемъ свѣдѣній ихъ было удачное подражаніе великимъ образцамъ древности на языкахъ этой древности. Типическимъ представителемъ этой школы гуманистовъ можно считать Богуслава Лобковицкаго (+1510), одного изъ замѣчательнѣйшихъ ученыхъ того времени въ Европѣ. Исколесивъ ради своихъ классическихъ

занятій Италію, Грецію, Египетъ и другія земли, этотъ замѣчательный человекъ, сначала чашникъ, а затѣмъ ревностный католикъ, возвратился въ Чехію, гдѣ очень усердно покровительствовалъ гуманистическимъ занятіямъ. Въ своемъ замкѣ Гассиштейнѣ (въ Жатецкомъ краѣ) онъ собралъ богатѣйшее книгохранилище своего времени, преимущественно изъ греческихъ и латинскихъ писателей. Его собственныя произведенія, поэтическія и прозаическія, написаны превосходной латынью. Между ними особенно замѣчательна „Жалоба св. Вацлава на нравы чеховъ“ (1489 г.), обличающая въ сочинителѣ глубокаго патріота и любопытная многими характерными чертами того времени. Выборки изъ сочиненій Богуслава въ прекрасномъ переводѣ представилъ К. Винаржіцкій въ 1836 г. съ прибавленіемъ жизнеописанія Богуслава. (См. также „Часопись“ 1878 г. статью Іос. Трухлара). Гуманисты этого рода, конечно, не вліяли на улучшеніе и рѣчи и литературы чешской. Эта заслуга принадлежитъ ихъ же собратьямъ, но другаго направленія. Вторая школа гуманистовъ старалась превосходныя качества классической рѣчи перенести на чешскую, усвоить ихъ этой послѣдней и тѣмъ возвысить ее и съ внѣшней стороны и по внутреннему содержанію. Во главѣ ихъ стоялъ „Викторинъ Корнелъ изъ Вшегѣрдъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ правовѣдовъ своего времени. Затѣмъ Григорій Грубый изъ Елена (+1514), Вячеславъ Писецкій (+1511), Николай Коначъ изъ Годишткова (+1546), драматическій писатель (о немъ см. 84 страницу), и многіе другіе.

Конечную цѣль благородныхъ усилій этихъ гуманистовъ лучше всего обозначилъ Викторинъ при изданіи въ 1495 г. чешскаго перевода Златоустовой книги о исправленіи падшаго“. И выложилъ (издалъ) семь (семь) (эту книгу) также въ тѣхъ причинахъ ради, абы се языкъ нашъ и туземъ (и въ этомъ)

направленіи) ширилъ, шлехтилъ (облагораживался) а розмагалъ; небо нени такъ (ибо онъ не есть) узкій ани негладкій, яко се нѣктерымъ зда. Гойность (изобиліе) а богатстви его зъ того може познано быти, же цожколи (что только) (г)рѣцки, цожколи латинѣ може повѣдѣно быти, тотезъ (то) и ческы (по чешски). А нени тѣхъ книгъ жадныхъ (никакихъ), (г)рѣцкихъ ани латинскихъ, лѣчь быхъ се я милости языка своего поятъ (развѣ если бы я ошибся, увлеченный любовью къ своему языку), іса мылилъ (ошибался), абы въ ческы обращены быти немогли. Цо се пакъ гладкости его дотыче (касается), невимъ, бы такъ вымлювиѣ (краснорѣчиво), такъ оздобнѣ (щегольски), такъ лагоднѣ вшецко языкемъ тимъ повѣдѣно быти немогло, яко (г)рѣцкымъ небо латинскимъ, быхомъ се толико снажили (старались, силились), а едни мимо друге (передъ другими) хватали, абыхомъ ей выдвигали; тудижъ (тогда, оттого) бы языкъ чешскій гойный, многый, вытрѣный (очищенный, вытертый) а себе свѣтлѣйши видѣнъ быти моглъ а померванѣйши...

Нехъ ини книги нове латинѣ пишицъ складаа (пусть другіе сочиняють новыя книги, пиша по латынѣ) а римскый языкъ, воды до морје пріилеваиц, ширји, ачъ (хотя, аще) и тѣхъ вельми мало у насъ есть; а книги а сепсани (описанія) старыхъ а правыхъ люди въ ческу рѣчь прикладаае, худого (убогаго) хци (хочу) радѣи обогатити, нежли се къ богатему шпѣтными (худой, дурной) дары а ему неведѣчными (немилой) лисае (ласкааясь, угождая) погрданъ а потупенъ (презрѣнъ и уничтоженъ) быти. Ачколи (хотя) таке быхъ моглъ латинѣ снадѣ (быть можетъ, почти) такъ ани ини мнѣ ровни псати, але вѣда, же ісемъ чехъ; хци се латинѣ учити, але чешскы псати и млувити. То су(ть) и стари Римане чинили: (г)рѣцскому языку се въ Атенахъ вмуцѣецъ, свой (т. е. языкъ) су(ть), ницъ (ничего) (г)рѣцскы, нежъ (но) вшецко (все) (по)латинѣ

пищиць (пи), велебили (возвеличивали), ширили, здѣлавали. А есть безъ похыбы (сомнѣнія), на (по) ихъ самыхъ се (о)знаніе, языкъ (г)рѣцкый лагоднѣйшій, оздобнѣйшій (красивѣе) и на слова богатшій, нежьли латинскій... (Продолженіе, чататель найдетъ въ Славянской христоматіи Г. Воскресенскаго в. III, стр. 92). Викторинъ прямо заявляетъ, что по чешски можно выразить все то же и такъ же, какъ и по латынѣ или по гречески, а потому и нѣтъ причины не писать на чешск. языкѣ.

Какъ община „братъевъ“ старалась удержатъ простонародныя стихіи въ книжной чешской рѣчи, такъ въ свою очередь гуманисты вводили въ нее красоты классическихъ писателей, иногда, впрочемъ, пересаливая въ этомъ отношеніи. Зато, благодаря имъ, чешская проза второй половины XVI в. и начала XVII в. дѣйствительно достигла замѣчательной гладкости и изящества.

СВѢТСКАЯ ПОЭЗІЯ.

О развитіи поэзіи въ этомъ періодѣ едвали можно сказать что нибудь особенно утѣшительное; она измѣнилась вовсе не къ лучшему. Съ новыми условіями жизни и новые вопросы заняли мысль и волю народа. Гуситское движеніе, если и вліяло сколько нибудь на поэзію, то развѣ только на духовную; что касается до гуманизма, то, хотя онъ и повліялъ благотворно въ томъ отношеніи, что облагородилъ эстетическое чувство и расширилъ кругъ классическихъ знаній и изученій, зато съ другой стороны онъ отвращалъ чешскихъ поэтовъ отъ родной поэзіи и роднаго языка; вѣкъ сильнѣйшаго развитія классическихъ знаній и процвѣтанія чехолатинской поэзіи, творцы которой были чехи, а выраженіемъ ея латинскій языкъ, былъ вмѣстѣ и вѣкомъ упадка національной поэзіи чеховъ; она была ослаблена и въ количественномъ и въ качественномъ отношеніи.

Лучшія поэтическія произведенія на латинскомъ языкѣ конца XV и начала XVI вѣковъ, если о нихъ стоитъ говорить, принадлежать вышеупомянутому Богуславу изъ Лобковицъ (см. 72 стр.) Глубоко понявъ духъ античной поэзіи и будучи самъ одаренъ поэтическимъ талантомъ, онъ достигъ высокаго совершенства въ латинской поэзіи. Извѣстны также „Янъ Шлехта изъ Вшегърдъ (+1522), Зигмунтъ изъ Елени“ восхваленный самимъ Эразмомъ Роттердамскимъ. Латинское стихотворство поддерживалось въ XVI в. частію вліяніемъ въ Пражскомъ университетѣ Матуша Колинскаго (+1561), частію щедростію Яна Годѣвскаго (+1566) и при Рудольфѣ II достигло высшей степени своего развитія. Издивленіемъ старшаго Годѣвскаго, Яна, изданы „Farragines“, т. е. цѣлые сборники латинскихъ стиховъ. Къ концу XVI вѣка кромѣ того былъ извѣстенъ: Томашъ Митисъ (+1591) чешское имя котораго было „Tichý“. Очень ревностные латинисты любили переводить свои фамиліи по латыни: такъ какой нибудь „Knížek“ дѣлался „Codicillus“ (Петръ изъ Тулехова +1589) и др.

Вообщѣ несомнѣнно то, что не одинъ изъ этихъ латинствовавшихъ поэтовъ могъ бы обогатить свою національную словесность, если бы писалъ по чешски. Дѣйствительная же ихъ заслуга та, что они, пожалуй, прославили чешское имя своими успѣхами на полѣ гуманизма и числомъ своимъ и дарованіями.

Между произведеніями, явившимися на чешскомъ языкѣ въ этотъ періодъ, можно упомянуть нѣсколько военныхъ и сатирическихъ. Къ первымъ принадлежать: Таборская пѣсня „Кдожъ jste Boží боѣвници а закона его“, сложенная Богуславомъ изъ Чехтицъ. (См. „Výbor z literatury česke“ II 283.

Вотъ нѣсколько строфъ этой замѣчательной пѣсни: окончаніе ея особенно поражаетъ своей могучей, дикой энергіей.

Кдо жъ (е)сте божи боѣвници (воители)

А закона его,

Просьте жъ одъ Бога помощи
А дуйте (вѣруйте) въ него,
(Е)же (что) конечнѣ съ нимъ вѣдѣцы (всегда)
звѣтѣжите (побѣдите)

Тен-ть Панъ вели(ть) се не ба(—оа)ти
Загубци(—евъ) тѣлесныхъ
Вели-ть и животъ (жизнь) затратити
Про(за)ласку ближнихъ свы(—ои)хъ.
Протожъ (а потому) посильные
Змужиле сердца свыхъ.
Кристусъ-ть вамъ за шкоды (бѣдами) стои(ть)
Стократъ вицъ (болѣе) слибуе(—ть—общаетъ);
Пакъ-ли (и если) kdo про-нь (за него) животъ
сложитъ),

Вѣчный (т. е. жизнь) (и)ми(ѣ)ти буде(ть):
Блазе(—го) каждому,
Kдо-жъ на правдѣ се(о)иде(ть).
Прото-жъ стрѣльцы, конидѣльници
Ряду (ордена) рытирського,
Судличници (срв. древнерусск. „сулица—копье) а
дѣльници

Ли(ю)ду розличного.
Помнѣте-жъ вшихни (всѣ)
На Пана штедрого.
Непрятель(—ей) се не лѣкейте (пугайтеса)
На множества не глѣдѣте,
Пана св(о)его въ сѣрдѣци (и)мѣйте
Про нь а съ нимъ боюйте
А прѣдъ непрятели
Не утѣе(а)йте.

Давно чехове рыками (говорили).
А прѣслови (и)мѣли,
Же (что) подлѣ доброго пана
Добра и(ѣ)зда быва(еть),

Съ нимъ жъ вѣрный слуга

Рытирьстви добыва(тъ).

А съ тимъ веселе зкрывиѣте,

Рькуцъ (говоря): На нѣ (нихъ)! Гррь на нѣ!

Брань (оружіе) сву(—ою) рукама хутнейте (бодро
берите)

Богъ нашъ панъ! вскръикнѣте;

Бійте, забійте,

Жадного (никого) не живте!

Кромѣ того отмѣтимъ также пѣснь на побѣду гусситовъ (1426) при Устьѣ „Слушить прилично Чехумъ зпоминати“, „О заети (плѣненіи) Зигмунда Корибута въ Праге“ и пр. Пѣсни эти и многія другія гуситскія отличаются извѣстной силой выраженія и чрезвычайно мужественнымъ чувствомъ.

Сатирическихъ пѣснь осталось довольно много отъ XV и XVI вв; въ нихъ обыкновенно отражается нелюбовь различныхъ религіозныхъ партій другъ къ другу, и большая часть ихъ не имѣетъ никакой поэтической цѣны.

Впрочемъ, нѣкоторыя сатирическія выходки невольно возбуждаютъ улыбку читателя своею, такъ сказать, дѣтской неразборчивостью въ нападкахъ или даже отчасти выраженіемъ какой то безсильной злобы:

Напримѣръ въ одной католической сатирѣ встрѣчается такого рода стихъ, направленный противъ подобоевъ:

Але (но) якожь се зъ калиху напѣти почеху (когда на-
чали напиваться изъ чаши),

Такъ се красти, палити, мордовати (убивать) еху (взя-
лись).

Это значитъ, что, уинившись во время причащенія, чапники шли буйствовать!! (см. Vyb. z lit. č. II и др.).

Въ XV вѣкѣ можно отмѣтить и иносказательное стихотвореніе „Гаданіи (споръ) правды а лжи“ объ имѣніи и власти духовенства, сочиненное чешскимъ правовѣдомъ Цтиборомъ Товачовскимъ изъ Цимбурка въ его молодости и посвященное королю Подѣбраду. Пьеса эта, хотя и не обнаруживаетъ въ авторѣ особеннаго поэтическаго дарованія, свидѣтельствуешь однакоже о его наблюдательности и знаніи священнаго писанія. (О ней подробнѣе будетъ сказано ниже, при изложеніи литературной дѣятельности Цтибора Товач.). „Маѣвый сень.“ — произведеніе замѣчательное развѣ личностью автора, сына короля Юрія Подѣбрада Гинека, а вовсе не поэтической стороной. Красоты весенней природы, описаніе коихъ и составляетъ главное содержаніе „Сна“, изображены скорѣе въ видѣ стихотворной прозы, чѣмъ дѣйствительно поэтическими красками.

Между свѣтскими поэтами XVI—XVII вв. болѣе другихъ извѣстны: Николай Дачицкій—содержаніемъ своихъ произведеній и Симеонъ Ломницкій—формой ихъ и плодovitостью.

Н. Дачицкій изъ Геслова (1555—1626) былъ веселый путешественникъ и сатирикъ, но нерѣдко впадалъ въ дурачества. Его „Простоправда“ состоитъ изъ стихотворныхъ разговоровъ, пѣсенъ, нравоученій и сатиръ, осмѣивающихъ довольно остро лицъ различнаго общественнаго положенія: адвокатовъ, лѣкарей и пр. Вообще занимательныхъ культурно-историческихъ явленій тутъ находится масса, жаль только, что нерѣдко въ очень ужъ путевой формѣ. (см. Casop. čes. mus. 1854.)

Ломницкій (1552—162?) происходилъ изъ Ломницы въ Будѣйовицкомъ краѣ; тамъ онъ пользовался пріязнью своего господина, Вильгельма изъ Розенберга, которому и посвятилъ многія изъ своихъ работъ, напр. „Пѣсни на недѣльные евангелія. (Прага 1586 г.) Ломницкій былъ человекъ очень непостояннаго характера и убѣжденій. Сначала онъ льстилъ въ пѣсняхъ про-

теставту Фридриху Пфальцскому и „ставамъ“ (сословіямъ) подобоевъ; послѣ же Бѣлогорской битвы писалъ противъ нихъ, сложилъ оскорбительную пѣсню о лицахъ казненныхъ 21 іюня 1621 года на старомѣсткомъ рынкѣ. Нѣкоторые передавали, что онъ послѣ этой битвы былъ схваченъ, жестоко наказанъ и впалъ въ такую нищету, что долженъ былъ до самой смерти просить милостыню на пражскомъ мосту; оттого де на послѣднихъ своихъ произведеніяхъ подписывался Ptochaeus, т. е. нищій. Но это поздняя выдумка. Правда, онъ былъ сурово наказанъ комиссіей на Пражскомъ замкѣ за свое двусмысліе, но затѣмъ уже не былъ преслѣдуемъ. Подпись же „Ptochaeus“ явилась вслѣдствіе того, что Ломницкій, семейная фамилія котораго была „Жебракъ“ (т. е. нищій), измѣнилъ ее по тогдашнему обычаю на греческую, Ptochaeus. Безъ сомнѣнія, это и послужило основой басни о его нищенствѣ послѣ Бѣлогорской битвы.

Подъ конецъ жизни Ломницкій нѣсколько какъ бы очистился въ патріотическомъ смыслѣ. Онъ написалъ въ 1622 г. „Жалобную пѣснь о гибели и разореніи чешской земли“ нѣсколько другихъ стихотвореній такого же характера. Впрочемъ и эти стихотворенія не ограничиваютъ приведеннаго выше мнѣнія объ отсутствіи у этого писателя истинно поэтического дара. (Русскій переводъ одного его стихотворенія „Мудрость“ см. въ книгѣ г. Гербеля „Поэзія славянъ“ 339 стр.).

Важнѣйшимъ трудомъ Ломницкаго считается вообще „Кратке научени младему господары“. Здѣсь прекраснымъ слогомъ и стихомъ описываются тогдашніе обычаи и нравы, хорошій матеріалъ для уразумѣнія общественной жизни въ XVI вѣкѣ. Сочиненіе пересыпано всякими житейскими истинами и поученіями, по большей части заимствованными авторомъ у другихъ. Въ общемъ авторъ является

какимъ то наставникомъ общества, желающимъ всѣми силами искоренить его пороки.

Эта же цѣль замѣтна и въ другихъ его сочиненіяхъ „Купидова стрѣла“, Ныха (гордость) живота и „Тоболка (записная доска) злата“. Въ первомъ изъ нихъ, наилучшемъ, авторъ въ плавномъ стихѣ караетъ пороки своего времени и описываетъ бурныя послѣдствія безпорядочныхъ страстей въ многочисленныхъ примѣрахъ. Оно попало и въ руки короля Рудольфа II, покровителя наукъ и искусствъ, державшаго при своемъ дворѣ въ Прагѣ много ученыхъ и художниковъ. Авторъ понравился королю, былъ призванъ ко двору, гдѣ получилъ годовое жалованье и гербъ „изъ Будча“; относительно другихъ почестей, возданныхъ этому писателю (наприм. будто король далъ ему также и титулъ „увѣнчаннаго“ поэта), нѣтъ сколько нибудь достовѣрныхъ свѣдѣній.

Можно упомянуть и еще объ одномъ сочиненіи Ломницкаго: „Гаданіе небо (или) розепре (споръ или распря) мези кнѣземъ а земанемъ (между попомъ и помѣщикомъ),“ принадлежащемъ къ любимой въ средніе вѣка формѣ „споровъ“ Помѣщикъ защищаетъ свѣтскихъ людей, а попъ — духовныхъ. Споръ ихъ о преимуществахъ свѣтскаго и духовнаго чина кончается діалектической побѣдой помѣщика. Пьеса, особенно въ началѣ, написана довольно ловко и умѣло. Ломницкій былъ между прочимъ и поэтомъ на случай; но произведенія его, написанныя на случай, лишены всякой поэзіи. Человѣкъ безъ твердыхъ убѣжденій, лишенный истиннаго дарованія, Ломницкій былъ вообще просто ловкимъ версификаторомъ. (см. о немъ *Casop. cesk. mus.* 1860, 63 и 64 гг.).

Изъ всего вышесказаннаго видно, что свѣтская поэзія этого періода не удовлетворяетъ самымъ снисходительнымъ требова-

ваніямъ и не выдерживаетъ даже посредственной оцѣнки; плоды ея имѣютъ, пожалуй, культурно-историческую важность, въ художественномъ же отношеніи совершенно ничтожны.

ДУХОВНАЯ ПОЭЗІЯ.

Въ противоположность свѣтской поэзіи—духовная процвѣтала, и этотъ успѣхъ ея начался еще съ Карла IV. Гусъ сложилъ много гимновъ, которые послѣ охотно были употребляемы особенно у „братъевъ“; „братъя“ вообще наиболѣе содѣйствовали развитію духовной поэзіи; самое богослуженіе состояло у нихъ изъ проповѣди и хорового пѣнія гимновъ. Изъ „братъевъ“ особенно прославились своими гимнами Янъ Лукашъ (1447—1528), Янъ Августа (1500—72), Янъ Благославъ (1523—71), Мартинъ Михалецъ изъ Литомѣрицъ (1484—547), а между всѣми ими Янъ Августа, епископъ „общины братъевъ“ при Фердинандѣ I, составившій два тома духовныхъ пѣсень въ 20,000 стиховъ! Пѣсни эти скорѣе поучительнаго свойства, чѣмъ лирическаго, отличаются возвышенными образами, ясной логикой, сильнымъ языкомъ. Авторъ сочинялъ ихъ въ 1562 г. въ своемъ плѣну на Криволатѣ, гдѣ онъ вѣроятно, были имъ и пѣты въ тяжелыя минуты пятнадцатилѣтняго заключенія. Многія изъ нихъ были сочинены вмѣстѣ съ напѣвами; скоро и ко всѣмъ были приложены такіе напѣвы, заимствованные изъ латинскихъ или же чешскихъ пѣсень. (Жизнь Августа и Благослава см. въ „Руковѣти“ Иречка, о послѣднемъ также „Часопись“ за 1856, 1861, 62, 73, 75 и 77 годы; затѣмъ „Освѣта“ 1873 года).

Мы знаемъ изъ исторіи „братъевъ“, что вновь сложенные духовныя пѣсни представлялись на обсужденіе и одобреніе старѣйшинъ братства; пропущенныя такой цензурой употреблялись при богослуженіи. Изъ такихъ то пѣсень, одо-

бренныхъ образованнѣйшими и опытнѣйшими членами общины, составлялись такъ называемые канціоналы, или сборники хорового пѣнія, составлявшіе предметъ большихъ заботъ братства, даже въ отношеніи внѣшности. Каждый братскій хоръ имѣлъ свой сборникъ такихъ церковныхъ пѣсень; на пѣвы къ нимъ или подбирались изъ старыхъ и новыхъ свѣтскихъ пѣсень или просто сочинялись музыкальными членами общины.

О составленіи такихъ канціоналовъ, чешскихъ или и латинскихъ, хлопотали, кромѣ братства, и другія религиозныя общества; и города и частные люди старались имѣть на хорахъ прекрасно составленные канціоналы, какихъ и донынѣ сохранилось множество, и какіе часто имѣютъ въ разныхъ отношеніяхъ культурно-историческую важность; кромѣ музыки, въ нихъ заинтересована также живопись, такъ какъ на многихъ изъ нихъ находятся украшенія изъ золоченныхъ рисунковъ; важны канціоналы и письмомъ и даже бумагой. Затѣмъ текстъ братскихъ канціоналовъ даетъ хорошее понятіе о вѣрѣ и нравоученіи „братъевъ“ и потому является необходимымъ пособіемъ для историка общины „братъевъ“. Первый братскій канціоналъ изданъ въ 1505 г. подъ заглавіемъ „Піснь хвалъ божихъ“, вѣроятно же всего, въ городѣ Младой Болеславѣ, гдѣ братская печатня существовала уже въ 1500 г. Въ 1519 г. вышло 2-е изданіе по почину „брата“ Лукаша въ Литомышлѣ; 3-е изданіе было сдѣлано въ Прагѣ въ 1541 г., и по образцу его печатались меньшіе, ручные, канціоналы.

Лучшіе канціоналы изданы братьями только во второй половинѣ XVI вѣка. Община росла, и явилась потребность въ большихъ канціоналахъ. Было предпринято новое изданіе, порученное двумъ старшинамъ, Яну Черному и Яну Благославу.

Но послѣ печальнаго 1547 г. при Фердинандѣ I началось преслѣдованіе братъевъ, и они принуждены были перенести дѣло изъ

данія за границу. Изгнанные изъ Чехіи братья нашли въ 1548 г. убѣжище у пріязненнаго для нихъ Лукаша, графа изъ Горки.

Въ замкѣ графа, Шамотулахъ (Samtern, къ сѣверу отъ Познани), и былъ въ 1561 г. изданъ такъ называемый Шамотульскій канціональ. Когда при Максимилианѣ II братья опять получили доступъ въ чешскія земли, въ Иванчицахъ изданъ былъ новый канціональ въ 1576 году въ печатнѣ, заведенной тамъ съ 1562 г. и перенесенной въ 1578 г. въ Кралицы, въ Жеротинское владѣніе.

Этотъ канціональ—еще больше шамотульскаго и вообще представляетъ изъ себя лучшую книгу изъ вышедшихъ за весь 2-й періодъ чешской литературы; это—слава и украшеніе чешскаго искусства печатанія и рѣзбы на деревѣ. (о канціонадахъ см. Cas. čes. mus. 1862 г.)

Слѣдуетъ замѣтить, что даровитый Янъ Благославъ, приводя въ порядокъ пѣсни для Шамотульскаго канціонала, созналъ недостатки чешскаго пѣнія и просодіи и попытался изложить теорію пѣнія въ особомъ трудѣ, изданномъ въ 1558 г. (*Musica, to iest knížka zběvákům naležite správu v sobě zavirájící* (заключающая), Оломуць; 2-е изданіе вышло въ Иванчицахъ 1569 г.). Здѣсь въ основаніе онъ положилъ просодію, основанную на долготѣ слоговъ (*časoměrnou prosodii*); она послѣ разрабатывалась братьями и достигла особенной высоты въ превосходныхъ переводахъ псалмовъ. Переводы псалмовъ особенно дѣлались успѣшно съ большимъ развитіемъ изученія священнаго писанія и усовершенствованіемъ языка. И здѣсь болѣе всего отличилась братская община, изъ среды которой вышелъ наилучшій переводъ священнаго писанія—Кралицкая біблія (о ней подробнѣе на 100 стр.) Первый братскій переводчикъ псалтиря былъ Юрій Стрейць изъ Забрега на Моравѣ (1536—99), сдѣлавшій стихотворный переводъ Давидовыхъ псалмовъ. Луч-

пій же переводъ цѣлаго псалтиря принадлежитъ извѣстному Амосу Коменскому:

Не была забыта въ этотъ періодъ и драматическая поэзія церковнорелигіознаго характера, основанная на библии. Іезуиты особенно много содѣйствовали развитію церковно-библейской драмы. Эта драма еще въ началѣ XVI вѣка употребляла языкъ латинскій, позже къ латинскому тексту примѣшивался и чешскій, пока, наконецъ, полное господство не перешло къ послѣднему. Пьесы разыгрывались учениками іезуитской коллегіи обыкновенно дважды въ годъ: въ началѣ учебного года (осенью) и въ масопустъ; первыя изъ нихъ были представлены уже черезъ 4 года по основаніи коллегіи, именно въ 1560 году, когда, такъ сказать, къ открытію ея была представлена пьеса „о бои тѣла съ духомъ“, весьма понравившаяся многочисленному обществу, приглашенному на представленіе; такіа представленія происходили позже и во дворѣ Пражскаго замка. 15 октября 1567 г. ученики коллегіи во дворѣ своего заведенія представили впервые на чешскомъ языкѣ трагедію „Св. Вацлавъ мученикъ“, соч. Микулаша Салиуса. Публики сошлось огромное количество, такъ что не было почти мѣста свободнаго. Большой любовью пользовалась также пьеса „Юдиѣ“, переведенная съ нѣмецкаго на чешскій Коначемъ изъ Годиштова († 1546 г.). Шимонъ Ломницкій также писалъ драмы духовныя, напр. „Тріумфъ анебъ (или) комедіе о витѣзствѣ сына божіаго“, „Три жены у гробу Крестова“, „Взкришеній панѣ“.

По мнѣнію историковъ чешской словесности, церковная драма прошла совершенно безслѣдно для развитія чешской поэзіи, такъ какъ ея произведенія были простая рѣмованная проза съ очень малоцѣннымъ содержаніемъ.

Нѣсколько лучшее впечатлѣніе производятъ тѣ немногія драмы съ простонароднымъ содержаніемъ, которыя, вмѣстѣ съ

церковными, разыгрывались въ пражскомъ университетѣ студентами его во время такъ называемаго „испытанія въ терпѣннѣ“ (examen patientiae), производившагося нововступавшимъ въ университетъ въ началѣ учебнаго года (въ августѣ). Самое древнее свидѣтельство о такихъ университетскихъ представленіяхъ—относится къ 1539 году, когда дана была пьеса „Сусанна“ при огромномъ стеченіи зрителей. Пьесы эти были въ большинствѣ латинскія, но были и чешскія (напр. Бретиславъ и Йитка соч. Кампана). Такъ въ недавно открытомъ сборникѣ находится девять чешскихъ драмъ (объ открытіи сборника см. „Свѣтозоръ“ 1876 г. числа 4, 6, 7, 9, 14 и 15), изъ которыхъ четыре уже напечатаны г. І. Иречкомъ въ „Паматкахъ старе литературы ческе“ число 3, Прага 1878 г. подъ заглавіемъ „Staročeské divadelní Hry“.

Вотъ онѣ: 1) „Ручъ“ библейская комедія сочиненіе г. Тесака Мошовскаго († въ 1617 г. священникомъ въ Прагѣ, родомъ былъ Словакъ) 2) Жебраковъ (нищихъ) съ купцомъ гадані(е, споръ) перев. съ польскаго, но подлинникъ доселѣ не найденъ. 3) „Седльскый масопустъ“ студентская комедія, неизвѣстнаго сочинителя 4) „О купці(ѣ) и невѣрне его женѣ“. Всѣ эти пьесы составлены стихами съ рямой, нерѣдко плохими, иногда довольно свободными и даже неприличными; этимъ послѣднимъ качествомъ особенно отличается послѣдняя изъ названныхъ драмъ.

Продолжала развиваться и романическая литература. Троянская хроника, поэма „Александрейда“ и романъ объ Александрѣ оставались по прежнему любимымъ чтеніемъ; ¹⁾ чи-

¹⁾ Объ „Александрейдѣ“ говорилось уже выше въ своемъ мѣстѣ (32—35 стр.) Здѣсь же замѣтимъ еще, что въ 1881 году явилось въ Прагѣ превосходное изданіе всѣхъ шести сохранившихся отрывковъ чешской стихотворной Александрейды, съ транскрипціей, сдѣланное извѣстнымъ знаткомъ чешскихъ рукописей Ад. Осип. Патерой и филологомъ М. Гатталой. Въ этомъ изданіи (Zbýtky (оста-

тались прилежно и повѣсти о Брунцвикѣ, Геновевѣ, Мелюзинѣ, Магелонѣ, Эйленшпигелѣ и пр., переведенныя по большей части съ нѣмецкаго.

Господству чуждыхъ элементовъ въ беллетристикѣ надъ своенародными повѣстями содѣйствовало много могучее распространѣніе протестантизма на благодарной почвѣ Чехіи, создававшее частныя и разнообразныя точки соприкосновенія чеховъ съ нѣмцами.—Высшее достоинство духовной поэзіи этого періода сравнительно съ свѣтской происходило главнымъ образомъ отъ преобладавшаго тогда въ обществѣ интереса къ религіознымъ идеямъ и вопросамъ; и дѣйствительно, только въ духовныхъ пѣсняхъ замѣтны нѣкоторое поэтическое дарованіе, восторженность, производимая глубокими религіозными убѣжденіями и твердой вѣрой, и даже нерѣдко сильная своенародная рѣчь.

теи) гуповануш. Alexandreid starobeskuch) соблюденъ всѣ требованія палеографіи, такъ какъ воспроизведены не только сокращенія, но и ошибки и поправки самихъ писавшихъ. Нечего и говорить о научной важности такого изданія для занимающихся древнечешскимъ языкомъ, правописаніемъ и проч.

До сихъ поръ отрывки эти были издаваемы только въ транскрипціяхъ (переписан. новымъ правописаніемъ) и при томъ неудачныхъ (какъ напр., Ганкова въ его „Старобынхъ Складанихъ“ 1818 г.). Съ отрывковъ сдѣланы весьма точныя фотографическія снимки, безъ которыхъ самое исправное палеографическое изданіе не можетъ быть названо полнымъ. Любопытно, что въ этомъ изданіи г. Гаттала дѣлаетъ косвенное нападеніе на тѣхъ противниковъ подлинности Краледворской рукописи, которые свое мнѣніе основываютъ на такихъ особенностяхъ рукописи, какія не встрѣчаются въ другихъ старочешскихъ произведеніяхъ или даже не понятны безъ знанія другихъ славянскихъ нарѣчій. Какъ нарочно, такія особенности попались и въ Александрендахъ: *slīci se* (старослав. сълучи сѧ), *tīstē se* (тиштати сѧ тиснуться, тягаться) и проч. Итакъ поддѣльщикъ Краледворской рукописи долженъ былъ обладать даромъ предвидѣнія въ будущемъ, если употреблялъ такія слова или формы, какія или подобныя которымъ могли лишь послѣ встрѣтиться въ какой нибудь позднѣе открытой рукописи или произведеніи! Послѣ этого, конечно, вполне резоннымъ представляется вопросъ, предлагаемый Гатталомъ: Какой изъ настоящихъ остатковъ (Александрендъ) могъ бы выдержать нападки подобныхъ критиковъ? Срв. сказанное мною на 4 и 5 стр.

П Р О З А.

Религіозна литература. Духъ времени мощно отразился и на прозѣ массою произведеній церковнорелигіознаго направленія. Чехія раздѣлилась главнымъ образомъ между тремя исповѣданіями—подббоевъ, или калишниковъ, протестантовъ и „братьевъ“; было довольно и католиковъ, державшихся стараго способа причащенія—подъ однимъ видомъ. Религіознаа борьба этихъ исповѣданій породила огромную богословскую литературу пристрастнаго и полемическаго характера; каждая сторона изъ всѣхъ силъ старалась доказать правильность своихъ мнѣній, если не исключительную, то по крайней мѣрѣ равную прочимъ. Важнѣйшимъ писателемъ этого времени является, разумѣется, Іоаннъ Гусъ (род. 1369 г., сожженъ на кострѣ въ Констанцѣ 6 іюля 1415 года).

Латинскія сочиненія Гуса изданы Палацкимъ, чешскія—Эрбеномъ, въ трехъ частяхъ. Для насъ, конечно, важнѣе вторыя. Они состоятъ во 1-хъ изъ вѣро-и-правоучительныхъ разсужденій и духовныхъ пѣсенъ, во 2-хъ изъ писемъ, между которыми нѣкоторыя писаны Гусомъ въ Констанцской тюрьмѣ.

Первыя по времени сочиненія Гуса написаны еще въ католическомъ смыслѣ и мало отличаются отъ прочихъ подобныхъ сочиненій его времени. Но когда этотъ великій христіанинъ вступилъ въ пренія съ пражскимъ духовенствомъ и началъ нападать на его злочинія, не щадя при этомъ и самого папы, сочиненія его получаютъ иной характеръ. Въ нихъ выражается вся его честная гуманность, огорченіе безнравственностью клира, страстное желаніе преобразованій. Онъ зашелъ въ своей ревности далѣе Шитнаго, повелъ дѣло шире и смѣлѣе и скоро очутился въ явномъ разладѣ съ официальной церковью. Въ объясненіи на десять заповѣдей (Эрб. I стр. 238) онъ такъ говоритъ глашатаямъ истины и духовнымъ

и недуховнымъ: неродѣте се бати (бояться) тѣхъ, іенжъ (которые) тѣло забійейи (убиваютъ), абысте (чтобы вы), снадъ (быть можетъ) про бѣзень (боязнь) смърти, несвободнѣ мѣзвили...; нетолико тенъ есть зрадце (измѣнникъ) правды, кѣтерый прѣступѣ правду зъјевнѣ, (в)мисто правды мѣви ле(о)жъ; але таке и тенъ есть зрадце (измѣнникъ) правды, ктерыжъ несвободнѣ прави (совершаетъ, говоритъ) правду анебъ (или же) несвободнѣ правды брѣви (боронитъ, защищаеъ), йижъ (которой) годнѣ есть брѣнити“ (по изд. Эрбена I, 233 стр): О чтеніи священнаго писанія онъ также говоритъ: „Знаменайжежъ, же нашъ спаситель писмемъ се бранилъ; але небранилъ се рѣка: „я йсемъ твой панъ, небъ твой богъ!“ Проти тому йсоу ныни антикристови учедници, енжъ нехъти(ятъ), бы вѣрни крѣстьяне писмемъ се бранили, анижъ хъти(ятъ)бы зъєвовали (объяснили) лиду обещану писмо, а хти игнедъ (тотчасъ) по ихъ воли чинили, ажоъ они кажи; а кдыжъ вѣрни хъти, абы они писмо указали, тегды рѣку(тъ): „тотъ (вотъ) единъ зъ нихъ! Тотъ Виклефиста; непослуха циркве сватѣ!“ минце (полагая, мня), же (еже, что) ихъ воле нечини“ (Постилла, ст. 93). Какъ видить читатель, Гусъ не стѣсняясь клеймитъ двоедушіе духовенства, его эгоистическое и властолюбивое стремленіе держать народъ во тѣмъ невѣжества силою своего авторитета и наконецъ лѣнь.

О святой дѣятельности Спасителя сказано у него въ такихъ выраженіяхъ: „Милосѣрдный Спаситель, панъ вшемогущи, сынъ Божій, Іезишъ Крисуъ правый Богъ а правый чловѣкъ, пришелъ есть на свѣтъ, абы свѣдѣцвіе (свидѣтельство) правдѣ выдалъ, о небескѣмъ кралевствіи навалъ, овцѣ загнуле сгледалъ а цѣсту (путь) имъ словемъ и skutемъ (дѣломъ) въ вѣчнѣ радости указалъ, въ томъ плыѣ воли отцѣ своего, пана Бога. Милостивый Спаситель въ покорѣ а въ тихости и въ худобѣ, йса (будучи) затвѣрженный отъ пышныхъ ли(ю)ди а одъ хытрцовъ того то свѣта а звлаштѣ (особливо) одъ

бискуповъ, одъ мистровъ (магистровъ), отъ кнѣжи (священниковъ) а одъ законниковъ, енжъ (которые) су(ть) (е)му вѣды (всегда) противили, працювалъ (трудился) естъ съ ли(ю)демъ въ казани (поученіи) ажъ до смѣрти; а то естъ учинилъ зъ великаго слитованія (сожалѣнія)“ и т. д. (Постилла).

Важѣйшіе труды Гуса имѣють вѣро-и-наравоучительный характеръ. Таковы: выклады (объясненія) віры (символа вѣры), десатера Божьего приказани (10 заповѣдей) а молидбы Панѣ (Господней); затѣмъ толкованіе недѣльныхъ евангельскихъ чтеній на цѣлый годъ („Постилла“—главный его трудъ изъ чешскихъ). Вездѣ видна замѣчательная діалектическая ловкость и начитанность въ священномъ писаніи и въ твореніяхъ отцовъ, живое и ясное изложеніе истинъ. Въ „Постиллѣ“ особенно сильны и часты нападки на церковныя нестроенія. Въ сочиненіи „о сватокупецтви(купствѣ)“ безъ обиняковъ уличаются и папа, и епископы и люди свѣтскіе въ грѣхъ сватокупства, объясняются происходящіе отъ этого въ церкви неблагочинія и предлагаются средства къ ихъ устраненію.

Вотъ для образца отрывокъ изъ этого замѣчательнаго по ясности сочиненія: Сватокупецтви, якожъ слово то взни (звучитъ), естъ сва(я)те(ой) вѣди(щи) купованіе. А же (что) купецъ сло(ы)ве(тъ) и тенъ (тотъ), енжъ (который) купуе(тъ) и тенъ ежъ продава: протожъ (потому) таке(же) сватокупецъ сло(ы)ве(тъ) тенъ, онжъ свату видѣу (вещь) продава, и тенъ, енжъ купуе. А тажъ сватокупецтви сло(ы)ве(тъ) свате вѣди куповани и продавани...

Тыто (эти) йсемъ (есмы) книжки напъсалъ, вѣда(я), же ани ужитка (пользы) тѣлеснаго одъ кнѣжи (священниковъ) лакомыхъ (алчныхъ) и одъ другихъ свѣтскихъ не обдѣримъ (получу): небъ (ибо) тѣхъ вѣди одъ нихъ не жа(ж)дамъ(ю), але (но) одъ Бога одплаты а ихъ спасеніе(я). А потѣа (встрѣтитъ) ли мѣ(меня) ихъ ганиѣни (порицаніе) а небъ (или) трапеніе (мученіе), то йсемъ прѣдъ

се положилъ, же лѣпѣ (лучше) есть про(за) правду смѣръ тѣрпѣ-ти, нежѣ(ели) про похлебенстви (лестѣ) часну (временную) одплату взѣ(я)ти. А таке же ди (говоритъ) св. Павелъ: Быхъ (если бы) се лидемъ либилъ (нравился), слуга быхъ божій небылъ...

Ктожъ будешь чисти (читать), патрижъ (смотри), же умыслъ мой нени (не есть), абы добри были поманѣни (порицаемы) небъ (или) нузени (принуждаемы), але абы ти (они) одъ злости се острѣгали, а зли абы се пока(я)ли. Амень“.

Важны также труды: 1) „О познани цесты (пути) правѣ къ спасени“, или „Дцерка“ (дочка), гдѣ въ формѣ бесѣды съ особой женскаго пола излагаются ередства, ведущія къ богоугодной жизни.

Вотъ, напримѣръ, съ какими словами обращается авторъ къ воображаемой „дочери“: „Слышь, дцерко! а визъ(дѣ) а прихыль(-ложи) ухо све(ое); слышь ухемъ, визъ розумемъ, а прихыль воли ухо све пильнѣ (прилежно); абы слышѣць(ать) розумѣла, розумѣиць того, цо (что) буде(тъ) пѣсано, пильна была а исуць (будучи) пильна, абы напѣлнила, напѣлницъ(ая) одплату (возмездіе) вѣчну вз(я)ла, а съ хотимъ (супругомъ) свы(ои)мъ Тежишемъ правымъ богомъ а правемъ чьловѣкемъ, прѣбывала, енжъ есть паненствіе (дѣвичество) звелебилъ (возвеличилъ) надъ ине ставе (состоянія), рачивъ (изволивъ) сѣ зъ чисте панне (дѣвы) уродити, а паниц(ч)емъ (не женатымъ) чистымъ быти, абы намъ и паницства и паненствіе по(д)твердилъ а надъ ине ставы звелебилъ а повыш(с)илъ и т. д.

Затѣмъ 2) „Девѣтъ кусовъ (вещей) златыхъ“ 3) „Провазекъ трипраменьй (Тройная вервь), 4) „Зьрцadlo чьловѣка грѣшного“, 5) О шести блудихъ (заблужденіяхъ) и др.

Констанцскія письма Гуса полны преданности волѣ Божіей, твердости въ убѣжденіяхъ и увѣщаній къ землякамъ твердо стоять въ истинной вѣрѣ.

Приводимъ, для ясности, нѣсколько отрывковъ изъ этихъ любопытныхъ писемъ, такъ прекрасно характеризующихъ этого

великаго мужа (Болѣе читатель найдетъ хотя бы въ Славянской христоматіи Г. Воскресенскаго, вып. III. Москва 1884 г.). Дорогою въ Констанцъ; отъ 28 сентабря 1414 года Гусъ такъ писалъ своимъ приверженцамъ: „Мистръ Янъ Гусъ, въ на-дѣи(ждѣ) кнѣзь (священникъ) а слуга пана Іежише Криста, вшѣмъ вѣрнымъ а милымъ братримъ и сестрамъ въ пану Іежишови, ежъ (кои)су(ть) божье слово скръзь мѣ (чрезъ меня) слы-хали а прие(а)ли, милость а покой одъ бога отце нашего и одъ духа сватого, абы безъ пошкверны (скверны, порока) въ правдѣ его прѣбывали.

Вѣрни а мили прие(а)теле! вѣ(дае)те, же (что) йсемъ (есмь) съ вами по длугой часъ вѣрнѣ працювалъ (работалъ), каже (говоря) вамъ слово божіе безъ кацѣрствіе (еретичества) а безъ блудовъ (заблужденій), якожъ вѣте, а ма(моя) жадость (желаніе) была есть и буде ажъ до ме(моей) смърти, ваше спа-сеніе. А былъ йсемъ уминилъ (вознамѣрился) вамъ казати прѣдъ сву їзду, нежъ (—ели) быхъ одѣлъ (отѣхалъ) къ svolани (призывъ) до Констанце, а зъ имена вамъ огла-сити криве свѣдѣцтвіе и свѣдѣкы (свидѣтелей) по пьсани съ ихъ свѣдѣцтвими; а ти-ть вамъ буду(ть) оглашени прото (за-тѣмъ), кдыбы (если бы) потупили (опозорили) мѣ небъ (или) на смерть одсудили, абы вы то вѣдуце (—дая) не лѣкали сѣ (боялись), быхъ про (за) кѣтере кацѣрствіе, ежъ (кое) быхъ държелъ, былъ одсузенъ (—жденъ); а такъ(ж)е прото, абы сте (что бы вы) стали въ те правдѣ безъ страху а безъ викланіе (колебанія), кѣтеру-жъ далъ вамъ Панъ богъ скръзе вѣрнѣ казателе (проповѣдники), скръзе мѣ нестатечного познати; а трѣтіе про то, абысте сѣ умѣли льстивыхъ а покрытыхъ ка-зателѣвъ варовати (остерегаться) и т. д.

Изъ Констанцской темницы 19 января 1415 г. выслалъ онъ друзьямъ слѣдующія горестныя и вмѣстѣ трогательныя по кротости строки: Богъ съ вами рачъ (соизволь) быти, абы проти(въ) злости, проти даблу (дѣаволу), проти свѣту атѣлу

стоюще (—я, ячи) сєтрьвали (продолжали). Наймилѣйши! просимъ васъ я въ жалари (темницѣ) сѣдици (сиди), имъ же (которою т. е. темницею) сѣ нестыдимъ, про пана бога въ надѣи тѣрпѣ (—я), еижесть навѣстѣвилъ (навѣстилъ, посѣтилъ) мне мылостивѣ и немоци (—щью) велику (—до) а опѣ(я)ть уздравилъ, прѣпустилъ (до—) непрѣатели вельми (очень) туге (тугихѣ, жестокихѣ), ты (тѣхѣ), имъ жѣ йсемъ я много доброго чинилъ а сѣрдечнѣ е(ихѣ) миловалъ! Просимъ васъ, просьте жѣ пана бога за мѣ, ать(пусть) се мноу рачи(—тъ) быти, въ немъ же самемъ надѣи (—жду) (и)мамъ а въ ваше молитвѣ, же-тъ ми да(стъ) сєтрьвати въ све(—оей) милости ажъ до смѣрти. Рачи(—мѣ) ли мѣ нынѣ еѣ собѣ пое(я)ти (взять), будь его свата воле. Истѣ трѣба-тъ ми естъ велике помощи, авшакъ (однакоже) вѣмъ, же онъ не прѣпусти(тъ) на мѣ ни жадного (никакого) утѣрпеніе (страданіе) ани по(ис)кушеніе, едно про ме и про ваше лѣпшѣ, абыхомъ (чтобы мы) йсуце (будучи) зкушени а сєтрьваице велику одплату взе(я)ли. А вѣзте(—дайте), же тенѣ листѣ (письмо), ктеры жѣ йсемъ вамъ по собѣ оставилъ, вельми-тъ су(тъ) ей(его) непрѣтеле въ латину прѣложили лживѣ а артикуловъ проти мѣ а толикѣ кусовъ (сочиненій) выдаваи(—ютъ), же (и)мамъ дости(вдосталъ) пѣсати, часто одповѣдае(—я) въ жаларѣ, а нени (нѣтъ) чловѣка, еижеъ (кой) бы порадилъ (посовѣтовалъ), кромѣ милосѣрдного пана Іежише, еижеъ естъ рѣклъ свымъ вѣрнымъ: Дамъ вамъ уста а мудрость, йижеъ (коей) не буду(тъ) моци (мочь) одолати вѣпихни (всѣ) противници ваши. О, наймилѣйши! помнѣте, же-тъ жадостивѣ працювалъ йсемъ съ вами, а вжды (всегда) жа(ж)дамъ (—аю) вашего спасеніе, и нынѣ, йса (будучи) въ жаларѣ а у великемъ покушени. Пѣсанъ въ соботу тенѣ день прѣдѣ сватымъ Фабіанемъ“.

Гусу приписываютъ также три гимна, или духовныя пѣсни (въ Кралицкомъ канціоналѣ 1576 г.), которыя послужи-

ли основаніемъ для дальнѣйшаго развитія гуситской духовной поэзіи (напечатаны у Эрбена III, 262—268 стр.). Одна изъ нихъ, въ переводѣ Н. Берга, помѣщена въ „Повѣи Славянъ“ Гербеля, 338 стр. Гимнъ: Господи Іисуса, царю милосердый!

Вотъ что говоритъ г. Эрбенъ о твореніяхъ Гуса въ предисловіи къ изданію ихъ ¹⁾: „Еще при жизни Гуса его сочиненія переписывались очень усердно и старательно, иногда на пергаментъ съ замѣчательными украшеніями. Во время Гуситскихъ войнъ въ этомъ дѣлѣ произошла остановка; но тѣмъ ревностнѣе началось опять переписываніе послѣ, во второй половинѣ XV вѣка; отъ этого времени также сохранилось множество часто великолѣпныхъ копій съ трудовъ Гуса. Со введеніемъ книгопечатанія было въ самомъ началѣ XVI вѣка отпечатано нѣсколько меньшихъ сочиненій Гуса порознь и въ разныхъ мѣстахъ, а въ 1563 г. изданъ былъ въ Нюрнбергѣ сборникъ ихъ, гдѣ заключалась и Постилла (Эрбенъ говоритъ здѣсь объ изданіи латинскихъ сочиненій Гуса, которыя были до XIX вѣка напечатаны трижды: въ 1558 г., въ 1563 и 1715 подъ заглавіемъ: *Ioannis Hus et Hieronymi Pragensis confessorum (исповѣдниковъ) Christi historia et monumenta, Norimbergae*).

Послѣ вѣсчастной Бѣлогорской битвы совершенно прекратилось и печатное и рукописное распространеніе Гусовыхъ сочиненій; тогда началось преслѣдованіе и уничтоженіе не только ихъ, но и всего, что хотя издалека, но подозрѣвалось въ гусизмѣ“.

Изъ писателей послѣ Гуса, вызванныхъ; такъ сказать его ученіемъ и возбужденнымъ имъ движеніемъ, замѣчательны слѣ-

¹⁾ *Mistra Jana Husi Sebrane zprisy ceske... k vydani upravil K. Erben. V Praze I—III 1805—8 г. При третьемъ томѣ приложенъ обзоръ рукописей и старыхъ печатныхъ изданій чешскихъ твореній Гуса.*

дующіе, какъ болѣе выдающіеся: *Петръ Младеновицкій* (ум. 1451 г.). Онъ извѣстенъ сочиненіемъ чешскаго разсказа о судьбѣ, постигшей Гуса въ Костницѣ. (Изд. въ *Пассіоналѣ* 1495 г. и отдѣльно въ Прагѣ въ 1533 и 1600 г., а затѣмъ уже въ новое время въ 1879 г.). Ему же приписываютъ и разсказъ о судьбѣ также сожженнаго въ Костницѣ (1416 г.) *Геронима Пражскаго*, который былъ другомъ Гуса и извѣстенъ въ чешской словесности переводомъ нѣкоторыхъ сочиненій *Виклефа*, сдѣланныхъ совмѣстно съ Гусомъ.

Гиларій Литомпрійскій (1413—69)—извѣстный писатель временъ *Подѣбрада*; отступивъ отъ подобоевъ, онъ сильно и усердно сталъ въ своихъ сочиненіяхъ защищать папство и духовную власть. Особенно нападалъ онъ на *Яна Рокицана*, о которомъ ниже.

Якубекъ изъ *Стрибра*, замѣчательный ученый и проповѣдникъ, составилъ систему вѣроученія калишниковъ, названныхъ такъ именно потому, что онъ ввелъ въ богослуженіе причащеніе подъ двумя видами, слѣдовательно „чапу“ (=каликъ по чешски).

Даровитый писатель и краснорѣчивый проповѣдникъ, *Янъ Рокицана* (1395—1471) уже рано сдѣлался главой подобоевъ. Онъ состоялъ въ числѣ вызванныхъ на *Базельскій соборъ* и былъ тамъ выдающимся дѣтелемъ до самаго заключенія соглашеній въ *Инглавѣ* (1436). За такую службу калишники выбрали его даже *пражскимъ архіепископомъ*. Сочиненія его, какъ вѣроучительныя, такъ и полемическія противъ чешскихъ братьевъ и *Прибрама* въ защиту причастія подъ обоими видами, къ сожалѣнію, писаны—вслѣдствіе общей недосужности автора—на скорую руку и потому не отличаются особенно ни содержаніемъ, ни слогомъ.

Затѣмъ довольно важны сочиненія и выше упомянутаго *Яна Прибрама* (ум. 1448 году). Онъ принадлежалъ

къ умѣренной и даже слишкомъ умѣренной сторонѣ гуситовъ и, хотя сначала былъ ярымъ приверженцемъ „чашни“, но послѣ съ такою же пылкостью началъ воставать противъ нея и сдѣлался горячимъ противникомъ радикальной стороны гуситовъ; иногда его поведение бывало даже двусмысленнымъ или и просто католическимъ, когда, напримѣръ, онъ увѣщевалъ Рокидану повиноваться папѣ. Даже литературная дѣятельность его главнымъ образомъ была посвящена опроверженію ученія Виклефа и нападкамъ на чашниковъ и таборитовъ въ особенности за богослуженіе на чешскомъ языкѣ; сочиненія, направленные противъ этихъ послѣднихъ, даже очень важны, такъ какъ въ нихъ приводятся нередко буквальныя выдержки изъ таборитскихъ сочиненій, до насъ не дошедшихъ, и излагается ученіе таборитовъ, что, за потерю сочиненій этихъ послѣднихъ, представляется весьма важнымъ обстоятельствомъ. Въ этомъ отношеніи болѣе всего заслуживаетъ вниманія его книга „Животъ (жизнь) кнѣжи (священниковъ) таборскихъ“ (рукопись 1429 г., изд. въ „Выборѣ“ II 409—430 стр.)

Вотъ для образца отрывокъ изъ этого сочиненія:

„Мы кнѣжѣ и казателѣ (проповѣдники) и ини чехове вѣрни, свѣтшти и духовни, чешскаго языка миловници снажни (крѣпкіе) а уставни (постоянные), не могуце тѣрпѣти вице (болѣе) толико блудовъ (заблужденій) и дѣбельныхъ налѣзовъ (покушеній) одѣ тѣхъ кнѣжи (священниковъ) таборскихъ, ктере жъ день отѣ дне горѣ а горѣ (хуже) вынашенъ (—тъ, выносятся) а по земли разсѣванъ (—ютъ) но грѣху не набыте (недостигнутое, незаслуженное) заштѣ (ненависть) и огавеніе (ужасъ) тето (этой) сирѣ земѣ чешке, не маицѣ съ ними судце, а оправце (правителя) инего, ани свѣтскаго ани духовнаго, жалуетъ Пану Богу вшемогущиму и его жадаме. сѣрдечне помочи и розсуженіе(я), жадаме вше рише (царство) небеске на помощь а

служеніи, которыя можно отбывать безъ дѣйствительнаго нравственнаго улучшенія.

Оригинальность мыслей Хельчицкаго выразилась и въ слогѣ, простомъ, часто грубомъ и расплывчатомъ, но почти всегда сильномъ и выразительномъ, иногда поднимающемся на необычайную высоту краснорѣчія безъ помощи какихъ либо особыхъ стилистическихъ украшеній. Приводимъ для образца отрывокъ изъ его „Постиллы“ ¹⁾, по изданію „Vybor“ П.

„Туто се починаи(ють) спасительни выкладки (объясненія) на чтеніе недѣлни многими дары обогащенного муже(а) Петра Хельчицкаго, чеха Богу вѣрного, ктерыжъ есть былъ горливый миловникъ пана Іезу Христа а правды его. А найпървъ прѣдмлува его такто: Панъ Іежишъ, енжъ (который) есть початекъ и докананіе вшехъ вѣци, будижъ помощь ма(оя) въ тето. (этой) пради (трудѣ), абы проспѣшна(у—) могла быти къ его хвалѣ. А же ти, ктерижъ жа(ж)даи(ють) Богу вѣрни быти а пълнити приказаніе его, маи гледѣти добрыхъ причинъ а къ тому помочныхъ, и хѣди(хочу) рѣчь учинити о томъ приказани, ешто ди(говоритъ) панъ Богъ: помни, абы день сватечни, небо суботни, небо недѣлни свѣ(а)тилъ; того свѣщеніе(а) розумъ указуе(тъ) одпочинути одъ грѣховъ смъртедельныхъ, небо (ибо) съ тѣми жадный (никакой) человекъ не може ницъ (ничего) свѣ(а)тѣ а добръ чинити а ни въ недѣли, а ни въ иный часъ. Друге одпочинути въ день сватечный есть упокоеніе духа и тѣла съ Богомъ въ добрыхъ чинехъ (дѣлахъ) а занепразднѣ-

¹⁾ Что касается „Сѣти вѣри“, то новѣйшее изданіе этого сочиненія было предпринято покойнымъ, до времени скончавшимся, славистомъ Ю. С. Анненковымъ. Въ изданіи этомъ онъ предположилъ въ чешскому тексту приложить допервыхъ подробное изложеніе содержанія книги по русски, а вторыхъ свое изслѣдованіе о твореніи Хельчицкаго. Къ сожалѣнію ранняя смерть покойнаго не дала ему выполнить этотъ крупный трудъ, изъ котораго осталось напечатанною на средства академіи наукъ только часть, именно чешскій текстъ и болѣе половины русскаго изложенія.

ніе въ модидбахъ а въ слову Божиѣмъ а въ томъ, цо (что) жъ ку паматовани добродини (—дѣяній) божьскихъ прислуши (прилично)...

Уже изъ этой выдержки видна суть воззрѣній Хельчицкаго на „внутреннее“ христіанство.

На основѣ мнѣній этого замѣчательнаго мыслителя образовалось ученіе такъ называемой „общины чешскихъ братьевъ“, такъ что Хельчицкій, хотя и безъ личнаго воздѣйствія, сталъ духовнымъ творцомъ и родоначальникомъ этого замѣчательнаго религіозно-соціального общества.

Сочиненія Хельчицкаго быстро распространялись между чехами и приобрѣли скоро послѣ его смерти огромное множество исповѣдниковъ его идей и въ числѣ первыхъ племянника Рокицаны, извѣстнаго Григорія Крайчаго (т. е. портнаго ум. 1474 г.). Онъ съ нѣсколькими пріятелями, отдѣлившись и отъ католиковъ и отъ подобоевъ, основалъ въ 1457 г. въ селѣцѣ Кунвальдѣ (Жамберское владѣніе въ Градецкомъ округѣ) маленькую общину, которая вела простой и нравственный образъ жизни по идеямъ Хельчицкаго и хотя жила весьма безпорочно, но далеко не безопасно; по крайней мѣрѣ первый глава ея Григорій Крайчій отсидѣлъ два года въ темницѣ. Отъ него осталось нѣсколько любопытныхъ сочиненій (см. „Иречк.“ „Rukovět“). Въ 1467 г. въ общинѣ были избраны три епископа или старѣйшины—два изъ чеховъ и одинъ изъ мораванъ. Скоро община получила то имя, подѣ которымъ она и извѣстна въ исторіи: общины чешскихъ братьевъ (Jednota bratří českých, bratrská. Относительно исторіи общины см. Палацкаго „Dejiny“ IV, 2; Gyndely, Geschichte de bohm. Bruder; Naučný Slovník и сочиненіе „Odpor stavů“, 1547 года.)

Въ дальнѣйшемъ развитіи общины извѣстенъ особенно братъ Лукашъ (1458—1528), бывшій съ 1500 года старѣй-

шиной братства; это—первый дѣйствительно ученый „братъ“, точно установившій ученіе общины и лучший и плодотворнѣйшій ея писатель. Онъ же строго оберегалъ „братевъ“ отъ привнесенія мнѣній усиливавшагося тогда лютеранства. Сочиненія его во множествѣ (ихъ насчитываютъ до 80!) хранятся въ Герригутѣ, въ Саксоніи. (О Лукашѣ см. Sas. č. mus. 1861 г.)

Затѣмъ извѣстны были, какъ богословскіе писатели XVI в., Янъ Августа и Янъ Благославъ—старѣйшины общины. О нихъ не разъ будетъ сказано ниже.

Богословамъ этого періода принадлежитъ и важная заслуга перевода и упорядоченія всей библии по чешски. Кажется, уже Гусъ занимался приготавительными работами по этому дѣлу. Въ 1435 г. Лупачъ пересмотрѣлъ снова Новый Завѣтъ и напечаталъ впервые въ 1475 г.; въ 1488 г. въ первый же разъ напечатана была вся библия. Оба эти изданія принадлежатъ къ такъ называемымъ инкунабуламъ чешскимъ (т. е. первотискамъ, первопечатнымъ книгамъ). До 1620 г., т. е. въ какихъ нибудь 30—40 лѣтъ, библия эта выдержала 15 изданій. (О библии см. Шемберы „Dejiny liter. česk.“ 207 стран.) Важнѣйшее изъ нихъ есть такъ называемая „Кралицкая“ библия, иначе „Шестидильнѣ“, т. е. состоящая изъ шести отдѣловъ. Она была издаваема съ 1579 по 1593 годъ въ Кралицахъ на Моравѣ издѣвіемъ богатаго помѣщика Яна Жеротинскаго, большаго пріятеля общины. Хлопоча о точности и правильности перевода, братья пользовались для ветхаго завѣта подлиннымъ еврейскимъ текстомъ, а для новаго—греческимъ. Дѣло было поручено девяти лучшимъ ученымъ общины, и между ними извѣстному писателю Я. Благославу, которому именно принадлежитъ превосходный переводъ Новаго Завѣта (прочіе переводчики кралицкой библии были Янъ Энеашъ, Исаиашъ Цыбулька, Юрій Стрыць, Павелъ Есенъ, Янъ Капита (Главачъ), Янъ Еффреимъ, Лукашъ Геличъ и Ан-

дрей Штефанъ). Такъ то произошла Кралицкая библія, это классическое произведеніе чешскаго языка, изданное, между прочимъ, новымъ — Гусовымъ правописаніемъ. Она считается вообще образцомъ чистоты и правильности языка. (См. въ „Часописѣ“ 1878 г. статью І. Шмаги, а также и „Часопись“ за 1879 г.).

Литература *Прага* обрабатывалась въ это время съ замѣчательнымъ успѣхомъ и основательностью. Не мало содѣйствовало этому то обстоятельство, что чешскій языкъ въ XV в., во время гуситскихъ войнъ, получилъ всеобщее значеніе въ земскомъ управленіи, въ судахъ и управяхъ городов и, разумѣется, тамъ приобрѣлъ широкое поле дѣйствія.

Латынь была дипломатическимъ и дѣловымъ языкомъ у чеховъ вплоть до правленія короля Вячеслава IV (1378—1400), когда чешскій языкъ впервые получилъ право юридическаго гражданства и могъ употребляться въ дѣловыхъ записяхъ на ряду съ латинскимъ и нѣмецкимъ. Сначала такія записи выдавались панами, затѣмъ городскими общинами, наконецъ королевской канцеляріей. (Шембера „*Dějiny řeči a literat. českoslov.* 1859 г. 76). Древнѣйшимъ памятникомъ этого рода слѣдуетъ считать жалованную запись нѣкоего Яна изъ Вартенберга Герману изъ Ральска отъ 8 декабря 1380 года на пожизненное владѣніе селеніемъ Мѣднымъ. (Текстъ этой записи а также и другой, Здѣнка изъ Штернберга, отъ 1386 года, см. хоть въ Славянской Хрестоматіи Г. Воскресенскаго вып. III. 46 стран. или „*Vybor z lit. čes. I.*“).

На сеймахъ въ Силезіи, Моравіи и Чехіи довольно рано пришли къ рѣшенію ввести въ „земскія доски“, вмѣсто латинскаго языка, чешскій. Это и сдѣлано было—въ Силезіи въ первой половинѣ XV в., въ Моравіи—въ 1481 г. по вліанію земскаго гетмана Цтибора изъ Цимбурка, а въ Чехіи—въ 1495 г. по предложенію высшаго судьи, Путы изъ Ризенбурга. (Земскія доски состояли въ тѣсной связи съ земскимъ судебнымъ устройствомъ; уже въ древнѣйшія времена при каждой „цудѣ“, или жупномъ

судѣ въ Чехіи были жупныя, или окружныя доски, въ которыя вписывалось все, что дѣлалось на судѣ). Съ теченіемъ времени доски пражскаго суда получили значеніе для всей страны.

Онѣ заключали въ себѣ записи о разныхъ тяжбахъ, о земскихъ имуществахъ, рѣшенія сеймовъ, особенно законы, важные для всей земли. Такимъ образомъ земскія доски были основаніемъ общественнаго и частнаго права; ими обезпечивали себѣ изстари свои права и сеймы, какъ представители цѣлаго народа, и отдѣльныя состоянія и лица, владѣвшія свободными вотчинами. Но когда въ 1541 страшный пожаръ опустошилъ Прагу, сгорѣли и земскія доски. Король Фердинандъ и земскіе чины, впрочемъ, позаботились о возобновленіи утраченнаго, въ чемъ до нѣкоторой степени и успѣли. (Остатки земскихъ досокъ 1541 г. издаетъ съ 1870 года д-ръ Гюс. Эмлеръ). Вслѣдствіе большой важности своего содержанія земскія доски рано уже служили хорошимъ источникомъ для чешскихъ правовѣдовъ.

Изъ чешскихъ правовѣдовъ этого времени особенно извѣстенъ Цтиборъ изъ Цимбурка и Товачова (1430—94). Въ Моравіи онъ написалъ по желанію моравскихъ пановъ въ 1481 г. и затѣмъ дополнилъ въ 1488 г. „Памѣть (или сепьсани) обычеювъ, рядювъ а звычелости стародавнихъ а правъ маркграбства моравскаго“ (Новое критическое изданіе этой книги сдѣлано В. Брандлемъ въ Бьриѣ 1868 г.), или такъ называемую „Товачовскую книгу“; эта книга, съ аристократической точки зрѣнія, излагаетъ льготы земскія, говоритъ о высшихъ учрежденіяхъ, судѣ и земскихъ доскахъ Моравіи и ревностно защищаетъ права пановъ на основаніи старины. (См. о ней *Časop. čas. mus.* 1867—68 г.).

Приводимъ для образца небольшой отрывокъ изъ „Това-

чевской книги“: „Туто прїедмлува на жадость (желаніе) пановъ, а имъ къ воли сепьсани(—е, изложеніе) се почина порадъ...

Гайтманъ, ктерыжъ есть земскый, кдыжъ краљ умрїе, йма(—ѣтъ) гнעדъ (тотчасъ) по смърти пана земѣ(—ли) вшемъ о-знамити смърть пана а крале, а е(ихъ) вшехны (всѣхъ) обеслати листемъ свымъ туто доле (внизу) пьсанымъ подлѣ запису того то. А кдыжъ се пани съѣду(тъ) до мѣста Бърна, ту се маи(ють) вшихни съити до клаштера (монастыря) свате-го Михала, а ту гайтманъ земѣ учинити йма рѣчь о смърти пана а земли(лѣ) гайтманствіе въздати. Кдежъ то пани моцъ(щъ) имѣти буду(тъ) собѣ гайтмана zvoliti (выбрать) а усадити, будь първнего небъ (или) инего, кого жъ се имъ сдати буде, зъ едностайне (единодушной) воле, найгоднѣйшого къ тому урадѣ, а того выгласиць слибѣ (пожелаютъ), цо(что)жъ бы съ радоу (совѣтомъ) ихъ чинилъ, ему помощни быти маи(ють), въ ничемъ жъ его не опуше(а)ицъ(ючи); а сполкы (общества) тенъ йма моцъ давати ажъ до пана будущего, и права пу-стити, ачъ (хотя) земѣ мирна есть. А гнעדъ се ландфридъ (общій миръ) удѣла про подстату (существованіе) земѣ а ствѣрзени покое(я) такимъ способомъ, акожъ туто пьсано есть приписъ его, ктерыжъ былъ по смерти крале Альбрехта удѣ-ланъ за (при) пана Яна зъ Цимбурка Товачевского. О иныхъ урадахъ безъ пана доле инде се ширѣ ознами, ачъ бы ктерый урједникъ (чиновникъ) умрјелъ“.

Цтиборъ имѣлъ много условій, чтобы написать хорошій трудъ. Прежде всего ему помогала большая юридическая опыт-ность. Въ 1469 г. онъ сдѣлался дворскимъ судьей, въ 1469—моравскимъ гайтманомъ и, исправляя земскія должности до самой смерти, имѣлъ много случаевъ изучить порядки и обы-чай права, сохранявшіеся въ общественной земской жизни. Онъ пользовался, кромѣ этого, устными сообщеніями стар-шихъ современниковъ о минувшихъ временахъ и моравскими

земскими досками. Вообще, чѣмъ книги другаго знаменитаго правовѣда Вшегърда служатъ для права чешской земли, тѣмъ трудъ Цтибора—для Моравіи. Ему же принадлежитъ и другой трудъ (1467 г.) посвященный королю Юрію Подѣбраду „Книга гадани (спора) Правды и Лжи“. (Споръ правды и лжи объ имѣніяхъ и власти духовенства; издана въ Прагѣ 1539 г.). Форма этого сочиненія—обыкновенная изъяснительная, бывшая въ то время въ ходу во всей Европѣ. Въ ней излагается тяжба правды и лжи предъ Божиимъ судомъ, гдѣ засѣдаютъ апостолы подъ предсѣдательствомъ Святаго Духа. Разныя добродѣтели и пороки, напримѣръ, гордость, княжна римская, лѣньность изъ Польши и др., также принимаютъ участіе въ преніяхъ, суть которыхъ состоятъ въ томъ, что правда защищаетъ гуситскія воззрѣнія на церковь, а ложь—католическія. Побѣда въ концѣ концовъ остается на сторонѣ правды, и это обстоятельство стоило автору многихъ проклятій католиковъ и угрозъ въ родѣ стиховъ на смерть Цтибора, написанныхъ извѣстнымъ (см. выше) Богуславомъ Лобковичемъ, что „небо заперто для него, ибо безъ ладьи (!) св. Петра никто не переправится къ обителямъ блаженныхъ“.

Еще болѣе былъ знаменитъ Викторинъ Корнель изъ Вшегърда, считавшійся замѣчательнѣйшимъ изъ правовѣдовъ своего вѣка (род. въ 1450 или 1460 г. ум. въ 1520 г.). Сначала онъ былъ преподавателемъ философіи и деканомъ въ пражскомъ университетѣ, но затѣмъ вышелъ изъ него и одно время исправлялъ должность писаря (секретаря) земскаго суда въ Прагѣ; около 1500 года онъ написалъ „Книги деватеры о правихъ а судихъ и дескахъ земѣ чешке“, а въ 1508 году вторично пересмотрѣлъ этотъ трудъ. Ему, какъ видно изъ этого сочиненія, были извѣстны всѣ труды чешской юридической литературы XIV—XV вѣковъ: и книга Розенберга, и трудъ Андрея изъ Дубы, и *Majestas Carolina* объ управленіи чешскаго королевства, 1348 г.

и пр.; но главнымъ источникомъ и основой его книгъ были земскія доски и постановленія земскихъ законовъ; все это составило у него цѣльный систематическій сборникъ. Изъ Викторина труда лучше всего можно видѣть духъ чешскаго права; изложеніе и слогъ превосходны; такъ что въ отношеніи языка юридическаго этотъ трудъ признается у лучшихъ чешскихъ юристовъ классическимъ. Воззрѣнія Викторина въ значительной мѣрѣ демократичны, и въ спорахъ феодаловъ съ городами онъ обыкновенно держитъ сторону послѣднихъ; онъ же являлся и защитникомъ чешской юридической старины.

Вотъ небольшой отрывокъ изъ этой важной книги: „Земъ ческа одъ заложение(я) своего, найяснѣйшій крали (обращается къ королю Владиславу); ажъ (даже) до того то часу азъ поженіемъ (дѣи—)окольные земѣ прѣвышуе(тъ), такъ мужественности(ю) ли(ю)ди(ей); азъ ни (нея) поныхъ (произшедшихъ), кдыбы (еслибы) мужности те(ой) проти(въ) неприателѣмъ свы(ои)мъ, не сами проти собѣ уживали (употребляли), и справедьльности(ю) правъ, кдыбы е (ихъ) въ ове(оей) певности (крѣпости) непотнутъ (неизмѣнно) държе(а)ти х(о)тъли; далеко а вельми (очень) прѣсага: (превышаетъ).

О мужности ихъ въ валкахъ (битвахъ) вѣи и дома достате(о)чни доводе(ды) йсу(тъ) skutkove (подвиги) ихъ, статечности(ю), хрибростью, стойкостью) ваче(о)у(ою) вшемъ земѣи околнымъ, кралемъ, кнѣзатомъ, марграбимъ и ришскимъ (царскимъ) мѣстомъ (городамъ) и Риму прѣлишъ (излишне) знами (извѣстны), и въ иныхъ далевихъ земѣхъ, вѣрестынскихъ и потанскихъ (азычскихъ); цѣсари(ю) турецкому а туркомъ, и инымъ паномъ великимъ на винецъ (всѣ) страны свѣта широче(ко). Могъ быхъ то, цожъ ялувимъ, гнедъ (сейчасъ) имени(ами) чеховъ статечныхъ властни(а) (собственными) а учини(ами), дѣлами ихъ статечными и вельми прѣважчивыми (важными) и дивными вѣрѣдѣльиъ (очевидно) оба-

зати, кдыбыхъ о вѣкахъ хроники а о мужности ческе(ой), (а) не о правѣхъ ческихъ книги имѣлъ писати...“ Образецъ же взглядовъ В. Вшегорда на родной языкъ смотри на страницѣ 73—74.

(Новое изданіе книги Вшегорда сдѣлано Г. Иречкомъ въ 1874 г.). Кромѣ этой книги, Викторину принадлежитъ и переводъ на чешскій языкъ нѣкоторыхъ сочиненій Киприана и Златоуста.

Къ земскому управленію королевства Чехіи и маркграфства Моравіи относятся также слѣдующія сочиненія: Уложение земское короля Владислава II, Права и уставы земскіе Фердинанда I и такъ называемая „Книга Дърновска“, которую написалъ въ 1525 г. Цтиборъ изъ Дърновицъ.

Рядомъ съ земскимъ правомъ обрабатывалось въ XVI в. и право городское. При Подѣбрадѣ города достигли, благодаря своему богатству, и политическаго значенія, и хотя по громами послѣ 1547 года они и были обезземлены, но во второй половинѣ XVI вѣка опять возвысились и получили значеніе. Потому то ихъ права и уставы не разъ служили предметомъ изслѣдованія и изученія. Правовѣдъ Витъ Офталміусъ писалъ по латынѣ, а Бриктіи Злицкій и Павелъ Колдинъ—по чешски.

Бриктіи изъ Злицка (1485—1543), одно время преподаватель пражскаго университета, написалъ на основаніи прежнихъ чешскихъ трудовъ сочиненіе „Права мѣстка“ въ 1536 г., которое однако не болѣе, какъ компиляція. Выше его должно поставить пражскаго канцлера, П. Кристіана изъ Колдина (1530—89), написавшаго „Права мѣстка ераловстви ческого“, этотъ трудъ былъ изданъ въ 1579 году и по сеймовому рѣшенію получилъ всеобщее значеніе, такъ что съ нимъ должны были справляться все города Чехіи, а позже и Моравіи. Основательное изложеніе и прекрасный языкъ дѣлають этотъ трудъ

рядомъ съ Вшегърдовыми книгами важнѣйшимъ памятникомъ чешской литературы права. (Книга Колдина „Права“ съ жизнеописаніемъ составителя издана въ 1876 г. I. Йиречкомъ.)

Карль Старшій изъ Жеротина (1564—1636) извѣстенъ записками о панскомъ судѣ въ Моравіи, гдѣ онъ былъ сначала засѣдателемъ (1506—602), а, сдѣлавшись гетманомъ Моравіи, предсѣдателемъ. Это былъ высоко образованный государственный человекъ своего времени, обладавшій огромнымъ книгохранилищемъ (оно досталось послѣ городу Вратиславу (Бреславу), гдѣ хранится и доселѣ), особенно замѣтную роль игравшій въ событіяхъ чешской исторіи предъ 1620 г. (Записки его 1596—1614 г. изданы въ 2 томахъ В. Брандлемъ въ Бѣриѣ (Брюннѣ) въ 1866 г.).

Въ своихъ произведеніяхъ онъ оставилъ нѣск. превосходные образцы государственно-юридическаго слога, такъ и многочисленный матеріалъ къ познанію не только исторіи XVI—XVII в., но и тѣхъ лучшихъ личностей, которыми тогда были таковыми въ Чехіи и особенно Моравіи. Въ этомъ отношеніи важны, кромѣ записокъ о панскомъ судѣ, его: „Зправы (извѣстія) о сѣймихъ (сеймахъ)“, бывшихъ въ 1594, 96, 97 и 1612 гг., и превосходная Апологія, обращенная къ Юрію изъ Годицѣ.

Наибольшую однако цѣну для языка и культурной исторіи имѣютъ Жеротиновы чешскія письма 1591—1636 г., числомъ до нѣсколькихъ тысячъ. Они въ высшей степени интересны и важны для узнанія общественныхъ и частныхъ отношеній того времени. Все, что только случалось тогда замѣчательнаго, касается этотъ превосходный человекъ въ письмахъ къ современникамъ; они открываютъ намъ тайныя причины многихъ происшествій и различныя впечатлѣнія и сужденія, произведенныя ими. Изъ нихъ мы получаемъ ясное понятіе объ общественной и государственной жизни чеховъ XVI—XVII вв., о ихъ науч.

ныхъ, промышленныхъ и хозяйственныхъ стремленіяхъ. Языкъ писемъ гладокъ и отличается классическими красотами. Подобно Викторину Внотърду, и Жеротинъ смотрѣлъ на изученіе превосходныхъ античныхъ писателей, какъ на средство къ возвышенію чешскаго языка и слога по его естественнымъ законамъ. И это ему удалось. („Зправы“ и листы (письма) его изданы В. Брандеи въ 3 томахъ въ 1870, 71 и 72 гг.). О Карлѣ Жеротинѣ см. статьи Ф. Дворскаго въ „Pamatkach“ 1873 г. и Ант. Рыбички въ Часописѣ 1873 г., а также „Часописъ“ за 1875 г. Любопытная о немъ статья помѣщена также въ „Zpravach o zased. kral. česke spol. nauk.“ за 1877 годъ.

Такъ то высоко развилась въ эту пору литература права, отличаясь не только научностью но и живымъ практическимъ направленіемъ; она прекрасно служила повседневнымъ нуждамъ общества. Юридическій языкъ, быть можетъ, только одинъ въ литературѣ не подчинился мощному вліянію латыни. Причину этого должно искать въ самостоятельности правового и судебного быта въ Чехіи, который издавна, не смотря на официальное употребленіе латыни, какъ судебного и правового языка, сохранилъ свои славянскія особенности. „Прежде наши, говорить Йиречекъ—мыслили и говорили о правѣ всегда по чешски, и чешина ихъ не латинилась, а скорѣе тогдашняя канцелярская латынь принимала въ себя чешскіе обороты“. Вотъ почему, какъ только латынь была оставлена въ земскихъ доскахъ и пр., мѣсто ея заняла богатая юридическая рѣчь чеховъ, которой и доселѣ знатоки справа удивляются за ее краткость, ясность и точность.

Литература исторіи. XV вѣкъ чешской исторіи былъ полонъ великихъ событій, все было обхвачено тревожной политико-церковной жизнью и не имѣло времени остановиться на явленіяхъ и вдуматься въ смыслъ ихъ. Такія эпохи вообще

неблагоприятны для исторической литературы; чешская литература XV в. не составляет въ этомъ отношеніи исключенія. Здѣсь можно упомянуть развѣ указанное нами уже выше (96 стр.) сочиненіе, написанное для короля Подѣбрада *Цадома Жидкомъ*, каноникомъ пражскимъ; это — „Зиравова чили научени, якъ бы пановникъ (государь) мѣлъ жити а до конати“ (и что дѣлать). Славный король едвали могъ извлечь что нибудь дѣльное изъ этой, по отзывамъ чешской критики, дрянной и пошлой книги. Важнѣе такъ называемые „Старши лѣтописове чешти“ неизвѣстнаго автора, имѣющіе для историка большую цѣнность. Содержа въ себѣ простое изложеніе событій домашнихъ 1378—1527 гг., эта книга составляетъ переходъ въ историческую литературу отъ предыдущаго періода къ этому. Издана она въ 1829 г. Фр. Палацкимъ.

Въ XVI в. исторія получаетъ большее развитіе, благодаря дѣятельности *Данила Адама Велеславина* (1546—99), бывшей средоточіемъ всей литературной дѣятельности въ Чехіи второй половины XVI вѣка. Одно время (1572—76) онъ былъ профессоромъ исторіи въ пражскомъ университетѣ, но, сдѣлавшись зятемъ извѣстнаго типографщика, Юрія Мелантриха (о немъ см. Саз. сев. тив. 1865), бросилъ преподавательскую дѣятельность и весь отдался дѣлу печатанія книгъ для высоко цѣнимой имъ родной литературы. Главной цѣлью его дѣятельности было распространеніе знаній и просвѣщенія во всѣхъ слояхъ общества; для этого онъ или самъ писалъ потребныя къ тому книги или упорядочивалъ и писалъ предисловія къ подобнымъ сочиненіямъ другихъ писателей, которыя печатались въ его типографіи. Многосторонняя ученость и благородный дарактеръ приобрѣли Велеславиному большое уваженіе не только въ Прагѣ, но и во всей странѣ. Это происходило вовсе не отъ какихъ нибудь особенныхъ дарованій или оригинальнаго дара творчества этого челоуѣка, а просто

отъ его безкорыстной дѣятельности на пользу и возвеличеніе роднаго языка и литературы. Въ высшей степени превосходно владѣя чешскимъ языкомъ, онъ довелъ его до античнаго совершенства и красоты; его слогъ рано сталъ считаться образцомъ правильности, и писать по велеславински значило то же, что писать правильно по чешски. Писательская дѣятельность Велеславина была очень разнообразна; онъ занимался словарными работами, географическими и богословскими, но больше всего трудился надъ родной и чужой исторіей. Историческіе его труды состоятъ изъ переводовъ, изъ обработокъ чужихъ сочиненій и изъ собственныхъ самостоятельныхъ работъ. Особенно извѣстенъ новый переводъ, сдѣланный имъ, Хроники Энея Сильвія, снабженный обширнымъ введеніемъ. Стоитъ сравнить этотъ переводъ съ болѣе древнимъ, сдѣланнымъ въ 1510 г. Мик. Коначемъ изъ Годиштова, чтобы увидѣть, на сколько усовершенствовалась чешская рѣчь въ продолженіе XVI вѣка. Э. Сильвій, родомъ изъ итальянскаго города Сіены, позже папа Пій II, принадлежалъ къ знаменитѣйшимъ людямъ XVI в. Онъ былъ секретаремъ императора Фридриха III и принималъ большое участіе въ сдѣлкахъ Базельскаго собора съ гуситами. По этой причинѣ онъ жилъ нѣкоторое время въ Чехіи, гдѣ познакомился съ передовыми людьми того времени и съ исторіей страны. Плодомъ этого знакомства была „Historia Bohemica“, важный источникъ для исторіи гуситства. Она рано была переведена и на чешскій языкъ, сначала въ Моравіи каноникомъ Яномъ Гуской, а 1510 г. и въ Чехіи Мик. Коначемъ. Велеславинъ снова осмотрѣлъ этотъ переводъ и упорядочилъ его.

Переводъ Памфиловой церковной исторіи и хроники Левенляевой о турецкомъ народѣ, сдѣланный Коциномъ Коцинетскимъ, и переводъ Еврейской исторіи Флавія, принадлежавшій Вацлаву Пляцелю изъ Эльбинга, были обработаны въ сти-

литическомъ отношеніи также Велеславинымъ и изданы имъ. Переводчики эти принадлежали къ близкимъ его пріятелямъ.

Изъ трудовъ, совершенныхъ Велеславинымъ въ другихъ родахъ сочиненій, особенно латинскихъ и нѣмецкихъ, наиболѣе извѣстна „*Politia historica*“. Здѣсь изъ всеобщей исторіи выводятся различныя наставленія, какъ государству и обществу слѣдуетъ управляться въ войнѣ и мирѣ. Это что то вродѣ политическаго исповѣданія Велеславина, очевидно болѣе склоннаго къ консерватизму.

Обширнѣйшій изъ оригинальныхъ трудовъ его—это знаменитый „Календарь Гисторицкій“, гдѣ при каждомъ днѣ всякаго мѣсяца разсказываются достопримѣчательныя событія, случившіяся въ Чехіи и другихъ странахъ. Въ этомъ трудѣ, наибольшемъ изъ своихъ чешскихъ сочиненій, Велеславичъ является простымъ лѣтописцемъ, записывающимъ происшествія безъ всякой внутренней связи ихъ, лишь по порядку дней; впрочемъ и здѣсь обнаруживается его наблюдательность и образованность.

Историческія сужденія и критика Велеславина находятся въ многочисленныхъ предисловіяхъ его къ различнымъ сочиненіямъ. Важнѣйшее изъ нихъ приложено къ изданію перевода Сильвовой хроники; здѣсь онъ подробно критически обзрѣваетъ бывшую до него чешскую историографію, указываетъ хорошія и дурныя особенности чешскихъ лѣтописцевъ, обличаетъ чешскій народъ отъ злостныхъ нападокъ со стороны чужеземцевъ. Тутъ только вполнѣ высказывается его широкій и ясный взглядъ на отечественную исторію. (Это „предисловіе“ смотри въ „Маломъ Выборѣ изъ чешской литературы“ Челяковского. Выборъ изъ различныхъ сочиненій Велеславина представилъ В. Розумъ во II и IV томѣ „Старо-чешской библіотеки“ 1853 и 1855 гг.) Хотя Велеславинъ и не отмѣтилъ собою какого нибудь особеннаго движенія или

направленія въ литературѣ, но, благодаря необыкновенной выработанности слога его сочиненій, онъ сдѣлался знаменитѣйшимъ писателемъ своего времени, далъ свое имя цѣлой эпохѣ (конецъ золотого вѣка именуется нерѣдко вѣкомъ Велеславина) и доселѣ еще считается образцовымъ стилистомъ, языкъ котораго ставится въ примѣръ по своей чистотѣ.

Прочіе историки этого періода занимались главнымъ образомъ чешской исторіей, которая, благодаря протестантскому движенію въ Германіи, получала въ Европѣ все большую важность и интересъ.

Въ Хроникѣ *Бартоша* Писаря, пражскаго мѣщанина, († 1535) описываются пражскія происшествія 1524—30 гг., которыхъ онъ былъ очевидцемъ. Тогда происходилъ ярый споръ между старой партіей подобоевъ и новопришлой лютеранской; это то и описываетъ Бартошъ, причемъ, будучи самъ лютераниномъ, нерѣдко грѣшитъ противъ историческаго безпристрастія и кривить душой въ своей нелюбви къ чашникамъ. Впрочемъ вообще, какъ историческій источникъ, его рассказъ цѣнится довольно высоко ¹⁾

Описанія Бартоша очень живописны, дѣйствующія лица съ ихъ дѣлами и побужденіями живо представляются читателю; характеристики мѣткі и мѣстами приправлены ѣдкими при- словьями и поговорками. Рѣчь автора правильна и проста, безъ всякихъ изысканныхъ прикра- совъ, но иногда бываетъ расплывчата.

Вотъ для образца небольшой отрывокъ изъ его хроники (по изданію К. Эрбена. Прага 1863 г.), именно взглядъ на

¹⁾ См. Фран. Палацкого Vürdigung der alten böhmisch. Geschichtschreiber, Прага 1869 г. 286 стр.

извѣстнаго гуманиста Эразма Роттердамскаго: Книга първи. Глава 8, въ нижѣ (которой) се ознамуе о нѣякемъ учителѣ закона Божіаго Эрасмови Роттердамскемъ, тежъ (тоже) и о Лютерови, кды естъ повсталъ. Потомъ ктеракъ ли(ю)де почали пріимати правду чтени Кристова, а потомъ причины, ктеракъ естъ дѣбельскрѣзе све(—ои) голомки (слугъ) тому прѣказилъ (мѣшалъ). Тому то се слуши (прилично) нарамнѣ (сильно) подивити, яый дивъ того то вѣку нашего панъ богъ въ не-надале а проти(въ) вши (всѣй) надѣйи людске рачилъ (соизволилъ) указать, же (что) зъ его вникнути (побужденія) повсталъ былъ прѣдъ нѣколика лѣтъ ныни прѣдешлыми (прошлыми) учитель крѣстьянский подлѣ закона божіаго въ краинахъ рейнскихъ, въ Колинѣ, въ Базиліи а инде, ктеремужъ Эрасмусъ Роттердамскій рикали: Мужъ былъ истѣ ученый и знаменитый въ учени свемъ надъ обычейну повагу (способности) народу Нѣмецкего. Тенъ (онъ) йса (будучи) кнѣземъ (священникомъ) подлѣ ряду (обряду) Римскаго сепьсалъ о набоженствѣ крѣстьянскемъ много кнѣгъ, ктерыхъ жъ жадный (никакой) миловникъ закона божіаго а праведо смьслу пана Христа въ нѣктерехъ листехъ гыздити (порицать) не могъ, отвирае правый розумъ крѣстьянский закона божіаго... (Далѣе см. въ „Славянской Хрестоматіи Г. Воскресенскаго Вып. III. Москва 1884 г.)

Сикстъ изъ Оттерсдорфа (1500—83), старомѣстскій канцлеръ, описалъ событія 1546—48 гг. И онъ, подобно Бартошу, касается смутъ, порожденныхъ чуждымъ протестантизмомъ. Протестантскіе князья Шмалькальденскаго союза, воздвигнувъ въ Германіи борьбу противъ Карла V, возбудили также и въ Чехіи отпоръ чиновъ противъ Фердинанда I, требовавшаго военной помощи отъ нихъ для Карла.

Въ надлежащей связи у него рассказано только вступленіе, гдѣ идетъ рѣчь о переговорахъ силезскихъ чиновъ съ правитель-

ствомъ чешскимъ. Остальная часть труда часто отступаетъ отъ хронологическаго порядка, нить событій прерывается, иногда рассказываются лишь важныя дѣла, а иногда предлагаются только простой историческій матеріалъ. Зато есть много мѣстъ, гдѣ живо и связно излагаются замѣчательныя явленія изъ пражской общественной жизни 1547 г., являются точныя характеристики лицъ, партій и отношеній; но, будучи сторонникомъ протестантовъ, авторъ, подобно Бартошу, часто относится слишкомъ пристрастно къ противной сторонѣ и судить ее строже, чѣмъ бы слѣдовало.

Но Сикстъ мастерски владѣлъ языкомъ, и это засвидѣтельствовало такой знатокъ чешской рѣчи, какъ Янъ Благовъ, который считалъ его первымъ стилистомъ своего времени. (о жизни и дѣятельности Сикста см. *Čas. čes. mus.* 1861 г.).

Вацлавъ Гаскъ изъ Либочанъ, одно время пробѣлъ Староболеславской капитулы, взялъ предметомъ своего труда всю чешскую исторію. Въ противоположность двумъ вышеозначеннымъ историкамъ этотъ писалъ съ католической точки зрѣнія; тѣ излагали дѣйствительныя событія, а онъ внесъ въ свою хронику множество басенъ и небылицъ, отчего она является далеко небезопаснымъ источникомъ и вообще имѣетъ видъ забавнаго произведенія, а не серьезной исторіи.

Кромѣ того, событія изложены безъ всякой связи другъ съ другомъ, независимо одно отъ другаго. Не смотря на всѣ эти недостатки, давно уже замѣченные критикой, хроника замѣчательно широко распространилась въ народѣ, чему немало содѣйствовалъ ея простонародный, общепонятный языкъ. Затѣмъ она была совершенно безупречна въ религіозномъ отношеніи и потому въ тяжелую годину народнаго упадка послѣ Бѣлогорской битвы была единственнымъ источникомъ, изъ ко-

тораго народъ черпалъ хоть какія нибудь свѣдѣнія о своей исторіи.

Приведемъ для образца небольшой отрывокъ (по изданію „Vyborга.“)

Лѣта 1009 (о градѣ Примѣ). Книже (князь) Ольдрихъ часу лѣтнего выправилъ се на ловъ до далекихъ лѣсовъ; небо (ибо) онъ те(-ой) кратохвиле (времяпровождение) вельми пиленъ (прилеженъ) былъ. Еденъ зъ владыкъ вельми богатый уведѣсть есть книже на свой градъ, ктерыжъ слулъ (слылъ) Дърштка, а одтудъ частократъ сполу (вмѣстѣ) на ловъ (охоту) ѣздили. И пригодило се (случилось) дне одного, же (что) книже жена (гоняя) се по звирети, одъ свыхъ служебниковъ се въ лѣсѣ ранымъ йитромъ одразилъ (отдѣлился), такъ ажъ въ томъ лѣсѣ заблудилъ. И выевъ (выѣхавъ) на еденъ върхъ, пыльнѣ гледѣлъ, здали бы кде могъ яку весь (село) угледати, а немога про высоке а густе дрива (деревья) ницъ спатрити (усмотрѣть) свой конь привязавъ влѣзъ на едно высоке дрѣво смъркове (сосна), а на нѣмъ йса (будучи), пыльнѣ (прилежно) сѣ почалъ огледати, а чъ узрѣлъ еденъ градъ, на высоке горѣ поставеный и т. д. (продолженіе разсказа объ этомъ странномъ городѣ русскій читатель найдетъ въ „Славянской Хрестоматіи“ Г. Воскресенскаго).

Съ именемъ Гайка невольно связывается и имя пражскаго бакалавра и хорошаго латиниста *Мартина Кутена* изъ Шпрингсберга (+1564), котораго небольшая „хроника о началѣ чешской земли“, написанная съ точки зрѣнія поддоевъ, возбудила большое волненіе въ католикахъ и побудила, говорятъ, нѣкоторыхъ пановъ просить Вацлава Гайка (ум. 1553 г.) о составленіи хроники въ католическомъ духѣ.

На самомъ же дѣлѣ хроника этого послѣдняго, доведенная до 1527 года, далеко не оправдала ни опасеній, ни надеждъ, какъ со стороны содержанія, нерѣдко баснословнаго и полного „безстыдныхъ“, какъ выразился Палацкій, выдумокъ,

такъ и по формѣ, хотя въ составителѣ ея и нельзя отрицать вообще во первыхъ извѣстнаго патріотическаго направленія, а во вторыхъ, пожалуй, нѣкоторой начитанности въ разныхъ историческихъ документахъ, особенно официальныхъ и такъ называемыхъ „Земскихъ доскахъ“, къ которымъ этотъ писатель имѣлъ доступъ.

Община братьевъ, столь много содѣйствовавшая вообще развитію чешской литературы, произвела и замѣчательныхъ историковъ; лучшимъ изъ нихъ считается много разъ уже упомянутый Янъ Благославъ, одинъ изъ ученѣйшихъ людей своего времени.

Нужно сказать, что община очень хлопотала, чтобы въ ея архивѣ были не только собственные документы и труды, но и другихъ религіозныхъ партій, какъ для того, чтобы ея члены могли для защиты пользоваться важнѣйшими сочиненіями, такъ и для того, чтобы ея собственные починанія и судьбы не пришли въ забвеніе.

Такимъ образомъ при срединномъ управленіи общины, помѣщавшемся сначала въ Литомышлѣ, образовался довольно богатый архивъ, при которомъ состоялъ архивариусомъ обыкновенно одинъ изъ самыхъ ученыхъ и способныхъ братьевъ. При такихъ условіяхъ совершенно естественно было явиться особой „братской исторической школѣ“, въ которой почетнѣйшее мѣсто принадлежитъ много разъ уже упомянутому Яну Благославу (1523 — 1571). Образовавши свой умъ классическими занятіями, онъ началъ усердно заниматься старой чешской словесностью и скоро сдѣлался лучшимъ ея знатокомъ между современниками. Изученіемъ старыхъ памятниковъ онъ образовалъ свой историческій слогъ и сообщилъ ему собственнымъ дарованіемъ пріятную и благородную форму. Занявшись изученіемъ исторіи общины, онъ скоро издалъ замѣчательный трудъ „Гисторіе братржи(—евъ) чешскихъ“, заключающій въ

себѣ богатый историческій матеріалъ и обнаруживающій въ авторѣ рѣдкія достоинства историка—удачное сужденіе и прекрасное изложеніе. Разныя занятія помѣшали, впрочемъ, автору исполнѣ отдѣлать свою работу. Прекрасный даръ изложенія, которымъ обладалъ Благославъ, лучше всего замѣтенъ въ его „Животописъ Яна Августы“; здѣсь онъ написалъ первую часть и такъ искусно, что она навсегда останется очень замѣчательнымъ произведеніемъ (этотъ животописъ изданъ Фр. Іос. Шумавскимъ въ 1838 г. О Благославѣ см. Саз. ѓ. т. 1856, 61 и 62 гг., объ историч. братской школѣ Саз. ѓ. т. 1873 г.)

Изъ той же братской школы вышелъ другой жизнеописатель, „*Václav Bržezan*“ (1560—619). Призванный Петромъ Розенбергскимъ, другомъ Общины, къ завѣдыванію архивомъ Тржебоньскимъ, онъ очень усердно пользовался тамошними историческими сокровищами. Онъ очень строго придерживался грамотъ и прочихъ памятниковъ, и потому труды его отличаются рѣдкой достовѣрностью. Къ сожалѣнію, онъ не унаслѣдовалъ красоты слога и вообще формы у своихъ предшественниковъ, историковъ Общины. Простое хронологическое изложеніе событій безъ всякой связи, отсутствіе выводовъ, сухая, иногда расплывчатая, рѣчь дѣлаютъ его труды вообще незанимательными для публики; зато для историка они имѣютъ высокую цѣнность.

Всѣ они касаются событій Розенбергскаго дома. Обширная исторія этого дома, написанная Бржезаномъ, пропала. До насъ дошелъ его „Животъ Вилема зъ Рожмберка“, гдѣ разсказывается о событіяхъ 1530—92 г.

Рѣчь идетъ не объ одномъ Вильгельмѣ, но вообще о всей странѣ и особенно о южныхъ краяхъ чешскаго королевства.

Къ братскимъ историкамъ слѣдуетъ отнести и Карла старшаго изъ Жеротина, о которомъ была уже рѣчь при изложеніи литературы права (См. 107 стр.).

Бартоломей *Папроцкій* изъ Глаголь (1540—1614), родомъ полякъ, усердно занимался генеалогіей чешскихъ князей и королей, епископовъ и архіепископовъ; въ его генеалогическихъ сочиненіяхъ находятся часто любопытныя событія и подробности о родахъ панскихъ и рыцарскихъ и о знаменитѣйшихъ городахъ; при этомъ приложены многочисленныя изображенія гербовъ панскихъ, рыцарскихъ и городскихъ (о Папроцкомъ см. Sas. ѓ. m. 1866). Можно упомянуть и еще о двухъ писателяхъ: Маркъ *Биджовскій* изъ Флорентина, преподаватель математики въ пражскомъ университетѣ, въ качествѣ декана способствовавшій развитію студенческихъ театралныхъ зрѣлищъ, (1540—1612) изложилъ жизнеописаніе императора Максимилиана II и событія при Рудольфѣ II. Юрій *Завѣта* изъ Завѣтиць (1575—1621) оставилъ въ запискахъ воспоминанія изъ жизни императора Матвѣя, при которомъ онъ состоялъ въ качествѣ исторіографа и сторону котораго держалъ въ спорѣ его съ Рудольфомъ. Любопытнымъ явленіемъ въ исторической литературѣ этого времени являются также „Памѣти“ (воспоминанія) Микулаша Дачицкаго изъ Геслова (о немъ см. выше въ отдѣлѣ свѣтской поэзіи средней поры 78 стр.), въ которыхъ содержатся важныя историческія свидѣтельства отъ второй половины XIX вѣка до 1626 года, касающіяся особенно города Кутной горы. Записки эти собственно только упорядочены Дачицкимъ и дополнены собственными воспоминаніями: первоначально же онѣ были составлены послѣдовательно шестью предками его, излагавшими ихъ, разумѣется, довольно беспорядочно и нелитературно. (Первый выпускъ этихъ записокъ изданъ въ 1878 году подъ ред. д-ра Антона Резка въ „Памяткахъ старе литературы ческе“ иждивеніемъ чешской Матицы).

Выше была рѣчь о любопытной перепискѣ Карла Жеротина. Но и кромѣ него много чешскихъ пановъ XV—XVI вѣковъ оставило огромное количество писемъ къ современникамъ и о современныхъ событіяхъ на родномъ языкѣ. Письма эти принадлежали разнымъ Шликамъ, Штернбергамъ, Рожмбергамъ, Цимбуркамъ, наконецъ королю Подѣбраду. Но лучшія изъ нихъ и по силѣ языка и по важности содержанія писаны извѣстнымъ паномъ Вилемомъ изъ Пернштейна (1435—1521). Адресованныя къ разнымъ вельможамъ и извѣстнымъ дѣятелямъ, толкуя о важныхъ общественныхъ дѣлахъ и отношеніяхъ, эти письма очень способствуютъ уясненію современныхъ имъ личностей и событій. (Письма Пернштейна см. въ I и II т. Чешскаго Архива, а также во II т. „Vybor'a z literat. č.“).

Изъ предложеннаго обзора ясно видна обширность и многообразность чешской исторической литературы XVI и начала XVII вѣковъ. Безъ сомнѣнія также едвали какой европейскій народъ превосходилъ въ то время чеховъ въ этомъ родѣ словесности. Не смотря на это, въ ней нельзя не видѣть нѣсколькихъ существенныхъ недостатковъ. Религіозныя идеи, вполне господствовавшія въ тѣ времена надъ всѣми стремленіями людей, наложили свою печать и на историковъ; каждый изъ нихъ понималъ событія, особенно современные, съ точки зрѣнія своего исповѣданія и не былъ рѣшительно въ состояніи отрѣшиться въ своихъ сужденіяхъ и отношеніяхъ къ людямъ отъ личныхъ сочувствій или несочувствій.

Неутѣшительный характеръ событій производилъ и въ сочиненіяхъ даже болѣе хладнокровныхъ историковъ какое то безвкусіе и, такъ сказать, неопятность мысли. При отсутствіи философскаго образованія предрасудки и повѣрья также немало отуманивали взгляды даже болѣе глубокомысленныхъ писателей. Вотъ причины отсутствія въ тогдашнихъ исторіяхъ критическаго сужденія, объективной оцѣнки и прагматическаго изложенія со-

бытій, хотя въ ихъ сочиненіяхъ и нельзя отрицать часто прекрасной стилистической формы. (Объ историческ. прозѣ XVI—XVII вѣковъ см. *Časop. č. m.* 1873 г. Выборки изъ вышеназванныхъ историковъ см. въ „*Vybr.*“ т. II и въ Иречковой Антологіи II).

Литература землѣвѣдѣнія и путешествій. Особенно распространена была въ этотъ періодъ такъ называемая „Космографія чешка, т. е. выписаніи земѣи а народовъ и дѣиъ ихъ“. Источниками для ея автора, ученаго шляхтича Зигмунта изъ Пухова (1520—84), служили латинская книга Севастіана Мюнстера и нѣкоторыя домашнія сочиненія. Это—одна изъ огромнѣйшихъ книгъ чешской литературы; была она очень любимымъ чтеніемъ въ свое время. Изъ сочиненій, описывающихъ чужіе земли и народы, можно отмѣтить „Кронику Московску“, которую вмѣстѣ съ дневникомъ австрійскаго посла перевелъ съ латинскаго Матушъ Госіусъ († ок. 1588). Здѣсь описывается Великая Русь въ географическомъ и этнографическомъ отношеніи; рассказано и о жестокостяхъ Ивана Грознаго.

Путешествія предпринимали чехи въ XV—XVI вѣкахъ по разнымъ причинамъ. Одни—ради научныхъ занятій, посѣщая знаменитые университеты; другіе изъ чувства любознательности, заѣзжая въ замѣчательныя мѣста, упоминаемыя у классическихъ писателей; иные изъ религіознаго чувства, желая поклониться св. мѣстамъ. Можно назвать много именъ извѣстныхъ чеховъ, путешествовавшихъ по этимъ причинамъ: извѣстный гуманистъ Богуславъ изъ Лобковицъ и старшій братъ его Янъ изъ Лобковицъ, Криштофъ изъ Польжицъ и др.

Нѣкоторые посѣщали чужія земли, состоя при посольствахъ. Уже король Подѣбрадъ выслалъ въ 1464 г. особое посольство къ французскому королю Людовику XI. Этимъ же королемъ посланъ былъ его своякъ Левъ изъ Рожмиталя съ цѣлью расположить западныхъ королей въ пользу чешскаго

и распространить хорошее мнѣніе о чехахъ. Левъ, панъ ловкій и обходительный, объѣздилъ со своей свитой Германію, Нидерланды, Англію, Францію, Испанію, Португалію и чрезъ Италію вернулся домой. Путешествіе это описано было Шашкомъ изъ Мезигорји, приближеннымъ Льва. Но чешскій подлинникъ утратился, и сохранились только переводы латинскій и нѣмецкій. Къ такимъ путешественникамъ принадлежалъ и молодой чешскій шляхтичъ Вацлавъ Вратиславъ изъ Митровицъ.

Община братьевъ нерѣдко тоже высылала изъ своей среды разныхъ лицъ въ чужія земли съ цѣлю узнать, есть ли гдѣ исповѣданіе, подобное братскому, по которому можно было бы упорядочить и исправить свое.

Такъ былъ посланъ Мартинъ Кабатникъ Литомышльскій въ Іерусалимъ и Египеть, другіе—въ Царьградъ, Грецію и Русь. Почти о всѣхъ этихъ путешествіяхъ остались записки. Важнѣйшія изъ нихъ принадлежатъ Яну изъ Лобковицъ, Вацлаву Вратиславу изъ Митровицъ и Криштофу Гаранту изъ Польжицъ.

Первый странствовалъ въ 1493 по св. мѣстамъ въ Палестинѣ; свой путь описалъ онъ, воротившись въ Чехію, въ 1505 г. Онъ очень просто рассказываетъ о природѣ странъ, объ обитателяхъ, ихъ свойствахъ и обычаяхъ, о городахъ и ихъ памятникахъ, объ управленіи и пр. Книга его—хорошее пособіе къ познанію той эпохи. (См. Иречкову Антологію II и „Выборъ“ II).

Второй, будучи еще пятнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, состоялъ при посольствѣ, которое было отправлено въ Царьградъ въ 1591 г. императоромъ Рудольфомъ II. Послы натерпѣлись въ дорогѣ разныхъ бѣдствій и еще были задержаны въ плѣну и отсиѣдали три года въ ужасной турецкой темницѣ. Вотъ это все и описалъ Вацлавъ Вратиславъ въ 1599 г. въ сочиненіи. „Пригоды“ (приключенія). Книга написана прекрасно.

Живо и занимательно описаны нравы турецкіе и обычаи, проявившіеся уже и у покоренныхъ турками угровъ, включенія пути, образъ жизни при дворѣ Султана. Нигдѣ въ книгѣ нѣтъ однообразія и сухости, и вообще она и содержаніемъ и формой превышаетъ всѣ прочія путевыя записки и составляетъ истинное украшеніе чешской литературы. („Пригоды“ издалъ г. Розумъ въ Старочешской библіотекѣ. III. Въ 1875 году вышло четвертое изданіе этой книги. Впрочемъ это сочиненіе было издано и раньше Пельцлемъ въ 1777 году и Крамеріусомъ въ 1807 году. Русскій переводъ К. Побѣдовосцева вышелъ въ Петербургѣ въ 1877 году подъ названіемъ „Приключенія чешскаго дворянина Вратислава въ Константинополь...“)

Кр. Гарантъ былъ коморникомъ Рудольфа II и совершилъ въ 1598 г. съ Германомъ Чернинымъ далекое путешествіе чрезъ Венецію въ Египетъ, въ Св. землю и въ Аравію. Записки его, изданныя въ 1608 г. въ 2 частяхъ, гораздо обширнѣе Вратиславовыхъ. Да и повѣствуетъ онъ не о приключеніяхъ только своихъ, но также о земляхъ и городахъ съ ихъ достопамятностями, особенно же объ обычаяхъ жителей. Правда, онъ уже слишкомъ часто приводитъ мѣста изъ разныхъ старыхъ и новыхъ писателей и этимъ, хотя и выказываетъ свою начитанность, но дѣлаетъ свою книгу растанутой и скучноватой.

Языкъ его тоже нельзя назвать образцовымъ; онъ не имѣетъ ни свѣжести Велеславинской рѣчи, ни плавности и красоты языка Вратислава. (Книга Гаранта издана Эрбеномъ въ 1854 г.). Раньше въ 1608 г. она вышла въ Прагѣ съ рисунками самого сочинителя: „Cesta ...do Sv. Země“.

Ольдрихъ Префатъ (1523—65) обширно и наглядно описалъ свой путь изъ Праги въ Венецію, а оттуда въ Палестину и издалъ его на свой счетъ, украсивъ книгу также нѣкоторыми рисунками, рѣзанными на деревѣ.

Фридрихъ изъ Донины (ум. до 1617 г.), путешествовавший по Венгріи, Италиі и пр., также оставилъ описаніе своего пути (см. „Часопись“ 1843 г. и „Люмѣрь“ 1858 г.).

Гуманизмъ и языкознаніе. Классическія занятія въ Чехіи особенно возвысились подъ вліяніемъ славнаго гуманиста Матуша Колинскаго, который съ 1542 г. объяснялъ въ пражскомъ университетѣ латинскихъ и греческихъ классиковъ. Къ лучшимъ гуманистамъ, обращавшимъ вниманіе и на родной языкъ, принадлежали (Г)Рѣгоръ Грубый изъ Елены, сынъ его Зигмундъ и воспитатель Зигмунда Вацлавъ Писецкій. Первый (1460—1514), получивъ въ Италиі классическое образованіе, старался подобно своему пріятелю, извѣстному Виктору Вшегърду, облагораживать чешскій языкъ помощью классическихъ образцовъ. Онъ старался дать соотечественникамъ хорошіе чешскіе переводы лучшихъ латинскихъ сочиненій Цицерона, Сенеки, Г. Говіана. Понтана, Эразма Роттердамскаго, Петрарки, Богуслава изъ Лобковицъ и пр. Такъ, напр., имъ переведены: „Лелій“ (о дружбѣ) Цицерона, „Парадокса“ его же, „Похвала Глупости“ Эразма Роттердамскаго, „О лѣкарствѣ противъ счастья и несчастья“ Петрарки и др.

Языкъ этихъ переводовъ хорошъ и ясенъ, но пестрѣтъ латинизмами; часто замѣтно бываетъ, сколькихъ трудностей стоило автору переводить и объяснять многія латинскія слова; для этого онъ нерѣдко прибѣгалъ къ пространнымъ описаніямъ.

Зигмундъ Грубый (1497—1554) также учился въ Италиі подъ руководствомъ друга своего отца, Вацлава Писецкаго, и съ нимъ же потомъ путешествовалъ по греческимъ островамъ, Франціи и пр. Въ 1524 г. онъ сдѣлался въ г. Басилеѣ завѣдывающимъ и редакторомъ при изданіи древнихъ греко-латинскихъ классиковъ. Авторитетный гуманистъ Эразмъ Роттердамскій высоко цѣнилъ ученость и способности молодого

человѣка. Важнѣйшій его трудъ—„Lexicon Symphonum“—словарь греческій, латинскій, славянскій и нѣмецкій, первая попытка сравнительнаго языковѣдѣнія. (Изъ славянскихъ нарѣчій, кромѣ чешскаго, онъ хорошо зналъ и хорватскій).

Вацлавъ Писецкій (1484—1511) былъ человѣкъ рѣдкой учености и разума. Живя съ Зигмундомъ въ Болоньѣ и Падуѣ, онъ очень усердно изучалъ классиковъ и перевелъ съ греческаго на чешскій Исократову рѣчь къ Демонику. Когда онъ внезапно умеръ въ Венеціи, трудъ его былъ изданъ въ 1512 г. Григоріемъ Грубымъ изъ Елены. (Нѣкоторые изъ вышеупомянутыхъ переводовъ см. въ Старочешской библіотекѣ Розума. О Вацлавѣ Писецкомъ см. „Часопись“ за 1876 г.). Вотъ еще нѣсколько болѣе извѣстныхъ гуманистовъ: *Омдрикъ Веленскій*, типографщикъ въ Бѣлоѣ, перевелъ по чешски нѣкоторые труды Лукіана, Сенеки и Эразма. *Янъ Чешка*, воспитатель дѣтей извѣстнаго чешскаго пана Вильгельма Пернштейна, перевелъ для своихъ воспитанниковъ нѣкоторыя выборки изъ греческихъ и латинскихъ сочиненій. *Павелъ Ворличный* перевелъ дистихи Катона и нѣсколько выборокъ изъ Терренція. *Авраамъ изъ Гинтеррода*—перевелъ Ксенофонову Киропедію. Университетъ также сильно содѣйствовалъ распространенію гуманизма и не только въ Прагѣ, но и по большимъ городамъ Чехіи. По тогдашнему порядку всѣ городскія училища находились подъ управленіемъ пражскаго университета, ректоръ котораго былъ вмѣстѣ и верховнымъ инспекторомъ школъ. Онъ назначалъ въ нихъ учителей изъ студентовъ, получившихъ хотя низшую академическую степень—бакалавра. Такимъ образомъ учителями городскихъ училищъ были люди, классически образованные, которые, разумѣется, должны были высоко держать въ нихъ знамя науки. Большинство же ихъ оставалось въ городахъ, гдѣ нѣкоторые изъ нихъ дѣлались священниками, членами магистратовъ, письмоводителями и пр.

Этимъ то способомъ и распространялся въ странѣ гуманизмъ; многіе мѣщане достигали такого знанія древнихъ языковъ, что нерѣдко могли сами сочинять на нихъ. Такое положеніе дѣлъ было, напр., при ректорѣ Петрѣ Кодициллѣ изъ Тулехова (до 1589 г.) и еще болѣе при Мартинѣ Бахачкѣ, усердно заботившемся о хорошемъ веденіи школъ и занимавшемъ должность ректора дважды: въ концѣ XVI вѣка и отъ 1603 до 1611 г.

Гуманисты чешскіе рано почувствовали грамматическую важность древнихъ языковъ и, переводя съ нихъ, поняли необходимость перенести ихъ грамматическую систематичность и на чешскій языкъ. Объ этомъ хлопотали уже переводчики священнаго писанія. Въ XV вѣкѣ, за исключеніемъ Гусова правописанія, языкъ чешскій не былъ разработанъ теоретически; попытки этого явились лишь въ XVI вѣкѣ, когда впервые явилось ясное сознаніе необходимости такой разработки. Кромѣ того, Община братьевъ, стараясь толково поставить дѣло преподаванія роднаго языка въ своихъ школахъ, все болѣе и болѣе чувствовала нужду въ грамматическомъ руководствѣ. Кажется, по этой причинѣ и явились въ Общинѣ первыя попытки теоретической обработки чешскаго языка—въ лицѣ „братьевъ“ Бенеша Оптата и Петра Гзела. Они издали первую чешскую грамматику въ 1533 г. въ Намѣштѣ. Въ ней прежде всего они хлопотали о правильномъ способѣ письма; въ „этимологіи“ предлагается составъ всѣхъ частей рѣчи; стараясь обозначить нѣкоторыя особенности, которыми отличается чешская рѣчь отъ латыни, составители отмѣчаютъ также ошибки, допущенныя старѣйшими переводчиками священнаго писанія; ученіе же объ обликахъ (формахъ) словъ въ грамматикѣ опущено. Эта первая грамматика, да и вообще всѣ прочіе подобные труды того времени, замѣчательна лишь въ смыслѣ первой попытки. Затѣмъ должно упомянуть особенно о чешской грамматикѣ, написанной по латыни уче-

нымъ словаремъ Бенедиктомъ Вавринцемъ изъ Нудожеръ (1553—1615). Значительно выше этой книги стоитъ „Грамматика чешка“ составленная въ 1541 г. извѣстнымъ стилистомъ, „братомъ“ Яномъ Благославомъ. (Издача въ 1857 г. I. Градидемъ и Јос. Иречкомъ. Оцѣнку ея Гатталы см. въ *Čas. č. m.* 1858 г.). Но и этотъ трудъ не заключаетъ въ себѣ определенной системы языка, а только основательную оцѣнку прежнихъ грамматическихъ сочиненій и семь разсужденій о правильномъ и красивомъ слогѣ. Грамматика Благослава—замѣчательное по своему времени явленіе и отличается богатствомъ матеріала. Изъ нея мы узнаемъ частію о состояніи языка и степени его обработанности въ половинѣ XVI вѣка, частію о научной высотѣ самаго автора и благородномъ рвеніи его къ возвышенію родной рѣчи. Несовершенства труда, конечно, принадлежатъ его времени, когда занятія грамматикой были въ зачатѣѣ.

Словарныя работы въ это время также появлялись довольно часто и нерѣдко достигали замѣчательнаго совершенства; достаточно назвать труды *Рокицаны* (его латинскій словарь), *Книжки* (или Кодициллуса) составившаго въ XVI вѣкѣ замѣчательный латино-чешско-нѣмецкій словарь, Велеславина (ему принадлежатъ „*Sylva*“ и „*Nomenclator quadrilinguis*“ (4-хъ язычный толкователь) и др. Можно еще назвать словари „Оломудцкій“, Вѣнскій триязычный, *Lactifer* и др.

Если подвести итоги всему, что сдѣлано было въ чешской словесности въ продолженіе изложеннаго только что плодотворнаго періода, когда произошелъ разцвѣтъ чешской литературы, то это время вслѣдствіе небывалой дотоѣ литературной дѣятельности, особенно по отдѣламъ прозы, считается часто высшей ступенью, до которой только можетъ дойти чешская литература; оттого его зовутъ обыкновенно золотымъ вѣкомъ этой литературы. Оправдывается ли вполне,

это названіе, главнымъ образомъ относимое ко времени 1526—1620 гг.? Во 1-хъ только въ отжившихъ литературахъ можно различать различные періоды упадка или разцвѣта ихъ. Въ живой литературѣ это преждевременно; въ ней могутъ настать совершенно неожиданныя условія, при которыхъ она можетъ либо еще выше подняться, чѣмъ когда бы то ни было, либо еще глубже упасть. Во 2-хъ дѣйствительно ли такъ совершенно развилась литература въ этотъ періодъ, что превосходить всѣ другія эпохи? Поэзія, особенно свѣтская, этой эпохи далеко уступаетъ великолѣпнымъ произведеніямъ 1-го періода, вроде пѣсенъ Краледворской рукописи. Самая проза XV—XVI вв. лишена была той основательности и научнаго метода, которыя свойственны только просвѣщеннѣйшимъ временамъ литературы; въ этомъ отношеніи невозможно и сравнивать „золотой вѣкъ“ съ нынѣшнимъ временемъ, сдѣлавшимъ такіе огромные успѣхи, напр., хоть въ исторіи, языкознаніи, естествовѣдѣніи.

Названіе „золотого вѣка“ даваемое этому періоду, оправдывается, быть можетъ, только по отношенію къ внѣшней формѣ литературныхъ произведеній, достигшей дѣйствительно замѣчательнаго совершенства въ гладкости, изяществѣ и въ то же время сохранившей свойства народной чешской рѣчи. Доказательствомъ этому могутъ служить не только большая часть прозаической литературы, но и языкъ земскихъ досокъ, сеймовыхъ рѣчей, судныхъ записей, городскихъ книгъ, даже тайной переписки сословій, грамотъ королевской канцеляріи и пр. И патристическая ревность къ родному языку чешскихъ „братъевъ“, и занятія классицизмомъ—все сильно содѣйствовало этому необычайному развитію силы и гибкости рѣчи; благородную форму ея и доселѣ лучшіе писатели усердно сохраняютъ. Но живая рѣчь, ведомая новыми идеями и потребностями, не можетъ отказаться отъ притязанія на постоянное

развитіе, укрѣпленіе и усовершенствованіе. Тутъ уже нужно только способствовать росту языка по естественнымъ его законамъ и его здоровой воспріимчивости.

б) Время упадка чешской словесности (1620—1774 гг.).

Съ Бѣлогорской битвы (1620 г.) начинается поръ упадка и народной чешской жизни, и словесности. Борьба подбоевъ и католиковъ получила къ 1619 г. такой острый характеръ, что неминуемо должна была повести къ гибели одной изъ сторонъ. Считая религіозныя различія главной причиной предъидущихъ гражданскихъ раздоровъ, Фердинандъ II рѣшилъ привести Чехію къ религіозному единству. Всѣ, не желавшіе обратиться въ католицизмъ, должны были выселиться изъ страны; тысячи обывателей покидали ее въ надеждѣ (къ несчастью, обманчивой), что ходъ борьбы дозволитъ имъ возвратиться въ родную землю. Это были большею частью люди просвѣщенные и состоятельные, которые могли бы еще превосходно послужить чешской наукѣ и словесности въ своей родной землѣ и своими дарованіями, и средствами, и положеніемъ. Какъ и должно было, впрочемъ, ожидать, они, увлеченные на чужбинѣ чуждыми интересами, въ концѣ концовъ безвозвратно умерли для своего народнаго дѣла. Лишь немногіе, одаренные необычайной силой духа, продолжали и за границей работать на пользу родной словесности. Но еще болѣе, чѣмъ отъ выселенія, потерпѣло народное дѣло отъ тѣхъ ужасовъ опустошенія, которые во время тридцатилѣтней войны особенно щедро сыпались на Чехію и Моравію. Кромѣ того, что эта война въ конецъ уничтожила матеріальное состояніе народа—она притупила его мысль, надолго сдѣлала ее неспособной ко всѣмъ благороднымъ стремленіямъ. Тѣ, которыхъ начало войны встало въ мужественномъ возрастѣ, либо не дожили до ея окончанія, либо обратились въ слабыхъ духомъ и тѣломъ стар-

цевъ; тѣ же, кто былъ застигнутъ ужасами войны въ дѣтскихъ лѣтахъ, конечно, въ это бурное время, столь неблагоприятное для духовной дѣятельности человѣчества, не могли получить побужденій къ благородной дѣятельности и духовному труду. Ко всему этому присоединилась еще ненависть католиковъ къ старой чешской словесности, которая, считая въ рядахъ писателей многихъ не-католиковъ, казалась цѣлкомъ вредной для новаго католическаго направленія. Старыя чешскія книги истреблялись, какъ еретическія. Отсюда рѣдкость многихъ изъ нихъ и даже полная утрата иныхъ. Превосходная по языку Кралицкая библія сбереглась лишь въ 20 какихъ нибудь полныхъ экземплярахъ, къ тому же еще разбросанныхъ, кромѣ Чехіи, по разнымъ другимъ землямъ: Германіи, Англіи, даже Америкѣ.

Многія книги сохранились лишь благодаря особенной ревности чешскихъ патріотовъ, скрывавшихъ ихъ въ недоступныхъ никому книгохранилищахъ.

Съ изчезновеніемъ многихъ замѣчательныхъ литературныхъ памятниковъ все рѣже и рѣже встрѣчается умѣнье правильно владѣть чешскимъ языкомъ, особенно когда пришелъ въ упадокъ и другой источникъ правильнаго языка—изученіе классицизма. Дѣло въ томъ, что съ половины XVII вѣка, вмѣсто старыхъ классиковъ, стали изучать въ школахъ произведенія извращеннаго вкуса новыхъ авторовъ, писавшихъ удивительно варварскимъ слогомъ. Понятно, что это не могло не отразиться и на чешской словесности. Языкъ, теряя понемногу хорошіе образцы, портился постепенно. Этотъ упадокъ чешской письменности особенно былъ замѣтенъ въ XVIII в., къ концу котораго обратился въ сущее духовное бѣдствіе цѣлаго народа. (См. П. Лавровскаго „Паденіе Чехіи въ XVII вѣкѣ“, Спб. 1868 г., также въ „Журналъ М. Н. П.“)

По самому характеру этого времени невозможно, изслѣдуя тогдашнюю письменность, сохранить сколько нибудь стро-

гое систематическое изложеніе по отдѣламъ. Все, что было написано замѣчательнаго въ области поэзіи и прозы, принадлежить тѣмъ немногимъ мужамъ, которые и по духу, и по образованію принадлежали еще, собственно говоря, къ предъидущему періоду, были имъ вскормлены и воспитаны.

Въ этотъ же періодъ разсматриваются ихъ произведенія только потому, что явились на свѣтъ уже послѣ 1620 года.

Отсюда, между прочимъ, видна высота развитія, до которой дошелъ чешскій духъ въ теченіе XVI в.: блескъ этого вѣка покрылъ своимъ сіяніемъ даже начало послѣдующаго вѣка счастливаго періода литературы.

ЛИТЕРАТУРА ИЗГНАННИКОВЪ.

О высоко просвѣщенномъ Карлѣ *Жеротинѣ* была рѣчь выше. Здѣсь слѣдуетъ добавить, что, кромѣ предбѣлогорской переписки, отъ него остались еще письма 1620—36 г., столь же замѣчательныя и по содержанію, и по слогу, классически правильному, гладкому и благородному. Они представляютъ собою рѣдкій матеріалъ для исторіи этой смутной эпохи, положившей начало почти двухсотлѣтнему оцѣпенѣнію чешскаго народа. Судьба этого человека вообще тѣсно связана съ судьбою его родины: послѣ изданія императорскихъ указовъ противъ не-католиковъ и Жеротинъ оставилъ въ 1628 г. свою отчизну, не желая измѣнить своимъ старымъ убѣжденіямъ. Онъ вмѣстѣ съ женой своею Екатериной основался въ Бреславлѣ, откуда, съ позволенія Фердинанда II, пріѣзжалъ время отъ времени въ Чехію и Моравію. Тамъ онъ проживалъ въ своемъ Преровскомъ замкѣ, гдѣ и умеръ въ 1636 г. на 72 году жизни. Библіотеку свою онъ отказалъ Братству; остатки ея, какъ уже сказано было выше, нынче въ Бреславлѣ. (см. Часопись чешскаго музея 1875 г. 214 стр.)

✓ *Янъ Амосъ Коменскій* род. 1592 г. въ Угорскомъ Бродѣ (по другимъ, въ Нивницѣ) въ Моравіи. Окончивъ образованіе въ Герборнѣ и въ Гейдельбергѣ и попутешествовавши по чужимъ краямъ,

онъ воротился въ отчизну. Вышеупомянутый Жеротинъ, тогда гетманъ моравскаго маркграфства (1608—14), сдѣлалъ его начальникомъ славной братской школы въ Преровѣ. Въ 1616 г. Коменскій былъ рукоположенъ во священники, а въ слѣдующемъ году вызванъ въ Фульнекъ, древнѣйшее мѣстопробываніе братьевъ въ Моравіи, для проповѣди и надзора за школой. Обстоятельное жизнеописаніе Коменскаго написано и издано къ двухсотлѣтней памяти его смерти Франт. Зубкомъ въ 1871 г.: „Život Jana Am. Komenského“. Добавленія къ жизнеописанію см. въ Часописи чешскаго музея за 1874 г., но и за другіе годы: 1871, 72, 76, 77; см. также „Освѣту“ за 1879 годъ число 3-е (Komenského „Diogenes“) и числа 2, 3 и 5-е („Три школьні (и)гры Коменскаго“).

Коменскій рано обнаружилъ многоразличную литературную дѣятельность. Его произведенія—а ихъ болѣе ста—написаны почти всѣ по латыни и по чешски. Лучше всего Коменскій, какъ и Гусъ, сказался въ своихъ чешскихъ трудахъ; изъ нихъ мы остановимся на самыхъ важныхъ.

Чешской рѣчью напишъ авторъ владѣлъ въ высокой степени, изучивъ ее и на образцовыхъ твореніяхъ и въ повседневномъ употребленіи. Поэтический духъ его обнаружился лишь въ 1623 г., пробужденный бѣдствіями, поразившими и родину и общину „братьевъ“, съ судьбой которой такъ тѣсно связалъ Коменскій и судьбу своей жизни. Въ 1622 г. онъ долженъ былъ, вслѣдствіе новаго вѣроисповѣднаго указа, покинуть Фульнекъ и скрываться въ окрестностяхъ а позже въ сѣверовосточной Чехіи, въ Жеротиновыхъ владѣніяхъ, именно въ Брандысѣ на Орлицѣ. Коменскій, оторванный отъ своей мирной дѣятельности, видѣлъ ясно, что и для всей общины утеряна возможность благотворной дѣятельности на родинѣ. А тутъ еще новыя бѣды: смерть жены и перворожденного сына. Вотъ эти то обстоятельства и дали толчекъ духу Ко-

менскаго проявиться во всемъ своемъ величїи. Удрученный столькими несчастїями, не находя утѣхи въ настоящей жизни, нашъ авторъ сталъ искать опоры единственно въ себѣ и Богѣ. Такъ явилось одно изъ наилучшихъ поэтическихъ твореній чешской литературы „Лабиринтъ свѣта а рай сердце“ (1623 г.), плодъ уединенныхъ думъ автора о превратности всего земнаго, объ обманутыхъ его надеждахъ, когда онъ обиталъ въ Брандысѣ, въ хижинѣ, построенной, по преданію первымъ главою братской общины Григоріемъ, около домика, называемаго „на срубѣ“, подъ Клопотами. Глубокомысленно разбираетъ Коменскій, „гдѣ и въ чемъ заключается верхъ человѣческаго счастья, которымъ удовлетворились бы человѣческія желанія, т. е. достигнувъ котораго, можно было бы дать опочить своей мысли, такъ что она могла бы успокоиться, не имѣя, чего болѣе желать“ (Предисловіе къ „Лабиринту свѣта“) Онъ вглядывается въ свѣтъ, испытываетъ высшія и низшія состоянія, но нигдѣ не находитъ истиннаго покоя; всюду ему является превратность всего человѣческаго, всюду одно ничтожество. Потому то, покинувъ свѣтъ, онъ вступаетъ въ храмъ христіанской правды, гдѣ узнаетъ свѣтъ разума и вѣры и находитъ покой въ сердцѣ и богоугодной жизни.

Суть всего произведенія весьма отчетливо выражена въ полномъ его заглавіи; „Лабиринтъ свѣта и рай сердца, ясное изображеніе того, какъ въ этомъ свѣтѣ и во всѣхъ его предметахъ нѣтъ ничего, кромѣ суеты и блужданія, сомнѣній и заботъ, ослѣпленія и обмана, бѣдствій и скорбей, наконецъ пресыщенія всѣмъ и разочарованія, и какъ только тотъ добивается истиннаго и полного успокоенія духа и радости, кто, оставаясь дома въ своемъ сердцѣ, замыкается съ однимъ Господомъ Богомъ.“ Стремясь отыскать истинное благо, авторъ совершаетъ иносказательное путешествіе по лабиринту міра подъ руководствомъ проводника *Всюдыбуда* (вездѣсущаго), *Всесегда*

(всевѣдущаго) и толмача *Маме́ня* (ослѣпленія), и передъ нимъ раскрывается вся суетность мірскаго „рынка“ и обнаруживаются всѣ сокровенныя помышленія людей, тайныя пружины ихъ дѣйствій, пустота ихъ заботъ, безсиліе и глупость самой такъ называемой „науки.“ На пути онъ встрѣчаетъ наконецъ самого Христа и всматривается въ жизнь „внутреннихъ“ христіанъ (т. е. членовъ чешской братской общины), которая и оказывается искомымъ „*summi bonum*“, счастьемъ. Войдя въ домъ своего сердца и заперши за собою двери, путешественникъ всецѣло отдается жизни по идеалу внутренней правды христіанства, чистой вѣрѣ въ Бога, не знающей заботъ о богатствѣ и славѣ и всяческой суетности и вражды. Совершенно основательно видать въ этихъ воззрѣніяхъ мысли Хельчицкаго о чистотѣ первобытнаго христіанства, которое выработало свободу своихъ членовъ, общность и единеніе мыслей и чувствъ и наконецъ общность имуществъ. „Я видѣлъ, говорить авторъ, что эти люди, хотя и бѣдны тѣмъ, что свѣтъ называетъ имѣніемъ..., но почти у всякаго изъ нихъ было что нибудь свое, котораго онъ не утаивалъ отъ другихъ—какъ это дѣлается въ свѣтѣ—но охотно дѣлился съ другимъ... Такъ поступаютъ сидящіе за однимъ столомъ, одинаково пользуясь кушаньями. Увидѣвъ это, я устыдился того, что у насъ (въ свѣтѣ) часто дѣлается прямо противное этому, и я понималъ, что не такова Божья воля.“ Такимъ образомъ, если въ „*Лабиринтѣ свѣта*“—этой глубочайшей сатирѣ на свое время, не потерявшей, впрочемъ, и доселѣ значенія—Коменскій отнесся вполне отрицательно къ жизни современнаго ему „нормальнаго“ общества, то въ „*Рай сердца*“ онъ нашелъ себѣ положительный идеалъ, въ видѣ жизни и ученія „внутренняго“ христіанства, и изобразилъ его тамъ же съ глубочайшею вѣрою, силою и искренностью мысли. Общественное значеніе „*Лабиринта*“ въ свое время было чрезвычайно велико. Изъ

глуби семнадцатаго вѣка дошелъ до насъ отголосокъ, изображающій всю силу этой книги: въ пѣснѣ чешскихъ изгнанниковъ она поставлена рядомъ съ Кралицкой библией (см. 96 стр.) какъ единственное дорогое наслѣдіе родины:

Не взяли сме (есмы) съ себоу

Ницъ (ничего), по вшемъ вета (разореніи),

Енъ (только) Библи Кралицку,

Лабиринтъ свѣта...

(Колларъ: Narod. Zpievanky Slovakov 1, стр. 34)

Для образца сатирическихъ изображеній Коменскаго, приведемъ слѣдующее довольно остроумное изображение библиотеки средневѣковыхъ мудрецовъ вмѣстѣ съ переводомъ. (Глава 10-я, § 6. Переводъ этой главы сдѣланъ г. М. С. въ „Кіевскомъ Славинскомъ Ежегодникѣ“ вып. VI 1884 г.)

„Ай ту синь велика, йижъ семъ ани конце не знаменалъ, а въ ни по вшехъ странахъ пълно полицъ, приградъ, шка-тули а крабицъ: жебы ихъ на ста тисичихъ возу не обвозилъ, а каждая (и)мѣла свой написъ а титулъ. И рјеклъ семъ; до яке жъ сме того пакъ апатеки вешли? До апатеки, рјеклъ тлумочникъ, кде се лѣкове проти(въ) недугомъ мысли ховаи; а та властнимъ йменемъ библиотека слове. Погледъ, яци ту несконали складове мудрости! Гледѣ теды а видимъ ученцовъ патерје приказейицихъ розличнѣ се около того затачети. Нѣктери нейпѣкнѣйши а нейсубтильнѣйши вибирайице, покусу зъ нихъ вытаговали а до себе приимали, повловнѣ собѣ жывайицѣ а заживайице; а пристоупѣ къ одному тажи се: цо то дѣла? Одповѣдѣлъ ми: проспивамъ. А яка въ томъ хуть? димъ я. Онъ засе: довудъ се то въ устехъ жывка, на горь-кость небъ на киселость цити, потомъ се обраци въ сладость. А начъ пакъ то, рјеклъ семъ. Одповѣдѣлъ: легчеи ми то при-хази внитрь носити, а йсемъ тимъ йистши: а цо ужитку не видишь? И гледимъ на нѣй пыльнѣй, а видимъ ей тлустего а

тучного, барвы красне, очи се му яко свице сквѣли, рѣчь была позорна, а вщецко при немъ чиле. И ди ми тлумочникъ: овшемъ пакъ ти то...“ Переводъ: „Передъ нами обширная палата, которой я и конца не досмотрѣлся, а въ ней по всѣмъ сторонамъ полки, перегородки, шкатулки и коробки, которыхъ и на сотнѣ тысячъ воевъ не увезъ бы, и каждая имѣла свою надпись и титулъ. И я сказалъ: въ какую же это аптеку пришли мы?

—Въ аптеку, сказалъ толмачъ: гдѣ хранятся лѣкарства противъ болѣзни мысли; она носитъ особое имя библіотеки. Посмотри, какіе тутъ безконечные склады мудрости!—Продолжая свои наблюденія, я вижу толпы ученыхъ, приходящихъ для разнообразныхъ занятій всѣмъ этимъ. Нѣкоторые, выбирая коробки самыя красивыя и легкія, вытаскивали изъ нихъ по кусочку и принимали въ себя, мало по малу разжевывая и переваривая. Подхожу къ одному и спрашиваю, что онъ дѣлаетъ. „Пользуюсь“—Какъ же нравится?—говорю я. „Почавкаешь во рту, отзывается горечью или кислотой, потомъ обращается въ сладость.... Развѣ ты не замѣчаешь пользы?“ Я смотрю на него внимательнѣе и вижу, что онъ толстый, румяный, тучный; глаза горятъ, какъ свѣчи, рѣчь ясная, и все въ немъ отличается свѣжестью. А толмачъ мнѣ говоритъ: другіе однако же...”

Изъ предложеннаго содержанія „Лабиринта“ ясно видно, что Коменскій въ немъ нѣсколько уклонился въ піэтистическій мистицизмъ; его нѣжная мысль, отвернувшись отъ реального міра, успокоилась въ общеніи съ Богомъ. Но, не смотря на все это, „Лабиринтъ свѣта“ имѣетъ огромную литературную цѣну. Это—большая аллегорическая поэма, въ которую авторъ вложилъ свои глубокія думы о человѣческой жизни, живо обозначивши всѣ ея недостатки и несовершенства. И хотя это произведеніе писано прозой, но отличается живой работой воображенія, силой наблюденія и благороднымъ поэтическимъ слогомъ. Вотъ отчего оно для братьевъ въ изгнаніи стало самой дорогой книгой послѣ Кралицкой библии.

Какъ бы дополненіемъ къ „Лабиринту“ служить „Глубина безопасности (безопасности) (1625 г.), написанная въ томъ же духѣ. Въ ней высказано убѣжденіе, что вся безопасность настоящей жизни основывается на единомъ Богѣ и покорной преданности ему. И это произведеніе отличается живымъ и сильнымъ слогомъ.

Поэтическое дарованіе Коменскаго обнаруживается въ его превосходныхъ переводахъ Давидовыхъ псалмовъ, гдѣ испробованы были различные классическіе метры. Надъ переводомъ псалмовъ на чешскій языкъ трудился уже словакъ Вавринецъ Бенедиктъ Нудожерскій и довольно удачно; но трудъ его пропалъ въ бурную эпоху 1620 года. Эту то потерю и думалъ Коменскій вознаградить. Кромѣ того, его трудъ могъ служить и для высшихъ братскихъ школъ, приготовлявшихъ священниковъ и учителей. (Переводъ Коменскаго изданъ снова І. Иречкомъ въ трудѣ: Часомѣрне (метрическіе) преклады жалму бр. І. А. Коменскѣго, бр. І. Благослава и пр. Вѣна 1861)

Но главное значеніе Коменскаго—безспорно въ его прозаическихъ трудахъ, особенно педагогическихъ Коменскій началъ учиться уже взрослымъ и потому при своихъ рѣдкихъ способностяхъ легко могъ замѣтить школьные недостатки и ошибки. Такъ, напр., тогда главною цѣлью ученія полагалась латынь, составлявшая правду, главную связь между учеными, но непонятная массамъ и потому раздѣлявшая интеллигенцію отъ прочихъ жителей. Родной же языкъ оставался въ пренебреженіи. При томъ учили больше словамъ, чѣмъ ихъ смыслу, больше, такъ сказать, рѣчи, чѣмъ вещамъ. Вотъ почему первой заботой Коменскаго было сдѣлать родной языкъ основой всякаго обученія, даже и латыни. Уже въ 1612 г. началось у него собраніе матеріаловъ для чешско-латинскаго словаря, который долженъ былъ заключать въ себѣ точное значеніе словъ

и вещей и служить практическимъ основаніемъ для изученія латинскаго языка.

Къ сожалѣнію, этотъ трудъ, („Покладъ“ (сокровищница) языка чешскаго), стоившій Коменскому 46 лѣтней работы, погибъ при Лешенскомъ пожарѣ 1656 г. Уцѣлѣли лишь части этого труда въ переписяхъ. Нѣкто Вацлавъ Роса (†1689), крайне безвкусный писатель періода іезуитской литературы, зналъ также одну его часть. Онъ отзывался, что словарь Коменскаго опредѣлялъ происхожденіе всѣхъ чешскихъ словъ. Въ 1661 году Коменскій писалъ, что во всю свою жизнь не забудетъ этой утраты. Впрочемъ эти занятія словаремъ оставили по себѣ важный слѣдъ: Коменскій глубоко вникъ въ духъ роднаго языка, а это очень много послужило ему въ его дальнѣйшей педагогической дѣятельности. Важнѣйшіе труды его въ этой области были написаны въ польскомъ городѣ Лешнѣ, куда онъ долженъ былъ бѣжать изъ отечества въ 1628 г.; этотъ городъ издавна былъ главнымъ гнѣздомъ чешскихъ высленцевъ.

Здѣсь Коменскому было поручено руководство братской молодежью, которая изъ Лешенской гимназіи была отправляема въ университетъ. Плодомъ педагогической дѣятельности Коменскаго была въ 1630 г. „*Janua linguarum reserata* (Бра̃на языку̃ отоврѣна—отвертая дверь языковъ), гдѣ помѣщено нѣсколько тысячъ словъ въ многочисленныхъ предложеніяхъ, постепенно увеличивающихся и касающихся предметовъ, которые по своей занимательности легко могли быть усвоены молодыми умами.

Тутъ же мы находимъ сопоставленіе словъ подобозначащихъ (синонимовъ) и словъ съ противоположными значеніями, чтобы смыслъ каждаго слова былъ виднѣе.

„*Janua*“ вышла сначала по латыни и самимъ же авторомъ была переведена по чешски; своимъ методомъ она об-

ратила вездѣ такое вниманіе на себя, что скоро переведена была на нѣмецкій, польскій, французскій, англійскій, итальянскій, шведскій, голландскій, греческій, русскій (въ 1768 году; второе изд. 1788 г.) и турецкій языки и вездѣ была введена въ школы. Наконецъ она была переведена на арабскій, персидскій и монгольскій языки; по своей распространенности „*я-пиа*“ уступаетъ только развѣ священному писанію.

Тогда же было написано величайшее твореніе Коменскаго „*Великая Дидактика*“ (1626—32 г. русскій переводъ, изданіе „*Семьи и Школы*“, вышелъ въ 1877 г.), гдѣ изложена вполне его педагогическая система, обнимающая училищевѣдѣніе, объемъ учебныхъ предметовъ и способы обученія. Главное основаніе этой системы, произведшее коренную ломку въ педагогикѣ—это наглядность обученія, особенно въ низшихъ классахъ; далѣе, требуется строгая постепенность въ обученіи: должно переходить къ изученію неизвѣстнаго и труднаго лишь послѣ усвоенія извѣстныхъ вещей и легкихъ, при чемъ каждому возрасту должны сообщаться подходящія къ нему свѣдѣнія. При воспитаніи и обученіи предлагается одинаково обращать вниманіе на развитіе какъ тѣлесныхъ, такъ и духовныхъ силъ дитяти, равномерно и на особенности его духовной природы.

(Чешская „*дидактика*“ открыта только въ 1841 г. профессоромъ Яномъ Пуркыньей въ Лешнѣ, а напечатана была Матицей въ 1849 г. Исправлѣе издана она Беранкомъ въ 1871 году). Приводимъ для образца небольшой отрывокъ изъ „*Дидактики*“. Этотъ отрывокъ чрезвычайно характеренъ, ибо воспроизводитъ въ себѣ въ маломъ видѣ *суть* педагогическихъ взглядовъ Коменскаго.

Глава 14. Же (что) порядекъ учені(я) прирозеный (естественный) быти муси(тъ, долженъ).

Зачнеме йижъ (ужъ), ве имену божьимъ, закладу (основаній), на нихъжъ. вшелике (всяческое) учені(е), яко на скалѣ, заложено быти могло, добывати, кѣтерыхъ жъ, понѣваждъ (такъ какъ) прирозені(е, природу) направовати (ис—)хѣцеме, не инде, нежъ (но) въ самемъ прирозені(я) гледати мусиме. Небо (ибо) праве есть вшеліакъ (всячески), же умѣні(е, искусство) йде(тъ) за прирозені(е)мъ, анебъ (или) прикладъ(—мѣръ) бере(тъ) одъ прирозені(я). Чегожъ про(за, для) доводъ нѣкѣтерый прикладъ припоменьме. Видиме рыбу у водѣ плути (плыть, что плыветъ); прирозене (прирождено) то йи. (ей). Кдо йи въ томъ наслѣдовати хѣце(—четъ), одъ ни (нея) прикладъ взі(а)ти муси(тъ), а таке (—же) се на воду положе, (в)мисто перути (перьевъ плавательныхъ) рукоу, (в)мисто оцасу (хвоста) ногъ уживати (употреблять), а цо она перутьми а оцасемъ, то онъ рукама а ногама дѣлати. Такъ доведе(—тъ), инакъ(—че) ницъ(—чего). Небржъ (ибо) и лоди(—ья) подобу одтуд(а) взалъ.

Видиме пѣтакъ летати, прирозене то ему. Хѣтѣлъ ли бы кдо наслѣдовати, крыла бы собѣ таке, въ удърже(а)ні(ю) его достатечна, пристроити, припнути, а потомъ се, ажъ бы (пока бы) умѣлъ, цвичити (упражняться), яко Дедалъ (мифологическая личность, механикъ, умѣвшій устраивать летательныя крылья; см. у Овидія въ „Метаморфозахъ), мусилъ“ и т. д. Далѣе въ этой главѣ приведены примѣры того, какъ, опять таки по наблюденію и изъ подражанія дыхательной трубкѣ животныхъ, устраиваются духовыя музыкальныя орудія, по наблюденію надъ звѣзднымъ міромъ устроили орудіе, которымъ обнаруживается суточное обращеніе звѣзднаго неба и измѣряются часы; при этомъ приводится и описаніе такого „теллурия, или планетарія“, изобрѣтеннаго уже въ то время и сообщавшаго наглядность представленіямъ изъ далекой и трудно постигаемой области міровѣдѣнія. Словомъ, всѣ примѣры Коменскій

береть изъ дѣйствительности, изъ жизни и на нихъ раскрываетъ отношеніе искусства къ природѣ.

Коменскій тѣшилъ себя надеждой, что изгнанникамъ позволено будетъ возвратиться на родину, гдѣ онъ думалъ обновить школы своей системой. Взятіе саксонцами Праги въ 1631 г., казалось, благопріятствовало этой надеждѣ, и изгнанники возвратились въ Чехію, а Коменскій обратился съ званіемъ къ чешскому народу, напирая особенно на школьную реформу. Но когда Валленштейнъ изгналъ на слѣдующій годъ саксонцевъ изъ Чехіи, выселенцы должны были опять оставить родину.

Позже Коменскій издалъ въ Лешнѣ еще нѣсколько трудовъ, которые должны были содѣйствовать уразумѣнію его системы и распространенію ея въ обществѣ. Таковы, напр., „Informatorium (училище) školy mateřské (новое изд. 1873 г.)“, „Orbis pictus“ (свѣтъ въ образахъ—раскрашенный міръ; чешское изданіе „Svět viditedlný namalovaný“... вышло въ 1685 г. у словаковъ)—первоначальная книжка для дѣтей. Для гимназій назначалась прежде всего „дверь языковъ“.

Но чешской школѣ, ради которой и трудился Коменскій, не довелось воспользоваться его трудами, такъ какъ ему не пришлось уже болѣе видѣть родины.

Нашъ авторъ сталъ передѣлывать свои книги по латыни, чтобы онѣ по крайней мѣрѣ другимъ народамъ принесли пользу. Чешскія книги оставались въ рукописяхъ и частію погибли во время Лешенскаго пожара, какъ, напр., сборникъ проповѣдей, говоренныхъ имъ въ теченіе 40 лѣтъ. Заботясь о пополненіи взрослыхъ образованія, Коменскій издалъ такъ называемую *Пансофію* (Вшевѣда), гдѣ образованные люди могли бы легко обозрѣть современное состояніе науки и образованности. Вотъ какъ говоритъ самъ Коменскій о своемъ трудѣ: „Я ста-

рался здѣсь способомъ сжатымъ, прочно свести во едино нашу образованность, безгранично доселѣ разлитую, непостоянную и во многихъ частяхъ колеблющуюся; я хочу, чтобы дѣйствительно знали, а не хвастались только наукой, чтобы знали не слишкомъ многое, но зато вещи добрыя и полезныя, слѣдовательно вѣрно и безошибочно“. Къ сожалѣнію, пансофическіе труды Коменскаго, подобно многимъ инымъ его работамъ, большею частью погибли, какъ, напр., „Silva (лѣсъ) pansophiae“ о которомъ онъ особенно жалѣлъ, (г. Зубекъ въ 1876 г. издалъ „Věktere drobnější Spisy“ Коменскаго, а годомъ раньше „Škola pansofická“). Скоро молва о педагогическихъ преобразованіяхъ Коменскаго достигла Англіи, даже Швеции. Въ 1638 г. онъ былъ приглашенъ въ эту послѣднюю страну для участвованія въ училищной реформѣ; чрезъ 3 года онъ получилъ приглашеніе отправиться въ Лондонъ, гдѣ онъ думалъ основать какую-то академію для ученыхъ; этотъ планъ его, впрочемъ, не удался вслѣдствіе волненій¹⁾. Въ 1642 году, великій педагогъ преподавалъ свои воззрѣнія различнымъ ученымъ въ Стокгольмѣ и бесѣдовалъ съ самымъ канцлеромъ Оксенштирною, чрезвычайно цѣнившимъ его дидактическіе труды; затѣмъ жилъ онъ въ Пруссіи и тамъ писалъ для шведскихъ школъ свои дидактическія сочиненія. По приглашенію Семиградскаго князя Ракочи, онъ въ 1650 г. отправился въ Венгрію и въ Шарышскомъ Потоцѣ основалъ высшую латинскую школу. Но чрезъ четыре года Коменскій, не найдя ни способныхъ учителей, ни прилежныхъ учениковъ, оставилъ Венгрію, принеся, впрочемъ, ей немало пользы: подъ его руководствомъ были переведены съ латинскаго языка на мадьярскій его труды по дидактикѣ. Тамъ уже тогда чужіе народы болѣе восполюзовались идеями Коменскаго, чѣмъ его отчизна, Чехія.

¹⁾ Это было время первой англійской революціи, кончившейся, какъ извѣстно, казнью короля Карла I.

Немало отрывала Коменскаго отъ трудовъ педагогическихъ церковнообщественная дѣятельность его—въ 1632 г. въ качествѣ дѣлопроизводителя братской Общины, а съ 1648 въ качествѣ епископа, на котораго падала вся забота о несчастной разогнанной Общинѣ. Въ защиту братства было написано имъ много догматическихъ и историческихъ трудовъ; при его же участіи вышелъ и трудъ „о тяжкихъ бѣдствіяхъ чешской церкви“. (*Historia o těžkych protivenstvích cirkve česke* 1655 г., вышед. сначала по латыни „*Historia persecutionum...* 1648 г.). И на этомъ поприщѣ великій старецъ обнаружилъ удивительную дѣятельность и бодрость духа; главнымъ мѣсто-пребываніемъ его теперь было то же Лешно, куда онъ явился прямо изъ Венгріи. Но черезъ два года, во время польско-шведской войны, Лешно было выжжено, и братство разсѣялось. Старый епископъ переселился въ Амстердамъ, гдѣ уже давно пользовался большой славой. Здѣсь онъ издалъ (на латинскомъ яз.) собраніе своихъ произведеній по дидактикѣ, въ 4 томахъ (*Opera didactica omnia*) и вызвалъ этимъ необычайное удивленіе: онъ былъ провозглашаемъ первымъ школьнымъ реформаторомъ, который „особой благодѣтельной прозорливостью самъ собою постигъ всѣ дидактическія тайны“. Коменскій особымъ письмомъ благодарилъ городскую думу за гостепріимство и еще разъ высказалъ всевозможныя пожеланія успѣха новой дидактикѣ. И въ Амстердамѣ онъ не забывалъ объ Общинѣ братьевъ, разогнанной повсюду; онъ сочинялъ произведенія, необходимыя для нея, пока, наконецъ, не будучи въ состояніи остановить ея паденія, онъ не распрощался съ ней особымъ произведеніемъ „Смутный гласъ заплашеннаго (гонимаго) гнѣвомъ божьимъ пастыря къ розплашенному (разогнанному) гнущему (погибающему) стаду“. Это былъ послѣдній гласъ послѣдняго братскаго епископа. Черезъ 10 лѣтъ распростился великій старецъ и съ міромъ: онъ скон-

чался въ Амстердамѣ 1670 г. 15 ноября, 78 лѣтъ отъ роду. Погребенъ онъ былъ въ Наарденѣ, въ церкви французской протестантской общины. (См. Часоп. чеш. муз. 1874 г.) послѣднимъ трудомъ его было („*Unum necessarium*“) Единое на потребу 1668 г., написан. по латыни и по чешски ¹⁾. Скажемъ теперь нѣсколько заключительныхъ замѣчаній о значеніи произведеній Коменскаго.

Истинный другъ своего народа и благороднѣйшій чело-вѣколюбецъ — вотъ лучшая характеристика этого чело-вѣка. Оставивъ въ сторонѣ церковнообщественную его дѣятельность, сдѣлаемъ оцѣнку его литературному значенію. Какъ поэтъ, Коменскій отличается замѣчательной образностью, упорядочен-ной требованіями разума; „Лабиринтъ свѣта“—это образецъ рефлектирующей поэзіи. Если Коменскій не придалъ этому творенію стихотворной формы — на то могли быть свои причины, напримѣръ, желаніе большей свободы для полета фантазіи и глубины душевной, но никакъ не недостатокъ у ав-тора опытности и искусства въ стихосложеніи. Кто желалъ бы убѣдиться въ способности Коменскаго писать хорошіе стихи, можетъ заглянуть въ его переводы псалмовъ или поученій Мудраго Катона, хотя въ нихъ онъ и придерживается латин-скихъ метрическихъ образцовъ.

Но главное значеніе Коменскаго заключается, конечно, въ его прозѣ, гдѣ изложены всѣ основанія его учебной и вос-

¹⁾ О Коменскомъ существуетъ огромная литература, изъ которой я упо-мяну здѣсь лишь о важнѣйшихъ трудахъ (другіе были указаны выше).

К. Шторжъ, о пансофическихъ трудахъ Коменскаго въ „Часописѣ“ 1851 и 1861 гг.

А. Гиндлемъ, о судьбѣ Коменскаго на чужбинѣ (см. Sitz. berichte вѣнской Академіи 1855 г.)

Кътъ, о философіи Коменскаго „Часописъ“ 1859—60 г.

В. Григоровичъ: Амосъ Коменскій. Одесса 1870 г.

Миропольскій: Коменскій и его значеніе въ педагогіи „Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1870 г.

питательной реформы, именно: равномерное развитіе тѣла и души и всестороннее упражненіе всѣхъ силъ этой послѣдней: ума, чувства и воли; прочное и дѣйствительное образованіе молодежи, чтобы она училась не словамъ только, но и вещамъ, чтобы потомъ слово не разнилось съ дѣломъ; средствомъ для этого должно было служить наглядное обученіе, творцомъ котораго по справедливости считается Коменскій. *Conditio sine qua* по всей системы великаго педагога было обученіе на *родномъ языкѣ*; съ помощью и при посредствѣ котораго должны были изучаться и другіе языки, особенно латинскій, какъ международный учено-литературный языкъ того времени. Эти мысли Коменскій излагалъ по чешски такимъ слогомъ, который справедливо можетъ считаться образцомъ чистой и правильной рѣчи, притомъ классически изящной.

Такого языка нѣтъ ни у одного писателя XVI и XVII вв.

Затѣмъ идеи Коменскаго сдѣлались извѣстны и всѣмъ прочимъ народамъ, появившись на международномъ книжномъ языкѣ того времени—латинскомъ. Успѣха и прогресса этотъ по истинѣ великій человекъ желалъ всѣмъ народамъ одинаково, не взирая на то или другое исповѣданіе вѣры. Іезуитъ Бальбинъ (*Boh. docta II*, 314) такъ отзывался о Коменскомъ: „онъ издалъ много трудовъ, но ни въ одномъ ничего, что направлено было бы противъ католической церкви. Когда я читаю его, мнѣ всегда кажется, что онъ писалъ съ большой обдуманностью, очевидно не желая ни давать преимущество какой либо религіи, ни порицать ее“.

Новый методъ свой Коменскій хотѣлъ усвоить я наукамъ, къ чему прокладывали путь его философскіе (пансофическіе) опыты, которые онъ особенно старался ввести въ жизнь въ Англіи. Въ этомъ отношеніи болѣе всего замѣчательны его „*Opera didactica omnia*“, издан. 1657 г. въ Амстердамѣ, гдѣ онъ имѣлъ въ виду методическое уравниеніе наукъ, чтобы онѣ легче могли быть восприняты умомъ и памятью каждаго.

Но не суждено было этому человеку, такъ горячо любившему людей и желавшему возможно большаго распространенія между ними своихъ здравыхъ идей, увидѣть исполненіе своихъ желаній на дѣлѣ; онъ слишкомъ упредилъ свой вѣкъ и вполнѣ понять лишь теперь! Въ заключеніе нельзя не упомянуть, что страшныя бѣдствія, тяготѣвшія надъ „братской общиной“ и отчизной, повергли Коменскаго въ нѣкоторый мистицизмъ и наклонность въ сверхъестественному, напр., въ прорицанію новыхъ лучшихъ временъ. Впрочемъ реальная основа его природы не была затерта и извращена этими позднѣйшими привнесеніями.

Изъ многочисленныхъ чешскихъ изгнанниковъ можно упомянуть еще о *Самуэлѣ Мартинѣ изъ Дражова*, начальникѣ чешской общины въ Пернѣ, и о *Павлѣ Странскомъ* (1583—1657) изъ Литомѣрицъ, профессорѣ Торунской гимназіи, извѣстномъ своимъ трудомъ, изданнымъ въ Амстердамѣ „*Respublica bojema*“ и отличающимся, какъ яснымъ изложеніемъ внутренняго и внѣшняго состоянія Чехіи, такъ и превосходнымъ латинскимъ языкомъ. Первый изъ нихъ, ревностный протестантъ, выступилъ упорнымъ противникомъ „Братства“ и Коменскаго и своею обширною литературною дѣятельностію не мало способствовалъ распаденію „братства“.

Но особенно извѣстенъ въ литературѣ изгнанниковъ *Павелъ Скала* изъ Згорья, человекъ превосходно образованный и учившійся во многихъ нѣмецкихъ университетахъ. Послѣ Бѣлогорской битвы онъ бѣжалъ въ свитѣ Фридриха Пфальцскаго изъ отчизны и въ 1623 г. поселился въ Фрейбергѣ, въ нынѣшней Саксоніи. Тамъ онъ написалъ сначала полную хронологію церковную, а потомъ обширную, въ 10 томовъ, всеобщую церковную исторію, доведенную до 1623 г. (см. о жизни Скалы сочиненіе „*Павла Скалы ze Згорје исторіе ческа*“ въ „*Monum. Hist. Boh.*“); слѣдуетъ здѣсь замѣтить, что онъ,

можно сказать, первый из чешских историков перестал ограничиваться изложением судеб собственно чешской земли и церкви и обратился къ соседнимъ странамъ, желая до известной степени указать связь чешской исторіи съ европейской. Этой же точки зрѣнія держался и другой чешскій историкъ XVII в. Вильгельмъ *Славата* (1572—1652 г.), сначала принадлежавшій къ Общинѣ, а потомъ сдѣлавшійся ярымъ католикомъ. И онъ и Скала, согласно съ тогдашними воззрѣніями на дѣло, средоточіемъ исторіи полагали церковныя дѣла; только Славата рассматривалъ событія съ католической точки зрѣнія, а Скала—съ протестантской, и оба одинаково пристрастны, почему пользоваться ими слѣдуетъ очень осторожно.

Трудъ Скалы уже по тому одному имѣетъ большее значеніе, что въ немъ уже съ самаго начала проведенъ вышеупомянутый болѣе широкій историческій взглядъ, а у Славаты онъ является только во 2-мъ и слѣдующихъ томахъ. Методъ Скалы—синхронистическій, такъ какъ онъ рассматриваетъ въ каждый данный періодъ времени событія разныхъ странъ одновременно. На всемъ трудѣ очень ясно замѣчается усиліе автора быть безпристрастнымъ; особенно это видно на изложеніи событій 1602—23, которыхъ онъ былъ очевидцемъ и о которыхъ сообщаетъ драгоцѣнныя свѣдѣнія: онъ говоритъ о дѣйствіяхъ разныхъ религіозныхъ партій, о сѣвѣдахъ чиновъ, рисуется отдѣльные характеры и за военными событіями не забываетъ и культурныхъ фактовъ, въ чемъ тоже преимуществуетъ надъ Славатой. Но вообще трудъ его довольно расплывчатъ, недостаточно прагматиченъ и, вслѣдствіе массы приведенныхъ документовъ и грамотъ, носитъ скорѣе характеръ сборника сырого матеріала, впрочемъ цѣннаго и объемистаго.

До сихъ поръ мы говорили о дѣателяхъ, выселившихся изъ родины въ страны, лежащія сѣвернѣе ея. Теперь ска-

жемъ нѣсколько словъ о писателяхъ, работавшихъ на юго-востокъ отъ Чехіи, въ сѣверной Венгріи и у словаковъ, которые со времени Гуса употребляли чешскій книжный языкъ, такъ какъ между ними поселилось послѣ гуситскихъ войнъ множество чеховъ, особенно таборитовъ. Словацкая же литература почти не существовала, отчасти вслѣдствіе господства латинскаго языка, а отчасти въ силу разныхъ неблагопріятныхъ условій, какъ напр. турецкія войны.

Употребленіе чешскаго языка значительно облегчалось близкимъ родствомъ его съ словацкимъ, и словаки, жившіе по служебнымъ или другимъ обстоятельствамъ въ Чехіи, не затруднялись выступать дѣателями на полѣ чешской словесности (таковъ, напр., упоминавшійся выше переводчикъ псалмовъ Бенедиктъ Вав. изъ Нудожеръ). Чешскіе изгнанники, поселившись у словаковъ, развили въ высшей степени жизненную дѣятельность, особенно по части религіозной литературы, и къ нимъ скоро примкнула масса мѣстныхъ, словацкихъ силъ; такое блестящее положеніе чешской словесности у словаковъ представляло рѣзкій контрастъ съ жалкимъ положеніемъ ея за это время въ самой Чехіи и Моравіи. Въ духовной поэзіи отличились: Юрій Трянковскій, Стефанъ Пилярикъ и Самуилъ Грушковичъ; а въ прозѣ: Матвѣй Бель, Матвѣй Марковичъ и др. Широкое развитіе чешской литературы у словаковъ еще въ XVIII вѣкѣ засвидѣтельствовано словами М. Бея въ латинскомъ предисловіи къ Долежаловой чешской грамматикѣ 1746 г.: „чехи, поселившись по окончаніи гуситскихъ войнъ въ Венгріи, широко обработали и украсили словацкую рѣчь, отъ чего произошло то, что ее прилежно употребляютъ и восхваляютъ не только ученые словацкіе, но вельможи и дворяне, обитающіе въ округахъ съ словацкимъ населеніемъ“ (см. Шемберовы „Дѣины рѣчи а литературы чешске“ 225 стр).

Домашняя литература (въ собственной Чехіи).

Въ собственной Чехіи духовная жизнь въ XVII и XVIII в. все болѣе и болѣе падаетъ. Болѣе другихъ писателей замѣчательнѣе тамъ вышеупомянутый *В. Славата*, принадлежавшій къ числу тѣхъ чешскихъ пановъ, которые усердно убѣждали Рудольфа II не давать подобающъ грамоты о свободѣ религіозной. Въ 1618 г., когда произошло явное столкновеніе между подобными и партіей правительственной въ Пражской крѣпости, онъ былъ выѣстъ съ Мартиницемъ и секретаремъ Фабриціемъ Платтеромъ сброшенъ въ крѣпостной ровъ. Матвѣй Турнъ, вождь диссидентовъ, написалъ вскорѣ послѣ того брошюру, въ которой оправдывалъ дѣйствія своей партіи. Она попала къ В. Славатѣ въ время его пребыванія въ Рѣзнѣ, и онъ рѣшилъ отвѣчать Турну. Но незамѣтно трудъ его приобрѣлъ болѣе обширные размѣры, и въ концѣ концовъ получилось огромное 14 томное „Списованіи гисторицкѣ“, гдѣ только 2 первые тома, состоящіе изъ воспоминаній автора о событіяхъ 1608—19 гг., направлены противъ Турновой апологіи и заключаютъ въ себѣ ея текстъ. Въ прочихъ томахъ заключается, кромѣ дальнѣйшаго повѣствованія о судьбахъ чешскаго королевства, и разсказъ о дѣйствіяхъ Фердинанда I, Максимилиана II и Рудольфа II до 1592 года. Какъ историкъ, Славата не уступаетъ никому изъ историковъ своего времени въ подборѣ матеріала и плавности разсказа; но тоже, какъ и Скала, страдаетъ расплывчатостью. Не то можно сказать о первыхъ двухъ книгахъ апологическаго характера: онѣ уже имѣютъ вышеуказанныхъ историческихъ достоинствъ и кромѣ того изобилуютъ массой ничтожныхъ, нерѣдко просто смѣшныхъ, сообщеній и случаевъ. Впрочемъ и эти книги драгоценны, частію по важности времени, изображеннаго въ нихъ,

частью потому, что написаны непосредственнымъ созерцателемъ и участникомъ событій, высказывавшимъ убѣжденія и политическія вѣрованія цѣлой партіи или, по крайней мѣрѣ, ревностѣйшихъ ея предводителей: Славата въ своемъ сочиненіи вставилъ и записи своихъ пріятелей, на судъ которыхъ онъ представлялъ отдѣльныя части своего труда. („Исторія“ Славаты издана І. Иречкомъ, такимъ образомъ: въ 1857 г. часть ея подъ названіемъ: „Дѣје краловстви угерского“ 1526—46 г., а въ 1866 и 68 гг. „Памѣти нейв. канцлерје Вил. гр. Славаты“ съ добъ (изъ времени) 1608—1619 г. въ 2 томахъ, гдѣ заключается суть защиты Славаты).

Изъ нановъ и писателей чешскихъ, сохранившихъ вѣрность Габсбургамъ, извѣстенъ также *Германъ графъ Чернинъ* изъ Худеницъ (1573—651), правитель Старомѣстскій. Въ 1598 г. онъ совершилъ съ Гарантомъ Польжицкимъ извѣстное путешествіе въ Св.землю, Аравію и Египетъ (см. 122 стр.); позже нѣсколько разъ былъ посылаемъ съ посольствомъ въ Турцію; особенно извѣстно посольство 1644 г., результатомъ котораго былъ выгодный миръ съ турками. Онъ оставилъ послѣ себя очень занимательный путевой дневникъ, написанный по чешски. (Хранится въ Чернинскомъ архивѣ въ Индриховомъ Градцѣ).

Очень естественно, что въ Чехіи XVII и XVIII вв. въ исторіографіи господствуетъ католическая точка зрѣнія: дѣятели и писатели, желая остановить разливъ протестантизма. и такъ уже, впрочемъ, значительно обезсиленнаго, старались всѣ религіозныя войны и бѣдствія страны представить народу карой божіей за отступленіе отъ чистоты вѣры. Трудъ Славаты не годился для массы, и потому въ ней нашла особое распространеніе хроника Гайка; сдѣлавшись любимымъ чтеніемъ простаго народа, она послужила хоть къ тому, что не

окончательно забылись массой минувшія судьбы чешскаго народа.

Наиболѣе извѣстнымъ историкомъ въ указанномъ направленіи является *Богуславъ Бальбинъ* (1621—88). Вся литературная дѣятельность достопочтеннаго іезуита, хотя онъ писалъ по латыни, очень поучительна для состоянія чешской литературы въ то время, показывая большой упадокъ ея и вмѣстѣ немалыя затрудненія, съ которыми приходилось бороться даже писателю католическому. Дѣйствительно, уже первые труды Бальбина, хотя и касались церковной исторіи, были цензурованы іезуитами съ большей строгостью, на что авторъ очень жаловался своимъ друзьямъ: причина, разумѣется, заключалась въ томъ, что самый предметъ его занятій—чешская старина—казался уже подозрительнымъ! Тѣмъ не менѣе литературная производительность его была необычайна: при жизни своей онъ издалъ 25 томовъ in folio и почти 35 меньшихъ сочиненій, все на латинскомъ языкѣ. (Укажемъ нѣкоторые его труды. Въ 1644 г. онъ издалъ „Жизнь перваго пражскаго архіепископа Арношта изъ Пардубицъ“. Важнѣйшій трудъ его—это „*Epitome regum Bohemiarum*“, т. е. Извлечение изъ чешской исторіи. Долго, лѣтъ семь, ждало это сочиненіе своего появленія въ свѣтъ и увидѣло его въ 1677 г. лишь благодаря убѣжденіямъ императорскаго библіотекаря Петра Ламбеція и графа Фр. Кинскаго, Бальбинова покровителя, да и то съ императорскаго разрѣшенія; впрочемъ, патриотъ—авторъ былъ все таки посланъ на показаніе! Замѣчательны также „*Miscellanea* (смѣсь, или разныя разности)“, въ 10 томахъ, заключающія въ себѣ все, что зналъ тогдашній вѣкъ по исторіи и географіи, дипломатикѣ и древностямъ чешскимъ). Любовь Бальбина къ своей землѣ наглядно выражена въ его письмѣ къ пріятелю Альбрехту Роновскому 1685 г.: „нѣтъ ничего лучше, какъ утѣшаться тѣмъ, что наша отчизна произ-

вела столькохъ превосходныхъ мужей въ войнѣ и мирѣ, отчизна, которую теперь мы видимъ почти уничтоженною и оплакиваемъ“. Въ письмѣ къ іезуиту Таннеру онъ пишетъ: „Занимайтесь чешской исторіей, когда есть время; между чехами нынѣ такъ мало такихъ, которые умѣютъ цѣнить свою родину и въ дѣлахъ ея не являются гостями или чужеземцами“. Даже то обстоятельство, что Бальбинъ писалъ по латыни, выходило изъ благородныхъ патріотическихъ побужденій: онъ хотѣлъ, при всеобщемъ пренебреженіи чешскимъ языкомъ, помощью латинскаго языка распространить въ ученomъ мѣрѣ знаніе чешской исторіи.

Особенное значеніе для чешскаго языка имѣетъ Бальбинова „Dissertatio apologetica linguae slovenicae (защита славянскаго языка), изданная, впрочемъ, лишь чрезъ сто лѣтъ извѣстнымъ историкомъ Пельцлемъ (нынѣ „Dissertatio“ переведена Эм. Тоннеромъ на чешскій языкъ и издана „Матичей ли(ю)ду“), такъ какъ въ то время она, разумѣется, не могла увидѣть свѣта. Кромѣ Бальбина, занимались чешской исторіей особенно пріятель его Томашъ Пешина изъ Чехорода (1629—80), Янъ Бецковскій (1658—725) и каноникъ Янъ Гаммершмидъ (1656—737).

Томашъ Пешина написалъ *Prodromus Moravographiae* т. е. „Прѣдходце Моравопису“ (Предтеча моравской исторіи), гдѣ находится хронологическій обзоръ моравскихъ событій до 1658 г. Это какъ бы подготовительная работа къ болѣе обширному историческому труду „Моравописъ“, котораго, впрочемъ, вышла лишь первая часть, до 1525 г. (*Mars Moravicus*) Матеріалъ собранъ въ частныхъ и земскихъ архивахъ очень тщательно.

Яну Бецковскому принадлежитъ „Поселькни старыхъ прибѣговъ“ (Вѣстница старыхъ происшествій...) — лѣто-

писное повѣствованіе въ двухъ частяхъ. Въ первой части (издана въ Прагѣ въ 1700 г.) событія разсказаны по Гайку до 1527 г.; вторая же обработана самостоятельно по хорошимъ истоникамъ и доведена до временъ Леопольда I, 1657 г., а потому представляетъ большую важность для чешской исторіи. (Эту вторую часть, особенно важную, началъ съ 1879 г. издавать Ант. Резекъ). Рукопись хранится въ пражской библіотекѣ крестовосцевъ (кріжовницкѣ библіотека). Изъ чешскихъ и латинскихъ историческихъ сочиненій *Гаммеримида* особенно важны тѣ, которыя касаются исторіи и топографіи Праги. Изъ свѣтскихъ писателей—свидѣтелей 30 лѣтней войны писали о ней *І.И.Заточилъ* († 1683 г.) и особенно *В. Козманецкій* († 1679 г.), родомъ изъ Часлава, оставившій между прочимъ, дневникъ осады 1648 г. и нѣсколько. неважныхъ латинскихъ и чешскихъ стихотвореній.

Характеристичное явленіе этой эпохи представляетъ собою несомнѣнно іезуитская литература. Іезуиты въ своей борьбѣ противъ протестантовъ искусно воспользовались содѣйствіемъ народнаго языка и письменности; они принимали въ свой орденъ чешскихъ юношей, которые, дѣйствуя въ смыслѣ правилъ ордена, часто припоминаются, однако, за свою ученость и заботливость о чешскомъ языкѣ. Успѣшно окатолизовавши вторично чешскій народъ, іезуиты продолжали все таки обрабатывать его народную литературу, которая должна была помогать ихъ замысламъ и цѣлямъ; оттого, за немногими исключеніями, вся эта литература носить чисто религіозный характеръ: она состоитъ изъ постиллъ (толкованій), проповѣдей, богослужебныхъ книгъ и пр.

Еще въ XVI в. орденъ іезуитовъ выставилъ рядъ замѣчательныхъ писателей, изъ которыхъ особенно извѣстны *Вацлавъ Штурмъ*, ярый противникъ братской общины († 1601), и превосходный проповѣдникъ *Войтъхъ Берличка* (или Scipio)

получившій образованіе у знаменитаго польскаго проповѣдника П. Скарги. Между современниками Бальбина упомянемъ о *Юріи Плахомъ* († 1659), также занимавшемся чешскою исторіей и помогавшемъ Славатѣ въ разборѣ и перепискѣ источниковъ. Изъ трудовъ Плахаго, писанныхъ почти безъ исключенія по чешски, замѣчательна „Исторія обращенія всѣхъ народовъ въ христіанство“. *Феликсъ Кадлинскій* (1613—75) извѣстенъ, какъ хорошій переводчикъ иностранныхъ поэтическихъ произведеній. Его книга „Здорославичекъ, въ вратохвильнемъ (увеселительномъ) гаечку (лѣсочку) поставеный“ переведенная съ нѣмецкаго 1665 г., по патріотическому духу и поэтической рѣчи считается однимъ изъ лучшихъ плодовъ чешской поэзіи въ это смутное время.

Матѣй Вацл. Штейеръ (1630—92) относился благосклонно къ литературной дѣятельности братьевъ и ревностно работалъ на пользу чешской религіозной литературы. Онъ былъ основателемъ „Дѣдицтва (наслѣдства) святовацлавскаго“ (1669), общества для изданія чешскихъ религіозныхъ книгъ. Такъ между другими трудами издана была святовацлавская біблія, надъ переводомъ которой, кромѣ Штейера, трудились іезуиты Юрій Констанецъ и І. Бармеръ. Наконецъ, особенно замѣчателенъ извѣстный миссіонеръ и сожигатель чешскихъ книгъ *Антонъ Коняшъ* (1691—670), написавшій много гимновъ и духовныхъ пѣсенъ и составившій списокъ запрещенныхъ книгъ. Съ этимъ челоувѣкомъ особенно связана исторія гибели огромнаго количества чешскихъ книгъ, которая ждетъ еще своего мастера; а количество это было по истинѣ ужасающихъ размѣровъ: выше уже было замѣчено, что, напримѣръ, такая чрезвычайно распространенная въ Чехіи книга, какъ Кралицкая біблія, дошла до нашего времени всего какихъ нибудь въ 20 экземплярахъ, да и то разбѣянныхъ повсюду, даже въ Англіи и Америкѣ!

Что же сказать о другихъ книгахъ: навѣрное многія изъ нихъ исчезли на вѣки и безвозвратно!

Въ виду историколитературной важности, которую имѣетъ инквизиторская дѣятельность этого человѣка, о немъ необходимо сказать подробнѣе.

Много интереснаго представляетъ намъ XVII вѣкъ—этотъ грандіознѣйшій періодъ въ исторіи человѣчества, запечатлѣнный такою могучею силою ума и энергіею мысли. Любопытенъ онъ особенно той страшной предсмертной борьбой отжившихъ идей и учрежденій съ правами разума на свободное изслѣдованіе и свободное развитіе жизни, послѣднимъ и выразительнѣйшимъ актомъ которой была извѣстная великая революція, окончательно и безповоротно утвердившая побѣду новыхъ началъ. Въ этотъ любопытный вѣкъ энциклопедистовъ и паденія іезуитскаго ордена, просвѣщеннаго абсолютизма и уничтоженія личной зависимости крестьянъ и феодальныхъ привилегій, борьбы ложно-классической теоріи и новоромантизма чрезвычайно интересно наблюдать это перекрестное бorenіе идей и тѣ симптомы, въ которыхъ выражалось безсидіе духовнаго и феодальнаго авторитета, ихъ предсмертная агонія. Даже на такомъ частномъ явленіи европейской жизни, какъ чешская литература, отразилось это предсмертное бorenіе средневѣковщины съ новымъ духомъ, и не отмѣтитъ его историкъ литературы рѣшительно не въ правѣ, если онъ хочетъ хотя нѣсколько вскрыть основныя причины разныхъ историколитературныхъ явленій. Въ чешской литературѣ представителемъ этого времени предсмертной борьбы я долженъ именно считаться іезуитъ Антонъ Коняшъ.

Конечно, мы лишь весьма коротко прослѣдимъ одинъ изъ частныхъ моментовъ этой цивилизованной обще-европейской борьбы, выразившійся въ дѣятельности названнаго чешскаго фа-

натива—іезуита Антона Коняша на почвѣ его родной литературы, такъ какъ долго останавливаться на этомъ, во всякомъ случаѣ, впрочемъ, очень любопытномъ, обстоятельствѣ не имѣемъ возможности. Направленіе дѣятельности этого любопытнаго челевѣка въ борьбѣ его съ еретическими чешскими книгами—явленіе чрезвычайно высокаго интереса и, повторяю, ждетъ еще своего изслѣдователя: Антонъ Коняшъ, по нашему мнѣнію, заслуживаетъ отдѣльнаго изслѣдованія не менѣе, если еще не болѣе, чѣмъ, напримѣръ, извѣстный Станиславъ Зноемскій (см. 96 стр.).

Вотъ необходимыя для дѣла біографическія свѣдѣнія. Антонъ Коняшъ родился въ 1691 г. въ Прагѣ. Обученіе его шло съ довольно раннихъ лѣтъ, такъ что семнадцати лѣтъ онъ былъ уже магистромъ философіи и поступилъ въ Іезуитскій орденъ. Дѣятельность его была главнымъ образомъ педагогическая и миссіонерская, чѣмъ, какъ извѣстно, особенно дорожили іезуиты, и въ чемъ они были особенно сильны, Сначала онъ преподавалъ въ низшихъ школахъ, потомъ 8 лѣтъ проповѣдовалъ, а затѣмъ, въ продолженіе 37 лѣтъ, начиная съ 1723 года, былъ миссіонеромъ въ Чехіи и Моравіи, особенно въ Кениггрецѣ (Кралево Градцѣ) и его округѣ, причемъ съ особенной ревностью занимался истребленіемъ гуситскихъ книгъ, на разныхъ языкахъ. Въ своей проповѣди онъ горячо, подъ страхомъ смертнаго грѣха, увѣщевалъ народъ приносить *все книги* для разсмотрѣнія. Дурныя, по его мнѣнію, книги онъ удерживалъ у себя и сожигалъ, инныя исправлялъ и въ такомъ видѣ возвращалъ, другія отдавалъ назадъ безъ всякихъ измѣненій. Іезуитъ, его біографъ, съ особеннымъ восхищеніемъ заявляетъ, что ревностный миссіонеръ сжегъ до 60000 книгъ (*eorum (librorum) ultra sexaginta facile millia Vulcano dedit in praedam*). Коняшъ отличался удивительной способностью разыскивать гуситскія бібліотеки, относительно

которыхъ онъ обнаруживалъ какое то особенное чутье и выказывалъ при этомъ чрезвычайную неустрашимость и пренебреженіе всякой опасностью. Такъ, Пельцль въ своемъ трудѣ о чешскихъ, моравскихъ и силезскихъ писателяхъ—іезуитахъ ¹⁾ прямо заявляетъ, что Конашу частенько приходилось подвергаться разнымъ оскорбленіямъ и даже побоямъ (er musste öfters Misshandlungen und Schläge davortragen...) Противъ одного чешскаго рыцаря, графа фонъ-Шпоръ, онъ даже вытребовалъ у двора приказъ конфисковать весь запасъ книгъ графа (этотъ графъ держалъ въ своемъ замкѣ типографію и укрывалъ писателей). Нѣсколько тысячъ чешскихъ книгъ Конашъ собственноручно исправилъ и вымаралъ чернилами всѣ неправовѣрныя въ нихъ мѣста. Во время своей миссіонерской дѣятельности онъ исполнилъ и свой обширнѣйшій трудъ: Index bohemicorum librorum prohibitorum et corrigendorum и проч. in 8 болѣе 350 страницъ, послѣ чего мирно скончался въ Прагѣ, въ Клементинской коллегіи, 1760 года. Историколитературная важность этого „указателя запрещенныхъ книгъ“ еще ждетъ своего изслѣдователя; теперь же замѣтимъ только, что это важнѣйшее предпріятіе Конаша не достигло своей цѣли, такъ какъ всего черезъ нѣсколько лѣтъ, именно въ 1773 г., была издана знаменитая папская булла, упразднявшая іезуитскій орденъ.

Такова была дѣятельность человѣка, который еще и доселѣ извѣстенъ на родинѣ, какъ врагъ чешской національности, погубившій безслѣдно массу произведеній гуситской литературы и вообще способствовавшій приниженію и медленному убіенію чешской народности, столь поднятой духовно и возвеличенной гуситскимъ движеніемъ.

Было бы, конечно, странно защищать вообще такіа дѣйствія, какъ сожиганіе или даже умышленная переправка книгъ. Но во всякомъ случаѣ нужно замѣтить, что Конаша можно

¹⁾ Böhmisches, mährische und schlesische Gelehrte und Schriftsteller aus dem orden der jesuiten. Прага 1786 г.

обвинять, кажется, скорѣе въ религіозномъ изувѣрствѣ вообще, чѣмъ во враждѣ собственно къ чешскимъ книгамъ и литературѣ. Ближайшее разсмотрѣніе фактовъ обнаруживаетъ въ немъ именно фанатика, ревностно преслѣдовавшаго еретическія книги, на какомъ бы языкѣ онѣ ни были написаны, а не чешскія собственно; если же онъ истреблялъ особенно много именно чешскихъ книгъ, то это зависѣло отъ того обстоятельства, что на этомъ языкѣ было особенно много написано гуситскихъ книгъ, болѣе чѣмъ на какомъ либо другомъ, и потому то правовѣрное ожесточеніе Коняша преимущественно и обрушилось на произведенія чешской литературы. Въ самомъ дѣлѣ, въ главномъ Коняшевомъ трудѣ „Index librorum perniciosorum abolendorum vel repurgendorum (указатель опасныхъ книгъ, долженствующихъ подвергнуться уничтоженію или исправленію, 1767 г.) различаются четыре отдѣла, изъ которыхъ только первый обнималъ собственно чешскія книги, а остальные три—книги нѣмецкія, латинскія и всякія иныя. Изъ этихъ четырехъ отдѣловъ былъ напечатанъ лишь первый (въ Крал. Градцѣ 1729 и 1749 г. подъ названіемъ „Clavis haeresim claudens et aperiens“ или „Klíč (ключъ) kacířske (еретическія) bludy (заблужденій) k rozeznání otvirající, k vykořepení zamykající“).

Впрочемъ Коняшевъ Индексъ не долго былъ въ силѣ: въ 1773 году былъ изданъ даже особый императорскій указъ, упразднявшій эту позорную книгу. Да и вообще сила вѣка была уже такова сама по себѣ, что и безъ того индексъ не долго примѣнялся бы на дѣлѣ сколько нибудь энергично; въ 1773 году уже родился незабвенный дѣятель новой чешской словесности Іосифъ Юнгманнъ, и вдали восходило солнце пробужденія чешскаго народа. Зарево сожигаемыхъ Коняшемъ книгъ было послѣднимъ проявленіемъ въ дѣйствіяхъ нетерпимаго іезуитскаго духа.

Изъ другихъ книгъ, составленныхъ Конашемъ, упомянемъ еще о слѣдующихъ двухъ, характеризующихъ даже въ самомъ заглавіи крайнее католическое направленіе этого человѣка: „Злата неомыльне (— ой = безошибочной) римскокатолицке (— ой) Правды Деннице (— а)“ 1728 г., гдѣ заключаются бесѣды и объясненія на дни святыхъ угодниковъ Божіихъ и „Едина хоти Беранкова“ (= Всеобщая римская црковь, т. е. Единая супруга Христова (беранекъ = агнецъ), вселенская римская црковь), вышедш. въ 1733 году. Кажется; всѣ работы и сочиненія Конаша находятся въ пражской университетской библіотекѣ.

Изъ всего вышеизложеннаго наглядно видно паденіе чешской литературы и со стороны научной разносторонности содержанія и самостоятельности, и со стороны слога, потерявшаго прежнюю силу. Она стала мало по малу служить религіознымъ цѣлямъ и довольствовалась почти только изданіемъ популярныхъ книжекъ въ означенномъ направленіи. О научномъ изслѣдованіи нѣтъ и помину.

Затерянные по архивамъ и библіотекамъ плоды старинной письменности перестали служить образцами чистой рѣчи. Являются искаженія въ языкѣ и выдумываются нерѣдко такіа странныя слова и чудовищныя выраженія, которыя свидѣлствуютъ о положительномъ забвеніи правилъ и законовъ языка, объ отсутствіи даже чутъя его. Особенно памяты этимъ вышеупомянутый Вацлавъ Роса (187 стр.), М. Шимекъ и В. Поль, ковавшій, напр., такіа словечка: *předsednosta* = *praesident*, *chozevník* (путешественникъ) вм. *rocestný*! Что же удивительнаго въ томъ, что высшіе классы народа, не находя себѣ соотвѣтствующей духовной пищи, начинали стыдиться языка своихъ предковъ и были совершенно равнодушны къ родной письменности? А въ это время какъ разъ царилъ въ Европѣ во всей красѣ своей французская словесность, и съ невиданной силой

нѣмецкая начала просыпаться отъ долгаго сна, освобождаться отъ униженія и подчиненія французской. Клопштокъ, Лессингъ, Гердеръ, Виландъ—что могла противопоставить имъ погибавшая чешская словесность? Забвеніе родной словесности перешло скоро отъ высшаго сословія къ среднему, мѣщанскому. Видя такой упадокъ чешскаго языка и письменности, Госифъ II, ученикъ вышеупомянутаго чудака Поля въ чешскомъ языкѣ, ничему, конечно, отъ него не выучившійся, а, по мнѣнію Добровскаго, даже возненавидѣвшій, благодаря ему, чешскій языкъ, считалъ себя вправѣ, считалъ своимъ долгомъ ввести въ 1774 г. нѣмецкій языкъ въ школы и управленіе, вмѣсто чешскаго; и это было съ его стороны вполнѣ естественно, такъ какъ прежняго состоянія чешской словесности онъ не зналъ, а новая находилась по истинѣ въ жалкомъ положеніи и, казалось, погибала... Онъ счелъ чешскій языкъ неспособнымъ служить орудіемъ высшей образованности и изъялъ его изъ общественнаго употребленія. Но въ народѣ таились еще силы, текла еще здоровая славянская кровь, и подобныя насильственныя дѣйствія государя, не обращавшаго вниманія на историческія права народовъ, вызвали крайнее противодѣйствіе, поворотъ въ духовной жизни чеховъ. Вотъ тутъ начинается новый періодъ чешской литературы—ея воскресеніе.

III. НОВАЯ ПОРА.

ВОЗРОЖДЕНИЕ ЧЕШСКОГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ¹⁾.

Нашлись благородные патриоты, усумнившиеся въ томъ, что можно у живаго народа отнять его языкъ и что въ самомъ дѣлѣ чешскій народъ такъ палъ, что не можетъ возродить родную науку и словесность. а языкъ его такъ ничтоженъ и слабъ, что не годится быть орудіемъ высшей образованности. Уже въ 1774 году графъ Франц. Кинскій (см 150 стр.) издалъ нѣмецкое сочиненіе, въ которомъ доказывалъ необходимость сохраненія чешскаго языка и его дальнѣйшей обработки. Черезъ годъ Пельцель издалъ Бальбинаву „защиту славянскаго языка“ (см. выше 150 стр.); *Янъ А. Ганке* изъ Ганкенштейна подалъ въ 1783 г. Учебной Коммиссіи предположеніе объ учрежденіи каѳедры чешскаго языка и словесности въ Вѣнѣ, а *Иматій Тамъ* въ томъ же году издалъ свою „Защиту чешскаго языка“. Такъ поднялся вопросъ о чешской народности. Дѣлу помогла и проявившаяся въ это время любознательность къ прошлымъ судьбамъ Чехіи, особенно событіямъ XV и XVI вѣка, а также тотъ свободный духъ, который повѣялъ въ Австріи особенно

¹⁾ Попытку нѣкоторыхъ образомъ цѣльной и связной исторіи чешскаго „возрожденія“ представляютъ работы Якова Малаго „Zpomínky a úvahy starého vlastence“ Прага 1872 г., книга, еще недавно не дозволенная къ обращенію въ Австріи. (Русскій переводъ ея см. въ Кіевскомъ Славянскомъ Ежегодникѣ 1877 г.) и „Naše znovuzrozenie“ (возрожденіе) Прага 1880 г.; см. также статьи I. Первольфа въ „Русской Рѣчѣ“ и „Вѣстникѣ Европы“ за 1879 годъ.

при Іосифѣ II; началъ понемногу пропадать предвзятый взглядъ на древніе памятники чешской литературы, и друзья родной исторіи стали видѣть въ нихъ главные источники исторической правды. Первымъ изслѣдователемъ и критикомъ чешской исторіи въ это время былъ славный піаристъ *Геласій Добнеръ* (1719—90). Онъ первый критически отнесся къ изданной имъ же Гайковой хроникѣ и въ особыхъ примѣчаніяхъ обнаружилъ несостоятельность ея, какъ историческаго источника; первый своими археологическими и библіографическими изслѣдованіями установилъ и вообще критицизмъ въ чешской исторіи и, хотя имѣлъ массу противниковъ, провелъ это направленіе въ ученое общество, основанное въ 1769 тайно нѣсколькими любителями чешской исторіи и въ 1784 переименованное въ Королевское Общество наукъ. Дѣятелями въ немъ были друзья и близкіе Добнера: Добровский, Пельцель, Длабачъ, Пубичка, Прохазка, издавшій новый чешскій переводъ Новаго Завѣта, Дурихъ, любитель и знатокъ старой славянской исторіи, языка и словесности, и др., изъ которыхъ нѣкоторые стали извѣстны впоследствии, какъ хорошіе чешскіе писатели. Изслѣдованіе родной исторіи, хотя еще совершавшееся только на латинскомъ или же нѣмецкомъ языкѣ, должно было все таки живительно подѣйствовать на чешское общество и пробудить въ немъ патріотическія національныя чувства. Скоро и высшее сословіе стало мало по малу возвращаться на лоно матери; земскій сеймъ потребовалъ возвращенія чешскому языку его правъ. Добились, по крайней мѣрѣ, хотя учрежденія при пражскомъ университетѣ каведры чешскаго языка и словесности, и первымъ профессоромъ былъ назначенъ въ 1793 г. извѣстный историкъ *Франтишекъ Пельцель*, авторъ краткой исторіи Чехіи „*Kurzgefasste Geschichte der Böhmen*“. Эта исторія была потомъ передѣлана, дополнена и издана уже на чешскомъ языкѣ, подъ названіемъ „*Новая кро-*

ника чешка“; она, кажется, чрезвычайно содѣйствовала пробужденію національнаго чувства чеховъ, такъ какъ была весьма распространена по городамъ и селамъ. Пельцель писалъ и отдѣльныя монографіи (о Карлѣ IV, о Вацлавѣ IV и пр.) и извѣстенъ своею библіографіею чешскихъ печатныхъ книгъ до 1798 г. Но настоящее основаніе научному изученію чешскаго языка и словесности положилъ знаменитый языковѣдъ *Иосифъ Добровскій* (правильнѣе Дубравскій) (1753—1829) ¹⁾ приснопамятная учено-литературная дѣятельность котораго замѣчательна и во многихъ другихъ отношеніяхъ.

Онъ прежде всего выступилъ противъ погрѣшностей, допущенныхъ въ языкъ писателями эпохи паденія. Зная между прочими языками и славянскіе, Добровскій началъ *сравнительнымъ* методомъ изслѣдовать строй и законы чешской рѣчи. Въ 1791 въ предисловіи къ словарю Томсы онъ изложилъ свои мысли о происхожденіи чешскаго языка, а въ 1799 г. издалъ свое замѣчательное изслѣдованіе о происхожденіи славянскаго языка, гдѣ обстоятельно изложена теорія образованія именъ существительныхъ и прилагательныхъ, чѣмъ положилъ предѣлъ неправильному и произвольному выдумыванію новыхъ словъ и вмѣстѣ указалъ законы для дальнѣйшей обработки языка, особенно въ терминологическомъ отношеніи. Но въ высокой степени замѣчательна его систематическая грамматика чешскаго языка. „*Ausführliches Lehrgebäude der Böhm. Sprache*“ (изд. 1809 г. и 1819), которою онъ, смѣло можно сказать, положилъ прочное основаніе всѣмъ научнымъ грамматикамъ чешскимъ и другимъ славянскимъ, а кромѣ того пробудилъ въ чешскихъ

¹⁾ См. J. Dobrovsky's Leben... *Палацкаю*, Прага 1833., русскій переводъ А. Царскаго Москва 1838 г., *Гануша*: Literární povolení (дѣятельность) Dobrovského 1867 г. И. Смирнова: I. Добровскій, его жизнь, учено-литературные труды.. Казань 1884 г. (отзывъ см., напр., въ „Славянск. Сборникѣ“ за 1885 г. ч. 1.). Въ „Часописѣ“ 1870 г., въ „Архивѣ“ Ягича и въ „Перепискѣ Востокова“, напечатаны отрывки изъ переписки Добровскаго съ Ганкомъ, Конитаромъ, Я. Гриммомъ и др. см. еще біографію Добровскаго, сост. Брандлемъ 1884 г., статью А. Вертача „Nanka a Dobrovsky v roměti (отношеніи) k jazyč.“ въ „Часописѣ“ 1871 г. и др.

писателяхъ ревностное стремленіе къ сохраненію правилъ и законовъ своего языка и далъ первый толчекъ къ необходимымъ перемѣнамъ въ правописаніи. Цѣнился также и другой его трудъ: „Geschichte der böhm. Sprache und literatur“ (1818 г.)

Общему славянскому языковѣдѣнію Добровскій оказалъ тоже огромныя услуги и считается его творцемъ и патріархомъ славяновѣдѣнія (см. его знаменитыя „Institutiones linguae Slavicae dialecti veteris“ (наставленія въ старославянскомъ языкѣ). Немало занимали его и памятники старой чешской словесности, вышеупомянутую исторію которой онъ издалъ на нѣмецкомъ языкѣ (1792 и 1818). При поддержкѣ Пражскаго Ученаго Общества онъ отправился на литературныя развѣды въ Стокгольмъ и Упсалу, куда въ эпоху 30-ти лѣтней войны отвезено было много памятниковъ чешской словесности;¹⁾ затѣмъ онъ посѣтилъ Петербургъ и Москву и, возвратившись на родину въ 1793 г., издалъ отчетъ о своемъ путешествіи. Новая стихотворная школа также считаетъ Добровскаго законодателемъ чешскаго стихосложенія, какъ виновника просодіи, основанной на удареніи.

Однакоже, при всей любви къ родной рѣчи, Добровскій не вѣрилъ въ возможность возрожденія чешской литературы; всѣ свои сочиненія, по этой же причинѣ, кромѣ нѣсколькихъ чешскихъ разсужденій, онъ писалъ по латыни и больше всего по нѣмецки. Но тѣмъ не менѣе толчекъ, данный имъ чешской наукѣ и литературѣ, былъ огромный, и дѣятельность его была краеугольнымъ камнемъ новой чешской письменности

Скоро явилась мысль издавать памятники старинной чешской литературы, которые могли бы во 1-хъ доставить новый матеріалъ для историко-филологическихъ изслѣдованій, во 2-хъ представить новымъ писателямъ образцы настоящаго чистаго слога.

Фаустинъ Прохазка, въ числѣ другихъ памятниковъ, из-

¹⁾ Эти рукописи въ тысяча восемьсотъ семьдесятъ восьмомъ году были возвращены изъ Швеціи и находятся теперь въ Бернѣ.

далъ Далимилову хронику, въ 1780 г. сдѣлалъ новое изданіе чешской библіи, исполнѣ исправной съ католической точки зрѣнія, вмѣстѣ съ ученымъ Форт. Дурихомъ, а въ 1804—уже одинъ, и такимъ образомъ сильная билейская рѣчь получила возможность благотворно вліять на языкъ новыхъ писателей и проповѣдниковъ. Очень много также потрудились въ дѣлѣ изданія старыхъ памятниковъ Пельцль, Фр. Янъ Томса, Крамеріусъ, Добровскій и особенно Ганка въ своихъ „*Starobyla sklapani*“. Охота къ чешскому чтенію быстро стала распространяться въ обществѣ; стали издавать книжки дидактическія и для легкаго чтенія, въ чемъ, кромѣ Яна Рутка (1744—812), и Яна Гыбля (1786—834), потрудился особенно Вац. Крамеріусъ (1751—808), который, между прочимъ, съ 1786 редактировалъ въ Тухомышлѣ (Шенфельдѣ) чешскую газету, отличавшуюся занимательнымъ содержаніемъ и хорошимъ слогомъ (см. „Животъ а пѣсобені (дѣятельность) Вац. Мат. Крамеріуса“ соч. Ант. Рыбички Прага 1859 г.)

Новочешская поэзія пробуждалась гораздо тяжелѣе, частью по недостатку истинно даровитыхъ поэтовъ, частью по еще болѣе неудобному для нея паденію и искаженію языка и по отсутствію образцовъ; на народную поэзію тогда не обращали вниманія, а знаменитые древніе поэтическіе памятники еще не были открыты. Вотъ почему неудачна была и слабая стихотворная попытка, выпущенная въ 1785 г. *Вацлавомъ Тамомъ* съ нѣсколькими друзьями: „Баснѣ въ рѣчи вазанѣ“ (мѣрной рѣчью). Болѣе успѣха имѣлъ *Карль Судиміръ Шнейдеръ*, сынъ бургомистра города *Кралева-Градца* (род. 1766 г. † 1845); занимался онъ перемѣнно то хожденіемъ по судамъ изъ за частныхъ дѣлъ, то преподаваніемъ въ пражскомъ университетѣ (эстетики и филологій); писалъ сначала по нѣмецки, а послѣ обратился къ чешскому языку. Лучшими изъ его чешскихъ произведеній по простотѣ и веселости считаются: *Пустынникъ*, *Цыганка* и народная баллада „Янъ за борзую собаку данъ“. Произведенія эти были въ свое время довольно любимы.

Но настоящимъ отцемъ новой чешской поэзіи долженъ быть несомнѣнно признанъ *Антонинъ Ярославъ Пухмайеръ*, деревенскій священникъ (1769—830); который можетъ быть названъ первымъ новочешскимъ дѣйствительнымъ поэтомъ, успѣвшимъ сосредоточить около себя лучшія молодыя силы и *образовать новую поэтическую школу*.¹⁾ Въ 1795—814 г. вышло „Себраніи бѣснѣи а зпѣвѣ“ и „Новѣ бѣснѣ“, сочиненныя имъ либо отчасти его послѣдователями: Войтѣхомъ Неѣдлымъ, извѣстнымъ своими поэмами „Откаръ“, Вратиславъ а Вацлавъ“, „Карлъ IV“, и Севастіаномъ Гнѣвковскимъ, авторомъ юмористически-героическаго стихотворенія „Дѣвинъ“. Пухмайеръ оплакивалъ упадокъ чешскаго народа, жалѣлъ о его тяжеломъ настоящемъ; но, не имѣя отечественныхъ образцовъ брать собою, и онъ и поэты его школы подпали влиянію чужеземныхъ поэтовъ, особенно нѣмецкихъ ложноклассическаго направленія (какъ, напр., Геснеръ) или сентиментальнаго; впрочемъ, заслуга ихъ въ образованіи новаго поэтическаго слога и въ поднятій народнаго духа несомнѣнна. Тутъ то сослужила службу просодія Добровскаго, по указанію котораго Пухмайеръ впервые употребилъ, вмѣсто силлабическаго, тоническій размѣръ, болѣе пригодный для чешскихъ стиховъ. Въ исторіи пробужденія славянскаго сознанія у чеховъ Пухмайеръ также имѣетъ значеніе: онъ издалъ двѣ хорошія *рускія* грамматики.²⁾

Въ Моравіи тожѣ шло движеніе... Тамъ дѣйствовали пиаристъ Доминикъ *Кинскій* въ Бернѣ (1777—848), художественная натура и удачный переводчикъ съ древнихъ и новыхъ языковъ на чешскій, затѣмъ ловкій стихотворецъ Г. *Галаниъ* (1756—840). У словаковъ отличались плодовитый Богуславъ

¹⁾ Въ „Поэзіи славянъ“, изд. Гербедемъ, приведено въ переводѣ Н. Берга только одно стихотвореніе Пухмайера „Завистникъ и слѣпой“; въ виду важнаго значенія этого писателя въ чешской словесности, нельзя не показать, что издатель не помѣстилъ большаго количества его стихотвореній.

²⁾ Сочиненія Пухмайера, подъ заглавіемъ „Фіалки“, изданы въ 1835 году г. В. Неѣдлымъ съ жизнеописаніемъ поэта. О школѣ Пухмайера см. статью Иречка: *O stavu literatury česke v letech 1815—20*, Часопись 1878 г., также г. Ф. Шульца въ „Освѣтѣ“ 1877 г. „Česka balada a romance“.

Таблицъ (1769—832) и Юрій Палковичъ (1769—850), которые принадлежали къ лучшимъ славянскимъ писателямъ своего времени. (См. „Часопись“ 1866 г., затѣмъ „Часопись Матице Моравске“ 1877 г.)

Въ 1818 г. явилось такъ необходимое для успѣховъ науки и литературы средоточіе—это народный музей, долженствовавшій соединять силы и стремленія чешскихъ ученыхъ. Основатели его, графы Штернберги, ревностно заботились, чтобы новое учрежденіе было убѣжищемъ не одного только естествовѣдѣнія, но и всего, что относится къ культурной сторонѣ чешской исторіи. Благодѣтельныя слѣдствія открытія музея обнаружались особенно послѣ 1831 г., когда при немъ была учреждена чешская Матица для научной обработки чешскаго языка и литературы. ¹⁾

До самаго 1848 г. всѣ заботы патріотовъ о духовномъ развитіи народа имѣли идеальный характеръ чистыхъ, безпритязательныхъ стремленій писателей—добровольцевъ въ чешской рѣчи, которая долго еще не получала общественнаго значенія въ странѣ. Дѣатели на полѣ родной литературы въ своихъ стремленіяхъ были исключительно руководимы патріотической любовью, связывавшей всѣхъ ихъ въ одну семью, такъ сказать, искреннѣйшихъ пріятелей. Во главѣ ихъ скоро сталъ человекъ замѣчательныхъ дарованій и усердія, движимый благороднѣйшимъ патріотизмомъ и любовью къ родному языку, *Иосифъ Юнманиъ* (1773—847)—этотъ Несторъ новой чешской литературы. Онъ былъ родомъ изъ села Гудлицъ, близъ Беруна. Въ 1799—815 былъ профессоромъ гимназіи въ Литомѣрицахъ. Желая показать гибкость и богатство чешской рѣчи, онъ перевелъ—и перевелъ образцово—нѣсколько замѣчательнѣйшихъ произведеній разныхъ народовъ, напр. Мильто-

¹⁾ Исторія Музея составлена Влч. Небескимъ въ 1868 г. См. также „Воспоминанія о чешскомъ музеѣ И. Срезневскаго въ „Зап. Акад. наукъ 1869 г. т. XIV“. Затѣмъ нѣкоторыя свѣдѣнія общедоступнаго характера объ учрежденіи и современномъ состояніи Музея и его Матицы русскій читатель можетъ найти хотя бы въ моей статьѣ „изъ поѣздки въ Чехію“, помѣщ. въ „Извѣстіяхъ Петербургск. Славян. Общ. (1884—5 г.).

новъ „Потерянный рай“, „Аталу“ (любовь двухъ дикихъ въ пустынѣ) Шатобріана (1805), Германа и Доротею, идиллію Гёте. Любопытно, что уже въ это время Юнгманнъ не стѣснялся вводить въ чешскій языкъ слова польскія и русскія, думая такимъ образомъ вести чешскій языкъ на встрѣчу общеславянскому книжному. Тамъ же, въ Литомѣрицахъ, онъ началъ собирать матеріалъ для будущаго огромнаго словаря и усердно побуждалъ юношество къ занятіямъ роднымъ языкомъ и словесностью. Къ 1606 году относится замѣчательный „Разговоръ о чешскомъ языкѣ“, помѣщенный Юнгманномъ въ только что основанномъ тогда изданіи „Гласатель чешскій“, принадлежавшемъ одному изъ дѣятелей чешскаго возрожденія Я. Непдому, преемнику Пельцля по каедрѣ чешскаго языка въ пражскомъ университетѣ (о Непдомѣ см. статью Ант. Рыбички въ „Освѣтѣ“ 1877 г.) Этотъ „Разговоръ“, гдѣ предлагалась смѣлая и ловкая защита правъ чешскаго языка, произвелъ на юношество весьма сильное впечатлѣніе, и, какъ ниже будетъ указано, напр., Шафарикъ и Палацкій были приохочены къ занятіямъ чешской словесностью именно этимъ замѣчательнымъ произведеніемъ.

Въ 1815 г. Юнгманнъ былъ переведенъ преподавателемъ въ Прагу, въ старомѣстскую гимназію, и тутъ то вполнѣ развернулась его дѣятельность. Переводы Юнгмана, о которыхъ уже выше было замѣчено, поразили всѣхъ; не уступая самымъ подлинникамъ, они съ старинной чистотой и силой рѣчи соединяли въ себѣ свободный и смѣлый новый духъ общеславянскаго пошиба. Поэты новой школы, какъ Полякъ, Ганца, Колларъ, Челяковскій, Камарытъ, Марекъ, Туринскій и др., стремясь къ большому совершенству стихосложенія, въ которомъ они усердно защищали метрическій размѣръ, особенно въ переводахъ изъ классическихъ писателей, имѣли твердую опору въ такомъ знатокѣ свойствъ чешскаго языка, какимъ былъ Юнгманнъ. Чешской прозѣ нашъ авторъ также оказалъ большую

услугу прежде всего своей „Словесностью“; въ первой части ея онъ излагаетъ ученіе о слогѣ (стилистику), а во второй, практической, приводитъ образцы новой литературы, долженствовавшіе побудить молодежь къ изученію роднаго языка и къ дальнѣйшей обработкѣ его сообразно съ потребностями новаго времени; самъ составитель книги, такъ сказать, положилъ основаніе этому дѣлу своей новой научной терминологіей въ стилистикѣ.

Въ 1821 г. Юнгманнъ основалъ вмѣстѣ съ молодымъ ученымъ Яномъ Преслемъ научный журналъ „Крокъ“ съ цѣлью приготовить и приучить образованную публику къ чтенію серьезныхъ научныхъ сочиненій. Преобразованія въ области терминологіи продолжались... Скоро въ журналѣ стали принимать участіе Шафаривъ, Палацкій, Колларъ и др.

Въ 1825 г. явилась „Исторія чешской литературы“ Юнгманна—первое полное сочиненіе въ этомъ родѣ на чешскомъ языкѣ. Это—не прагматическое сочиненіе—такое въ то время еще и не могло явиться, такъ какъ огромная масса памятниковъ не была критически разслѣдована—тѣмъ не менѣе мы находимъ въ немъ основательное общее обзорѣніе отдѣльныхъ главныхъ эпохъ и подробную чешскую библіографію съ историко-литературными объясненіями; а это именно и было тогда въ высшей степени важно и даже необходимо, особенно для молодыхъ писателей.

Выше уже было сказано, что усиліями передовыхъ писателей и патріотовъ была учреждена въ 1831 при музеѣ чешская Матица (общество), долженствовавшая особенно пещься о научной литературѣ; первыми дѣятелями въ ней были: Юнгманнъ, Янъ Пресль и Фр. Палацкій. Однимъ изъ первыхъ трудовъ, вышедшихъ въ свѣтъ съ помощью этого учрежденія, былъ знаменитый „Словарь“ Юнгманна, стоившій автору 30 лѣтъ труда („Slovník českonoěmecky“ Прага 1835—9 г. Въ 1851 г. Челяковский выпу-

стиль также „Dodavky“ (прибавленія) къ нему). Только издѣніемъ Матицы и могла быть издана такая огромная книга. Изданію много способствовало и то обстоятельство, что съ 1834 г. Юнгманъ былъ сдѣланъ директоромъ Старомѣстской гимназіи и получилъ такимъ образомъ болѣе свободнаго времени. Въ 1834 г. вышла 1-я часть Словаря, а чрезъ 5 лѣтъ и весь трудъ въ 5 огромныхъ томахъ. Этотъ трудъ не уступаетъ никакому другому въ этомъ родѣ во всѣхъ литературахъ. Это было прочное основаніе для воздвигаемаго зданія новой чешской литературы. Всѣ позднѣйшія работы Юнгманна, сами по себѣ важныя, уже не увеличили его славы, которая достигла своего апогея. (Изъ этихъ сочиненій Юнгманна одно, именно его любопытныя „Zapisky“, издано уже въ семидесятихъ годахъ въ „Часописѣ“ 1871 г., см. также въ „Освѣтѣ“ за 1871 г. статью Ферд. Шульца). „Часопись чешскаго музея“ имѣлъ въ Юнгманнѣ дѣятельнаго сотрудника; разсужденіе его „о классичности въ литературѣ вѣбець (вообще) а звлаштѣ (особенно) ческѣ“ появилось уже въ первомъ выпускѣ этого изданія. Когда Матица задумала изданіе новочешской бібліотеки, она рѣшила во главѣ ея поставить собраніе мелкихъ сочиненій Юнгманна, поэтическихъ и прозаическихъ; туда вошелъ и прекрасный переводъ „Аталы“ и „Германа и Доротеи“ Гёте. Послѣ 1840 г. Юнгманнъ занялся передѣлкой своей „Словесности“, „Исторіи литературы“ и „Потеряннаго рая“, каковыя произведенія позже были вторично изданы. Юнгманну выпала рѣдкая доля видѣть еще при жизни признаніе своихъ заслугъ. Такъ въ 1837 г. императоръ Фердинандъ пожаловалъ ему золотой перстень, чрезъ два года орденъ Леопольда; наконецъ, въ 1847 г., незадолго до своей смерти, Юнгманнъ былъ выбранъ членомъ Вѣнской академіи наукъ. У чеховъ онъ прослылъ навсегда Несторомъ новой литературы. Прекрасное жизнеописаніе Юнгманна составлено было ко дню сто-

лѣтнаго юбилея дня рожденія Юнгманна Вацлавомъ Зеленымъ. Эта книга была переведена, впрочемъ съ сокращеніями, г. Н. Задерацкимъ въ Кіевѣ 1874 г. и дополнена имъ же изъ другихъ источниковъ (Пержины, Ригера, Шульца и пр.) Очеркъ Зеленаго написанъ превосходно: великолѣпная личность благороднаго „властенца“ (патріота) встаетъ передъ вами, какъ живая. (Кромѣ книжки г. Задерацкаго, на русскомъ языкѣ о Юнгманнѣ см. статью Н. Попова въ „Журн. М. Н. Пр.“ за 1873 г. іюль и статью въ „Филологическихъ Запискахъ“ (Воронежъ 1871 г.), составленную по „Научному Словнику“ Ригера).

Впрочемъ, лишь послѣ 1848 г. настала полная возможность для правильнаго развитія чешской поэзіи и прозы: чешскій языкъ получилъ право гражданства въ школахъ и управленіи, откуда былъ изгнанъ еще съ 1774 г., а это обстоятельство было новой живительной силой для чешской словесности.

ЧЕШСКІЙ РОМАНТИЗМЪ И НАРОДНОЕ НАПРАВЛЕНІЕ ПОЭЗІИ.

Произведенія школы Пухмайера имѣли значеніе и въ началѣ XIX в., такъ какъ поэты, вродѣ священника Вячеслава Стаха (1768—836 о немъ смотри статью Зеленаго въ „Освѣтѣ“ 1884), Фр. Штѣпнички и др. не могли доставить публикѣ ничего особенно интереснаго и новаго. Впрочемъ, Стаха еще слѣдуетъ помянуть добрымъ словомъ за то, что онъ началъ писать по чешски еще въ 1785, т. е. въ то время, когда количество чешскихъ писателей было слишкомъ еще незначительно, и писать по чешски было своего рода подвигомъ. Любопытно, что онъ одно время преподавалъ богословіе въ Градищенской семинаріи (въ Моравіи), бывшей подъ руковод-

ствомъ извѣстнаго патріарха славяновѣдѣнія аббата Добровскаго. Стахъ больше переводилъ, стихами и прозой. Подлинныя его стихотворенія вышли отдѣльной книжкой въ 1805 г. и имѣли успѣхъ, конечно, относительный. (Изъ нихъ очень недурное „къ Музѣ“). Сильное движеніе между поэтами произвели въ 1818 г. „Початковѣ чешскаго басництвѣ“ соч. Шафарика и Палацкаго, гдѣ рекомендовалось употребленіе классическаго размѣра (метрическаго) въ стихахъ, вмѣсто бывшихъ доселѣ тоническаго, основаннаго на удареніяхъ, и силлабическаго. Приверженцы ударенія встрѣтили этотъ трудъ съ сильнымъ неудовольствіемъ, но своимъ сопротивленіемъ не отняли у него побѣды. Такъ кончила свое существованіе въ 1820 г. Пухмайерова школа чешской поэзіи, державшаяся удареній. (См. разсужденіе „Ческа балада а романсъ“ Ферд. Шульца въ „Освѣтѣ“ 1877 г. стр. 224; а также „Часопись“ 1878 г. 237 стр.). Милоша-Здирадъ (Матѣй) *Полякъ* (1788—1856) составляетъ особое какъ бы звено между этой старой сентиментально-идиллической школой и новѣйшей, романтико-патріотической. Онъ былъ сначала учителемъ, затѣмъ вступилъ въ военную службу, совершалъ походы противъ Наполеона и дослужился до генеральскаго чина. Одно время онъ былъ преподавателемъ чешскаго языка въ Вѣнской военной академіи; въ Италіи онъ былъ два раза, по служебнымъ надобностямъ, и оставилъ записки о ней. Въ 1819 г. вышло его описательное стихотвореніе „Внешеностъ (Величіе) природы“, гдѣ въ смѣломъ стихѣ изображены красоты природы. Слогъ этого произведенія тщательно отдѣланъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ Юнгманна, который написалъ къ нему введеніе размѣромъ гекзаметра. Поэма эта—самое видное явленіе своего времени и можетъ стоять рядомъ съ лучшими произведеніями иноземныхъ литературъ въ этомъ родѣ. Молодому и сильному дарованію, къ сожалѣнію скоро умолкнувшему, помощь Юнгманна была очень встати. (Полное со-

браніе сочиненій Поляка явилось въ Прагѣ въ 1862 г. въ 2 частяхъ: 1) Внѣшеность природы и 2) „Цеста (дорога, путь) до Италіе“).

Но наибольшее вліяніе на молодое поколѣніе поэтовъ имѣли открытыя въ 1817 г. памятники старочешской поэзіи— Краледворская и Зеленогорская рукописи, которыя положили основаніе чешскому романтизму и надолго сообщили чешской поэзіи глубоко народный характеръ. Сначала нелегко понимаемая вслѣдствіе трудности языка, эти сокровища однакоже скоро оказали неоспоримое вліяніе на направленіе новыхъ даровитыхъ поэтовъ, которые черпали оттуда и массу образовъ и картинъ, и живыя описанія, и стихотворный размѣръ. Изъ этихъ же памятниковъ выглядывали благородные образы древнихъ чешскихъ героевъ, и обнаруживалось родство чешской поэзіи съ славянской вообще.

Молодые поэты обратили вниманіе и на современную имъ народную чешскую поэзію. Челяковский и Эрбенъ сдѣлали собраніе чешскихъ пѣсенъ, а первый кромѣ того издалъ 3 тома народныхъ славянскихъ пѣсенъ; Сушилъ собиралъ моравскія пѣсни, а Янъ Колларъ—словацкія. Вторая школа новой чешской поэзіи (1820—50 г.) носитъ на себѣ характеръ уже несомнѣнно народный чешскій, а нерѣдко и общеславянской. Кромѣ вышеупомянутыхъ поэтовъ, замѣчательны еще: Яблонскій, Голый, Воцель, Кубекъ и др.

Первое мѣсто между ними несомнѣнно принадлежитъ вдохновенному *Я. Коллару* (1793—1852). Уже въ 1821 г. онъ издалъ сборникъ лирическихъ стихотвореній, гдѣ находилось много возвышенныхъ мыслей. Впрочемъ эти стихотворенія не обратили особеннаго вниманія на молодого поэта; больше всего они отличались изліаніями нѣжной страсти къ Минѣ, т. е. Вильгельминѣ Шмидтовой, которую онъ узналъ въ мѣстечкѣ Лобдѣ, еще будучи іенскимъ студентомъ, и на которой по-

томъ женился. Въ 1832 г. вышли эти стихотворенія, нѣсколько видоизмѣненные, подъ названіемъ „Славы дщера“ (т. е. „Мина“ ¹⁾) а также, пожалуй, и всеславянское отечество), гдѣ авторъ обнаружилъ патріотическое одушевленіе и славянское сознание. Въ первыхъ трехъ пѣсняхъ вдохновенный поэтъ изчищаетъ многія обиды, нанесенныя славянамъ, и съ горячностью призываетъ современниковъ въ великимъ подвигамъ и напряженію всѣхъ силъ; чтобы угнетенный народъ опять вознести къ прежнему величію.

Двѣ послѣднія пѣсни не имѣютъ уже поэтическаго вдохновенія первыхъ; въ нихъ поэтъ говоритъ о блаженствѣ людей, служившихъ славянству, и о страданіяхъ вредившихъ ему. Отечество, народъ и славянство — вотъ, очевидно, идеалы Колларовой поэзіи.

Поэма съ такими возвышенными мыслями и съ такимъ смѣлымъ полетомъ поэтическаго вдохновенія произвела огромное возбужденіе между любителями чешской литературы, и прежній соперникъ Коллара на чешскомъ Парнасѣ Челяковский, разбирая превосходные сонеты „Славы дщеры“, не усумнился назвать ихъ самымъ лучшимъ поэтическимъ произведеніемъ чешской словесности отъ временъ Люміровъ и Забоевъ. И дѣйствительно, Колларъ сдѣлался могучимъ глашатаемъ славянской взаимности (отрывки изъ этой поэмы, въ переводахъ Н. Берга и Бенедиктова, напечатаны между прочимъ у Гербея въ его изданіи „Поэзія славянъ“, Петерб. 1871 г.).

Колларъ сочинилъ также много удачныхъ эпиграммъ и элегій; писалъ онъ и въ прозѣ, напр., очень интересное путе-

¹⁾ Дѣло въ томъ, что эта дѣвушка была дочь нѣмецкаго пастора; происшедшаго изъ отмеченной *славянской* семьи: населеніе береговъ Салы и Лабы (Эльбы) прежде было славянскимъ, изъ племени полабскихъ славянъ, а нынче совершенно онемечилось. Эта то любовь къ славянамъ, Минѣ, „дщери Славы“, и всеславянскому отечеству и составляетъ главное содержаніе поэзіи Коллара.

шествіе въ Италію. Кромѣ того, въ 1837 году была написана имъ сначала по чешски а послѣ и по нѣмцки знаменитая книжечка „О литературной взаимности между различными племенами и нарѣчіями славянскаго народа“, вдохновленная тѣмъ же всеславянскимъ чувствомъ, какъ и „Славы дщера“. Книжечка произвела весьма сильное впечатлѣніе, потому что прямо ставила вопросъ о необходимости для славянъ сдѣлать, подобно нѣмцамъ, одинъ книжный языкъ; она была потомъ переведена почти на всѣ славянскія нарѣчія: русскій переводъ явился уже въ 1838 году въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, а затѣмъ черезъ два года въ „Отечественныхъ Запискахъ“ № 1—2. пер. Срезневскаго, сербскій, Теодоровича, въ 1845 г. въ Бѣлградѣ „О книжной узаимности“, затѣмъ въ 1878 г. въ „Заставѣ“ и т. д. Составитель предлагалъ и средство для этого, правда, очень почтенное, но непрактичное—именно взаимное изученіе славянами своихъ нарѣчій, изъ чего, де, постепенно выработается единый книжный всеславянскій языкъ. Позже любилъ онъ археологическія и языковѣдныя занятія, именно съ 1848 г., когда сдѣлался профессоромъ славянскихъ древностей въ Вѣнѣ; но эти занятія не соответствовали его дарованіямъ (см. статью г. Зеленаго въ альманахѣ „Май“ за 1862 г. Сочиненія Коллара изданы въ послѣдній разъ 1862 и 63 г.) Колларъ, самъ словакъ, усердно хлопоталъ о литературномъ единствѣ чеховъ и словаковъ. (См. Гласы властенцовъ 1846 г.). Приводимъ для образца нѣсколько мѣстъ изъ „Славы дщера“ въ подлинникѣ.

Вотъ, на примѣръ, какъ опредѣляетъ поэтъ огромное пространство, населенное славянами, будущую *Всеславію*: *Письмъ 2-я*, сонеты 259 и 260-й.

Одъ Аеоса (Аеонъ) къ Триглѣ (Триглавъ, гора въ Славоніи около 1000 футовъ вышиною), къ Поморяномъ, Оде Пьсиго къ поли(—ю) Косову,

Оде Цариграду къ Петрову (т. е. граду),
Одъ Ладоги доле (вдалъ) къ Астраханомъ,
Одъ козаковъ ку Дубровничаномъ,
Одъ Блатона (озеро Блатно) къ Балти(—кѣ), къ Азову,
Оде Праге къ Москвѣ, Кіеву,
Одъ Камчатки ажъ тамъ ку Япономъ,
Уралъ, Татры (=Карпаты), Волга, рѣка Савска
А вше(сѣ)хъ горъ и краинъ околѣтъ (окужіе, околное
пространство),

Къде се коли мѣла слыши славска!
Заплесейте, братри, и вы и я,
Ли(ю)бейме се при томъ всполекъ (вмѣстѣ):
То гле (вотъ) власть (отчизна) е наше Вшеславія

Вшецко (все) (и)маме, вѣрьте, мои дрази,
Сполувластенци (соотечественники) а (и) прѣтеле!
То цо (что) мези вельке, доспѣле (созрѣвшіе)
Въ чьловѣченствѣ народы насъ сази (сажаетъ, помѣщаетъ)
Земь и морье подъ нами се плази (разстилается)
Злато, стрибро, руви умѣле,
Речь и спѣвы (и)маме веселе—
Сворность (единодушіе) ецъ (только) а освѣта намъ сха-
зи! (недостаетъ)

Де(а)йте намъ ту съ духомъ вшеславости (всеславянскимъ),
А ай народъ (и)мате видѣти,
Який не былъ еще въ минулости (въ прошедшемъ)
Въ прострьдку (серединѣ) се мези (Гурькемъ, Бритемъ)
Наше ймено буде блистѣти
На свлепени (небосклонѣ) свѣта г(з)вѣздохкрытемъ!

Такимъ образомъ оказывается, что у славянъ есть все:
и широкія моря, и богатые горы, и могучій языкъ—одного и
немалога недостаетъ имъ, чтобы быть великимъ народомъ,—

недостаетъ связи, единодушія! Благодаря отсутствію этого качества, столь необходимаго для прочности существованія въ этомъ брennomъ мірѣ, славяне оказывались неравъ въ рабскомъ или, по крайней мѣрѣ, приниженномъ состояніи забитости, доводящемъ даже до нравственной испорченности и потери всякаго чувства народной гордости. Вотъ какъ, напр., изображаетъ поэтъ это позорное состояніе нѣкоторыхъ частей великаго Славянства. (Изъ сонета 263):

Стины (тѣни) Лавритасовъ, Святоплукowy!
Якъ васъ можно зъ гробу вывести,
Бы (е)сте увидѣли нерести (бѣдствія)
Народу а гавбу (позоръ) своихъ внуковъ?...
Намъ кре(о)въ милу цизи (чужой) жизнь (кажда)
хласта (хлебаеть),

А сынъ Славы отцовъ не знае
Еще своимъ отроцтвимъ (рабствомъ) се хваста!

Чтобы избавить славянъ отъ этого по истинѣ ужаснаго позора, поэтъ призываетъ ихъ къ забвенію прошлыхъ обидъ, къ всепрощенію и умоляетъ о единодушіи:

Учиньте ту радость миле (-ой) матце (—ери т. е. Славіи),
Руси, Серби, Чеши(—хи), Поляци,
Жійте сворнѣ, яко ед(и)но стадце! (изъ 261 сонета)

А вотъ восторженное обращеніе къ той Славіи, во имя которой онъ такъ призывалъ славянъ къ миру:

Славіе! о, Славіе! ты—ймено
Сладкихъ звуковъ, горькихъ паматекъ (воспоминаній),
Стократь розерване на зматекъ (ничтожество),
Абы вждыцкы (всегда) вице (болѣе) было (по)чтено...
(Изъ сон. 258).

(Болѣе выдержекъ читатель найдетъ въ Славянской христоматіи Г. Воскресенскаго, в. III 134 стр.). Иногда поэтъ старается

прельстить славянъ свѣтлыми образами и картинами, которые онъ предсказываетъ ихъ будущему, подъ условіемъ, однако, взаимнаго ихъ примиренія и всепрощенія. Чаще, впрочемъ, ему приходится останавливаться на темныхъ и печальныхъ сторонахъ и явленіяхъ современной и прошлой жизни славянъ,—а это обстоятельство очень знаменательно и поучительно!

Вскорѣ послѣ выступленія на литературное поприще славнаго пѣвца славянской взаимности, любви и прощенія явился и другой, не менѣе даровитый и полный такихъ же панславянскихъ мыслей, хотя и съ нѣсколько иной окраской и не такихъ беззавѣтно восторженныхъ. Это былъ *Франтъ Ладиславъ Челяковский* (1799—852), такъ восторженно встрѣтившій Колларову „Славы дщерю“. Вотъ, напр., стихотворное начало его разбора, свидѣтельствующее о крупномъ дарованіи писавшаго:

Зде(-ѣсь), другу мѹй, те(-ои) липы подѣ кровемъ
 Се блажме (ублажмѣся), вольный разговоръ ведуще,
 Зде духъ плынуци (плывущій) въ деху (дуновеніи)
 амбровемъ

К(ц)витѹ не(с)четныхъ по словенске(-ой) луце
 (лугу)

Се займи весполекъ (вмѣстѣ); ту звучне(-оо) жидло
 (источникъ),

Ту гайѹ (дѣсковъ) близкихъ шумъ, ту птацтва зпѣвъ
 Намъ зли(ю)безное то милостне сидло (мѣстопребываніе),

А прудчей (быстрѣе) вали(тъ)се къ сѣрдци крѣвъ,
 Кдыжъ емнымъ (нѣжнымъ) туженимъ (тоскою) буди(тъ)цитъ (чувство) райскый

Въ покладне(—ой, спокойной) страни *славикъ* (соловей) *подунайскій* (т. е. Коларъ, уроженецъ словацкой земли).

Сынъ простаго столара, Челяковскій все же успѣлъ получить университетское образованіе, рано сталъ извѣстенъ въ литературѣ и съ 1842 года сдѣлался даже профессоромъ славяновѣдѣнія въ бреславскомъ университетѣ, а затѣмъ въ пражскомъ. Уже въ 1822 году вышли его „Смѣшанныя стихотворенія“ и первый томъ славянскихъ народныхъ пѣсенъ, гдѣ такимъ образомъ обнаружилось его литературное призваніе—обработка поля народной поэзіи, не только чешской, но и другихъ славянскихъ народовъ. По своему рѣдкому поэтическому дарованію и совершенному знанію характеристичныхъ особенностей славянской поэзіи, Челяковскій болѣе кого либо другаго былъ способенъ основательно выполнить такую работу. Въ 1829 г. вышелъ его „Огласъ (отголосокъ) писни русскихъ“, гдѣ въ непринужденно вѣрной формѣ открылись богатырская размашистость, сила и вмѣстѣ нѣжность и прихотливость русской народной поэзіи. Таковы пѣсни: Илья Волжанинъ, ¹⁾ Богатырь Муромецъ, Смерть Александрова, Двѣ словичка (два словечка), Дѣтска писень (пѣсня), Великій птачій тѣргъ (базаръ) и пр. Духъ русской народной поэзіи дотога вѣрно представленъ въ благородной идеализаціи, что читатель думаетъ, будто видитъ передъ собою чешскій переводъ подлинно народныхъ русскихъ пѣсенъ. Явившійся въ 1840 г. „Огласъ писни чешскихъ“ обнаружилъ, конечно, такую же способность автора и относительно чешской народной поэзіи. „Томанъ а лѣснѣ панна“ останется навсегда превосходнѣйшимъ образцомъ чешскихъ балладъ. Многія пѣсни даровитаго подражателя сдѣлались любимыми; таковы: Дивчина, якъ добра година, Ческій седлакъ, Циканова пишталка и пр.

¹⁾ Русский переводъ этого стихотворенія, сдѣланный О. Миллеромъ, и нѣкоторыхъ другихъ пѣсень см. у Гербеля „Поэзія славянъ“ 357—362 стр.

„Руже столиста“—образецъ уже рефлектирующей поэзіи, поэзіи личнаго чувства, резонирующей. Это произведение, подобно „Дщерѣ Славы“—происхожденія эротическаго, возникло изъ иѣжнаго чувства автора къ прелестной Маріи и дѣйствительно можетъ служить образцомъ этого рода поэзіи.

Будучи редакторомъ излюбленнаго журнала „Ческа в(п)че-ла“, Челяковскій имѣлъ случай обнаружить и сатирическій талантъ, издавши сборникъ рѣзкихъ эпиграммъ, отличающихся глубиной мысли и классической формой. (Поэтическія произведенія Челяковского издаются въ „Народной Книговнѣ“, т. е. библиотекѣ Кобра; первое изданіе, въ шести книгахъ, вышло еще въ 1847 г.). Кромѣ самостоятельныхъ поэтическихъ работъ, Челяковскій извѣстенъ и мастерскими переводами, а также и научными трудами. Изъ поэтическихъ переводовъ его можно отмѣтить особенно „Панна Језернѣ“ изъ В. Скотта. Въ 1842 г., какъ уже было сказано, нашъ поэтъ былъ приглашенъ на кафедру славянской филологіи въ Бреславль, а въ 1849 году—въ Прагу. Здѣсь онъ издалъ „Всеславянскія элементарныя чтенія“, чешскія книги для чтенія для гимназій, „Малый выборъ“ изъ чешской литературы, чтенія о сравнительной грамматикѣ славянской, прибавивъ къ Юнгманнову словарю и очень важный для культурной исторіи трудъ „Мудрословіи на́роду слованскѣго въ прѣисловіхъ (въ пословицахъ)“. Въ 1877 г. вышелъ въ Прагѣ еще одинъ трудъ его „Чтени о початцихъ дѣвинъ (исторіи) vzdѣланости (образованія) а литературы народу слованскихъ“. Хорошее жизнеописаніе Челяковского принадлежитъ Иг. Ганушу: „Животъ а пѣсобени...“ Прага 1855 г. (См. также Ян. Малаго „Фр. Лад. Челяковскій“, Прага 1852 г. Переписка Челяковского въ „Себрание листы“ 1865 и 1869 г., а также въ „Часописи“ 1871, 1872 и 1878 гг. и въ кievскомъ „Славянскомъ ежегодникѣ“ 1878 г. 285—95 стр.). Сравнивая двухъ по-

этовъ, представителей народной школы, Коллара и Челяковского, можно замѣтить, что дарованіе перваго обнаруживается болѣе могучую фантазію, великолѣпное воодушевленіе идей славянскаго могущества и вообще направленіе болѣе идеальное; второй же—болѣе реалистъ, ясно понимающій дѣйствительныя явленія народной жизни. Отсюда произошло, что Колларъ, желавшій ясно изложить содержаніе своей поэзіи, долженъ былъ написать обширное объясненіе къ своей „Славы дцера“, тогда какъ стихотворенія Челяковского сами собой ясны. Такимъ образомъ, по своему реальному свойству, поэзія этого послѣдняго болѣе вліяла на дальнѣйшее развитіе народно-поэтической школы въ ея трехъ главнѣйшихъ направленіяхъ: лирическомъ, эпическомъ и юмористически-сатирическомъ, изъ которыхъ это послѣднее имѣетъ въ немъ, можно сказать, прямаго родоначальника, такъ какъ его многочисленныя эпиграммы были чрезвычайно удачны и остроумны.

Приводимъ для образца нѣсколько отрывковъ изъ стихотвореній Челяковского, чтобы тѣмъ нагляднѣе предстало предъ читателемъ его великолѣпное поэтическое дарованіе.

Вотъ напр., предестное начало „Столистой Розы“, гдѣ, какъ, впрочемъ, и во всей пьесѣ, чрезвычайно удачно схваченъ характеръ народныхъ чешскихъ пѣсенъ:

Лузнымъ (восхитительнымъ) сма(-ѣя)ні(е)мъ, внадоу(-ю)
(привлекательностью) стѣвостноу (вели-
колѣпноу)

Многа (т. е. роза, подъ которую разумѣется дѣвушка)
ка се крје (куста) бу(-ю)злила (чаровала);

Ед(и)на невиноу(-ностью) милостноу(-ю)

Зракъ енъ (лишь) къ собѣ звабила (влекла).

Чи то пупѣ (почка)? сьрдыце пѣта се (спра-
шиваетъ),

Чи то рѹже розвита? (Простые бутоны, также какъ
и развившаяся роза не такъ хороши, какъ на-
чинающій распускаться цвѣтокъ, подъ которымъ
и слѣдуетъ разумѣть милую повѣта).

Зѣ пѹле (на половину) дрѣиме (дремлетъ) все све(-оюй)
красе,

Зѣ пѹле животь просвита(еть)

По йсемъ (есмь) видѣлъ, мыслилъ, цитилъ (чуялъ),
Твой кѣды пѹвабъ (трелестъ) мѣ рознитилъ (воспла-
менилъ)

Ма(-оа) столистка! Зе снѣни

Въ писнѣ нехъ (пусть) се промѣни.

А вотъ небольшая картинка природы, изъ второй пѣсни:

Въ рѹжихъ (розахъ) бдимъ и снимъ (бодрствую и
сплю, кѣды въ борцѣ

Тварь (лицо) ми йитро (утро) цѣлуе(тъ);

Златоткане день прапорце (знамена, т. е. здѣсь:
облака)

Надъ главою кѣды възтычуе(тъ, воздымаетъ)

Въ рѹжихъ бдимъ и снимъ, кѣды (когда) строу се
(струятся)

Легче мѣльги (туманы) по езеру;

Гаемъ, крѹвимъ (кустами) кѣды женоу се (гонятся)

Свѣтла пѣршки (дождики) къ вечеру.

Лечъ (но) же ширега (-окаго) кѣды гвѣзна

Божі(ей) славы плане (пылаетъ) бездна:

Рѣине (бросается) съ одкрытыхъ се дескъ,

Иммортельки (безсмертника), вашъ ми (б)лескъ.

„Огласъ писни русскихъ“ состоитъ изъ 26 превосход-
ныхъ стихотвореній. Предлагаемъ, для наглядности, два отрыв-

ка изъ этого прекраснаго собранія. Вотъ, напр., начало перваго стихотворенія „Богатырь Муромецъ“:

Ой за горами, за высокими
За тѣми лѣсы за густыми,
А за лѣсы густыми лихвинскими (Лихвинъ на берегу Оки)
Вылетоваль ясный младый соколъ
На рыхлыхъ (быстрыхъ) крѣдлехъ ажъ подъ облакы;
А за тѣмъ за соколѣмъ трѣи естрѣаби
Трѣи (раз)бойци естрѣаби йсу(ть) се гнали,
Они сокола облетовали;
Они къ соколу долетовали
Острѣ зобци (е)му до тѣла затинали (ударяли),
Ажъ йсу(ть) они сокола къ зем(л)и стѣргли,
А стѣргнувши такъ до смерти убили.

* * *

Приведемъ затѣмъ и цѣликомъ небольшое стихотвореніе „Русове на Дунай“ (1829 года)

Бурѣ не бурѣ(ть) по ширемъ неби,
Громы не гучи(-атъ, гремятъ) въ густыхъ обладихъ;
А войско руске тагне къ Дунаю(ю)
Тагне къ Дунаю въ пле(я)су веселемъ,
Писнѣ спиваицѣ (поя), Дунай витанцѣ (привѣтствуя)

Гой, ты нашъ старый отче Дунай!
Длу(ол)го йсме (есмы) съ те(о)бо(-ю) се не видали;
Не тужили йсме по ярыхъ вълнахъ,
А тужили йсме по твыхъ ше(сѣ)динахъ.

Ты на рамену (плечахъ) свыхъ прѣнашей насъ
Добрыхъ йнохѹвъ (молодцевъ) и нашихъ кони,
Мы йдемъ вытубить турецку земли(ю)
А мы невѣрныхъ турѹвъ выженемъ .
Кдожъ то вита(еть) насъ добрыхъ йнохѹвъ,
Вита за старымъ отцемъ—Дунаемъ?
Звоны не звони(ятъ) гласемъ стрѣбрынымъ,
Гласемъ стрѣбрынымъ зъ божьихъ костелѹ (церквей),
Злато витыхъ трубъ звуемъ не звучи(тъ),
Звуемъ не звучи(тъ) по долахъ, горахъ;
А слово млуви(тъ) православный царъ
Велький государъ, отецъ Николай:
Охъ вы, удатни, добри младцове,
Ты, миле мое войско избране!
Вы послужите ми а власти (отчизнѣ) свойи(-ой),
Вы се выслужите правдо(-ю) и вѣро(-ю),
А бийте враговъ рано(-ю) громово(-ю)!
— О православный Царе, отче нашъ,
Тобѣ и власти мы послужиме
На тв(о)е кы(в)нуті(е) мы полетиме
Въ ряды непрятель рано(-ю) громово(-ю)
И положиме животъ за тебе.
Турецкий буде мѣсиць влесати, (падать)
Слунце въ ясности буде взхазети (восходить)
А слава руска въ него сви(ѣ)тити“.

Въ 1840 году Челяковскій почти совсѣмъ прекратилъ свою поэтическую дѣятельность. Какъ бы предчувствуя это, онъ написалъ слѣдующее заключительное четверостишіе въ „Столистой Розѣ“:

Снѹ мыхъ, вдѣчна (благодарная) струйце (виновни-
ца)—ну-же!

Рѣку и тобѣ: съ Богомъ, руже!

Туга веде(тъ) до иныхъ

Загонѣвъ мѣ(меня) кѣѣтинныхъ (поэтъ намекаетъ на
свои будущія занятія наукою).

Для образца юмористическаго дарованія Челяковского
приведемъ его эпиграмму на „Юнгмановъ Словникъ“:

Вшепкы (всѣ) наше потоки и рѣкы

Вѣчнѣ будьте ему за то дѣкы (благодарны)!

Въ морѣ едно снаго(-ю, силою) сведлѣ огромно(-ю).

Смѣлѣ, прозописцы, йижъ (ужъ) се потапейте (уто-
пайте),

Перлы а коралы зъ него вынашейте (выносите);

А всѣ, зпѣвни Аргонаутове.(т. е. поэты)

Штѣстнымъ вѣтрѣмъ по немъ далѣ плуйте (плы-
вите)

Власти (отчизнѣ) злате(-ое) руно выбоюйте (освобож-
дайте).

По слѣдамъ Челяковского или разомъ съ нимъ въ обла-
сти лирики явились многочисленныя дѣятели все съ боль-
шимъ и большимъ пониманіемъ и лирическихъ пѣснь Кралед-
ворской рукописи и многочисленныхъ народныхъ пѣсень. Таеъ
столь извѣстный въ исторіи чешскаго возрожденія *Ганка Вац-
лавъ* (Вячеславъ) (1791—861) еще въ 1815 году издалъ сбор-
никъ прекрасныхъ пѣсень („Дванадцтеро писни“; въ 1851 г.
вышло и дополненное изданіе: Ганковы писнѣ) гдѣ большею
частью счастливо схваченъ характеръ народной поэзіи.

Сынъ мясника, Ганка все же успѣлъ получить довольно
правильное образованіе въ гимназіи и пражскомъ универси-
тетѣ; онъ былъ любимымъ ученикомъ Добровскаго и прекрасно

кончилъ курсъ. Въ 1817 г. онъ открылъ столь важную въ исторіи чешскаго самосознанія Краледворскую рукопись, а въ слѣдующемъ году былъ сдѣланъ бібліотекаремъ только что открытаго народнаго чешскаго музея, гдѣ онъ былъ, такъ сказать, живымъ каталогомъ. Въ 1848 г. онъ сдѣлался деканомъ пражскаго университета и читалъ въ немъ древнеславянскую и русскую словесность. Его важнѣйшія изданія: „Старобыла складани“ (5 частей 1817—23 г.), „Остатки славянскаго богослуженія у чеховъ“, въ Прагѣ 1859 г., (введеніе, 20 страницъ, написано по русски и почешски: содержаніе—большою частью глагольскіе отрывки), „Выборъ“ (изъ древнечешской словесности), грамматики древнеславянская, русская, польская и чешская, переводъ и примѣчанія къ „Слову о полку Игоревѣ“ и пр. Переводъ нѣсколькихъ его стихотвореній см. въ „*Poésies Slaves*“. Особенно много сдѣлалъ Ганка для развитія въ чехахъ идеи славянской взаимности. Будучи ревностнымъ панславистомъ и прекраснымъ знатокомъ славянскихъ нарѣчій, онъ весьма усердно изучалъ и пересаживалъ на родную почву инославянскія произведенія и хлопоталъ объ умноженіи средствъ къ взаимному познанію славянъ. Такъ еще въ 1817 г. явилась его „простонародни сербска муза до Чехъ прѣведена“, а затѣмъ переводъ польскихъ пѣсень и русскаго „Слова о полку Игоревѣ“. Но, разумѣется, наибольшая заслуга Ганки въ родной словесности—это изданіе множества старинныхъ и древнихъ произведеній (Любушинъ судъ, Краледворская рукопись, Далимилъ, Реймское евангеліе и пр.). Ему же иногда приписываютъ и поддѣлку нѣсколькихъ будто бы древнихъ произведеній (напр., пѣсня о Вышеградѣ, любовная пѣсня короля Вацлава, даже такъ называемые „Згорѣльскіе отрывки“ (см. 54 стр.), что въ тѣ времена не считалось особенно худымъ дѣломъ (срв. у насъ увлеченія Срезневскаго съ его Запорожской стариной и другихъ въ 40 годахъ) Ганка меж-

ду прочимъ имѣетъ важное значеніе и въ исторіи русскочешскихъ отношеній, потому что въ свое время былъ, можно сказать, живой связью между учеными этихъ двухъ славянскихъ народовъ. На русскомъ языкѣ о немъ уже составила цѣлая литература: *И. Срезневскій* въ „Извѣстіяхъ II отд. академ. наукъ“ т. IX. *П. Лавровскій* въ годичномъ актѣ Харьковскаго университета (Воспоминанія) 1861. *П. Дубровскій* въ „Отечеств. Запискахъ 1861 г. № 2. *М. Сухомлиновъ* въ сборникѣ „Братская помощь“ Спб. 1876 т. и др. О дарованіи Ганки и о его самостоятельныхъ стихотвореніяхъ за время отъ 1813 до 1819 года (т. е. самое важное для вопроса о поддѣлкѣ Зеленогорской и Краледворской рукописей) см. любопытную статью *І. Йиречка* въ „Часописѣ“ за 1879 годъ.

Но особенно много дѣателей на поприщѣ обработки народной поэзіи явилось изъ среды духовенства, что вполне естественно, такъ какъ оно было ближе всего къ народу, дѣлило его радости и горести и потому свободно обращалось съ пѣснями, гдѣ выражались народныя чувства; оно же болѣе всѣхъ другихъ классовъ хлопотало о возвышеніи чешской народности. Одни изъ духовныхъ лицъ старались о сохраненіи плодовъ поэтической народной мысли, а другіе объ обработкѣ и популяризаціи ея. Изъ нихъ прежде всего слѣдуетъ упомянуть священника *Іоз. Властимила Камарыта* (1797—833). Будучи еще на школьной скамьѣ пріятелемъ знаменитаго пѣвца „Огласовъ“, вдохновлялся онъ Краледворскими и народными пѣснями, изъ которыхъ особенное вниманіе обращалъ на духовныя. Его „Писень весничановъ“ навсегда пребудетъ хвалебнымъ изображеніемъ деревенскаго благополучія. Ему же принадлежитъ многочисленный сборникъ нравственныхъ народныхъ изреченій.

Такова же дѣятельность и другаго священника *Франт. Ярослава Вацка* (1806—69), прозваннаго также *Каменицкимъ*, по мѣсту родины. Онъ тоже высоко ставилъ народное творчество

и сочинялъ пѣсни, совершенно подобныя народнымъ, что видно, напр., на его „пѣсняхъ“ 1833 г., чрезвычайно популярныхъ. Онъ касался и другихъ, болѣе высокихъ, родовъ лирики; элегія его „У гробу матчина“ принадлежитъ къ прекраснѣйшимъ произведеніямъ въ этомъ родѣ.

Вышеградскій священникъ *Карлъ Винарницкій* (извѣстный также и подъ вымышленнымъ именемъ „Сланскій“, отъ мѣста рожденія его, города Сланаго) долженъ считаться однимъ изъ плодотвѣйшихъ писателей и вмѣстѣ благороднѣйшихъ патріотовъ Чехіи. По окончаніи университета въ Прагѣ онъ былъ сначала домашнимъ учителемъ, но уже черезъ два года принялъ священство. Его произведенія особенно хороши по совершенству формы и чистотѣ языка, и въ этомъ отношеніи и переводы его (изъ Гомера, Горація и Вергилія, изъ Богуслава Лобковицкаго (писавшаго по латыни), изъ Пыркера (напр., его „Священные перлы“, писанные по нѣмцки), и подлинныя сочиненія (въ особенности „Варито и Лира“ и трагедія „Король Янъ Слѣпой“) должны быть признаны образцовыми. Нѣкоторые пьесы его, какъ „Сеймы звѣрей“ (Снѣмы звѣрятъ) блещутъ остроуміемъ и ѣдкостью; другія, какъ „Кытки“ (букеты, т. е. стихотворенія и басни), составляютъ по благоразумнымъ мыслямъ и юношеской доступности, лучшее чтеніе для дѣтей и вообще молодежи. 1).

Кромѣ этихъ болѣе или менѣе крупныхъ поэтовъ—священниковъ можно упомянуть и о нѣкоторыхъ другихъ, болѣе

¹⁾ Русское переложеніе нѣсколькихъ изъ его стихотвореній читатель найдетъ во много разъ уже упомянутой нами книгѣ Н. Гербеля „Поэзія Славянъ“ (см. на 363 стр., „Умирающее Дитя“, а также „Молодой Проволочникъ“). Кстати уже замѣтимъ, что дальное изданіе Гербеля слѣдовало бы уже переиздать: во первыхъ, оно уже, кажется, вышло изъ продажи, а во вторыхъ, за послѣдніе 15 лѣтъ матеріалъ славянской поэзіи значительно разросся, и въ этомъ отношеніи книга Гербеля уже устарѣла. Довольно вспомнить, что въ ней еще нѣтъ такихъ плодотвѣтныхъ и крупныхъ писателей, какъ, напр., Сватополекъ Чехъ, Гейдука: *Верхлицкій* у чеховъ, *Иванъ Вазовъ* у болгаръ и пр.

мелкихъ, каковы: Антонъ *Марекъ*, другъ Юнгманна и сочинитель нѣсколькихъ недурныхъ стихотвореній, (см. напр., „Малый выборъ въ литературы чешскѣ“ Челяковского) и извѣстный собиратель моравскихъ народныхъ пѣсенъ Францискъ *Сущилъ*, духовныя стихотворенія котораго, впрочемъ, слишкомъ тяжеловѣсны; большую услугу чешской словесности оказалъ онъ своимъ трудомъ о чешской просодіи. Изъ поетовъ свѣтскаго чина слѣдуетъ отмѣтить особенно Іосифа Красослава *Хмеленскаго* (1800—39), стихотворенія котораго отличаются чрезвычайною пѣзностью и пѣвучестью; вслѣдствіе этого особенно удачными выходили у него слова къ оперной музыкѣ. Хмеленскій былъ также хорошій театральный критикъ и самъ писалъ для театра. (См. напр., его историческую, или, лучше сказать, доисторическую драму „Ласка Чехова“, гдѣ выведены напр., такія лица, „особы“: Чехъ, воевода славянъ, его братъ Лехъ, Милоста возлюбленная Чеха и пр. Эта трагедія, кромѣ того что не основана ни на какихъ положительныхъ данныхъ исторіи, отличается еще крайней сентиментальностью, что, конечно, объясняется тѣмъ вѣкомъ, когда жилъ и дѣйствовалъ ея молодой и даровитый авторъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ она подкупаетъ читателя чрезвычайно звучнымъ и пѣвучимъ стихомъ. Вотъ для образца такого мечтательнаго воспроизведенія съдой древности нѣсколько стиховъ въ русскомъ переводѣ (явленіе первое; Чехъ одинъ):

Какъ хороша сегодня была ночь!
Тиха, какъ царство тѣней, царство
Самаго нѣмага безмолвія!.....
Эта сребристая луна
Густо была окружена
Мерцающими звѣздами,
Какъ спокойная мать
Любезными дѣтками и пр.

Стихотворенія его изданы подъ заглавіемъ „Вѣнокъ патриотическихъ пѣсень“.

Затѣмъ мораванинъ Викентій *Фурекъ* (род. въ 1817 г. отецъ его былъ нѣмецъ) извѣстенъ своими политико-патриотическими стихотвореніями и драмой „Славйборъ Штамбергъ“. Изъ его сборниковъ цѣнятся особенно „Цвѣта и Звуки“ (1848 г.).

Такого же характера и поэзія большаго славянскаго патриота барона Драготина *Виллани* (род. 1818 г.), изданаго даже на Московскую этнографическую выставку (1867 г.). Болѣе другихъ вещей его извѣстны: сборникъ „Лира и Мечъ“ 1844 г., а затѣмъ въ 1846 г. „Военныя Пѣсни“ и комедія „Сочельникъ“.

Вацлавъ Алоизъ *Свобода* (Наваровскій 1791—1849), гимназическій профессоръ въ Прагѣ, замѣчательнъ, какъ прекрасный стилистъ и знатокъ нѣмецкаго и латинскаго языковъ, на которые онъ весьма удачно переводилъ чешскія пьесы, напр., Краледворскую рукопись (1818 г. на нѣм. яз.), чѣмъ дѣлалъ ихъ извѣстными и за предѣлами чешской земли. Ему же принадлежитъ „властенецкая веселогра“ (комедія) „Карлъ Шкрета“.

Иосифъ *Линда* (1793—1834), авторъ извѣстнаго въ Чехіи историческаго романа изъ чешской сѣдой древности „Zaře nad rohanstvem (изычествомъ) nebo (или) Vaclav a Boleslav“, былъ, вмѣстѣ съ предыдущимъ писателемъ, даже заподозрѣнъ въ поддѣлкѣ древнихъ чешскихъ памятниковъ, что одно уже свидѣтельствуетъ о недюжинномъ дарованіи его... (Объ этихъ двухъ писателяхъ см. „Освѣту“ за 1879-й г.).

Православъ Кубекъ (1805—54) — писатель довольно даровитый, притомъ хорошо знакомый какъ съ русскою, такъ и съ польскою литературами, произведеніями которыхъ онъ и обогащалъ чешскую переводную литературу. Изъ его собственныхъ произведеній болѣе извѣстны „Гробы славянскихъ поэтовъ“, „Три сестры“ и юмористическая „Басникова цеста до пекель“.

т. е. „Путешествіе поэта въ адъ“ (см. его „Sebrane Spisy“ Прага 1859 г. въ четырехъ частяхъ). Хотя онъ писалъ оды, и элегіи, но эта „высокая“ поэзія у него менѣе удачна, чѣмъ сатирическая.

Яблонскій Болеславъ (род. 1813 г., настоящее его имя *Евгеній Тупый*) считается въ чешской литературѣ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ *лирическихъ* поэтовъ. Молодымъ еще человекомъ постригся онъ въ монахи, былъ приходскимъ священникомъ въ деревнѣ Радоницахъ а затѣмъ членомъ консисторіи въ Краковѣ, на каковой должности онъ почти прекратилъ свою поэтическую дѣятельность. Поэзія его отличается чрезвычайно нѣжнымъ выраженіемъ чувствъ, чѣмъ бы они ни вызывались: воспоминаніями ли молодости, красотою ли и величіемъ природы, которую онъ очень любилъ, или любовью къ отчизнѣ и всему человечеству. Особенно цѣнятся его „Писнѣ милости“ (пѣсни любви), чудные перлы лирики. Хороши также его возвышенныя оды „Духу Свѣта“ и „Пражскій Домъ“ и патриотическое стихотвореніе „Три doby (поры) земѣ чешскѣ“, удаченъ и его сборникъ стиховъ поучительнаго характера „Мудрость отцова“ („вышелъ въ Властимилъ“ 1840 г.). Въ Краковѣ написано было имъ только стихотвореніе „Пѣвецъ въ цизинѣ“ (чужбинѣ) (см. *тѣе* изданіе его стихотвореній 1872 г.; уже одно это количество изданій свидѣтельствуетъ о чрезвычайной любви чеховъ къ его поэзіи). Стихотвореніе „Три поры“ и нѣкоторыя другія читатель найдетъ въ русскомъ переводѣ у Гербеля („Поэзія славянъ“ 372 стр.) Любопытно, что у этого кроткаго и скорѣе элегическаго поэта иногда звучать и струны крайне энергичныя; вотъ, напримѣръ, отрывокъ изъ одного его патриотическаго стихотворенія:

Не дайте се, дрази мои,

Про народъ же (что) взды (всегда) йсемъ (есмы)

готовъ къ бою(— ю),

Же се льви вревъ пруди (течетъ) въ жилахъ тѣхъ:

Же быхъ про Власть, про ту мати

Се вшеми хтѣлъ живлы (стихіями) боѣвати;

Йсемъ я крѣви (кровью) духемъ Чехъ!

Штульцъ Вячеславъ (род. 1814 г.)—іезуитъ и ультра-католическій поэтъ, доказывавшій совмѣстимость патриотизма, католичества и свободы! Онъ извѣстенъ между прочимъ переводомъ „Валленрода“, Мицкевича и нѣкоторыхъ другихъ польскихъ и русскихъ стихотвореній. Сборники его „Перлы небеске“, „Думы ческе“ и „Арфа Сіонска“ пользуются значительнымъ распространеніемъ у чеховъ: содержаніе перваго и третьяго взято изъ ветхаго и новаго заветъа, второй же—патріотическаго характера. Изъ позднѣйшихъ его произведеній отмѣтимъ поэмѹ объ Агнесѣ Премысловнѣ „Зъ палаце а клаштера“ (зъ дворца и монастыря).

Изъ сочинителей пѣсенъ, легко распространявшихся въ народѣ укажемъ Вацлава Яроміра *Пицка*, извѣстнаго также драмой „Вилемъ зъ Рожберка“, и вышеупомянутаго Карла Виллани, нѣкоторыя пѣсни котораго, напр., „Засвить ми ты, слунко злате на послѣдній зъ власти крокъ (шагъ)“, положенныя на музыку, чрезвычайно широко распространились въ народѣ.

Нужно замѣтить, что въ изображаемое нами время крайняго напряженія силъ всѣхъ дѣятелей возрожденія этимъ людямъ, при ихъ сравнительной немногочисленности и огромности и многообразіи труда, приходилось работать на самыхъ разнообразныхъ поприщахъ: писать ученые труды, сочинять стихотворенія по возможности во всѣхъ родахъ поэзіи, составлять учебники и пр., совершенно подобно тому, какъ это приходилось дѣлать на Руси гениальному Ломоносову. Вотъ почему нечего удивляться, что, напр., Юнгманъ переводилъ „Потерянный рай“ Мильтона и работалъ надъ огром-

нимъ ученымъ чешскимъ словаремъ; что поэты по призванію, какъ указанные уже Колларъ и Челяковскій, занимались и учеными филологическими работами. Съ другой стороны и ученые по призванію, какъ филологъ Павелъ Шафарикъ (1795—861), историкъ Фр. Палацкій (1798—876) (также упомянутый выше Ганка) и политико-экономъ Ригеръ (род. 1818) упражнялись въ писаніи стихотвореній. Правда, ихъ стихотворная дѣятельность принадлежитъ главнымъ образомъ молодости, но о ней нельзя сказать, чтобы она совершенно безслѣдно прошла въ родной словесности: многія изъ ихъ стихотвореній нравились читающей публикѣ, и потому сказать о нихъ нѣсколько словъ слѣдуетъ. Шафарикъ принадлежитъ поэтической сборникъ „Татранска муза съ лироу слованскоу“ (1814 г.) и, кромѣ того, переводъ комедіи „Облака“ Аристофана и трагедіи Шиллера „Марія Стюартъ“ и много другихъ мелкихъ пьесъ. Русскій переводъ нѣкоторыхъ стихотвореній его, Палацкаго и Ригера читатель найдетъ въ „Поэзіи славянъ“ Гербеля. Иное дѣло писатели Янъ Воцель (1803—71), Яроміръ Эрбенъ (1811—70 г.) и Вячеславъ Небескій (род. 1819 г.): эти, не смотря на свои замѣчательные ученые труды—первый въ области чешской археологіи, второй—въ ней же, а также въ области права, а третій въ области изученій средневѣковой чешской литературы—были все же поэтами, если не въ большей мѣрѣ, чѣмъ учеными, то во всякомъ случаѣ въ равной. Ихъ поэтическія произведенія нерѣдко дышатъ неподдѣльнымъ вдохновеніемъ и всегда отличаются недюжиннымъ дарованіемъ. Первые два особенно известны своими эпическими произведеніями. Воцель отличился болѣе всего своими поэмами, каковы „Премысловцы“ (1839 г.) „Мечъ а Калихъ“ (чаша) (1843 г.) и „Лабиринтъ Славы“—всеславянскаго характера, а Эрбенъ прекраснымъ сборникомъ своихъ балладъ съ содержаніемъ изъ народныхъ пре-

даній и повѣрій („Кытице (вѣнокъ) зъ повѣсти народныхъ“ 1853 г.). Слава Эрбена, какъ стихотворца, упрочилась уже въ 1835 г., когда онъ издалъ свое чудное стихотвореніе „Покладъ“ (кладъ, сокровище), сразу составившее его славу. Въ „Кытицѣ“ особенно слѣдуетъ отмѣтить слѣдующія произведенія: „Свѣтебни кошиле (сорочка), Щедрый день, Водникъ (водяной), Поledнице, особенно отличающееся драматизмомъ и др. Нѣкоторыя изъ нихъ, какъ, напр., „Покладъ“, положительно заслуживали бы русскаго перевода (Баллада „Водяной“, впрочемъ, переведена М. Петровскимъ для „Поэзіи славянъ“ Гербеля; но этого, конечно, мало!). Эрбенъ извѣстенъ и переводами съ русскаго: „Лѣтописи Нестора“, „Слова о полку Игоревѣ“ и сказанія о Мамаевомъ побоищѣ.

Въ поэмѣ „Мечъ и Чаша“ Воцель поэтически воспроизвелъ бурныя событія чешской исторіи XIV и XV вѣковъ. Его собственно поэтическая дѣятельность завершилась въ 1846 году вышеупомянутымъ „Лабиринтомъ славы“, огромной иносказательной поэмой, гдѣ проводится въ довольно роскошныхъ поэтическихъ образахъ, нерѣдко драматически, та совершенно вѣрная мысль, что чешскій народъ можетъ имѣть лучшую будущность и войти въ храмъ славы, лишь если неуклонно будетъ идти по пути просвѣщенія и образованности. Это произведеніе считается иными критиками лучшимъ изъ всего, написаннаго Воцелемъ.

Вотъ образчикъ стиховъ Воцеля (начало „Лабиринта Славы“).

На огромныхъ Кърконошѣ (Исполиновскихъ горъ)
банѣ (вершины)

Черный мракъ (облако) све чело положилъ;

Мѣртве тихо—высоканувъ скранѣ (виски)

Эй гле (вотъ) блескъ (молнія) тебѣ крїжемъ по-
кропиль:

За то жгучихъ блескъ пожегнані (благословеніе)
Гласа (о—шаеть) прїрода свѣй дикъ (благодар-
ность) и т. д.

Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ („Лабиринта славы“) является даровитый юноша Янъ, котораго злой духъ Духа-моръ силится всевозможными способами сдѣлать „свѣтобча-номъ“ (космотолитомъ, гражданиномъ міра), вытравивъ въ немъ идею своей народности. Но геній любви, прелестная Людмила, помогаетъ Яну избавиться отъ власти Духамора цѣною, впрочемъ, собственной жизни; ея послѣднія слова Яну были: вѣчна ласка (любовь) тебе выкупила, ласка выку-пи(ть) тебѣ (также) народъ твой“ и затѣмъ также по-желаніе, чтобы онъ „виру, ласку къ власти (отчизнѣ), статеч-ность (мужество) спойль (соединилъ) въ народность“. Считая себя виновникомъ, хотя и невольнымъ, смерти Людмилы, Янъ удаляется изъ милой родины и, прежде „гледавъ славу, гледи ныни хыжи(ны), кдѣ бы влидне (спокойно) главу положилъ“; онъ уходитъ въ Германію и въ Майнцѣ изобрѣтаетъ книго-печатаніе (въ Чехіи убѣждены, что знаменитый Іоаннъ Гуттен-бергъ былъ чехъ, родомъ изъ г. Кутной Горы т. е. Куттенбер-га). Поэма оканчивается слѣдующими словами, подерѣпляю-щими основную мысль ея:

„Авшакъ (однакоже) битвы крѣваве(-я) а свѣче(-и)
Не отевру(ть, отворять) блажености храмъ!
Вѣзте(-дайте), же енъ (что только) свѣтла (свѣта,
просвѣщенія)

Выдобуду(ть) вѣчну славу вамъ“!

Блескне мече (блестящіе мечи).

Въ этомъ произведеніи немало вообще прекрасныхъ мѣстъ, иногда чрезвычайно сильныхъ и глубокихъ, невольно остано-

ливаю на себѣ вниманіе читателя, какъ, напр., слѣдующее четверостишіе изъ вставочной элегіи „Сала“:

За каждого слованского муже(-а)
Стромъ (дерево) вырасте(тъ) въ тето (этой) краинѣ,
За слованску дѣву нѣжна рѹже (роза)
Дыхать буде(тъ) въ славске(-ой) долиниѣ.

Наконецъ *Небескій* извѣстенъ не столько самостоятельными произведеніями (его самостоятельныя лирическія пьесы и поэма „Protichůdci (1844 г.) имѣютъ значеніе развѣ со стороны языка), сколько прекрасными переводами нѣкоторыхъ классическихъ произведеній (напр. Аристофановыхъ и Платоновыхъ комедій), испанскихъ романсовъ и новогреческихъ пѣсенъ.

Прекрасное знаніе языковъ и неподдѣльное поэтическое вдохновеніе дѣлаютъ эти переводы весьма замѣчательными и даже неподражаемыми. То же нужно сказать и о другой области его дѣятельности. Какъ изслѣдователь средневѣковой простонародной чешской литературы, Небескій обнаружилъ удивительную силу критики и поразительно громадные историколитературныя свѣдѣнія. Вообще эрудиція его подавляюще огромна. Въ „Часописи чешскаго музея“ (особенно за 1847, но и за другіе годы) помѣщенъ цѣлый рядъ его превосходныхъ изслѣдованій о чешской Александрейдѣ, Мастичкарѣ, Тристрамѣ, Иисусовѣ дѣтствѣ и множествѣ другихъ средневѣковыхъ легендъ и пѣсенъ.

Въ этихъ работахъ не только разобрана художественная цѣнность этихъ произведеній, но, что очень важно, съ чрезвычайною ясностью и отчетливостью, объяснено какъ время происхожденія такъ и взаимное отношеніе ихъ у разныхъ народовъ и пути, какими переходили произведенія эти отъ

одного народа къ другому. Занятія такого рода облегчались для Небескаго, конечно, близостью къ Музею и его богатому книгохранилищу, тѣмъ болѣе что около одиннадцати лѣтъ (съ 1850 года) онъ былъ секретаремъ Музея и редакторомъ его „Часописи“.

Что касается ученыхъ трудовъ Воцеля и Эрбена, то, какъ уже было сказано, эти труды главнымъ образомъ принадлежать чешской археологіи, міеологіи и старой литературѣ. У обоихъ любовь къ родной старинѣ и словесности пробудилась подъ влияніемъ того „властенецкаго“ (патріотическаго) чувства, которое пробуждалось въ юныхъ сердцахъ особенно тогдашняго поколѣнія (первая четверть настоящаго вѣка) всѣмъ содержаніемъ издававшихся тогда чешскихъ книгъ и спасало чешское юношество отъ онѣмеченія въ нѣмецкихъ школахъ. Уроженецъ Кутной Горы, гдѣ и доселѣ хранятъ о немъ благодарную память, ¹⁾ Воцель уже въ гимназіи обнаружилъ склонность къ писанію стиховъ, которые часто самъ же уничтожалъ. Именно тогда онъ написалъ и свою трагедію „Арфа“ (изд. въ 1825 г.) Съ 1842 г. Воцель поселился въ Прагѣ, вошелъ членомъ во „властенецкій“ кружокъ и разными другія патріотическія чешскія учрежденія, затѣмъ получилъ каѳедру чешской археологіи и исторіи искусства въ университетѣ и написалъ рядъ превосходныхъ работъ въ этихъ областяхъ (см. „Часопись чешскаго музея“ и „Pamatky archaeologické a historické“). Изъ отдѣльно отпечатанныхъ его трудовъ замѣчательны: „Исторія старочешскаго наслѣдственнаго права“ и особенно „Правѣкъ“ (первыя времена) земѣ чешскѣ“ книга европейской извѣстности и, смѣло можно сказать, лучшая по этой части въ цѣлой чешской литературѣ. (Вторая

¹⁾ См., напр., „Извѣстія Петербургскаго Славянскаго Общества“ за 1885 годъ № 7—8 стр. 355—6, глава о Кутной Горѣ.

часть ея переведена на русскій языкъ Н. Задерацкимъ подъ названіемъ „Древнѣйшая бытовая исторія славянъ вообще и чеховъ въ особенности“ (Кіевъ 1875 г.) Изъ журнальных же статей Воцеля особенно выдаются „Развитіе христіанскаго искусства“ („Часопись“ 1852 г.) и „Миньютюры чешскія XVI вѣка („Паматки“ III). ¹⁾

Эрбенъ, помогая, по окончаніи курса юридическихъ наукъ въ пражскомъ университетѣ, Палацкому въ изслѣдованіи архивовъ, уже тогда собралъ много стараго матеріала и помѣстилъ его въ „Чешскомъ архивѣ“. Былъ затѣмъ архиваріусомъ чешскаго музея, а послѣ и города Праги, въ каковой должности и умеръ. Его труды разнообразіе трудовъ Воцеля, который не любилъ разбрасываться. Между ними особенно цѣнны слѣдующіе: 1) „Regesta diplomatica...“, огромный сборникъ древнихъ актовъ, касающихся Чехіи и Моравіи, чрезвычайно важный для исторіи этихъ странъ (отъ 600 по 1253 годъ); теперь продолжаетъ эту работу г. Эмлеръ 2) изданіе: II-го выпуска „выбора изъ чешской литературы“, хроники Бартоша, трудовъ О. Щитнаго, легенды о св. Катеринѣ, чешскихъ сочиненій Гуса и пр. 3) „Слованска читанка“ — сборникъ лучшихъ народныхъ сказокъ на всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ.

Кромѣ Воцеля и Эрбена, были извѣстны еще слѣдующіе эпические поэты: *Голый* Иванъ (1785—1849 г.), католическій священникъ, равно принадлежащій чешской и словацкой литературѣ. Его поэма „Святополкъ“ (1833), гдѣ изображенъ идеалъ народнаго богатыря въ лицѣ извѣстнаго великоморавскаго князя, въ свое время очень нравилась. Двѣ другія его

¹⁾ О Воцелѣ см. статью Ф. Рачека въ „Rad jugoslav. akad.“ 1875 г. XXII. К. Шмидка „Uromínka na publicisticku činnost (дѣятельность) Vocela.“ въ „Часописи Матицы Моравской“ 1876 г. и др.

поэмы „Кирилло-Методіада“ — „Славъ“, а также лирическія пѣсни—слишкомъ уже отличаются непріятною ложноклассической формой.

Іосифъ Ярославъ *Калина* (1816—47) извѣстенъ былъ своею поэмою „Кшафтъ“ (завѣщаніе), весьма распространенною въ массѣ. Впрочемъ, этотъ даровитый писатель очень рано умеръ (его произведенія выходятъ въ Кобровой „Народной бібліотекѣ“).

Выше было упомянуто о стихотворныхъ опытахъ Шафарика и Палацкаго. Здѣсь уместно будетъ сказать нѣсколько словъ о замѣчательныхъ научныхъ трудахъ этихъ двухъ знаменитѣйшихъ чешскихъ ученыхъ, европейскою славою которыхъ доселѣ еще гордится чешское сердце. Разумѣется, изложеніе этой стороны ихъ дѣятельности не можетъ быть пространно. такъ какъ она относится болѣе къ исторіи чешской науки, чѣмъ литературы; но рассказать о ней хотя кратко—необходимо въ виду высокаго значенія этой плодотворной дѣятельности въ исторіи чешскаго возрожденія и подѣема народнаго духа.

Словаки, племя населяющее сѣверозападную Венгрію и относимое многими къ чехоморавской отрасли славянъ, а по существу дѣла, пожалуй, составляющее нѣчто среднее, переходное отъ славянъ русскихъ къ западнымъ, дали чешской литературѣ немало выдающихся работниковъ (напр. Юрій *Палковичъ* (см. 166 стр.), чрезвычайно усердный сторонникъ чехословацкаго литературнаго единства, затѣмъ авторъ „Славяндера“ Колларъ и др.); изъ этого же народа происходилъ и Павелъ Шафарикъ. Только шестнадцатилѣтнимъ юношею, когда попался въ его руки Юнгмановъ „Разговоръ о чешскомъ языкѣ“, онъ примкнулъ къ національному движенію; развитію въ немъ славянскаго сознанія весьма способствовало то обстоятельство, что, по окончаніи славившагося тогда Іен-

скаго университета, онъ получилъ мѣсто профессора гимназіи сербской православной общины въ Новомъ Садѣ (Neusatz), гдѣ, пробывши около пятнадцати лѣтъ, имѣлъ случай прекрасно ознакомиться съ сербскою книжною стариною, по изученію которой онъ издалъ немало цѣнныхъ трудовъ (напр., извѣстная книга его „Serbische Lesekörner или же „Památky dřevniho písemnictví Jihoslovandv). 1).

Особую, европейскую славу Шафарика составили слѣдующіе его труды: 1) „Geschichte der slavischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten.“ (Всеславянская исторія языка и словесности) Пешть 1826 г.—книга, въ которой славянскія племена впервые явились въ наукѣ, какъ разновидности *одного цѣлаго* (книга его „Geschichte der südslavischen literatur“—исторія югославянской литературы—составляетъ, собственно, готовую часть предполагаемой имъ, но, къ сожалѣнію, не выполненной *переработки* названнаго труда); 2) „Slovanske starozitnosti“ (Славянскія древности, русскій переводъ Бодянского, Москва 1848 г.) 1837 года—знаменитая книга, долгое время бывшая источникомъ мудрости для всѣхъ европейскихъ ученыхъ, обращавшихся къ славяновѣдѣнію. Эта книга представляетъ собственно *историческую* часть предполагаемаго плана; *бытовая* часть такъ и осталась невыполненною (отрывки изъ нея помѣщены въ „Часописъ“, гдѣ см. множество и другихъ мелкихъ трудовъ этого ученаго. Наконецъ 3) *Slovanský národopis* (народоописаніе, или этнографія славянъ) 1842 г.—также книга огромной важности въ исторіи развитія всеславянскаго сознанія. Здѣсь не мѣсто производить оцѣнку этихъ великолѣпныхъ трудовъ; достаточно сказать, что они составляли долгое время, такъ сказать, *ковчегъ*, изъ котораго черпалось и вдохновеніе и научное вооруженіе панславизма.

¹⁾ Въ 1840 г. вышла въ Прагѣ извѣстная книга „Die ältesten Denkmäler der böhmischen Sprache“, гдѣ Ш—къ и Палацкій явились высокоучеными защитниками „Зеленогорск. р—си“ и надолго устранили всякія сомнѣнія въ ея подлинности.

Изъ другихъ крупныхъ трудовъ Шафарика отмѣтимъ еще его прекрасные „Ночатковѣ староческе млувице“ (грамматики, Прага 1845 г.) имѣющіе значеніе не только для чешскаго, но и для общеславянскаго языкознанія, а также „Glagolit. Fragmente“ Пр. 1857 г.

Многіе университеты желали имѣть въ числѣ своихъ преподавателей знаменитаго слависта (заходила даже рѣчь о приглашеніи его въ петербургскую академію наукъ, что, впрочемъ, не состоялось), но въ концѣ концовъ онъ принялъ мѣсто бібліотекаря пражской университетской бібліотеки, что болѣе соответствовало его наклонностямъ. Умеръ онъ 14 (26) іюня 1861 года отъ припадковъ какъ тѣлесной, такъ и душевной болѣзни; подъ конецъ жизни изъ увлеченнаго *всеслависта* онъ превратился въ довольно сильно разочарованнаго въ славянствѣ и исторіи человѣка... (о Шафарикѣ см. „Словникъ Научный“ и прекрасный „Животописъ“, составленный г. Іосифомъ *Йиречкомъ*).

О значеніи Шафарика въ исторіи чешскаго возрожденія едвали нужно много говорить: уже одно то обстоятельство, что изъ среды чешскаго народа вышла такая крупная ученая сила, такой рѣдкій критическій умъ, должно было ободряющимъ образомъ дѣйствовать на гонимый, презираемый нѣмцами народъ, которому враги отказывали въ способности къ самодѣятельной исторической жизни и на этомъ основаніи отказывали даже въ правѣ сдѣлать свой языкъ и свою словесность орудіями высшей образованности и науки. Самое появленіе, повторяю, изъ чешской среды такихъ крупныхъ дарованій, какъ Шафарикъ или еще Палацкій, было уже обстоятельствомъ глубокой важности. А огромнаго дарованія въ Шафарикѣ не могли отрицать даже враги. Не только вышеупомянутые крупные труды его поражали въ свое время всѣхъ, даже и хорошихъ ученыхъ, но и небольшія работы

великаго чешскаго ученаго производили всегда должное впечатлѣніе... Такое впечатлѣніе, наиримѣрь, было произведено на ученый міръ хотя бы извѣстнымъ Шафариковымъ введеніемъ къ переводу на нѣмецкій языкъ Браледворской рукописи, сдѣланному графомъ Туномъ (Прага 1845 г.). Это введеніе, написанное нѣмцемъ, отличается замѣчательною основательностью, которая для своего времени имѣла, разумѣется, еще болѣе важное значеніе; въ сущности, оно во многихъ отношеніяхъ не потеряло важности даже и въ наше время. О крупныхъ сочиненіяхъ Шафарика и говорить нечего; уже выше было сказано, что они въ свое время представляли изъ себя цѣлый ковчегъ ученой мудрости, и изъ нихъ поучались славяновѣдѣнію даже первостепенные европейскіе ученые. Эти труды во многихъ отношеніяхъ, конечно, имѣютъ значеніе даже и нынче, что особенно относится къ „Славянскимъ древностямъ“ и „Славянскому народописанію“, прибавленія къ которому (130—174 стр.) весьма важны для всякаго слависта, хотя бы и современнаго. (Русскій переводъ І. Бодянскаго, съ картою, вышелъ въ Москвѣ 1843 г.). Любопытенъ эпиграфъ къ книгѣ: „Всякъ языкъ исповѣсть Господа“. Это изреченіе св. ап. Павла, очевидно, раскрываетъ намъ „святая святыхъ“ убѣжденій почтеннаго автора. Конечно, сочиненіе это во многомъ уже устарѣло—особенно это относится къ картѣ и статистическимъ даннымъ—но для слависта оно всегда будетъ составлять драгоценную книгу по своей талантливости и методу, а обыкновенный читатель—славянинъ съ благодарностью, конечно, отвесится къ этому произведенію, гдѣ славянство представлено, какъ одна семья, которой, къ сожалѣнію, недостаетъ только сплоченности, а иногда и свободы.

Францъ *Палацкій*, также направленный на національную дорогу Юнгманновымъ „Разговоромъ“, извѣстенъ, какъ знаме-

нитѣйшій изъ чешскихъ историковъ. Ему между прочимъ обязанъ своимъ существованіемъ „Časopis českého muzeu“, начавшій выходить съ 1827 года подъ его же редакціей, сначала на нѣмецкомъ языкѣ и чешскомъ, а черезъ три года только на послѣднемъ (нѣмецкій журналъ не имѣлъ успѣха). Это изданіе выходитъ и донинѣ и служитъ важнѣйшимъ органомъ чешской литературы. Съ 1829 (а официально только черезъ 10 лѣтъ) Палацкій былъ сдѣланъ историографомъ чешской земли, плодомъ чего и была его знаменитая „Исторія Чехіи“ *Geschichte Von Böhmen*, съ 1836 года; съ 1848 года трудъ этотъ началъ выходить по-чешски: *Dějiny narodu českého v Čechach a na Moravě* и доведенъ былъ въ годъ смерти автора до 1526 года). Этотъ огромный трудъ, необыкновенно ученый и авторитетный, также имѣлъ огромное вліяніе на развитіе въ чехахъ національнаго чувства, и въ этомъ его огромная заслуга передъ народомъ.

Палацкій игралъ важную роль и въ политическихъ судьбахъ своей страны въ 1848 г. и затѣмъ особенно послѣ 1860 года, когда онъ былъ признанъ вождемъ своего народа и затѣмъ сдѣланъ пожизненнымъ членомъ вѣнской верхней палаты. Органомъ взглядовъ его и политическаго его сотоварища *Rigera*, были сначала „*Narodní listy*“, а послѣ „*Pokrok*“ (прогрессъ); „Народные листы“ стали тогда служить уже выраженіемъ мнѣній такъ называемыхъ „младочеховъ“. (О Палацкомъ см. „Научный Словникъ“ а также его „Животопись“, составленный г. Калоускомъ).

Выше мы представили обзорѣніе развитія новочешской стихотворной *эпики и лирики* въ ея первый романтическій періодъ. Остается, для завершенія этого времени (оканчивающагося знаменательнымъ 1848 годомъ!), во первыхъ сказать нѣ-

сколько словъ и о развитіи новочешской прозаической эпикѣ, (беллетристики) и драмы, тоже имѣющихъ нѣсколькихъ выдающихся представителей, хотя и менѣе крупныхъ, чѣмъ ихъ собратья на почвѣ лирики и стихотворной эпикѣ; а во вторыхъ сдѣлать маленькое обзорѣніе сатирико-юмористическихъ произведеній, появившихся въ этотъ періодъ и въ значительной мѣрѣ характеризовавшихъ настроеніе нѣкоторой части чешскаго общества. Изъ писателей повѣстей и романовъ слѣдуетъ отмѣтить главнымъ образомъ *Яна Марка* (1801—1853, писалъ подъ именемъ Яна зъ Гвѣзды), *Карла Сабину* 1813—77) *Прокопа Хохолушка* (1819—64), *Іосифа Тыла* (1808—56) и *Божсена Нѣмцову* (1820—62). Повѣсти и рассказы перваго, не отличаясь особенными достоинствами, были, при бѣдности современной имъ беллетристики, однако же охотно приняты читающею публикою, особенно историческіе, которые и въ самомъ дѣлѣ гораздо выше бытовыхъ. Больше извѣстны между ними слѣдующіе: „Мастичкарь“ и „Ярогнѣвъ зъ Градеу“—историческая повѣсть изъ временъ Юрія Подѣбрадскаго.

Карлъ Сабина—личность весьма замѣчательная: публицистическая дѣятельность его стоила ему множества непріятностей и даже бѣдствій (онъ, напр., чуть было не былъ казненъ!); а произведенія его носятъ въ значительной мѣрѣ тотъ своеобразный характеръ, который сдѣлался послѣ отличительной чертой новѣйшей поэтической школы, но въ годы молодости Сабина еще не былъ свойственъ чешской литературѣ. Въ этомъ отношеніи Сабина можетъ считаться какъ бы предтечею этой новѣйшей школы, рефлексивной и байронизирующей.

Романы Сабина причиняли ему также немало всякихъ затрудненій, и, напр., его „Гуситы“ были разрѣшены къ печати лишь послѣ нѣсколькихъ передѣлокъ, да и то въ видѣ отдѣльныхъ рассказовъ, „Образовъ“ 15 и 16 столѣтія (1844 г.) Другіе его повѣсти и романы, какъ „Блоузиѣни“ (мечтанія,

бредъ), „Оживене гробы“, „Енъ (только) три лѣта“ и др., по признанію критики, отличаются слишкомъ незначительной реальностью...

Сабина пробовалъ свои силы и на другихъ поприщахъ, напр. писалъ для театра и по исторіи чешской словесности. Его книга „Dějepis (исторія) literatury českoslovanské“, доведенная до 1620 года, пользуется у Чеховъ весьма значительною извѣстностью, хотя она и носитъ нѣсколько отвлеченный философскій характеръ.

Романы и повѣсти плодовитаго Хохолушка довольно распространены и любимы въ Чехіи, хотя, напр., его историческія произведенія не отличаются достаточно вѣрной окраской эпохи. Содержаніе его повѣстей взято не только изъ чешской исторіи, какъ, напр. „Templáci v Čechách“, Dcera Otakarova“ или Dvůr krále Václava“, но и изъ южнославянской, какъ „Югъ“ (1862 г.)—картины изъ историческаго прощлаго южныхъ славянъ. (По-русски переведены изъ этихъ картинъ: „Косово поле“ Кіевъ 1876 Н. Задерацемъ и „Послѣдній Король Босніи“, Москва 1881 г. г. Гилкомъ, обѣщавшимъ изданіе и другихъ картинъ, какъ „Милева“, „Ангора“).

Іосифъ Тыль, одинъ изъ любимѣйшихъ писателей Чехіи, своими романами особенно будилъ въ обществѣ народное чувство и мысль, чего легко достигалъ съ помощью своего богатаго воображенія и роскошнаго слога. Историческія повѣсти его были помѣщаемы въ журналахъ „Jindy (нѣкогда) а Nyní“ и „Květy“. Изъ историческихъ романовъ его особенно извѣстенъ „Декретъ Кутногорскій“, изъ времени Гуса, переведенный и по русски въ Русск. Вѣстникѣ за 1872 г. № 2—4.; а изъ романовъ съ содержаніемъ современнымъ болѣе другихъ цѣнится „Послѣдній Чехъ“ (1844 г.) Недостатки романовъ Тыля (напр. частые анахронизмы, крайній сентиментализмъ и идеализація, а иной разъ и проявленія кривснаго патріотизма), быть можетъ, зависѣли въ

значительной мѣрѣ отъ того, что онъ чрезвычайно разбрасывался въ своей дѣятельности, а это, конечно, мѣшало спокойному и внимательному наблюденію жизни. Такъ онъ очень усердно работалъ для театра и написалъ массу пьесъ, хотя и менѣе удачныхъ, чѣмъ его романы, но, сравнительно съ другими подобными произведеніями тогдашней чешской словесности, весьма хорошихъ; изъ нихъ болѣе всего извѣстны: *Čestmír*, *Jitřkovo vidění*, *Palčova dcera*, *Matka pluku* (полка), *Jan Hus*; въ одной изъ нихъ находится и извѣстная пѣсня „Kde domov můj“, сдѣлавшаяся народнымъ чешскимъ гимномъ.

Приводимъ эту знаменитую пѣсню:

Кѣде домовъ мѣй?! (2)
Вода гучи(тъ) по лучинахъ (лугахъ)
Боры шуми(—ятъ) по скалинахъ,
Въ садѣ скви се (блеститъ) яра(весны) квѣтъ-
Земскый(—ной) рай то на по(вз)гле(я)дѣ!
А то е(сть) та (пре)красна земѣ(—ля)—
Земѣ ческа—домовъ мѣй!

* * *

Кѣде домовъ мѣй?!
Въ краи(—ю) зна(е)шь-ли богумиле(о)мъ
Тихе душе въ тѣле чилемъ (чулый, чувствительный),
Ясну мысль, зникъ (урожай) а здаръ (успѣхъ)
А ту силу, вздору змаръ (уничтоженіе упорства, раздоровъ)
То е Чехѣвъ славне племѣ
Мези(—жду) Чехи домовъ мѣй!

(Третье полное собраніе сочиненій Тыла, съ жизнеописаніемъ вышло въ Прагѣ въ 1867 г. О Тылѣ см. „O životě a působení J. K. Tyla“ s fotogr. podobiznou (изображеніемъ) соч. I. Л. Турновскаго (277 стр. въ 16 долю Прага 1881 г.).

Кромѣ того, „Slovník Naučný“, „Osvěta“ 1878 г., числа 2—3 и 6—7-е).

Обитатели Кутной горы, гдѣ родился Тыль, весьма усердно поддерживаютъ въ своемъ городѣ память объ этомъ патриотическомъ писателѣ, столь миломъ чехамъ 1). И есть за что: Тыль не въ одномъ чехѣ поддержалъ вѣру въ свой народъ „властенецкими“ повѣстями; ими же пробудилъ онъ желаніе писать по чешски и въ столь любимой писательницѣ рассказовъ изъ народной жизни, какова *Божена Нѣмцева*, первые опыты которой были на нѣмецкомъ языкѣ. Въ этихъ рассказахъ уже снискали себѣ извѣстность два священника: *Іосифъ Эренбергеръ* (род. 1815 г.) и особенно даровитый *Войтъхъ Глинка* (род. 1817 г., писалъ подъ именемъ Ф. Правды), котораго даже сравнивали съ Ауэрбахомъ. Но болѣе всего успѣха въ этой области имѣла названная писательница. Будучи женою чешскаго чиновника *Іосифа Нѣмца*, часто мѣнявшаго свое мѣстопробываніе, она рано познакомилась съ народнымъ бытомъ разныхъ уголковъ Чехіи и Словенска (земли словаковъ). Когда мужъ ея утвердился въ Прагѣ, она нашла себѣ хорошаго руководителя въ лицѣ вышеупомянутаго писателя *Вяч. Небескаго*, подъ вліяніемъ котораго съ 1843 г. въ журналахъ стали появляться ея народныя повѣсти и народописательныя очерки: „*Narodní báchorky* (сказки) a *rověsti*“ 1845 г., *Babička* (Бабушка, переведена и на русскій яз. г-жею Петровскою), *obrazy venkovského* (деревенскаго) *šivota* (жизни) 1855: въ этой повѣсти изображена дѣйствительная бабушка писательницы. *Pohorská vesnice* (горная деревня) 1856 г., *Slovenské pohádky* (сказки) a *rověsti* 1856 г. Полное собраніе сочиненій (*Sebrane spisy*) вышло въ 1863 г. въ восьми частяхъ. О Бо-

¹⁾ См. напр., Извѣстія Петербургск. Славян. Общ. за 1886 г. № 7—8, стр. 355.

женѣ Нѣмцевой сл. „Slovnik Naucný“ и жизнеописаніе, помѣщенное въ Рус. Вѣстникѣ за 1871 г. т. 93 стр. 56—80).

Разсказы Нѣмцевой важны не только, такъ сказать, объективно, потому что они весьма правдиво изображаютъ народную жизнь, но и тѣмъ еще, что въ нихъ раскрыта народная душа и всегда сквозитъ искреннее желаніе народнаго блага и счастья, постоянно руководившее благородною писательницею.

Драма этого времени, за исключеніемъ вышеупомянутаго Тыла, не представляетъ очень крупныхъ писателей. Болѣе другихъ выдавались: Янъ *Непомукъ Штепанекъ* (1783—844), плодовитый драматургъ съ народнымъ направленіемъ (его пьесы: *Осада Праги Шведами* (*Obležení Prahy od Svedův*), *Брѣтиславъ*, *Хорутане въ Чехіи*; весьма любима была его *veselohra* (комедія) „*Čech a Němec*“; *Вачеславъ Клицкера* (1792—859) также плодовитый писатель (до 50 пьесъ!), но болѣе даровитый: его пьесы (и *truchlohry*, т. е. трагедіи, и *veselohry*) отличаются уже извѣстными литературными достоинствами и внутреннимъ интересомъ. Изъ нихъ извѣстны болѣе другихъ трагедія „*Собѣславъ*“ и комедіи „*Дивотворный клобукъ*“ (шляпа) „*Роговинъ четверорогій*“, „*Жишковъ мечъ*“, „*Лгаръ и его родъ*“ и др., переведенныя и понѣмечки. Крайняя плодовитость мѣшала этому писателю внимательнѣе разрабатывать свои пьесы, тѣмъ болѣе что онъ писалъ и шутивыя стихотворенія и историческіе разсказы. Въ области историческихъ повѣстей извѣстенъ и сынъ его Иванъ, которому принадлежатъ повѣсти: „*Битва у Липанъ*“ и „*Чешти выгнанцы*“, довольно популярная въ Чехіи (см. „*Матице Лиду*“ за 1878 и 79 годы, гдѣ помѣщена эта повѣсть). Затѣмъ могутъ быть названы: *Іосифъ—Юрій Коларъ* (род. 1812 г.)—хорошій актеръ и переводчикъ „*Фауста*“ Гете и авторъ трагедіи „*Žižkova smrt*“, одно время запрещенной, а также произведеній „*Пражскій жидъ*“, „*Три фараона*“, „*Де(а)йте ми чамару*“ и другихъ комедій; Симонъ *Махачекъ*

(1799—846 г.), хороший переводчик Шиллеровой „Орлеанской дѣвы“ и Ифигеніи въ Тавридѣ“ Гёте и авторъ комедіи „Ženichove“, доселѣ держащейся на чешской сценѣ, и трагедіи „Zavř z Falkenšteina; Фердинандъ *Миковецъ* (1826—62 г.), рано погибшій писатель—его пьесы: „Zahuba (гибель) rodu Přemyslova“ и „Dimitri Jvanović“ свидѣтельствуютъ о недюжинномъ драматическомъ дарованіи; Францъ *Туринскій* (род. 1796 г. въ Подѣбрадахъ, ум. 1852 г.), другъ Юнгмана, болѣе, впрочемъ, обладавшій лирическимъ дарованіемъ, чѣмъ драматическимъ, почему и трагедіи его „Angelina“, „Virginia“ и драма „Pražane roku 1648“ мало отличаются сценическимъ движеніемъ.

Изъ писателей сатирико-юмористическаго направленія должны быть особенно указаны: *Лангеръ* Ярославъ (1806—46 г.) недолго работавшій на литературномъ полѣ, но возбудившій надежды соотечественниковъ своими „Селянками“, „Копривами“ (крапива) и „Рукописью Богданецкою“; вышеуказанный Православъ *Кубекъ* (см. 189 стр.); Яроміръ *Рубешъ* (род. 1814 г. умеръ 1853 г.), своими „властенецкими“ и шутивными стихотвореніями чрезвычайно содѣйствовавшій упроченію въ чехахъ національнаго сознанія (см. напр., его прекрасное стихотвореніе „Я Чехъ“, переведенное Н. Бергомъ, въ „Поэзіи Славянъ“) и ѣдко осмѣивавшій въ своемъ юмористическомъ журналѣ „Poleček, milovník (любитель) zřetlu (шутки) a pravdy“ нѣкоторыя неприглядныя стороны въ жизни своей страны.

Самый замѣчательный между поэтами этого направленія — *Карлъ Гавличекъ Боревскій* (1821 — 56), чрезвычайно даровитый писатель, честный публицистъ и неподкупно преданный своему народу дѣятель. Сначала онъ учился въ пражской архіепископской семинаріи но, по причинѣ разныхъ сатирическихъ стиховъ и другихъ выходковъ, долженъ

былъ оставить это заведеніе. Затѣмъ онъ въ 1842—4 г. жилъ въ Москвѣ въ домѣ Шевырева въ качествѣ домашняго учителя, и это личное знакомство съ русскою жизнью дало ему возможность потомъ трезвѣе смотрѣть на междуславянскія отношенія и менѣе увлекаться разными утопіями тогдашнихъ панславистовъ. Тогда же онъ перевелъ на чешскій языкъ нѣсколько повѣстей Гоголя. Съ 1848 года онъ съ огромнымъ, невиданнымъ ни до ни послѣ того, успѣхомъ велъ изданіе „Народныхъ Новинъ“, гдѣ чрезвычайно искусно защищалъ чешское дѣло и съ необыкновенною проницательностію раскрывалъ разныя вредныя для этого дѣла затѣи австрійскаго правительства.

Игра, впрочемъ, была чрезвычайно опасна, и Гавличку пришлось сначала выдержать запрещеніе вѣзжать въ Прагу, затѣмъ вести изданіе еженедѣльнаго журнала „Славянинъ“ въ провинціи, именно въ Кутной Горѣ, и наконецъ отправиться и въ ссылку въ крѣпость Бриксенъ, въ Тироль. Тамъ его постигъ тяжелый недугъ, отъ котораго онъ и скончался. Ко времени ссылки относятся его превосходныя „Тирольскія элегіи“, переведенныя и порусски (Гильфердингомъ въ „Русскомъ Словѣ“ 1860, см. также въ его собраніи сочиненій, и Бергомъ въ „Поэзій Славянъ“; есть еще и *третій* переводъ—Минаева). Изъ другихъ произведеній Гавличка укажемъ на юмористическую легенду изъ русской исторіи „Крещеніе св. Владиміра“ (напеч. въ Прагѣ) и „Повѣсти, переведенныя изъ Вольтера“. (О Гавличкѣ см. Научный Словникъ а также „Освѣту“ 1872 г. № 5, 7 и 9. Собраніе его сочиненій (Sebrane Spisy) предпринялъ В. Зеленый въ Прагѣ 1870 г., и отсюда два письма Гавличка изъ Москвы переведены въ кіевскомъ Славянскомъ Ежегодникѣ 1877 г. стр. 177—90. Важнѣйшія статьи изъ „Народныхъ Новинъ“ собраны въ книгѣ „Duch Narodnich Novin“ Кутная Гора 1851 г.).

Вотъ для образца отрывокъ изъ „Тирольскихъ Элегій“ въ подлинникѣ.

О мѣсичку, вѣдь ты женске (женщинѣ)
Добрѣ знашь а вишь (вѣдаешь),
Якій съ ними чловѣкъ на томъ свѣтѣ.
Часто мива (имѣетъ) крижъ (крестъ).
Такъ съ (также еси) многого лоучені (разлуки)
Тайнымъ свѣдкомъ (свидѣтелемъ) былъ,
Ты знашь липъ (лучше), нежъ(-ели) каждый по-
вельста (сочинитель)

Горькость тѣхъ то хвилъ (минуть).

Матка, жена, сестра, дщерка

Мала Зденчинка

Стали около мнѣ въ тихомъ плачи—

Горька хвилинка.

Я йсемъ (есмъ) сице (правда) старый козакъ

Въ пѣтвахъ туженый (въ стычкахъ укрѣпленный),

Тенкратъ (тогда) йсемъ мѣлъ троху (немного) тѣ-
сна пѣрса (грудь)

А зракъ звалений (печальный, помутившійся)

Втискнулъ йсемъ си (себѣ) подѣбладку (шапка осо-
баго рода)

Сильнѣ до чела,

Абы се тѣмъ полицайтумъ (полицескимъ) слѣза

Не заблѣштѣла,

Небъ (ибо) ти вшицни (всѣ) ближе двери

Посудъ стали стражъ,

Абы ймѣла тато смутна сцена

Цисарску стафажъ (фигуры въ картинахъ)

Трубка брѣшти (свистить) кола (колеса) гърчи
(гремать),

Ъдемъ къ Йиглави;

Взаду, абы сме (чтобы мы) ниць(—чего) не стра-
тили,

Клушоу (скачутъ) жандармы.

Тенъ (тотъ) Боровскій костеличекъ

Стои на вършку,

Скръзе лѣсы смутне на мене гледи(тъ):

„Йси то (ты ли это), мой гошку (паренекъ)?

Поде мноу есть тва(-оя) колейка,

Я тѣ (тебя) видѣлъ крѣтитъ (крещаемаго),

Старему викари министровать (прислуживающаго),

Пилънѣ (прилежно) се учить“ и т. д.

(Болѣе отрывковъ приведено въ „Славянской хрестоматіи“, изд. Г. Воскресенскимъ, вып. III Москва 1884 г.).

Вообще тотъ здравый юморъ, образцы котораго мы находили въ немаломъ количествѣ уже въ древнюю пору чешской словесности (напр. Смилъ Фляжка), нашелъ себѣ хорошихъ выразителей и въ новое время; этотъ юморъ игралъ и играетъ важную роль въ исторіи общественнаго сознанія, оберегая общество отъ разныхъ вредныхъ и слѣпыхъ увлеченій...

КОСМОПОЛИТИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНІЕ ВЪ ЧЕШСКОЙ ПОЭЗИИ.

1848 годъ былъ дѣйствительно столь великимъ переломомъ и въ политической жизни и въ общественномъ сознаніи чеховъ, что весьма справедливо считается началомъ того направления, по которому съ указаннаго времени постепенно

стала направляться новѣйшая чешская словесность, и которое достигло въ наши дни высшей точки своего развитія, такъ что вызвало, наконецъ, даже отпоръ въ общественномъ сознаніи.

Направленіе это характеризуется оторванностью отъ родной почвы, отъ національнаго содержанія и народныхъ мотивовъ; „властенецтво“ играетъ въ немъ уже весьма незначительную роль, а зачастую и совсѣмъ отсутствуетъ. Въмѣсто него, да и вообще взамѣнъ положительныхъ идеаловъ, которые составляли содержаніе произведеній времени возрожденія и одухотворяли ихъ, налицо оказываются въ новѣйшихъ произведеніяхъ какая то разочарованность, нѣтъ и, если можно такъ выразиться, хныканіе и слезливый тонъ, нерѣдко смѣняющійся мрачнымъ отчаяніемъ. Поэты охотно изображаютъ удаленіе отъ человѣческаго общества, суетнаго, мелочнаго и полнаго всяческихъ предрасудковъ, на лоно природы и жизнь среди нея и съ нею, а также съ поэзіею объ руку. Содержаніе для произведеній охотнѣе всего берутъ они изъ міра великихъ общечеловѣческихъ преданій либо вообще изъ всемірной исторіи, причемъ иногда замѣтно обходятъ родные сюжеты... Правда, по широтѣ взглядовъ, возвышающихся до общечеловѣческихъ идей, по свободѣ и непринужденности ихъ выраженія эта новѣйшая поэзія составляетъ видимый шагъ впередъ, сравнительно съ своею предшественницею, поэзіею 20—40 годовъ; но зато въ ней непріятно поражаетъ во первыхъ указанная уже оторванность отъ родной почвы, а во вторыхъ отсутствіе извѣстной реальности, такъ сказать, тѣлесности изображеній, что, конечно, находится въ связи съ первымъ обстоятельствомъ; вмѣсто этой жизненности содержанія и внутренней теплоты, въ новѣйшихъ произведеніяхъ почти постоянно встрѣчаются проявленія какого то туманнаго и мистически выраженнаго романтизма, или даже, лучше ска-

затѣ, байронизма, и тонѣ, хотя блестящій, полированный, но вмѣстѣ поражающій своею холодною, неестественною, мертвенною. Здорово настроенный и жизненно разившійся человекъ будетъ чувствовать себя въ этой повѣи, словно на кладбищѣ; словно средѣ могилъ; только и отраднаго найдетъ онъ въ ней, что дивныя зачастую описанія явленій и картинъ природы, но и отъ этой природы нѣрѣдко несетъ кладбищенскою зеленю, могильнымъ запахомъ кипарисовъ. Конечно, и среди произведеній этой новѣйшей повѣи найдетъ немало исключеній, принадлежащихъ перу людей, живучесть которыхъ дозволяла имъ нѣсколько вырваться изъ-подъ указки господствующаго направленія и жизненныя возбужденія ставить выше мрачнаго отрицанія, но я говорю объ общемъ тонѣ, общей окраскѣ, въ которой представляется новѣйшая школа поэтовъ и беллетристовъ; а эта окраска, этотъ общій тонъ именно таковы.

Было естественно, что чешская словесность пошла послѣ 1848 года именно по такому пути, и это явленіе вполне законно и исторически объяснимо; если теперь въ чешской критикѣ и литературѣ раздаются голоса, недовольные этимъ направленіемъ и призывающіе дѣятелей своей словесности къ сближенію съ жизнью, къ воодушевленію явленіями національной жизни и разработкѣ сюжетовъ изъ родной дѣйствительности, къ отысканію, наконецъ, твердой почвы для своей дѣятельности и оставленію прежняго беспочвеннаго направленія, — то и это не противорѣчитъ нашей мысли; оно доказываетъ только, что въ чешской литературѣ наступаетъ или уже наступила пора благотворнаго перелома, и что прежнее направленіе, имѣвшее во всякомъ случаѣ извѣстный смыслъ въ своемъ существованіи, отжило свой вѣкъ и должно отойти въ область исторіи, какъ отошелъ туда же и періодъ мечтательнаго властенецтва. *Suum cuique*, и исторія обыкновенно не спра-

пиваетъ насъ о нашемъ сочувствіи или несочувствіи. (См. напр., критическую статью Елиз. Красногорской о новой чешской словесности въ „Часописѣ“ за 1877 годъ и ея же статьи въ „Освѣтѣ“ за 1878, 1879 годы).

Разсматриваемое нами теперь направленіе чешской словесности есть всецѣло плодъ политическихъ событій 1848 года, когда чешскіе патріоты извѣрились въ своихъ властеницкихъ мечтаніяхъ, а суровая дѣйствительность иногда слишкомъ грубо давала знать о себѣ (Вспомнимъ хоть судьбу бѣднаго Гавличка!). Реакціонное давленіе, упавшее, какъ снѣгъ на голову, со стороны австрійскаго правительства на чешскій народъ и его политическія судьбы, придушило на время и литературу съ ея властеництвомъ; и когда эта литература пробудилась отъ своего невольнаго усыпленія, она заплѣла совсѣмъ другія пѣсни, заговорила другимъ языкомъ, представилась совсѣмъ въ иномъ видѣ.. Она явилась съ тѣми отличительными чертами, о которыхъ сказано выше.

Поэзія явилась съ содержаніемъ общечеловѣческимъ и даже иногда безжизненно-космополитическимъ, стала служить зачастую индивидуальнымъ выраженіямъ извѣстной личности, вмѣсто прежняго служенія общественнымъ цѣлямъ, достигала нерѣдко замѣчательной глубины и широты идей, но зато, повторяю, оторвалась отъ почвы и разошлась съ народной чешской массой, сдѣлавшись въ значительной мѣрѣ прихотью отдѣльных интеллигентныхъ личностей. Народу до нея нѣтъ никакого дѣла, и онъ живетъ самъ по себѣ, а поэзія тоже сама по себѣ. Разумѣется, въ этомъ вина не ея, а историческихъ условій существованія чешскаго народа; зато теперь, съ появленіемъ въ чешской литературѣ благотворной реакціи, она, можно думать, соединитъ въ себѣ выработанную въ новѣйшее время склонность къ широкимъ общечеловѣческимъ обобщеніямъ и глубинѣ содержанія съ жизненностью и ре-

альностью сюжетовъ; разработка родной дѣйствительности поможетъ этой литературѣ крѣпкими узами связать свое существованіе съ чешско-народнымъ, оно же и славянское, дѣломъ и его интересами, и тогда она предстанетъ во всеоружіи жизненной силы и крѣпости и въ высшей степени блестящей формы, которая явится тоже наслѣдіемъ разсматриваемаго направленія.

Въ самомъ дѣлѣ, произведенія разсматриваемаго направленія почти всегда отличаются, при извѣстной отвлеченности и рефлексивности содержанія, чуднымъ по своей звучности стихомъ, роскошными поэтическими красками и образами и превосходными описаніями, особенно въ области изображенія красотъ природы; и это крупное достоинство въ сущности звучитъ рѣзкимъ диссонансомъ, рядомъ съ вышеозначеннымъ содержаніемъ рефлектирующе—философскаго свойства, и составляетъ, такъ сказать, трагическую сторону поэтическихъ произведеній новѣйшей школы.

Сама школа несомнѣнно явилась съ одной стороны подъ вліяніемъ указанныхъ политическихъ обстоятельствъ, обезкуражившихъ чешскій народъ, а съ другой—вслѣдствіе новыхъ вѣяній, философскихъ и поэтическихъ, наводнившихъ въ это время Европу и ея литературу. Я говорю о господствѣ въ ней поэтической школы Виктора Гюго, безотрадныхъ положеній такихъ мыслителей и поэтовъ, какъ Шопенгауэръ, Леопарди, Гартманъ; эти то новыя вѣянія, соединившись съ безпощаднымъ отрицаніемъ Байрона, произведенія котораго въ это время также были усвоены чешской литературой, и широтою шекспировскихъ поэтическихъ изображеній, и составили главные условія для созданія новаго направленія въ развитіи новѣйшей чешской поэзіи.

Зачатки этого направленія, какъ это обыкновенно бываетъ съ ростомъ всякаго историческаго явленія, можно наблюдать еще у нѣкоторыхъ изъ поэтовъ прежней школы. Таковою, напр., была уже поэзія вышеупомянутаго Сабини (см. 195 стр.), но особенно Карла-Игнатія *Махи* (1810—36 г.). Этотъ даровитый поэтъ сначала усердно подражалъ Вальтеру Скотту, въ духѣ котораго написаны были имъ двѣ историческія повѣсти „Кривошлатъ“ и „Цыганы“. Но скоро впечатлительный поэтъ склонился болѣе къ Байрону и ударился въ поэзію мрачнаго разочарованія, для чего задатки были уже въ его характерѣ, весьма наклонномъ къ ѣдкому анализу дѣйствительности и къ неудовлетворенности ею, вследствие рѣзкаго ея разлада съ идеаломъ. Въ духѣ Байрона написанъ „Май“, главное произведеніе Махи, лирикоэпическаго характера, восторженно встрѣченное молодымъ поколѣніемъ, вопреки угрюмой воркотнѣ стариковъ. („Май“ изданъ былъ въ 1836 г. Полное собраніе сочиненій съ жизнеописаніемъ издано въ 1864 г.: „Sebrane spisy“ изд. Кобра). Такое же переходное положеніе къ новой школѣ занимаетъ въ чешской словесности и Іос. Вячеславъ *Фричъ* (род. въ 1829 г.) и (писавшій подъ именемъ Бродскаго), писатель съ чрезвычайно бурной жизнью и дѣятельностью; принимая дѣятельное участіе въ политическихъ судьбахъ своей страны и будучи въ добавокъ человекомъ крайнихъ мнѣній, онъ постоянно попадалъ то въ тюрьму, то въ ссылку, то, наконецъ, подъ запрещеніе оставаться въ предѣлахъ Австріи. Поэзія его полна, пожалуй, еще большаго разочарованія и разлада съ дѣйствительностью, чѣмъ поэзія самого Байрона, и одна изъ чешскихъ писательницъ Елизавета Красногорская въ статьѣ „*Obraz novějšího básnictví českého*“ едвали много преувеличила, когда сказала о немъ: это—,пржебайронованный Байронъ, пржедемонованный „демонъ“, мистичкій квасъ Красинскаго, Словацкаго и Гоцинскаго заровень“.

(вмѣстѣ) („Часопись“ 1877, 300 стр.). Изъ произведеній Фрича болѣе всего извѣстно „Упырь“ 1849, которое, вмѣстѣ съ альманахомъ „Лада Ніола“, изданнымъ въ 1856 г., особенно носитъ вышеуказанный мрачный демоническій характеръ. Кромѣ того, онъ писалъ и драмы, напр., „*Коханъ Ратиборскій, Гынекъ зъ Подъбрадъ, Сватошлукъ, Либушинъ судъ, Драгомира*. Въ 1861 году въ Женевѣ вышелъ его „Выборъ басни“ (стихотвореній).

Но дѣйствительными основателями и, такъ сказать, столпами разсматриваемой нами литературной школы являются собственно три лица: Витѣславъ *Галекъ* (1835—1874), Янъ *Неруда* (родился въ 1834 году и доселѣ живъ) и Адольфъ *Гейдукъ* (род. 1836 г., тоже живъ и доселѣ). Первый изъ нихъ происходилъ, подобно очень многимъ чешскимъ писателямъ, изъ низшаго сословія, но успѣлъ получить среднее и высшее образованіе; уже двадцати лѣтъ онъ выступилъ на литературное поприще съ довольно замѣчательною поэмой „Альфредъ“ и съ лирическимъ сборникомъ „Вечерни пѣснѣ“. Затѣмъ уже онъ каждый годъ дарилъ родную словесность какимъ нибудь новымъ произведеніемъ, какъ, напр., поэмы: „Мейрима и Гусейнъ“, „Красна Лейла“, „Черный Прапоръ“ (знамя) (1867) „Дѣдицове Биле(—ой) Горы“ (1869) „Дѣвче (и)зъ Татеръ“ (Карпаты) 1871, драмы: „Царевичъ Алексѣй“, (1860 г.), „Завишъ (и)зъ Фалькенштейна“, „Краль Вукашинъ“, баллады: „Фрайтръ Калина“, „Блазливый (Глупый) Янушекъ“; кромѣ того, въ прозѣ написанъ у него романъ „Комедіантъ“ и рассказы изъ народнаго быта („Погадки зъ наши(-ей) веснице“ (села); но эти произведенія, кстати сказать, довольно сентиментальныя, мало важны для оцѣнки литературной дѣятельности этого писателя: онъ весь со своимъ міросозерцаніемъ вылился главнымъ образомъ въ своихъ стихотворныхъ пѣсахъ и преимущественно въ лирикѣ и поэмахъ. На поэмахъ его, какъ онѣ вообще ни хороши по своей картинности и пре-

красному образному стиху, лежитъ общая печать резонирующаго и рефлексивнаго романтизма, выражающаяся, напримѣръ, въ совершенно излишнихъ фантастическихъ образахъ и аллегоріяхъ и недостаткѣ объективности и правдоподобія; оттого въ нихъ вообще мало реализма, и, напримѣръ, русскому читателю, избалованному реальными изображеніями Пушкина, Гоголя и пр., эти поэмы нерѣдко сильно претятъ, хотя по общему характеру многія изъ нихъ напоминаютъ восточныя поэмы Байрона или нашего Пушкина; такова, напр., поэма „Мейрима“, гдѣ изображаются геройскіе подвиги Гусейна въ битвахъ съ турками и его пламенная любовь къ плѣнительной Мейримѣ.

Наиболѣе отчетливо выразились существенныя свойства Галькова дарованія въ его лирическихъ сборникахъ и особенно послѣднемъ „Въ природѣ“, гдѣ общее содержаніе пьесъ, нерѣдко надоедающее однообразіемъ и состоящее въ изображеніяхъ ласкъ и печалей любви или высокаго назначенія поэтовъ, раскрывается въ прекраснѣйшихъ и нерѣдко глубокихъ художественныхъ частностяхъ, каковы, напр., чудныя описанія красоты и картинъ природы или внутренняго состоянія человѣка. Правда, что эти высокія поэтическія достоинства нерѣдко смѣняются скучнѣйшими отступленіями чисто рефлексивнаго характера, напр., разными странными и самонадѣянными предположеніями и пророчествами, но это то обстоятельство и придаетъ имъ особенную цѣну: словно путникъ встрѣчается въ пустынѣ съ оазисомъ, набрасывается на нихъ неистово читатель и вкушаетъ за свое долготерпѣніе сугубое удовольствіе... Съ этимъ явленіемъ, впрочемъ, намъ придется встрѣчаться почти у всѣхъ поэтовъ новѣйшей чешской школы, а особенно у Верхлицкаго, о которомъ ниже. Приведемъ для образца нѣкоторыя мѣста изъ Гальковой лирики („Себраше

списы“ (собрание сочинений) Галька выходятъ съ 1878 года издѣвѣніемъ книготорговли Грегга, подъ редакціей Ферд. Шульца. Статьи т Галькѣ см. въ „Освѣтѣ“ 1878 г., 868—874 стр. и 1879 г., стр. 582—592. Кромѣ того, мелкія сочиненія Галька, напр. его „Гуморескы“ (Ктеракъ (какъ) се панъ Сухій розгнѣвалъ на свѣтъ, 2) Млада вдова а старый младенецъ (холостякъ) 3) „Погадка о одномъ клобуку“, были помѣщаемы въ Кобровой „Ustředni (срединная) Knižovna“).

Вотъ какъ смотритъ, напр., Галькъ въ одной изъ своихъ „вечернихъ пѣсней“ (48) на поэта, который и у него, какъ и вообще у романтиковъ, является пророкомъ, учителемъ правды, добра и красоты:

Помегаемый (благословенный), енжъ (который) помазанъ

На пѣвце(—а) рукоу Панѣ (Бога);

Онъ въ суды божьи нагледнулъ (заглянулъ).

И въ ли(ю)дскихъ ня(ѣ)деръ банѣ (глуби).

Онъ зна(етъ) тенъ (тотъ) велький свѣту жалымъ
(псаломъ)

И спѣвъ, ейжъ (который) спива (поетъ) птаче(шка),

Онъ сръдце тлукѹмъ (біеніе) розуми(—ѣтъ),

Къды (когда) плеса (радуется, собств. пляшетъ) и
къды плаче(тъ)

Цо (что) инымъ ли(ю)демъ таемствимъ (тайна),

То прѣдъ нимъ розестрѣне (раскрыто),

Онъ вѹдцемъ (служить вождемъ) ли(ю)ду божьего

До земѣ заслибене(—ой, обѣтованной).

Онъ кралемъ велькихъ кралѣвстви,

Онъ кнѣземъ (служить священникомъ) ли(ю)дства
спасы,

А цо въ немъ лежи(тъ) покладѹ (сокровищъ),

Йсоу(суть) несконале(—ой, безконечной) красы.

Сколько мнѣ кажется, на этомъ стихотвореніи русскому читателю особенно удобно прослѣдить основной характеръ всей вообще новечешской поэзіи, насколько онъ, разумѣется, выразился у ея родоначальника; для этого ему стоитъ только сравнить приведенное выше стихотвореніе Галька съ такими же у Пушкина и Лермонтова („Пророкъ“). При сравненіи невольно бросится въ глаза туманность выраженій и иногда ихъ изысканность, а также какой то крайній идеализмъ чешскаго поэта и напротивъ отчетливость, ясность выраженія, простота и реальность требованій, задаваемыхъ „пророку“ русскими поэтами. Это обстоятельства весьма знаменательно и, разумѣется, коренится на неодинаковыхъ историческихъ условіяхъ новѣйшаго существованія обоихъ народовъ.

А вотъ мѣсто изъ стихотвореній „Въ природѣ“, гдѣ вычурность образовъ и изысканность и туманность выраженій еще болѣе бросаются въ глаза:

Ве (въ) вонне(-ой, пахучей) басни (стихотвореніи)

вѣѣтомлунне луки (двѣторѣчиваго луга?!!)

Ве свѣтѹ ночнихъ (б)лесклемъ (блестящемъ) вырону

Я читамъ(-ю) законы вшехъ (всѣхъ) законѹ,

Ежъ (которые) вышли (и)зъ природы правѣчне(-ой)

руки.

А птакѹ спѣвныхъ (пѣвчихъ) птащекъ) звукосниве

бѣдно (дно, почва)

Мотыля vznikъ (возникновеніе), народѹ(-овъ) заникы

(извечновеніе)

А ли(ю)дства пле(я)сѣ и болю(-и) выкрики —

То законѹ тѣхъ писмо еномъ (лишь, однимъ) едно

(одно)....

Иногда поэтъ обнаруживаетъ и крайнее пренебреженіе въ человѣческой мудрости и заявляетъ, что полевой цвѣтокъ

для него всегда былъ выше всѣхъ Соломоновъ, на что можно разумѣется, съ полнымъ правомъ сказать: какъ для кого! или: о вусахъ не спорять! Вотъ примѣръ:

Нехть (пусть) змудрѣли (мудрые) се гадаи(-ють,
спорать)

О письмены(-ахъ) а о законы:

Мнѣ польни квитко было вѣды

Надъ крале и надъ Соломоны!...

Какъ Галекъ главнымъ образомъ подвизался на стихотворномъ поприщѣ, такъ *Неруда* болѣе извѣстенъ въ области изящной чешской прозы и можетъ даже считаться въ ней, такъ сказать, главнымъ преобразователемъ и родоначальникомъ новѣйшей беллетристики. Родился онъ въ Прагѣ и тамъ же получилъ низшее и среднее образованіе, впрочемъ, въ нѣмецкомъ народномъ училищѣ и нѣмецкой же гимназіи на Малой Странѣ (часть Праги за Вальтавой), гдѣ учился чешскому языку у вышеупомянутаго поэта Православа Кубка; кончилъ курсъ онъ уже въ Старомѣстской гимназіи, которая въ то время была преобразована изъ нѣмецкой въ чешскую. Потомъ онъ учился праву, преподавалъ чешскій и нѣмецкій языки въ высшей нѣмецкой реальной школѣ и тогда же выступилъ и на литературное поприще. Первые стихотворенія свои онъ помѣстилъ въ 1854 году въ „Люмиръ“ за подписью Янка Говора; затѣмъ вышелъ его сборникъ „Кладбищенскіе цвѣты“ (64 стр. въ 16-ю долю л.), а въ 1860 году его стихотворенія и комедія „Жена милуетъ сѣрднатость“ (мужество) напечатаны были въ альманахѣ „Май“, который онъ издалъ въ сообществѣ съ Фричемъ, Галькомъ и Баракомъ. Тогда же онъ началъ вести фельетонъ послѣдовательно въ изданіяхъ „Часъ“, „Гласъ“ и „Народны Листы“ (съ 1865), и въ этой области имѣлъ необычайный успѣхъ, такъ что за нѣкоторыя

вещи (на пр. Търгани (вищие босаки), чешскіе критики причисляли его къ гениальнымъ жанристамъ! Съ 1876 года начало выходить собраніе его фельетоновъ. Въ шестидесятихъ же годахъ онъ участвовалъ въ „Чешскоморавской повладницѣ“ (сокровищница), въ разныхъ альманахахъ, въ „Родиной хроникѣ“, одно время имъ же редактированной, въ „Юмористическихъ листахъ“ въ „Квѣтахъ“, въ „Люмиръ“, который онъ возобновилъ въ 1873 г. вмѣстѣ съ Галькомъ и пр. Стихотворенія его вышли томикомъ въ 233 стр. (въ 12-ю долю) подъ названіемъ „Книги вершѣ“, 2-е изд. 1880 г. Плодомъ путешествій его по Австріи и востоку, начатыхъ еще во время студенчества и продолжавшихся въ 1863 году, явились „Různi lidé (разные люди) и „Obrazy z ciziny (чужбины) въ 1872 году. Изъ драматическихъ произведѣній Неруды, кромѣ вышеупомянутой комедіи, отмѣтимъ еще трагедію „Франческа ди Римини“ и „веселогры“ (комедіи): *Женихъ зъ гладу*, *Продана ласка*, *я то не йсемъ*, полная неподдѣльной веселости и юмора. Въ 1878 году вышли его „Малоостранске повидки“ —одно изъ лучшихъ его произведѣній. Любопытны также его „Арабески“, гдѣ, напр., встрѣчаемъ двѣ пьесы на мотивы обломовщины и онѣгинщины (2-е изданіе вышло въ 1880 г.). Изъ произведѣній лирико-резонирующаго характера отмѣтимъ слѣдующія: „Жена“, „Мъртва невѣста“, „Коловратекъ“ (прялка), „Водникъ“ (водяной), „Дивокый (дикій) звукъ“ и особенно прекрасный стихотворный сборникъ „Писнѣ космичке“, напоминающія Гальковъ сборникъ „Въ природѣ“, но съ содержаніемъ астрономически-космографическимъ (Разборъ „Космическихъ пѣсенъ“ съ небольшими извлеченіями см. въ книгѣ „Этюды изъ области новой чешскої литературы“, А. Степовича, вып. I, стр. 55—63, Кіевъ 1884 г. или въ „Славянскомъ Ежегодникѣ“, вып. 5; Кіевъ 1882 г.) Въ самое послѣднее время (въ 1884 г.) Неруда предпринялъ прекрасное изданіе

„Поэтичке бесѣды“, выходящее небольшими книжечками страницъ во сто или и болѣе и заключающее въ себѣ новѣйшія произведенія лучшихъ современныхъ чешскихъ поэтовъ. Нерудѣ тамъ принадлежатъ „Баллады и романсы“ (число 1-е), „Просте(—ые) мотивы“ (число 5-е) и др. (См. „Извѣстія Петербургскаго Славянскаго Общества“ 1886 г. № 1, 86—87 страница).

Что касается общаго значенія Неруды въ чешской литературѣ, то чешская критика—самаго высокаго мнѣнія о немъ. Его просто считаютъ чешскимъ Боккачю, творцемъ новой чешской прозы. Стихотворенія его также очень цѣнятся, хотя во многихъ изъ нихъ находятъ мало непосредственно вдохновенія и наоборотъ много придуманнаго; рефлексивный элементъ также немало портитъ ихъ. Нужно замѣтить, что Неруда далеко не сразу занялъ выдающееся мѣсто въ чешской литературѣ: лѣтъ двадцать боролся онъ съ презрѣніемъ а иногда и съ ненавистью педантовъ-критиковъ, прежде чѣмъ, наконецъ, его признали образцомъ и величайшимъ мастеромъ чешской прозы, легкой, гладкой, изящной.

Въ образецъ поэзіи Неруды приводимъ его замѣчательную „Балладу о души(—ѣ) Карла Боровскаго (Гавличка). („Поэтичке Бесѣды“ число 1-е).

По лучинѣ (лугу) слъзъ а вде(о)ху

Шли двѣ душе(-и) въ пыльномъ (прилежномъ) спѣху.

За нима(-и) палъ (же) трјеті(а) душе(-а)

Грји(ѣ)шна душе тѣ(а)жде клуше(-тъ), бѣжитъ).

Къдыжъ (когда) ажъ къ раи(-ю) доступали,

На дверје тамъ заклепали (постучали).

„Встаньте, Петрје, съ кли(ю)чемъ идѣте,

Кдо то тлу(тол)че(тъ), погледнѣте“.—

„Паве, йду(тъ) двѣ добре душе,

За нѣма вѣпакъ (однакоже) грѣшна вѣруше". —

— Двѣма добрымъ приступъ де(а)йте,

Вѣпакъ те(-ой) грѣшне(-ой) ницъ (ничего) не дбе-
йте (заботьтесь),

Укажете ѣи(ей) ширу(-окую) цесту (дорогу),

Куды (т. е. куда идти) къ пекельному мѣсту (—аду)"

Сотва (едва) вѣпхни (всѣ) сва(я)ти сполу (вмѣстѣ)

Къ златему засѣ (опять) сѣдди столу,

Ужъ засѣ знѣи(-ють, звучать) падне раны (тяже-
лые удары):

Бухъ, бухъ! одъ небаске браны (воротъ).

„Встаньте, Петрѣ, съ кличемъ идѣте,

Кдо то глuche, погледѣте!"

Е(сть) ту(тъ) засѣ та душе грѣшна,

Зарпутила (упрѣмая), тузе (очень) пышна,

Опира(-еть) се цѣлымъ тѣлемъ,

До вратъ нашихъ буши(—тъ, колотить) челемъ
(лбомъ)".

— Гнедѣ (сейчасъ) ѣи (ее) одтуд(а) выпроводѣте,

До (въ) пропасти мнѣ ѣи (ее) сгодѣте (угодите).

Годѣте ѣи тамъ властни (собственно) руко(-ю),

Атъ (пустъ) се се(о)тка (етъ, встрѣтится) съ пекель
(ада) муко(-ю)".

„Не такъ, не такъ, милый сыну,

Одпусть грѣшне(-ой) души(-ѣ) вѣну!"

„Зептей се (спроси) ѣи, матко мѣла (обращеніе Сы-
на Божія къ Богородицѣ),

Доброго цо (что) учинила!

(С)коли(б)къ(о) сва(я)тѣу посвѣтила,

Коликъ па(я)ткѣ(-овъ, пятницъ) постемъ ц(ч)тила,

Зда ли так(ж)е молитбичку
Посылала ку небичку?“ (Воссылала ли молитву къ
небу)

— Я йсемъ (есмъ) сваткѣ не свѣ(я)тила,
Ани паткѣ не поцтила,
Еномъ (только) одну молитбичку
Послала йсемъ ку небичку“—

„Теды (ну, такъ), душе, пѣенѣ (хорошо) клекни
(стань на колѣни)

Молитбичку сву(-ою) намъ рјекни (скажи)“!

— Святый Ене зъ Непомуку (Янъ Непомукъ осо-
бенно уважаемъ чешскою церковью)

Държъ надъ нами Чехы(-ами) руку,

(Что) бы намъ Бугъ далъ, цо (что) далъ тобѣ:

Нашъ бы языкъ не сгнилъ въ гробѣ!—

Усма(ѣ)лъ се панъ Іежишъ троху (немного усмѣх-
нулся):

„И ну—е(сть) то дивне, гоху, (парень)!

Але(но) прједцъ (все же) та молитбичка

Помата(етъ) ти (тебѣ) до небичка.

Сѣдни (сядъ) ведлѣ (возлѣ) тамъ те(-ой) вдовы,

Атъ (пустъ)ти, зачъ(-ѣмъ) семъ (сюда) прјишла, по-
ви (скажетъ)“.

„Альмужны (милостыни) йсемъ грешли (денежку)
дала)

Небещанко(-ю), небесною обитательницею йсемъ се
стала.

Грещличка, альмужна мала,

До рае(-я) мѣѣ (меня) помогала“.

Какъ видѣть читатель, трудно отказать этой сатирической балладѣ въ извѣстной ѣдкости и остроуми; вмѣстѣ съ тѣмъ „властенецкій“ и неукротимый духъ Карла Гавличка отмѣченъ въ ней замѣчательно правдиво и выпукло! (Жизнеописаніе Неруды см. въ чешской энциклопедіи „Slovník Naučný“, а также въ Арбесовомъ „Календарѣ“ 1879 г. 84—7 стр. и въ „Свѣтозорѣ“ 1878, число 42),

Адольфъ Гейдукъ особенно извѣстенъ въ области чешской лирики, гдѣ нѣкоторые сборники его пользуются чрезвычайно громкою извѣстностью. Значеніе его, на мой взглядъ, еще въ будущемъ чешскословацкихъ отношеній, но о немъ во всякомъ случаѣ слѣдуетъ сказать подробнѣе.

Учился Гейдукъ въ чешской реальной гимназіи въ Прагѣ въ то знаменательное время, когда послѣ политическихъ бурь, обезкуражившихъ чешскій народъ, въ литературѣ наступило полное затишье, но въ гимназіяхъ за нѣмецкими книгами готовились новые могучіе дѣятели на мѣсто сошедшихъ или сходявшихъ въ могилу старыхъ. „Около 1852 года, говоритъ г. Фердинандъ Шульцъ: пражская старомѣстская гимназія была *колыбелью* новѣйшей чешской словесности. Я сидѣлъ вмѣстѣ съ Пфлегеромъ въ седмомъ классѣ; въ восьмомъ Винцентъ Бендль (переводчикъ изъ Пушкина), Іос. Коларъ, Богумиль Янда (писатели историческихъ поэмъ и романовъ, второй особенно останавливался на времени Короля Юрія Подѣбрада) и др. два года уже вели рукописный беллетристическій ежедневникъ „Зорю“, а въ шестомъ классѣ Галекъ собралъ въ своемъ рукописномъ журналѣ другія опять молодыя силы; въ нашемъ, седмомъ, классѣ было также свое изданіе „Йи(ю)трѣнка (заря)“. Въ этой же гимназіи кончилъ курсъ тогда же и Неруда... Словомъ, время было дѣйствительно любопытное!... По окончаніи высшаго образованія, Гейдукъ сдѣлался профессоромъ реальной гимназіи

въ г. Писекъ на Отавъ, гдѣ состоятъ таковымъ и донинѣ. Уже въ альманахѣ „Май“ появлялись его стихотворенія, но настоящую извѣстность составилъ ему явившійся въ 1859 году сборникъ стихотвореній, гдѣ находились, между прочимъ, прекрасныя и въ высшей степени огненныя и страстныя „Цыганске(-ія) мелодіе(-и)“, быть можетъ, вывезенныя изъ путешествія по словацкой землѣ, которую поэтъ такъ любилъ и такъ любить доселѣ воспѣвать. Послѣ къ этимъ цыганскимъ пѣснямъ сочинилъ музыку извѣстный чешскій композиторъ Карлъ Бендль. Вотъ, напр., одна дышащая страстью „мелодія“ (№ 51 по изданію 1859 года):

„Ты ма(моя) рѹже (роза) тмава (мрачная, темная),
Якъ йеемъ (есть) про тѣ (тебя) плакалъ,
Къдыжъ (когда) тѣ моц(-щ)ный магнать
За Дунай вылакалъ (завлекъ)!
Ты ма г(в)ѣздо (пре)красна,
Якъ съ (еси) ми (миѣ) драгоу была,
Докудъ йси (еси) магнатска
Пърса (грудь) не здобила (украсила).

Хороша также и мелодія № 2 й „Ай Дунаи(ю) быстрый, ярый“ отдающая яркимъ народнославянскимъ характеромъ.

Въ 1865 году появился второй его поэтический сборникъ въ двухъ выпускахъ, изъ которыхъ первый большею частью занятъ такъ называемыми „Южными звуками“, навѣянными на поэта путешествіемъ его въ Италію (отмѣтимъ особенно пьесы „Въ садѣ“, „Дане слово“, „При свадьбѣ“ и др.). Вотъ, между прочимъ, прехорошенькая пѣсенка изъ этихъ „звуковъ“.

Мое(и) пи(ѣ)сиѣ(-и), мале писиѣ
Вечерній йсо(-ю) (суть) тихій ванекъ (вѣтерокъ),

Небе(о)мъ дан(и)ый, поутканный (сотканный)
(И)зъ желю (жаль, печаль) небо (или) (и)зъ радо-
ванекъ(-стей).

Мое писнѣ, мале писнѣ,
Кратичне (короткія), якъ живобыті(е, жизнь),
(И)гра(и)ве(-ня), праве(-ня), усѣдаве (горячія),
Таке(-ія), якъ ихъ сѣрдце цити (чувствуетъ).

Затѣмъ уже въ 1873 году вышли „Лѣсни квити“ (лѣс-
ные цвѣты), стихотворенія, поражающія силою любви къ при-
родѣ, а черезъ два года лирикоэпическая поэма „Милота зъ
Дѣдиць“ (въ „Люмірѣ“). Наконецъ въ 1876 году. появились
замѣчательныя поэтическія картины природы и жизни „Сло-
венска“ (земли словаковъ), перлъ поэзіи Гейдука, „Цимбалъ а
Гусле“ (кимваль и скрипка), состоящія изъ восьми отдѣловъ
(см., напр., дешевое изданіе Кобра, 1876 года 383 стр., съ
объясненіями словацкихъ словъ). Поэтъ въ чудныхъ образахъ
изображаетъ красу словенскаго края и вмѣстѣ, бѣдность и
жалкую нищету и угнетенность его кроткихъ и поэтическихъ
обитателей и, движимый жалостью и человѣколюбіемъ, призы-
ваетъ чеховъ и словаковъ къ согласію, равно спасительному
для обоихъ народовъ:

„Край то пѣкный (прекрасный), уй!

Богъ (е)го опатруй (обереги)!

Колеми до вола (кругомъ) самый сквостъ (блескъ,
роскошь)

Ахъ еномъ (только) хлѣбика нени достъ (нѣтъ вдо-
сталь),

А (и) ли(ю)дъ тенъ (тотъ) нени (не) свѣтъ

Или же: Писни (пѣсня) е(сть) ту(тъ) свѣтло (свѣтъ), писни
е ту въздухъ,

Писни е ту ви(ѣ)ра, писни е ту бѣгъ.

Писни—емне (нѣжное) сѣрдце, писни-сладка рѣчь,

Вшецко (все)—писни, вшецко, шкода (жаль), же
(что) и мечъ!

Иной разъ поэтъ скорбитъ, что словакъ, этотъ пѣвучій
человѣкъ, провозгласающій:

„А трѣба (нужно) тамъ конецъ хлѣба а живота
(-зни),

Вшецко ми (воз)награди(тъ) едне (одной) писнѣ
(пѣсни) нота!“

что онъ недостаточно твердо даетъ отпоръ онѣмеченію и
омадьяриванью; впрочемъ поэтъ утѣшаетъ словаковъ: „вѣр-
ни ди си (себѣ) будемъ, часъ (время) насъ освободи(тъ)“ и,
повторяю, въ единоклѣпніи словаковъ и чеховъ, „Подтатранска
(Татры-Карпаты) съ Полабиной (Лаба-Эльба)“ видитъ един-
ственное средство помочь дѣлу:

Та мадьярска вольность тлачи(тъ, толчетъ, давить)
Тижи(тъ, тяготить) главу, пѣрса (грудь) ужи(тъ,
сѣуживаетъ),

—Силу, силу!— Словакъ тужи(тъ)

А та сила кѣды (когда) се врати (воротится)!

Свой ажъ (нога) буде къ св(о)ему стати

А въ (о)чаровну(-ательную) красу сплыноу(-тъ, со-
льются)

Подтатранско съ Полабино(-ю)“!

И поэтъ на дѣлѣ выполняетъ свои же слова: онъ съ нѣж-
ною любовью относится къ поэтическому языку бѣдныхъ сло-
ваковъ и щедро пересмѣиваетъ свою рѣчь словами и выражені-
ями его, такъ что, какъ уже было выше сказано, къ нѣко-

торымъ его произведеніямъ прилагаются объясненія словацкихъ словъ, иногда въ нѣсколько страницъ.

Въ 1877 году въ „Люмірѣ“ появилось эпическое стихотвореніе „Писень (пѣснь) о битвѣ у Крессенбрунну“, а въ 1878 году въ „Свѣтозорѣ“—„Магометъ II-й, (и)звѣсть(-іе) (и)зъ Оріенту“ (востока), гдѣ изображены послѣднія судьбы южнаго славянства подѣ давленіемъ свирѣпой руки магометанъ.

Въ 1879 году вышелъ „Дѣдѣвъ отказъ“ (завѣщаніе) — иносказательная поэма, гдѣ изображается облагораживающая сила красоты природы, поэзіи, которая „ве(во)снѹ(-ѣ) енѣ (только) пѣвце(-а) облета(етъ) перути (крыломъ) народни(-ой) писни“, когда поэтъ „ен(-а) слова доемна (плѣнительныя) въ здѣдѣне(-ой, унаслѣдованныя) домади(-шніа, родныя) гуслички вложи(тъ)“. „Дѣдѣ“—народный геній—научаетъ, какъ видитъ читатель, поэта волшебной музыкѣ, тѣмъ не менѣе разладъ съ жизнью, неудовлетворенность, тяготѣющія надъ поэтомъ, то и дѣло связываются въ разныхъ мѣстахъ поэмы. Въ томъ же году вышли „Дудакъ“—шутливая народная повѣсть, гдѣ воспроизведены разныя народныя пляски,—и идиллія Ольдрихъ и Божена“, помѣщенная сначала въ „Освѣтѣ“ за 1879 г., а затѣмъ въ Нерудиныхъ „Поэтицкихъ Бесѣдахъ“ за 1883 годъ, число второе. Въ „Освѣтѣ“ же за 1880 годъ появился и „Држеворубецъ“ (дровосѣкъ)—стихотворная повѣсть, гдѣ изображено неожиданное горе, постигшее нѣсколько простыхъ человѣческихъ сердець послѣ кратковременнаго счастья, изъ которыхъ одно, именно самъ дровосѣкъ, надъ послѣднимъ гробомъ, ужасной утратою, все же имѣетъ еще мужество взывать „къ праці, къ праці (къ работѣ)! на что поэтъ въ свою очередь отвѣчаетъ:

„Нехъ (пустъ) тѣ плаче(тъ)! Вишь (знаешь), кѣде вше
(все) се зтради (утратилось),

По (что) ли(ю)дство трје? (требуеть) Енѣ. (лишь) въ
праци, въ праці“!

(Отдѣльное изданіе „Древѣрубца“ вышло въ 1882 г.).

Въ 1881 году въ „Квѣтахъ“, а затѣмъ въ Шимачковой
„Кабинетной Книговиѣ (библіотекѣ)“ вышла лирическая поэма
„Подъ Витковымъ камнемъ“, гдѣ герои, какъ и въ „Древѣруб-
цѣ“ и въ „Дѣдовомъ отказѣ“ изображены живущими одною
жизнью съ природою, которая, какъ говорить одинъ изъ нихъ,
„енѣ съ то е(сть), существуетъ лишь затѣмъ“:

Абы (чтобы) за(из)цѣлила милоу рукоу

Споры сѣрдыци(-ецѣ), кѣтера(-ня) жалеѣмъ пукоу (раз-
биваются)“...

Основная мысль этой поэмы—тайны женскаго сердца,
эта очаровательная непроглядная пропасть,

(И)зъ низѣ (которой) гнедѣ (то) сборки (хоры) херубу
(херувимовѣ) се звездну (поднимаются)
Гнедѣ (то) тлумѣ (толпа) бѣсу, божемъ повѣржен(н)ый
(низвергнутый).

Въ томъ же году вышла въ „Освѣтѣ“ и затѣмъ въ 1883
году издана Шимачкомъ отдѣльно съ рисунками историчес-
кая поэма „За ви(ѣ)ру а(и) вольность“, изъ смутнаго вре-
мени чешской исторіи, послѣ Бѣлогорской битвы; величествен-
ная фигура благороднаго Гануша изъ Ричанѣ производитъ на
читателя весьма сильное впечатлѣніе.

Въ 1882 году въ „Освѣтѣ“ же явилось большое стихотво-
реніе „Бѣла“ съ удачными вставками прѣстонароднаго харак-
тера, а въ слѣдующемъ—прекрасный сборникъ стихотвореній
„Въ затишѣ“, роскошно изданный послѣ книгопродавцемъ Отто.
Сборникъ этотъ, касающійся поэта, его жены Милушки и до-
чери Дили, изображаетъ въ аркахъ образахъ, чуднымъ сти-

хотъ семейное счастье и имѣть, кажется, автобіографическое значеніе...

Наконецъ въ 1884 году вышли еще три стихотворные сборника: „Горіецъ и сѣрдечникъ“ (названія растений), „Писнѣ“ (въ „Новой библіотекѣ“ Вилимка) и „На прѣсткахъ (прѣлкахъ)“, изъ которыхъ послѣдній особенно отличается идиллическими изображеніями изъ дѣтскихъ воспоминаній и народнымъ характеромъ, а первый—чуждыми изображеніями Шумавскаго края (Böhmerwald, Чешскій лѣсъ, горы на западной границѣ Чехіи) и „властенецкимъ отношеніемъ къ нему“.

Грудь се шири(тъ), сѣрдце буши (бѣтса)
Око тугоу блиска,
Мышленки ми лѣтноу души(-ѣ),
Радость въ нядру (нѣдрахъ) выска (ликуеть)

До Шумавы, до Шумавы
Съ панемъ Богемъ, свѣте!

Шумава грезитъ о томъ времени, когда

„Рѣчь ту чарозвуку (очаровательную, т. е. чешскую)
Пѣлну красъ и вѣдку (прелести),
Яку слыхала йсемѣ
За давнего вѣку,
Яку слыхала йсемѣ
Въ потѣше(-хѣ) и труду
Бѣды, ахъ, бѣды (когда) йи (ее) засе (опять)
Деннѣ слыше(а)тъ буду (вмѣсто нѣмецкой)!

Гейдукъ писалъ и въ прозѣ. Въ образцовомъ географическо-этнографическомъ изданіи „Чехы...“ онъ роскошно изобразилъ столь знакомый ему шумавскій край; тутъ его пролическое изложеніе мало чѣмъ отличается отъ поэмы... Быть

можетъ, о Гейдуку сказано у насъ уже слишкомъ много; но, кажется, это можно извинить, во первыхъ вслѣдствіе огромнаго количества написанныхъ Гейдукомъ произведеній, о которыхъ въ русской литературѣ, вѣсти сказать, почти ничего неизвѣстно, а вторыхъ по причинѣ ихъ необыкновенной красоты и изящества, невольно увлекающей читателя. Этотъ поэтъ еще однако далеко не закончилъ своей дѣятельности и, вѣроятно, подаритъ еще чешскую словесность не однимъ роскошнымъ произведеніемъ. (О Гейдуку см. „Свѣтозоръ“ 1877 г. число 7-е (жизнеописаніе) и 1876 г. ч. 6, а также „Освѣту“ 1879 г. — разборъ нѣкоторыхъ произведеній. См. также брошюру К. Прокопа „О баснищкѣ чинности (поэтической дѣятельности) Ад. Гейдука 1885 г.).

Прежде чѣмъ говорить о наиболѣе выразительномъ представителѣ этой эпохи Ярославѣ Верхлицкомъ, укажемъ еще нѣкоторыхъ болѣе мелкихъ лирическихъ поэтовъ; таковы: Іос. Вячеславъ *Сладекъ* (род. 1845 г.), Елизавета *Красногорская* (род. 1847 г.) и Рудольфъ *Покорный* (род. 1853 г.). Первый извѣстенъ своими элегическими стихотвореніями, навѣянными пребываніемъ въ Америкѣ и воспоминаніями о родинѣ, а затѣмъ переводами изъ Байрона (см. его стихотвореніе „Зе живота“ въ „Поэтическихъ бесѣдахъ“ ч. 13). Вторая издала лирическія произведенія „Зъ мае(-я) житі(-я)“ 1870 г., „Зе Шума-вы“ 1873 г., драматическую поэмѣ „Пѣвецъ вольности“, тексты въ операхъ Бондла и Сметаны, нѣсколько недурныхъ рассказовъ и повѣстей (см. напр. число 7 за 1865 г. „Либупи“, издавія „матицы бабавы а вѣдѣні(-я)“, гдѣ помѣщены три повѣсти) и прекрасныхъ критическихъ очерковъ (особенно въ „Освѣтѣ“ и „Часописѣ“). См. также ея „Влаштѣвички“ въ „Поэтическихъ Бесѣдахъ“ ч. 12).

Наконецъ даровитый Покорный, редакторъ юмористическаго журнала „Палечекъ“, извѣстенъ „властенецкими“ сти-

хотвореніями „Зъ ярнихъ (весеннихъ) луговъ“ 1873 г., сборникомъ „Баснѣ“ (стихотворенія) 1877 г. и „Подъ чesкимъ небомъ“ 1878 г. Кромѣ того, можно еще назвать Ладислава *Кеиса* (его сборникъ „Зъ руху“ т. е. движенія, отличается также властенецкимъ чувствомъ; затѣмъ въ „Поэтицкихъ бесѣдахъ“ ч. 6, помѣщены его баллады).

Эмиль Богущъ Фрида, извѣстный въ литературѣ болѣе подѣ псевдонимомъ Ярослава Верхлицкаго, родился въ 1853 году въ Лунахъ, гдѣ отецъ его занимался торговлею и откуда послѣ переселился въ Сланое. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ домѣ своего дяди Антонина Коляра, священника въ Овчарахъ, близъ г. Колина, куда мальчикъ, часто прихварывавшій, былъ отправленъ для поправленія здоровья. Домъ дяди, гдѣ хозяйничала достопочтенная матушка его, бабушка нашего мальчика, вполне замѣнилъ для этого послѣдняго отцовскій домъ.

Подъ руководствомъ дяди мальчикъ получилъ и первое литературное развитіе, а также былъ подготовленъ въ гимназію, куда и поступилъ десяти лѣтъ отъ роду. Гимназическій курсъ онъ проходилъ послѣдовательно въ Сланомѣ, Прагѣ и Клатовахъ.

Въ свободныя часы молодой гимназистъ старался знакомиться съ великими европейскими литературами и еще въ среднихъ классахъ началъ упражняться въ сочиненіи трагедій и другихъ поэтическихъ произведеній, но эти опыты постигла печальная участь: они были отобраны практикомъ-отцемъ, не одобрявшимъ сыновнихъ глупостей, и изорваны въ клочки.

Университетскій курсъ пришлось ему проходить съ обыкновенными для недостаточнаго студента затрудненіями въ дѣлѣ и выбора любимыхъ занятій и болѣе или менѣе законченнаго ихъ выполненія. Такъ, ему пришлось сразу же почти поступить въ богословскую семинарію для приготовленія къ

духовному званію, отсюда, впрочемъ, скоро по болѣзни и другимъ обстоятельствамъ ему пришлось выйти. По окончаніи философскаго курса молодой Фрида принялъ мѣсто воспитателя въ семействѣ графа Монтекукулли-Ладерки и пробылъ годъ на родинѣ графа, въ Италіи. Это пребываніе въ прекрасной, чудной странѣ не могло не отразиться на поэзіи Верхлицкаго, и многіе изъ его дивныхъ стиховъ навѣяны именно всей роскошью природы этой поэтической страны ¹⁾. Возвратившись въ началѣ 1876 года въ Прагу, Верхлицкій сначала былъ помощникомъ учителя въ одномъ заведеніи, а послѣ секретаремъ въ чешской политехнической школѣ.

Печатать началъ Верхлицкій очень рано. Уже въ 1870 году въ „Свѣтозорѣ“ явились два стихотворенія его „Опущенный“ (покинутый) и „Въ бѣриѣни“ (бронѣ), написанныя имъ еще въ седьмомъ классѣ гимназіи. Эти первыя произведенія молодой поэтъ—гимназистъ долженъ былъ скрыть подъ псевдонимомъ и, выбравши себѣ прозвище Верхлицкаго, постоянно имъ уже подписывался. Скрыться подъ псевдонимомъ было для него необходимо въ силу гимназическихъ порядковъ и требованій. Съ этихъ поръ произведенія съ именемъ Ярослава Верхлицкаго являются въ разныхъ журналахъ все чаще и чаще; скоро изъ нихъ составилось нѣсколько довольно большихъ сборниковъ, состоящихъ какъ изъ оригинальнаго матеріала, такъ и изъ переводнаго. Раньше всего явился сборникъ „Зъ глубинъ“ (разборъ его русскій читатель найдетъ въ книгѣ „Этюды изъ области новой чешской литературы“ А. Степовича, Кіевъ 1884 г., а также въ „Кіевскомъ Славянскомъ Ежегодникѣ“ вып. 6 1884 г.) Затѣмъ „Сны о штѣсти“, „Баснѣ эпикке“ (Эпическія стихотворенія); „Витторіа Колонна“ произведеніе съ содержаніемъ изъ жизни знаменитаго худож-

¹⁾ Специально изображенію картинъ итальянской природы и впечатлѣніямъ, производимымъ ими, посвящено его произведеніе „Рокъ на ѣмѣ“ (Годъ на югѣ).

ника Микель-Анджело; „Духъ и свѣтъ“ (въ концѣ 1877 года), „Симфоніи“ (въ 1878 году) и затѣмъ еще цѣлая масса другихъ произведеній. (Напр., „Миѣы“, вышедшіе въ 1879 году въ двухъ частяхъ, „Эклоги а писнѣ“, „Доймы (впечатлѣнія) а розмары (прихоти)“ (въ Салонной библіотекѣ, ч. 17), „Нове эписке баснѣ“ (Салонная библіотека ч. 18), „Пути къ Эльдораду“, „Гиляріонъ“, „Перспективы“ (эпическія стихотворенія), „Сфинксъ“ (лирическія), „Поэзіе италъска нове(-ой) doby (поры, 1782—1882) г. и пр. и пр. Критики просто еле успѣвають слѣдить за этимъ необычайно плодовитымъ поэтомъ... Какъ переводчикъ, Верхлицкій извѣстенъ тѣмъ, что ознакомилъ чешскую публику съ множествомъ превосходныхъ стихотвореній и новеллъ французскихъ и итальянскихъ; особеннымъ уваженіемъ пользуется его сборникъ избранныхъ произведеній Виктора Гюго и Леопарди (знаменитаго итальянскаго поэта—пессимиста); а также антологія новаго періода французской поэзіи. Извѣстно также, что ему принадлежитъ и прекрасный переводъ „Божественной комедіи“ Данта, изданный въ Прагѣ въ 1880 году.

Такая плодовитость, почти необыкновенная для тридцатилѣтняго возраста, тѣмъ еще удивительнѣе, что она идетъ вовсе не въ ущербъ превосходному качеству его произведеній, въ чемъ сознаются почти всѣ чешскіе критики, не исключая и рецензентовъ ученаго журнала „Часопись“. Быстрота творчества и сила его и напряженность, казалось, росли параллельно и нисколько не мѣшали другъ другу. Вотъ причина того необыкновеннаго вниманія, какимъ пользуется въ чешской литературѣ имя Верхлицкаго и того превознесенія его, даже, можно сказать, преклоненія, какое обнаруживается зачастую въ чешской критикѣ, по отношенію къ этому писателю. Очень многіе изъ критиковъ признали его не только главою новой чешской поэзіи, но даже поэтомъ общевро-

пейскаго, слѣдовательно, всемірнаго значенія. 1) Это послѣднее обстоятельство, впрочемъ, отвергается нѣкоторыми болѣе осторожными и компетентными знатоками дѣла (въ русской литературѣ, напр., отрицателемъ такого значенія Верхлицкаго выступилъ извѣстный нашъ авторъ „Исторіи славянскихъ литературъ“ А. Пыпинъ), тѣмъ не менѣе необычайная сила и яркость таланта Верхлицкаго не подлежитъ никакому сомнѣнію. Богатая фантазія, глубина воззрѣній, яркость образовъ (впрочемъ, значительно теряющаяся иногда, благодаря чрезчуръ отвлеченному содержанію) и, наконецъ, не подлежащее никакому сомнѣнію удивительное совершенство формы — все это дѣлаетъ чешскаго поэта писателемъ дѣйствительно первостепеннымъ, заслуживающимъ самаго серьезнаго вниманія со стороны русской публики. (О Верхлицкомъ см. „Vel. ků Slov. Kalendář“ 1879 г., „Světozor“ 1878 г. число 37 (жизнеописанія). „Osveta“ за 1870 г. I (разборъ) и др.)

Изъ самыхъ новыхъ произведеній Верхлицкаго, кромѣ тѣхъ, которыя постоянно попадаютъ въ періодическихъ изданіяхъ, особенно иллюстрированныхъ, отмѣтимъ во 1-хъ пьесы, помѣщаемыя въ упоминавшихся уже „Поэтицкихъ бестѣдахъ“ напр., „Старе(ое) (и)звѣсті(-е) число 4-е), гдѣ, по обычаю поэтовъ новой школы, любящихъ широкія міровыя темы, поэтически охвачены всѣ главнѣйшіе моменты и лица исторіи человѣчества, начиная съ Маѹсаила и кончая 1794 годомъ, а затѣмъ стихотворенія „Гудба (музыка) въ души(-ѣ), см. 10 ч. „Кабинѣтной книговы“; во вторыхъ поэмѣ „Твардовскій“, вышедшую въ Прагѣ въ 1885 году изданіемъ, увеличеннымъ дѣлою новою пѣснью и прологомъ; въ этомъ произведеніи можно видѣть попытку, мало удачную, впрочемъ,

¹⁾ Напр. г. I. Дурдякъ въ англійскомъ „Athenaeum“ за 1878 г. № 12, 28 стран.

воспроизвести славянского Фауста по народнымъ польскимъ сказаніямъ.

Своими „Мивами“ и, пожалуй, „Твардовскимъ“ Верхлицкій показаль, что можетъ вдохновляться темами не только космополитическими, міровыми, но и національными чешскими и общеславянскими. Такой поворотъ дѣла нѣсколько обрадовалъ было чешскую критику (См. „Освѣту“ 1879 г. ч. I); но во первыхъ это случилось уже сравнительно нѣсколько поздно, именно послѣ огромной массы произведеній „міроваго“ характера, а во вторыхъ Верхлицкій въ сущности и доселѣ еще не сталъ на твердую почву народности, славянства и вообще дѣйствительности и продолжаетъ творить и въ прежнемъ направленіи. Вотъ почему, для характеристики этого поэта, возведеннаго чешской критикой въ міровые гении, приходится пока останавливаться именно на произведеніяхъ этого прежняго направленія, которыхъ, въ сущности, у него—болѣе всего. Намъ кажется, послѣ болѣе или менѣе основательнаго ознакомленія съ этими произведеніями, что два сборника въ особенности хорошо характеризуютъ этого поэта и, собственно говоря, изчерпываютъ собою всю суть его міровоззрѣнія и поэтической исповѣди. Это именно—„Зъ глубинъ“ и „Духъ и свѣтъ“. Такъ какъ обстоятельная оцѣнка перваго сборника была уже представлена въ русской литературѣ (см. выше), то, сказавши о немъ нѣсколько существенныхъ словъ, я прямо перейду ко второму.

Въ основаніе сборника „Зъ глубинъ“ посвященнаго, къ слову сказать, памяти Витѣслава Галька, положено тоскливое признаніе непрочности всего въ этомъ мірѣ, сознаніе тягости одиночества и скорби, остающейся въ душѣ послѣ умершей любви, указаніе на гнетъ тягостныхъ и докучливыхъ думъ о смерти и пр. Преобладающая чертъ всѣхъ этихъ стихотвореній—глубокій, болѣзненноѣдкій анализъ явленій духовна-

го міра челоуѣка, философскаго „я“, анализъ, проникающій въ самую глубь тайниковъ души и продѣлываемый поэтомъ со всѣмъ пыломъ его страстной души подъ вліяніемъ тѣхъ либо другихъ впечатлѣній отъ явленій внѣшняго міра, природы, философскаго „не-я“; вотъ почему всѣ стихотворенія основаны на сближеніи, сравненіи внѣшняго міра и внутренняго, при чемъ первыя имѣютъ служебное, объяснительное значеніе. Русскому читателю, воспитанному на Пушкинѣ и Гоголѣ, не можетъ не бить въ глаза что то болѣзненное въ этой поэзіи, ультраидеальное, навѣянное безнадежными положеніями философіи Шопенгауэра, Леопарди и др. Приведемъ для образца отрывокъ изъ стихотворенія „Белладонна“, эпиграфомъ къ которому взяты строки изъ Лермонтова: А миловать на часъ—то не вѣчный трудъ, а миловать вѣчнѣ—льзе нени. (Любить... но кого же? на время не стоитъ труда, а вѣчно любить невозможно... „И скучно и грустно“).

„Тень нудный животь (эта скучная жизнь)—праздна
(пустая) гостина (пиръ, угощеніе),

Прѣи кѣтере(-ой) еномъ (только) гладъ а живень (жажду)
цितिшь (чувствуешь),

Кѣде цитѹ (чувствѣ) пламень(-мя), кѣтерый згасина
(гаснетъ)

Про (для) вѣчность никѣды(-когда) не рознитишь
(раздуешь);

Кѣде найдешъ цитѣ на конци(-ѣ) запасу (борьбы),

Кѣдыжъ зъ руки слабе(-ой) выпаднуль мечъ тобѣ;

Кѣде квѣты(ц—), ежъ (которые) йси(еси)хѣтѣль митѣ
(имѣть) до власѹ,

Выросту(тѣ) въ посмѣхъ на тв(о)емъ гробѣ.

Начѣ(—что) теды (же) (о)коль(-о) м(о)е(й) скранѣ (вис-
ка) отачи (окружаетъ)

Тв(о)а(я) рука ласки рѣжи (розу) зєрѣвавѣлу (окрова-
вленную)

Начѣ запалѣ (восторгѣ) тенѣ? Миѣ слѣза достачи(тѣ,
достаточна)---

Я (у)спокоиѣ(-ксѣ) се съ иммортелю!

(74-я стр. по второму изданію 1882 года)

Второй поэтический сборникъ „Духъ и Свѣтъ“, посвященный авторомъ памяти своего отца, состоитъ изъ сорока пьесъ, составляющихъ, по основной, руководящей мысли одно цѣлое, но извнѣ распадающихся на четыре отдѣла, приблизительно соотвѣтствующихъ четыремъ главнымъ стадіямъ чело-вѣческаго развитія: ветхозавѣтной (библейской), эллинской, средневѣковой, новому времени. Сообразно этимъ основнымъ періодамъ исторіи чело-вѣчества, весь сборникъ, повторяю, состоитъ изъ слѣдующихъ четырехъ отдѣловъ: 1) Отгасы правѣка, 2) Гелленске мотивы, 3) Осѣ легенды стрѣдовѣчныхъ и 4) Проблемы. Кромѣ того, есть еще прологъ, которымъ открывається сборникъ, и эпилогъ, которымъ онъ заканчивается. Четвертая часть соотвѣтствуетъ своимъ содержаніемъ новой исторіи чело-вѣчества потому, что въ это время по преимуществу оно было занято рѣшеніемъ таинственнѣйшихъ загадокъ бытія и творенія, а эти загадки, въ особенности касающіяся жизни *духа* (иначе *я*), именно и составляютъ предметъ, о которомъ *поэтически трактуютъ* (именно *трактуютъ*, какъ мы увидимъ далѣе) всѣ пьесы послѣдняго отдѣла книги. По этой же причинѣ отдѣлъ этотъ наиболѣе соотвѣтствуетъ общему названію книги (*Духъ и свѣтъ*, т. е. *я*, какъ мыслящая субстанція, и *не—я*, вся остальная природа, находящаяся внѣ этого *я* и подлежащая его изученію и изслѣдованію), не-вполнѣ вѣжущемся со всѣми прочими отдѣлами. Зато наиболѣе

внутренней, а не только внешней, связи имѣютъ между собою пьесы первой части (*отголоски правька*), написанныя какъ бы по одному заранее намѣченному плану, слѣдовательно, носящія совершенно программный характеръ. Вотъ почему пьесы перваго отдѣла, преимущественно предъ другими пьесами книги, могутъ быть разсматриваемы и изучаемы, какъ *циклъ* стихотвореній, *тѣсно связанныхъ* между собою одной общей мыслью, правда, такъ сказать, частичной, по отношенію къ главной руководящей идеѣ всей книги, но зато наиболѣе, если можно такъ выразиться, ладающей съ этими стихотвореніями, сравнительно со всѣми другими въ книгѣ.

Сравнивая прологъ и эпилогъ, мы замѣчаемъ въ послѣднемъ болѣе поэтическихъ достоинствъ, не смотря даже на слишкомъ частое повтореніе припѣва (послѣ каждой строфы!):

О пріродо, на твои груди,
Въ твоихъ лѣсѣхъ гимнѣхъ вытѣзнѣ (въ побѣдномъ гим-
нѣ твоихъ лѣсовъ)
Вжды людскій духъ се къ праці взбуди,
Све боги налезне! (Всегда людской духъ возбудится
къ работѣ и найдетъ своихъ боговъ).

Этотъ назойливо звучащій припѣвъ, впрочемъ, можетъ намъ служить для освѣщенія основной точки зрѣнія поэта, которая нигдѣ въ сборникѣ не обнаруживается настолько ясно, какъ въ эпилогѣ, гдѣ, кромѣ припѣва, находятся еще слѣдующія выразительныя строки, раскрывающія вся тайная мышленія автора:

„Вше было южь. Цо прійить мѹже? (Что можетъ
еще прійти?)

Ать надъ брїегъ стрїикне дѣинъ проўдъ! (пусть выше берега брызнетъ волна исторіи!)

Мы къ братру братъ се тискнемъ ўже (прижмемся,
притиснемся) тѣснѣе,

Ажъ (пока), вольности! тва зквѣте рўже, (твой роза
разцвѣтеть)

А земѣ, мотыль, взлетне зъ поуты! (вылетитъ изъ
оковъ, путь)

Ве сьрдці вѣру въ лидства рае (въ рай челоувѣ-
чества)

Мы урвемъ дескы (доски) зе Синае

А склонени надъ Леты краемъ

Зрїть будемъ тише въ правды судъ“!

Послѣ тѣхъ обращеній, какія поэтъ отъ лица людей ве-
детъ къ солнцу, небу), слѣдуютъ такія рѣчи, обращенныя къ
землѣ и воздуху:

Мы рјекнемъ земли: Твое зрїдла (источники)

Йсоў (суть) зерцадлы енъ (лишь зеркала, отраже-
вія) нашихъ мѣстъ)

Мы рјекнемъ въздуху: Маме (имѣемъ) крїдла,

Цо зрїтельнице орла згидла (что увидѣлъ зрачокъ
орла)

Тамъ просторемъ до выше (выси) гвѣздъ (звѣздъ)!

А огни(-ю): Взтекъ (ярость) твой марнѣ (напрасно,
грози)

Спять (запраженный) свѣтемъ тагей наме возы
(тащи наши вагоны)

Где (вотъ) живли (стихи) другды (нѣкогда) земѣ
бози (боги земли)

Тедь (теперь) чьловѣка тронъ мусі (должны) несть!

Изъ приведенныхъ выписокъ можно видѣть довольно яс-
но тѣ выводы, къ какимъ пришелъ поэтъ, путемъ мучитель-

ной умственной работы старавшійся уяснить себѣ таинственнѣйшіе вопросы жизни и смерти, духа и природы и воплотившій эти свои думы въ изящную поэтическую форму.

Прежде всего любопытно то, что авторъ, озаглавивши свой эпилогъ „Незнымымъ боіумъ“, назвалъ его „гимномъ будущихъ поколѣній“ и, слѣдовательно, придавъ своимъ мыслямъ значеніе большой вѣроятности. Отсюда мы имѣемъ, кажется, право видѣть въ эпилогѣ какъ бы profession de foi автора. Обогащение природы и ея творческихъ силъ явствуетъ само собою изъ припѣва; затѣмъ можно замѣтить и почти полное отождествленіе духа и природы, напр., изъ слѣдующихъ мѣстъ:

„Мы диваме се до пріроды
Такъ тише, якъ въ своей груди;
По житі рухъ е(сть) (движеніе жизни), то йсоў сго-
ды (согласіе),
А крысталъ скалъ и крупѣй (капля) воды
Вше вола (воскликаетъ): Запланы! росты! и буды!
Кѣде таіу (таинъ) слѣдъ? а кѣдо се лека (боится)
Своу тугоу взлетнуть надъ чьовѣка?
Бугъ, мышленка, въ твемъ сьрдці чека (ждетъ),
Хѣде въ тобѣ всплатъ (запылатъ)—о взбудъ ей, взбуды!

Здѣсь все есть: и самосознаніе природы, выражающееся въ полномъ согласіи всѣхъ ея творческихъ силъ, и взаимное проникновеніе духа и міра, и обогащеніе этого духа... Прибавьте ко всему этому извѣстную долю мистицизма, которою приправлены поэтическія воззрѣнія автора—и суть міросозерцанія его станутъ достаточно ясной. Всякій замѣтитъ, кромѣ того, что нѣкоторая неопредѣленность выраженій автора, отсутствіе въ нихъ извѣстной отчетливости и устойчивости объясняется легко той поэтической оболочкой, въ кото-

рую онъ заключилъ свои мысли; вмѣстѣ съ тѣмъ всякій же безъ труда можетъ рѣшить, насколько онѣ заключаютъ въ себѣ реальныхъ основаній... Все это лишь гаданія, предположенія, словомъ сказать, *pia desideria* авторскихъ воззрѣній; только они выражены съ извѣстной увѣренностью и рѣшительностью, которая скорѣе приличествуетъ индуктивному изслѣдователю, чѣмъ дедуктивному мыслителю...

Впрочемъ, читателямъ, хоть нѣсколько знакомымъ съ исторіей философіи, извѣстно, что подобнаго рода увѣренность и безстрашіе въ своихъ положеніяхъ свойственны вообще всякимъ дедуктивнымъ и въ частности метафизическимъ школамъ; а потому нисколько не удивительно, если и нашъ поэтъ—философъ обладаетъ тѣми же качествами и безъ особенныхъ затрудненій пользуется ими въ своихъ поэтическихъ экскурсіяхъ въ область непостижимаго и таинственнаго, область глубочайшихъ загадокъ бытія. Чтобы покончить съ основными чертами міровоззрѣнія нашего поэта, приведемъ еще одну чрезвычайно поэтическую строфу изъ эпилога, гдѣ особенно рѣзко и открыто высказывается мысль о единствѣ творческой силы Духа и Мира, или даже о полномъ ихъ тождествѣ:

„Тыжъ бѣгъ, енжъ рано въ слѣнці златемъ
А вечеръ въ чипі ревы плалъ,
Къ намъ буде млѣвить штѣтцемъ, длатемъ
И ве басника оку взнатемъ
Ве буріи вълнъ и тиху скалъ.
Онъ заріне (заблеститъ) слѣнце будучности,
Онъ буде въ дѣтѣхъ невинности
А въ женахъ ласкоу, въ мужіхъ цѣности
А ве умѣні—идеаль!

(Т. е. тотъ же богъ, который пылалъ утромъ (собственно: рано) въ золотомъ солнцѣ, а вечеромъ въ чашѣ виномъ

(соб. виноградомъ), будетъ къ намъ молвить кистью (соб. щеточкой), рѣзцемъ (соб. долотомъ), и въ возвышеннымъ очахъ поэта, и въ бурѣ волнъ, и въ типичн. скалѣ. Онъ (т. е. тотъ же богъ) заблеститъ, какъ солнце, въ будущемъ (соб. будущности), онъ будетъ въ дѣтахъ невинностью и въ женахъ любовью, въ мужахъ доблестью и въ искусствѣ—идеаломъ!).

Это приведенное нами мѣсто изъ эпилога, какъ замѣтитъ, конечно, читатель, блещетъ всей яркой прелестью поэтическихъ средствъ, всей силой увлеченія и страсти, и въ силу этого способно произвести глубокое впечатлѣнiе, тѣмъ болѣе, что и сама мысль, облеченная въ эти чудныя, по своему изяществу, поэтическiя формы, чрезвычайно реальна по своей сущности, и способна удовлетворить въ этомъ отношенiи самаго предубѣжденнаго скептика. Жаль только, что у самого Верхлицкаго такъ нечасто встрѣчается подобное роскошное соединенiе чудной поэтической формы съ совершенно осязательною реальною мыслью...

Внимательный читатель не можетъ не замѣтитъ, что поэтически-философское міросозерцанiе нашего поэта, насколько оно выразилось въ разобранномъ только что нами эпилогѣ, всецѣло почти коренится на философскихъ построенiяхъ Шеллинга и его школы. Извѣстно, что, по ученiю этого мыслителя, внутреннiй нашъ міръ (микрокосмъ) по существу своему тождественъ съ внѣшнимъ (макрокосмомъ), такъ что на природу можно взирать, какъ на видимый Духъ, а на Духъ, какъ на невидимую природу. Вотъ почему, де, мы имѣемъ всѣ основанiя для того, чтобы открывать природу въ Богѣ, а Бога въ природѣ. Неодушевленное вещество есть не иное что, какъ погасшiй, если удобно такъ выразиться, духъ, и потому настоящiй мыслитель, философствуя о природѣ, силится произвести не что иное, какъ именно освобожденiе природы изъ объятiй мертваго механизма, въ который она какъ бы заклю-

чена; онъ, этотъ мыслитель, конечною цѣлью своего мышленія можетъ считать достиженіе возможности вдохнуть въ обездушенную природу, не—я, такъ сказать, свободу и тѣмъ предоставить ее законамъ собственнаго свободнаго развитія.

Разбирать подробно стихотворенія сборника „Духъ и Свѣтъ“ а не стану, такъ какъ это не можетъ входить въ нашу задачу и должно составить особую работу (мною уже готовится къ печати 2-й выпускъ „Этюдовъ“, гдѣ именно будетъ подробно разобранъ этотъ сборникъ, а также нѣкоторыя другія произведенія Верхлицкаго, Святополка Чеха и Гейдука); кромѣ того, суть дѣла, собственно говоря, уже и указана въ вышеприведенныхъ строкахъ. Теперь же замѣтимъ еще, что на этомъ сборникѣ, какъ, впрочемъ и на другихъ, критика замѣтила довольно осязательное вліяніе поэзіи Виктора Гюго, напр., его извѣстной „Legende des Siècles“. Нужно, впрочемъ, сказать, что вліяніе это вообще было благотворно для Верхлицкаго, ибо нерѣдко внушало ему чрезвычайно художественныя и живыя страницы вродѣ, напр., его стихотворенія „Первни (первый) Бѣгъ“ (см. во 2-мъ изданіи книги „Духъ и Свѣтъ“ 1882 г. 22-ю стр.) эпиграфомъ къ которому взято слѣдующее мѣсто изъ Шекспировой „Бури“, прямо относящееся къ содержанію и основной мысли его:

„Зѣвимъ ти каждый плоднѣй земѣ кутъ

А злибамъ шатъ твоѣ; просимъ, будь мымъ богемъ!

Т. е. (въ переводѣ Н. Сатина):

На островѣ тебѣ я покажу

Всѣ тѣ мѣста, гдѣ есть произрастенья;

Твои стопы я буду цаловать,

Лишь будь моимъ всецѣдрымъ божествомъ!

Въ стихотвореніи изображается моментъ появленія предъ вѣнцомъ творенія—человѣкомъ новосозданной ему жены и то

дивное впечатлѣніе, какое было произведено на него этимъ чуднымъ существомъ, представшимъ во всемъ величіи своей красы среди цвѣтущей роскошной природы. Результатомъ этого впечатлѣнія было то, что очарованный своей новой подругой человекъ палъ на колѣни предъ нею, обнималъ ея тѣло и твердилъ въ упоеніи: „будь мымъ богемъ!“, въ то время какъ сама природа тоже повторяла: „буди жъ маткою!“ И вотъ среди яркой роскоши рая поэтъ рисуетъ намъ милую сценку гармоническаго согласія въ природѣ, гдѣ

„Левъ гонбоу млы(й)се тулилъ къ шіи львице,

Надъ главою ихъ въ пісні птакъ льнулъ къ птаку,

А ласкою къ земі зпала вечернице.

Т. е.: Левъ, усталый отъ охоты, прижимался къ шеѣ львицы, надъ ихъ головой съ пѣсней пташка льнула къ пташкѣ, и любовью къ землѣ запылала вечерняя зорька.

Затѣмъ указывается значеніе женщины въ человѣчествѣ, ея „божественныя“ качества и достоинства и пр., напр., въ такомъ родѣ:

Твѣй (т. е. Евы) пѣрьсѣ есть мистицкы(й) а сваты(й)

калихъ (чаша),

Зъкадъ (откуда) нову силу житі (жизни) лідство
піе,

Ве добахъ (въ пору) снѣ и въ змѣнахъ часу сталихъ
(постоянныхъ)

Въ твѣхъ надрехъ (нѣдрахъ, груди) плалъ вжды
(всегда) оге(о)нь повзіе!

Очевидно, автору хотѣлось показать, какъ зародилось и въ чемъ первоначально выразилось поклоненіе человека божеству; какъ глубокой почитатель изящнаго въ природѣ, нашъ поэтъ вполне естественно рѣшилъ вопросъ вышеприведеннымъ

образомъ, т. е. призналъ первымъ божествомъ женщину, эту преимущественную выразительницу въ человѣчествѣ плодотворной силы природы, въ груди которой, кромѣ того, „всегда пылалъ огонь поэзіи“, какъ выражается нашъ авторъ. Нечего и говорить, что реальнаго значенія такое рѣшеніе любопытнаго вопроса не имѣетъ; по крайней мѣрѣ, слишкомъ рискованно было бы серьезно увѣрять, что женщина была дѣйствительно первымъ божествомъ для первобытнаго человѣка, или что, обоготворяя творческую силу природы, плодородіе, онъ въ основу этого обоготворенія положилъ культъ женщины... Историческія данныя, кажется, не даютъ никакихъ основаній для подобныхъ заключеній, по крайней мѣрѣ, относительнаго всего первобытнаго человѣчества, а не нѣкоторыхъ лишь народностей....

Послѣ всего сказаннаго читателю должно довольно ясно представляться значеніе Верхлицкаго въ новой чешской литературѣ: въ немъ ея новѣйшее направленіе достигло крайняго развитія, такъ что дальше идти уже некуда, и въ чешской словесности долженъ наступить наконецъ неминуемый поворотъ въ другую сторону. Совершенно вѣрно заключаютъ, что чешская словесность можетъ дѣйствительно, а не призрачно только, какъ было доселѣ, возвыситься до общечеловѣческаго значенія, лишь пройдши во первыхъ черезъ дѣйствительно широкое изученіе своей національной жизни, (какъ это, напр., случилось съ русскою словесностью), а во вторыхъ черезъ изученіе и прочное установленіе отношеній междуславянскихъ, гдѣ также немало найдется весьма благодарныхъ темъ для обработки ихъ поэтами. Нужно думать, что именно въ эту сторону и направится чешская словесность....

Выше было сказано, что Верхлицкій писалъ не только лирическія произведенія, въ которыхъ онъ первенствуетъ на чешскомъ парнасѣ, но и эпическія. Здѣсь многіе отдадутъ пальму пер-

венства другому корифею младшей поэтической школы чеховъ—
Святополку Чеху (род. 1846 г.).

Онъ родился въ Острѣдѣ, возлѣ г. Бенешова; по окончаніи гимназическаго курса въ Прагѣ, въ 1865 г., изучалъ право и сдѣлался адвокатомъ. Началъ онъ писать еще студентомъ, зъ этому именно времени относятся его „Кандіотки“ въ журн. „Квѣты“; „Халупка“, въ журн. „Рухъ“ и тамъ же „Гусита на Балту“, наконецъ, въ „Альманахѣ чешскаго студентства“ помѣщены были: „Бурје“ и сатирическое стихотвореніе „Въ клаштерниѣмъ склепѣ“ (въ монастырскомъ подвалѣ). Что касается дальнѣйшей его, такъ сказать, литературной карьеры, то она главнымъ образомъ проходила при редакціяхъ разныхъ изданій, гдѣ Св. Чехъ былъ то фельетонистомъ, какъ въ „Покрокѣ“, то членомъ редакціи, какъ въ „Свѣтозорѣ“, гдѣ, между прочимъ съ 1871 года появился цѣлый рядъ его юмористическихъ повѣстей, или въ „Люмирѣ“, гдѣ были напечатаны въ 1873 г.: одна изъ лучшихъ его поэмъ „Адамиты“, поэтически изображающая судьбу одного чешскаго религіознаго общества, имѣвшаго свое мѣстопробываніе на островѣ рѣки Нежарки и истребленнаго таборитами; а также повѣсть „Естрыабъ Гърдличка“; наконецъ съ 1879 года онъ началъ вести журналъ „Квѣты“. Изъ произведеній его, кромѣ вышеупомянутыхъ, укажемъ еще слѣдующія: „Снове“ (сны, въ альманахѣ „Май“ за 1872 г.), „Андѣл“ (въ сборникѣ „Баснѣ“ 1774 г.), „Нова сбирка вершованыхъ (стихотворныхъ) праці“ (работъ), гдѣ, кромѣ мелкихъ произведеній какъ „Жижка“, „Зимни ноцъ“ и др., находятся великолѣпныя поэмы „Европа“, „Черкесъ“ и особенно „Ве стину (тѣни) липы“. Въ этомъ послѣднемъ произведеніи, полномъ правды и веселости, изображается сосѣдская бесѣда подъ липою деревенскихъ людей: простодушнаго землепашца, подвижнаго политика-портнаго, одноногаго воина, зажиточнаго мельника и др.; каждый изъ нихъ рассказываетъ обстоятель-

ства своей молодой жизни, иной раз заходитъ рѣчь и о чужихъ краяхъ, причемъ одинъ хвалитъ ихъ, другой отчизну; наконецъ догадливый мельникъ предлагаетъ выпить за процвѣтаніе дорогаго отечества и произносить слѣдующее пожеланіе:

„Такъ, родный крайи нашъ, будь здоровъ намъ стало
(постоянно)!

Къ пышному к(ц)вѣту развѣйся далѣ!

Въ 1874 г. С. Чехъ совершилъ путешествіе на Кавказъ и, возвратившись черезъ Царьградъ домой, помѣстилъ свои путевыя впечатлѣнія въ фельетонахъ „Народ. Листовъ“. Въ 1885 г. эти поэтическия путевыя воспоминанія „Упомятки съ выходу“ (востока) вышли особой книгой (о ней см. „Слованскій Сборникъ“ за 1885 г. ч. 1). Въ 1882 г. была напечатана въ „Квѣтахъ“ великолѣпная поэма „Славіе(-я)“, а въ 1884 г. весьма хорошій поэтический рассказъ изъ чешской исторіи „Дагмаръ“ (обѣ поэмы помѣщены были также въ „Кабинетной книжкѣ“ Шимачеа, вып. I и VII—VIII, Прага 1884—1885 года); любопытна также и историческая поэма „Вацлавъ (и)ъ Михаловицъ“, напечатанная въ 1882 г. въ „Квѣтахъ“ и затѣмъ изданная въ 1885 году Шимачкомъ съ иллюстраціями Ад. Либшера; въ ней изображено тяжелое положеніе Чехіи послѣ 1620 г. Болѣе всего цѣнятся изъ названныхъ поэмъ „Адамиты“ и „Славіе“. Эта послѣдняя отличается замѣчательно здоровымъ всеславянскимъ чувствомъ и вообще свидѣтельствуетъ, что въ авторѣ ея мы имѣемъ дѣло съ поэтомъ, у котораго рефлексія и философія не заѣли трезваго отношенія къ явленіямъ чешской жизни и ея суровой дѣйствительности... На содержаніи и характерахъ „Славіи“ слѣдовало бы остановиться нѣсколько долѣе, если бы позволяло мѣсто, такъ какъ это произведеніе составляетъ положительно выдающееся явленіе въ новѣйшей чешской словесности; по крайней мѣрѣ, я по-

стараюсь указать коротко суть произведенія и главную мысль его (болѣе подробное разсмотрѣніе поэмы читатель найдетъ въ „Извѣстіяхъ Петерб. Слав. Общ.“ за 1886 г. въ моей статьѣ „Обозрѣніе новѣйшихъ явленій словесности чеховъ...“). Взаимныя отношенія славянскихъ племенъ, ихъ крайняя рознь и наклонность къ постоянной междоусобной враждѣ превосходно обрисованы въ poemѣ въ лицѣ главныхъ дѣйствующихъ лицъ: Ивана и Владимира (русскіе), графа и его дочери Ядвиги (поляки), Чеха, Сербѣ и пр. Иванъ влюбленъ въ прелестную польку, любовь увѣнчивается взаимностью, но она безысходна, вслѣдствіе несогласія на бракъ со стороны стараго графа, закоренѣлаго ненавистника русскихъ. Наконецъ запутанная любовная исторія благополучно разрѣшается на кораблѣ „Славія“, гдѣ случайно встрѣчаются всѣ дѣйствующія лица, во время ужасной бури, сопровождавшейся возмущеніемъ матросовъ противъ капитана. Дѣло въ томъ, что, когда въ критическую для „Славіи“ и ея пассажировъ минуту пришлось выбирать вождя, и голоса раздѣлились, причемъ, наприм., черногорецъ кричалъ: будь русъ намъ вѣдцемъ (вождемъ), а другіе, напротивъ, возглашали: „Не, лѣхъ ать (пустъ) в(о)еводи(ть) намъ!“, выступилъ старый графъ и обратился къ спорящимъ съ такими словами:

„Енъ (только) тихо, ать насъ глаголъ невызradi(тъ;
т. е. пустъ не выдадутъ насъ крики передъ
возмутившимися матросами)!

Йсемъ (есть) Руси непрытель; нежъ(но) въ тето
хвили (эту минуту))

Нехъ (пустъ) мълчи(тъ) споръ; кѣды (когда) сказа
(погибель) грози(тъ) вшемъ,

Кѣды на сполечне шкѣдце (общихъ враговъ) вшехны
(всѣ) силы

Намъ трѣба случить сворнымъ (союзнымъ) посту-
пемъ.

Онъ-ть (т. е. Русъ) сильнѣйшій есть, лѣпше (лучше)
лоди знамый

И морје(-я) того прїставѹ(-станей) а скали,
Нужъ, ать (пустъ) насъ веде(тъ), мы пакъ(же) свор-
нѣ за нимъ,

А Господинъ(-ъ) ать жегна (благословить) нашимъ
збранимъ (оружіе)

Послѣ выбора въ предводители Руса Ивана началась битва пассажировъ съ матросами, во время которыхъ Ядвига, спасаясь отъ атамана мятежниковъ Петра, бросилась въ море, но была спасена русомъ (Иваномъ). Битва окончилась поражениемъ мятежниковъ, примирениемъ графа съ Иваномъ и, конечно, бракомъ послѣдняго съ Ядвигою. При видѣ этой умилительной картины Чехъ произноситъ такіа восторженные слова:

„Якъ лузный (восхитительный) образъ! Кожъ и мат-
ка Слава

Такъ бързы (скоро) пожегна (благословить) двѹ(хъ)
дитекъ сгодѣ (согласіе),

Ежъ (которыхъ, т. е. дѣтей—русскихъ и поляковъ)
досудъ (доселѣ) дѣли(тъ) выгень (очагъ) заш-
ти (ненависти) драва (лютаа)

Къ непръатель(-ей) пле(я)су, къ ей(-я, т. е. Славы)
страсти(-данію), шкодѣ (вреду)!

О, хвиле прѣжадуци! (желанная минута), ажъ (когда)
се спои (соединиться)

Та вабна (привлекательная) Польска съ рускымъ
обремъ (великаномъ) (у)жаснымъ,

Не путемъ желѣзнымъ, ежъ (второе) серъдце дво-
и(тъ),

Нежъ (но) вольноу дружбоу, сва(я)земъ ласкы (пре)-
краснымъ!

Ажъ къ нимъ се примкну(тъ) въ сворности (союзъ)
стейне(-ой, равной)
Остатнихъ братьи(-евъ) давы (толпы) розерване,
Пакъ (и) слунце нове(-ой) doby (времени) свѣтодѣй-
не(-ой)
Надъ славскимъ луге(о)мъ дивулѣпѣ (великолѣпно)
взплане (запылаеть, засіаеть)!"

Наконецъ, въ Нерудиныхъ „Поэтическихъ Бесѣдахъ“ было помѣщено еще нѣсколько произведеній О. Чеха, напр., хорошенькая поэма „Лешетинскій Коваръ“, ч. XI, „Петрличе“ (скороспѣлки), ч. III и др. Всѣ стихотворенія этого писателя вообще пользуются у чеховъ чрезвычайною любовью именно за то, быть можетъ, что у него меньше, чѣмъ у кого либо изъ другихъ поэтовъ новѣйшей школы, космополитичности и рефлекса, отчего и произведенія его болѣе доступны среднему чешскому читателю, чаруя его и необыкновенною поэтичностью и въ тоже время большею, такъ сказать, осязательностью сюжетовъ.

Приведемъ для образца цѣликомъ одно изъ его стихотвореній, именно первое между его „Петрличами“:

Запрыгну я собѣ
До возу погадки (сказки)
Чътыри биле конѣ
На злате(мъ) опратки (возжи)—
Гей, гей, гей!
На стрѣбрънемъ возѣ
Злате рольнички (бубенчики)
Кола(-еса) перникова (пряничныя)
(И)зъ цукру (сахару) кольнички.
Съ Богемъ, вшедній (повседневный) свѣте!

Вынудилъ мнѣ дости (вдосталь)
Цопатый (волосатый) твой розумъ
Съ теткою розшафности(ю, рассудительностяю)—
Добрѣ се ту ймѣй!
Розвагу (разсчетъ) а мудрость
Ать (пусть) си(себѣ) ве(о)зьме(тъ) дясъ (дьяволъ),
Хъци (хочу) бытъ пошетилицемъ (глупцемъ)
Розпустилимъ засъ (опать).
Гея! до погады (сказки)
Въ бахорковомъ (сказочномъ) возѣ:
Ве стекленнемъ тамъ замку
На слѣпичи (журей) нозѣ (ножеѣ)
Кружи(тъ) чародѣй
Говоры(-ать) тамъ птацы(-шеи),
Цѣи (покутъ) к(ц)вѣтины,
На мотылехъ ѣзди(-ать)
Въздушнѣ(-ня) ди(ѣ)вчины.
Кдо (кто) е(сть) мысли стейне(-ой, одинаковой),
Ать семъ (сюда) на возѣ скочи(тъ),
А васъ, лич(и)ка гезка (прелестныя)
Черныхъ, модрыхъ (синихъ) очи,
Витамъ (привѣтствую) нейрадѣй.
Про (для) ста, про тисце
Дости(-аточно) ми(ѣ)ста въ немъ (т. е. возѣ),
Критику енъ (лишь) про Бугъ (ради Бога)
Не пустьте ми семъ (сюда)
Не пишу дьнесъ про (для) ни (нея),
Не хъци славы добыть,
Слоки(-ти, строфы) углазене
Взорнымъ (образцевымъ) ри(т)метъ здобить (укра-
шать),

Спрядать (прясть) важный дѣй (случай).

Хѣци енѣ литать модремѣ (въ синевѣ)

Вольнѣ, по хути (охотѣ)

Камо фантазіе

Блескне(тъ) перути (крыльями).

Коници(-ки) йижѣ (ужѣ) грабу(тъ, бьютъ копытами)

Златемѣ—подковками,—

Ну-же въ яро (весну) баскѣ (сказокѣ)

Летѣме влаштѣвками (ласточками),

Гейя, гейя, гей!

Возѣ ми блиска стрѣибремѣ,

Звони(-ятъ) рольнички,

Перникова кола,

Зѣ цукру кольнички.

Читатель долженъ видѣть изъ этихъ стиховъ, что автору ихъ нельзя отвязать ни въ здоровой веселости, ни въ пониманіи духа славянскаго сказочнаго мира..

Этотъ же писатель замѣчателенъ и своими романами, повѣстями и рассказами въ прозаической формѣ и въ этой области также занимаетъ выдающееся положеніе между всѣми современными чешскими писателями. Его „Повидки, арабески и гуморески“ (1878—80 г. три выпуска) обнаруживаютъ въ авторѣ замѣчательно даровитаго и остроумнаго беллетриста; что касается такъ называемаго юмора, то это качество является у Св. Чеха, какъ, впрочемъ, и у другихъ чешскихъ писателей, скорѣе синонимомъ обыкновенной невинной веселости, чѣмъ тѣмъ глубокимъ и сложнымъ чувствомъ, „смѣхомъ сквозь слезы“, каковымъ оно является у англичанъ (напр., Дикенсъ) и русскихъ (Гоголь). (Одинъ изъ небольшихъ рассказовъ Святополка Чеха „Слава“ явился и въ русскомъ переводѣ; см. альманахъ „Кіевлянка“ Кіевъ 1884 года). Изъ новѣйшихъ повѣстей г. Чеха отмѣтимъ довольно

крупное по своимъ художественнымъ достоинствамъ произведение „Кандидатъ несмъртельности (безсмертія)“ и нѣсколько мелкихъ разсказовъ, какъ „Наполеонъ“, „Эндиміонъ“ и др. (см. „Альбомъ вытечныхъ (превосходныхъ) повидекъ“, выходящій въ Прагѣ 1884 года, изд. Валечки).

Изъ другихъ эпическихъ писателей, менѣе извѣстныхъ, отмѣтимъ: Анталъ *Сташка* (онъ же Антонинъ Земанъ, род. въ 1844 г.) написавшаго недурной стихотворный романъ „Вацлавъ“, сборникъ „басни“ (стихотвореній,) а затѣмъ еще произведение, замѣчательное по удачному изображенію народной жизни, „Недоконченный образъ“, (см. еще его „Зъ добы (поры) табору“, 16. число „Поэтическихъ бесѣдъ“); затѣмъ Богумила Янду *Цидлинскаго* (1831—1875), извѣстнаго своею поэмою „Талафусъ (и)зъ Острова“ (1864), обнаружившею въ немъ прекрасное знаніе родной исторіи, хорошій слогъ и способность къ интересному разсказу. Онъ писалъ и хорошія историческія повѣсти, напр. „Подъ Вышеградомъ“, „за Кърчинъ Яромѣръ“, „Анна Мѣстецка а Бочекъ“ и др. Наконецъ можно упомянуть и о даровитомъ, но рано погибшемъ Вацлавѣ *Шольцѣ* (1838—1871); его поэмы: „Ускоки“, „Зпѣвы старовацлавскѣ“, „Наше халуки“ (хижинки), „Първосѣнки“ (скоропѣлки); о Юліи Вратиславѣ *Янѣ* (род. 1838 г., его сборникъ „Рѣженецъ“) и Владиміръ *Щастномъ* (профессоръ гимназіи въ Бърнѣ, род. 1848 года, его сборники: лирическихъ пьесъ „Квити маѣве (майскіе цвѣты) и эпическихъ: „Кытка (вѣнокъ) (и)зъ Моравы“, гдѣ воспроизведены народныя преданія и нѣкоторые историческія эпохи).

Что касается чешской беллетристики новаго времени, то она выставила вообще довольно многочисленную плеяду болѣе или менѣе крупныхъ писателей; если ей чего недостаетъ, то вовсе не литературныхъ дарованій, а скорѣе болѣе трезваго и реального отношенія какъ къ жизни и дѣйствительности, такъ и къ исторіи;

это, конечно происходит отъ того, что чешскіе беллетристы, въ этомъ отношеніи не далеко ушли отъ своихъ собратій—стихотворныхъ поэтовъ а, если и ушли нѣсколько, то, конечно, благодаря самой формѣ своихъ произведеній, не дающей слишкомъ улетать отъ дѣйствительности. Вотъ болѣе крупныя представители новой чешской беллетристики. Каролина *Свѣтлая* (родъ 1830 г.)—достойная преемница Божены Нѣмцовой. Лучшими изъ ея народныхъ повѣстей считаются: „Křiz (крестъ) и potoka“, „Černý Petříček“, Vesnický (деревенскій) roman“. „Několik (нѣсколько) arch (листовъ) z rodinné kroniky (изъ семейной лѣтописи). „Весницкій романъ“, а равно и повѣсть „Послѣдні(ая) пани Глоговска“, заслуживали бы перевода и на русскій языкъ (французскій переводъ напечатанъ въ Revue de deux Mondes“). Произведенія Каролины Свѣтлой выходятъ частью въ „Народной библіотекѣ“, частью издаются отдѣльно; нѣкоторыя небольшія повѣсти помѣщены и въ Оттовой „Лациной (дешевой) книгознѣ“ или въ Кобровой „Устрѣдни книгозна“, напр., числа 25 и 26, гдѣ помѣщена семейная „лѣтопись“. О самой писательницѣ см. „Освѣта“ 1878 г. II, „Квѣты“ 1880 г. ч. 2, „Свѣтозоръ“ 1880 г.).

Фердинандъ *Шумицъ* (род. 1835 г.) весьма извѣстенъ своимъ романомъ „Старый панъ (и)зъ Доманицъ“ (1878 г., см. „Матице лиду“), въ которой весьма типически воспроизведены картины сельской жизни. Ему же принадлежатъ и нѣсколько весьма хорошихъ историческихъ повѣстей и изображеній, напр., „Чешти выштеговальци“ (чешскіе выселенцы), „Петръ Хельчицкій“ (см. Матице лиду“ за 1876 и 1882 г.), „Зъ дѣинъ (исторіи) поробы(-щенія) ли(ю)ду въ Чехахъ“, въ „Освѣтѣ“ 1871 г. Любопытны также его „повидкы“ („Матице Лиду“ 1880 г.)

Алоизъ Вячеславъ *Шмиловскій*. (род. 1837 г.), нынѣ окружный училищный инспекторъ въ Литомышлѣ, составилъ

себѣ извѣстность во первыхъ лирическими и драматическими произведеніями, и во вторыхъ, что главное, своими деревенскими романами, каковы: *Кэмотръ* (кумъ) *Розумецъ*, *Мартинъ Олива*, *Крупаръ Клеобашъ*, *Старогорскій Философъ* (въ Освѣтѣ“ 1877 года); и др. особенность этихъ произведеній составляютъ разсыпанныя тамъ и сямъ здравыя наставленія и поученія. Но особенной популярностью въ чешской беллетристикѣ пользуется писатель болѣе молодаго поколѣнія Алоизъ *Йирасекъ* (род. 1851 года), чрезвычайно даровитый и вмѣстѣ плодovitый.

Алоизъ Йирасекъ родился въ Гроновѣ, небольшомъ городкѣ Чехіи. Гимназическое образованіе онъ началъ въ Брумовѣ, а закончилъ въ Кралёве-Градецѣ. Затѣмъ онъ поступилъ въ Пражскій университетъ и кончилъ курсъ наукъ по философскому факультету. Въ 1874 году онъ получилъ мѣсто профессора Литомышльской гимназіи, откуда перешелъ въ высшую реальную школу, въ томъ же городѣ Литомышлѣ. Тамъ онъ и доселѣ состоитъ преподавателемъ исторіи и географіи.

Писательская дѣятельность его началась уже съ 1871 г., когда онъ, еще двадцатилѣтній юноша, выступилъ съ довольно выдающимся произведеніемъ „Жена подлудникова“ (т. е. жена контрабандиста), напечатаннымъ въ извѣстномъ чешскомъ иллюстрированномъ журналѣ „Свѣтозоръ“. Съ той поры имя его встрѣчается почти во всѣхъ чешскихъ беллетристическихъ журналахъ (какъ „Свѣтозоръ“, „Люмёръ“, „Образы живота“, „Чешскій югъ“ и пр.), и его стихотворенія, повѣсти и рассказы сдѣлались любимымъ чтеніемъ чешской публики.

Вотъ указаніе его болѣе выдающихся произведеній: въ 1874 г. въ „Лациной Книговнѣ“ (т. е. Дешевой библіотекѣ) вышелъ его рассказъ изъ жизни горныхъ Чеховъ „Въ еусѣдствѣ“, а въ слѣдующемъ году была помѣщена въ „Женской би-

положеніе народа въ крѣпостничествѣ и стремленіе его сбросить съ себя это ненавистное состояніе, а во второмъ предлагается не менѣе яркое изображеніе внутренней жизни находскаго замка и его обитателей.

Изъ болѣе мелкихъ беллетристовъ извѣстнѣе другихъ слѣдующіе: Вячеславъ *Волчекъ*, редакторъ „Освѣты“ (род. 1836 г.), Юрій *Станковскій* (род. 1844 г.), Вячеславъ *Трѣбизскій* (род. въ 1849 г.), а затѣмъ Ю. Цейеръ, Дворскій фр., Струпежницкій Ладиславъ, Франт. Шубертъ, Венцеслава Лужицкая и др. Романы перваго, особенно изъ современной жизни, производили каждый разъ довольно выгодное для автора впечатлѣніе въ чешскомъ читающемъ обществѣ; таковъ, напр., „Вѣнецъ вавріиновый“ (лавровый), гдѣ изображено положеніе поэта-иделиста Блажея среди эгоистическаго и матеріалистическаго общества (см. „Освѣту“ 1872 г. и „Либушу“ 1877 г.; другой современный романъ былъ помѣщенъ въ „Освѣтѣ“ 1876 г.) Немалый успѣхъ выпадалъ также и на долю историческихъ повѣстей этого писателя: *Янъ Пашекъ зъ Врату*, *Ондржей Пуклице* (въ обѣихъ изображена жизнь чешскихъ городовъ XV—XVI в.), *Пани Лихницкая*. (XVI в.), *Янъ Швегло*, *Цтиборъ Глава*, *Далиборъ* и др. (Повѣсти Волчка помѣщались чаще всего въ „Народной библіотекѣ“, въ „Лациной книгоvnѣ“, въ „Свѣтозорѣ“, „Квѣтахъ“ и пр.) •

Кромѣ того, Волчекъ извѣстенъ и своими драматическими произведеніями, проникнутыми глубокимъ національнымъ чувствомъ. Изъ его трагедій лучшею считается „Елишка Премисловна“ (см. „Часопись Матице Моравскѣ“ 1878 г.); другія: „Премисль Отакаръ“, „Милада“, (см. XI ч. „Кабинетной книгоvnѣ“) „Власта.“

Станковскій, не совсѣмъ безупречный въ отношеніи слога, замѣчателенъ современными романами: „Милевскій реформаторъ“, гдѣ юмористически изображена жизнь современнаго филистерства,

Въ своихъ произведеніяхъ Ирасекъ почти всегда стоитъ на реальной почвѣ и потому чаще всего не порываетъ связей съ дѣйствительностью; въ этомъ отношеніи его поэзія довольно рѣзко отличается отъ поэзіи В. Галька, Я. Верхлицкаго и другихъ поэтовъ отвлеченно идеальнаго направленія, поэтовъ-космополитовъ. При переводѣ его сборника „Повѣдки зъ горъ“ (Горные рассказы), имѣлось въ виду именно познакомить русскую публику съ довольно типическимъ образцомъ чешской повѣсти съ деревенскимъ содержаніемъ; затѣмъ, эти рассказы привлекаютъ читателя своимъ довольно безхитростнымъ изображеніемъ простой, самородной чешской массы и въ этомъ отношеніи представляютъ часто и въ значительной мѣрѣ довольно высокій этнографическій интересъ.

Впрочемъ, какъ ни выдаются все таки романы и повѣсти Йираска среди другихъ подобныхъ произведеній новой чешской словесности, и они во многихъ отношеніяхъ не всегда могутъ удовлетворить русскаго читателя: въ нихъ довольно много дѣланности, сентиментальности, а иногда и вычурнаго романтизма-качествъ, навѣянныхъ конечно нѣмецкой литературой, въ которой они встрѣчаются особенно часто; словомъ, мало того трезваго реализма, какимъ такъ подкупаютъ читателя русскіе писатели. Впрочемъ, это относится болѣе къ произведеніямъ Ираска изъ современной жизни: историческіе романы и повѣсти его болѣе свободны отъ этого недостатка и въ чешской словесности занимаютъ по достоинству первое мѣсто. Охотнѣе всего этотъ романистъ обращается, повидимому, къ прошлому столѣтію, и именно ко второй его половинѣ: это время воспроизведено во многихъ его произведеніяхъ. Таковы, напр., романы „Скалаци“ (обитатели скаль) и „На дворѣ вѣводскемъ“ (изд. 1880 г), содержаніемъ которыхъ служатъ историческія событія города Находа (въ Крадевоградкомъ у.); въ первомъ произведеніи чрезвычайно яркими красками обрисовано тяжкое

положеніе народа въ крѣпостничествѣ и стремленіе его сбросить съ себя это ненавистное состояніе, а во второмъ предлагается не менѣе яркое изображеніе внутренней жизни находскаго замка и его обитателей.

Изъ болѣе мелкихъ беллетристовъ извѣстнѣе другихъ слѣдующіе: Вячеславъ *Волчекъ*, редакторъ „Освѣты“ (род. 1836 г.), Юрій *Станковскій* (род. 1844 г.), Вячеславъ *Трѣбизскій* (род. въ 1849 г.), а затѣмъ Ю. Цейеръ, Дворскій фр., Струпежницкій Ладиславъ, Франт. Шубертъ, Венцеслава Лужицкая и др. Романы перваго, особенно изъ современной жизни, производили каждый разъ довольно выгодное для автора впечатлѣніе въ чешскомъ читающемъ обществѣ; таковъ, напр., „Вѣнецъ вавриновъ“ (лавровый), гдѣ изображено положеніе поэта-иделиста Блажея среди эгоистическаго и матеріалистическаго общества (см. „Освѣту“ 1872 г. и „Либушу“ 1877 г.; другой современный романъ былъ помѣщенъ въ „Освѣтѣ“ 1876 г.) Немалый успѣхъ выпадалъ также и на долю историческихъ повѣстей этого писателя: *Янъ Пашекъ зъ Врату*, *Ондржей Пуклице* (въ обѣихъ изображена жизнь чешскихъ городов XV—XVI в.), *Пани Лихнишка* (XVI в.), *Янъ Швегло*, *Цтиборъ Глава*, *Далиборъ* и др. (Повѣсти Волчка помѣщались чаще всего въ „Народной библіотекѣ“, въ „Лациной книгоvn“, въ „Свѣтозорѣ“, „Квѣтахъ“ и пр.) •

Кромѣ того, Волчекъ извѣстенъ и своими драматическими произведеніями, проникнутыми глубокимъ національнымъ чувствомъ. Изъ его трагедій лучшею считается „Елишка Премысловна“ (см. „Часописъ Матице Моравскѣ“ 1878 г.); другія: „Премысль Отакаръ“, „Милада“, (см. XI ч. „Кабинетной книгоvn“) „Власта.“

Станковскій, не совсѣмъ безупречный въ отношеніи слога, замѣчателенъ современными романами: „Милевскій реформаторъ“, гдѣ юмористически изображена жизнь современнаго филистерства,

„О славѣ герецке“ (-ой, актерской, артистической) и др. Кроме того, известны и историческіе романы этого писателя: „Краль а бискупъ“ (изъ времени короля Рудольфа II), „Властенцовеъ Буди“ (=патріоты съ подмостокъ, изъ времени начала чешскаго возрожденія, т. е., конца XVIII вѣка.)

Бенешъ—Требизскій—очень даровитый, къ сожалѣнію, рано умершій писатель, сдѣлавшійся въ послѣднее время весьма любимымъ чешскою публикою. Онъ съ чрезвычайнымъ искусствомъ и знаніемъ рассказывалъ о жизни старыхъ чеховъ и горести ли ихъ, радости ли принималъ самъ горячо къ сердцу, что и выражалось въ его языкѣ, горячемъ, страстномъ, порывистомъ. Властенецкое чувство включемъ быть изъ подъ его пера и особенно возбуждительно дѣйствуетъ на чешскаго читателя; это чувство, въ связи съ поэтическимъ вдохновеніемъ, составляетъ тайну быстрыхъ успѣховъ произведеній Требизскаго въ читающемъ чешскомъ обществѣ.

Извѣстность этого писателя главнымъ образомъ составила благодаря роману „Блудне (заблуждающіяся) душе“, помѣщенному въ „Освѣтъ“ за 1879 годъ. Затѣмъ хорошо были приняты и романы „Анежка Пржемысловна“ и „Кралѣвна Дагмаръ“ (см. „Либуше“ 1884 г. ч. I).

Но особенный успѣхъ выпалъ на долю его рассказовъ изъ сельской жизни, которую онъ, въ качествѣ священника въ Клепанахъ, постигъ прекрасно и всесторонне. Болѣе всего восторгалась чешская публика рассказомъ „Фараръ (приходской священникъ) Лученскій“ и другими подобными. Съ 1884 года начинается выходить полное собраніе сочиненій Требизскаго, чрезвычайно изящно издаваемое книгопродавцемъ Фр. Шимачкомъ отдѣльными выпусками. На обложкѣ каждого выпуска изображены срисованные художникомъ Ад. Либшеромъ виды Клепанъ, гдѣ была написана большая часть сочиненій этого писателя. Изданіе заключаетъ въ себѣ четыре отдѣла,

каждый въ нѣсколько выпусковъ: 1) „Подъ дошковыми стрѣхами“ (кровлями) — главнымъ образомъ сельскіе рассказы. 2) „Въ черванцихъ (облака, окрашенные восходящимъ или заходящимъ солнцемъ) калиха“ (чаши). 3) „Въ заріи калиха“ 4) Побѣлогорске(—іа) элегіе(—іа). Раньше повѣсти Требизскаго помѣщались въ „Матицѣ лиду“ (напр., „Лѣвоградецка повидка“ 1882 г.) „Любушѣ“ и другихъ изданійхъ.

Струпежницкій, небезупречный со стороны слога, извѣстенъ романомъ „Савап“ (см. „Библіотеку повѣднихъ (оригинальныхъ) и цизихъ (чужихъ) роману“) и драматическими произведеніями, напр. исторической драмой „Черне душе“, изъ событій 1620 года. *Цейеръ*, кромѣ восточныхъ „Бае (сказки) Шопаны“ и эпического сборника „Вышеградъ“, 1880 г., написалъ романъ изъ русской исторіи „Андрей Чернышевъ“ (изъ временъ Екатерины II), переведенный и по-русски; затѣмъ извѣстны его рассказы („Novelly“ изд. Валечки), японскій романъ „Гомпачи а Комурасаки“ (см. „Альбомъ вытечныхъ повидекъ чѣскихъ“ вып. 4, 1884 г.) и драма „Суламить“ ¹⁾ Въ „Нове библіотекѣ“, ч. II, помѣщены были также стихотворенія *Цейера*. *Фр. Шубертъ* (род. 1845 г.), пражскій журналистъ, извѣстенъ недурными историческими повѣстями изъ временъ XIV вѣка, (напр., „Валка (битва) о (за) невѣсту, 1309 г.), а также царствованія Вацлава IV и Юрія Подѣбрада; въ повѣсти „Костнице(—а) Седлецкая“ ²⁾ изображается общественный бытъ въ XVII вѣкѣ. *Дворскій* *Фр.* составилъ себѣ нѣкоторую извѣстность рассказомъ „Перхта зъ Рожымберка“, но особенно рядомъ характерныхъ повѣстей „Наше старе образкы“ (картинки); то и другое см. въ „Ма-

¹⁾ О ней см. краткій отзывъ въ „Извѣстіяхъ Петербургскаго Славянскаго Общества“ за 1885 г. № 11—12 523 стр.

²⁾ См. „Извѣстія Петербургскаго Славянскаго Общества за 1885 г. № 7—8, 356 стр.

тицѣ Лиду“. Изъ произведеній *Лужицкой* Венцеславы (Анны Сербовой) любопытны: рассказъ „Поледниче“ (полуденница), романъ „На зрѣценинахъ“ (развалинахъ), а также „Повидки (—вѣсти) (и)зъ малого мѣста“ (см. „Либуша“ за 1884 годъ, число 7).

Затѣмъ болѣе или менѣе извѣстны еще: *Герольдъ* Эдуардъ (род. 1830), живописецъ (его романъ „Алхимиста“, а также „Дѣйствіе (историческія) Новеллы“, помѣщ. въ „Матицѣ Лиду“ за 1882 г., число 6), *Голечекъ* (род. 1853; его „Черна Гора“, переводъ болгарскихъ пѣсень и др.), *Мокрый От.* („Повидки а Арабески“, изд. Вилимка), *Штольба* I. (род. 1846); извѣстны его „Новеллы“, см. „Вилимкову Нову библиотеку“ ч. 7, сборникъ „гуморесковъ“ (см. Оттову „Ладину Книговну“) и комедіи „Заповѣзене (—вѣдныя) оwoцѣ“, „Крейчій а швецъ“ (портной и сапожникъ) и др.); *Ръзничекъ* Вячеславъ („Подъ прапоремъ надѣи“ въ „Либушѣ“ 1885 г. ч. 5—6), *Бенешъ-Шумавскій* Вячеславъ („Нѣколикъ повидекъ“ въ „Либушѣ“ 1884 г.) *Фр. Халуна* (см. ч. 7 въ „Либушѣ“ за 1885 г.) и многіе другіе.

Изъ писателей, болѣе глубоко касавшихся въ своихъ повѣстяхъ общественныхъ отношеній („соціальный романъ“) должны быть указаны особенно слѣдующіе: *Пфлегеръ* Моравскій Густавъ (1833—1875), извѣстный своимъ стихотворнымъ юмористическимъ романомъ „Панъ Вышинскій“ 1859 г., написаннымъ подъ очевидными вліяніями Пушкина и Мицкевича; затѣмъ цѣнятся его романы „Зъ малого свѣта“ „Зтраченный животъ“ (жизнь; изд. Оттомъ въ Прагѣ) и особенно „Пани фабрикантова“—превосходная картина чешскаго заводскаго быта, которая заслуживала бы перевода и на русскій языкъ (Второе изданіе этого романа издано въ Прагѣ 1883 года книгопродавцемъ Эд. Валечкой). Этотъ же писатель отличился и въ другихъ родахъ поэзіи: ему принадлежать пре-

краснѣйшіе плоды его задумчивой лирической музы „Думки“ (1857 г.) и „Циприше“ (кипарисы, 1862 г.), а также нѣсколько драматическихъ произведеній, изъ коихъ особенно любима комедія „Телеграмма“. *Подлитская Софья* (род. 1833 г.) младшая сестра вышеупомянутой писательницы Каролины Свѣтлой, извѣстна романами изъ общественной чешской жизни (помѣщались въ „Люмирѣ“, „Квѣтахъ“, „Свѣтозорѣ“); изъ нихъ болѣе замѣчательны: „Осудъ а надани“ (судьба и дарованіе), „Прѣбузні“ (родственники; помѣщ. въ „Любушѣ“), „Нальжовскій“ (см. „Салонную библіотеку“ Отта). Ей же принадлежатъ и нѣсколько историческихъ повѣстей („Анна Премысловна“). *Гавласъ Богумилъ* (1852—77)—даровитый, но чрезвычайно рано погибшій писатель, проведеншій крайне бурную, въ средневѣковомъ вкусѣ, жизнь: то купецъ, то актеръ, то служащій на сахарномъ заводѣ, то корреспондентъ „Народныхъ Листовъ“ во время военныхъ дѣйствій въ Герцеговинѣ въ 1875 году, то туристъ,—онъ кончилъ тѣмъ, что во время русско-турецкой войны прибылъ добровольцемъ въ Россію и умеръ отъ тифа на Кавказѣ. Изъ его произведеній любопытны: социальный романъ „Тихе воды“ (см. Оттову „Салонную библіотеку“ ч. 1), который упрекаютъ въ недостаточности художественной отдѣлки; затѣмъ юмористическій рассказъ изъ жизни странствующихъ актеровъ „Зъ потульного живота“ (1871), „На надражи“ (перронъ желѣзнодорожной станціи), „Животъ въ умираи“, „Кнѣзь Янъ“, лучшимъ изъ его произведеній считается историческій романъ „Въ дружинѣ добродруга краде“ (см. Оттову „Лацину (дешевую) книголовну на родную“). *Арбесъ Янъ-Якубъ* (род. 1840), весьма плодовитый писатель, редакторъ „Народныхъ листовъ“, 30 разъ судившійся за нарушеніе законовъ о печати, извѣстенъ своими „Романеттами“ (2 книги, въ Прагѣ 1878—9 г.), черезчуръ, впрочемъ, фантастичными (тамъ, напр., есть такіа странныя

произведения, какъ „Дябелъ (дьяволъ) на скрипци“, „Сивокій демонъ“, „Ньютоновъ мозекъ (-гъ) и другія въ такомъ родѣ! Наконецъ *Геритесъ* Франт. (род. 1851 г.), изъ произведеній котораго отмѣтимъ „Таємствъ стрыце (тайна дяди) Іозефа“, жанръ (см. „Либушу“ за 1885 г. число 3) и „Маломѣстки гуморескы“ (см. V ч. „Кабинетной Книговы“).

Теперь намъ остается сказать нѣсколько словъ о произведеніяхъ не особенно богатой новѣйшей драматической поэзіи, изъ которыхъ нѣкоторыя были уже, впрочемъ, упомянуты выше. Изъ болѣе или менѣе чистыхъ драматурговъ новѣйшей школы извѣстны слѣдующіе: *Ержабекъ* Франт. (род. 1836 г., профессоръ гимназіи въ Прагѣ) *Боздѣха* Эммануилъ (род. 1841 г.), *Закрейсъ* Франт. (род. 1839 г.), графъ *Зденѣкъ Коловратъ* Краковскій (род. 1836 г.) *Веселый* I. и др.

Изъ произведеній перваго, отличающихся своеобразнымъ содержаніемъ и „властенецкимъ“ чувствомъ и весьма удачныхъ въ сценическомъ отношеніи, укажемъ драму „Святополкъ“ (1859 г.), „Цесты верейнего минѣни“ (Пути общественнаго мнѣнія, 1865 г.), нѣсколько комедій и особенно социальную драму „Служебникъ св(о)его пана“, а также историческую пьесу „Сынъ чьловѣка“ изъ времени семилѣтней войны. Весьма хорошія драмы даровитаго *Боздѣха*, въ сожалѣнію, имѣютъ совершенно чуженародное содержаніе; впрочемъ, хотя „властенецкаго“ чувства онѣ и не будятъ прямо, тѣмъ не менѣе, составляя дѣйствительное украшеніе чешской драматической литературы, должны пробуждать его косвенно, что также очень важно. Особенно хороши его комедіи „Зѣдобы (времени) котильону(-овъ)“, „Зкоушна статникова“ (испытаніе государственнаго чловѣка) и презанимательная и живая „Свѣта панъ въ жупану“ (господинъ міра въ кафтанѣ), гдѣ изображенъ Наполеонъ I въ домашней своей жизни; между трагедіями болѣе другихъ выдается „Баронъ Гёрцъ“

(2-е издание, Валечки, вышло въ 1884 г.). *Закрейсу* принадлежать: драма „Народни господарь“, трагедія „Подъбрадовна“ и комедія „Двѣ (пре)красныхъ очи (глаза; см. „Вшеобецну Книговну“ вып. I). Онъ же редактируетъ и весьма полезныя изданія: 1) уже пераъ упоминавшуюся у насъ „Устрѣдни книговну“, гдѣ напечатано множество небольшихъ произведеній лучшихъ писателей, какъ чешскихъ, такъ и иноземныхъ; тамъ помѣщены, напр., такія вещи, какъ „На штитнемъ“ Бенеша-Требизскаго, „Огласъ писни чешскихъ“ Челяговскаго, „Пункиъ и Бабуринъ“ Тургенева, „Дива Бара“ Нѣмцевой, „Музыкантска Лидушка“ Галька, „Эмериъ Фортунатъ“ Токая, „Въртохи пана Пѣтигорскаго“ Подлипской, „Алексъ“ Пфлегера, „Мезинародни невѣсты“ самого Закрейса и др. и 2) „Вшеобецну Книговну“, гдѣ помѣщены напр. „Аммонъ и Тамара“, трагедія В. Галька, стихотворенія А. Шмиловскаго (вып. II) и др. *Коловрату* принадлежать, между прочимъ, драмы: „Либуше“ въ пяти дѣйствіяхъ, „На розцести“ (распутіи) въ трехъ дѣйствіяхъ и веселенькая комедія въ одномъ дѣйствіи „Змѣшкаль годину“ (пропустилъ урокъ, соб. часъ), гдѣ мѣтко изображенъ живущій древностью книгоѣдъ—классикъ въ лицѣ провинціальнаго учителя классическихъ языковъ Войтѣха Ржерјаба (Журавля). (См. драматическое изданіе „Дивадельни библіотека“ 1871 г. вып. 114-й).

Мы закончили обзорѣніе чешской поэтической литературы новаго періода; читатель, я думаю, немало удивится тому огромному количеству болѣе или менѣе крупныхъ писателей, произведенія которыхъ послужили намъ матеріаломъ для этого обзорѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, количество это довольно внушительно для словесности такого немногочисленнаго народа, каковъ Чехоморавскій (составляетъ не болѣе пяти съ половиною

милліонув!), и, будь эти писатели и дѣйствительно такими крупными величинами, какими являются они во первыхъ въ изложеніи частной литературы, а во вторыхъ при нарочито чешскомъ освѣщеніи,—было бы по истинѣ чему удивляться. Но въ томъ то и дѣло, что яркій блескъ этихъ писателей является только вслѣдствіе близости точки зрѣнія, и величина ихъ дарованій —относительная. Съ точки зрѣнія не спеціально чешской, а даже только общеславянской, если не европейской, или всемирной, дѣло представится въ гораздо менѣе величественномъ видѣ, и чешскіе писатели значительно умалатся въ своемъ значеніи.... Дѣйствительно всемирное или общечеловѣческое значеніе, какое, напр., имѣли Гусъ или Коменскій, изъ нихъ имѣютъ лишь очень и очень немногіе (напр., развѣ, пожалуй, Болларъ съ его всеславянскою поэзію), а другіе только силатся сдѣлаться таковыми, только имѣютъ притязанія (напр., Верхлицкій); большая же часть ихъ, не смотря даже на вѣдущую широту взглядовъ и зачастую космополитичность содержанія, въ сущности еще не вышли, да и навѣрное никогда не выйдутъ, изъ рамокъ тѣснаго національнаго значенія. Многіе изъ нихъ лучше сдѣлали бы, если бы, вмѣсто ходульнаго стремленія къ общечеловѣческой поэзіи, старались стать хотя бы общеславянскими, понятными всѣмъ славянамъ по своимъ стремленіямъ и задачамъ.

Мнѣ, по крайней мѣрѣ, представляется этотъ путь единственно спасительнымъ для чешской словесности: *она можетъ возвыситься до общечеловѣческаго значенія, лишь когда получитъ значеніе общеславянское, слѣдовательно только при посредствѣ славянства*; минуя этотъ путь, чешская словесность рискуетъ подвергнуться глубокому паденію и даже нѣкоторому омертвѣнію... Что же касается мнимой величины дарованій чешскихъ писателей, то это происходитъ отъ похвальной, какъ справедливо замѣчаютъ, черты, наблюдаемой въ чешской сло-

весности: необыкновенно развитого чувства солидарности, которое побуждает писателей замѣчать и приглубивать всякое сколько нибудь небездарное произведение и ласково принимать въ свою среду всякаго, подающаго хоть какія нибудь болѣе или менѣе основательныя надежды. Конечно, при этомъ иногда утрачивается строгость оцѣнки, столь необходимая и спасительная для цѣнности произведений и поступательнаго въ нихъ движенія, но зато и не отпугиваются многія молодые силы, какъ то зачастую встрѣчается въ другихъ литературахъ. Должная мѣра въ этомъ отношеніи—обстоятельство весьма важное и необходимое для здоровой живучести литературы, и чешскимъ критикамъ не мѣшало бы иногда внимательнѣе слѣдить за сохраненіемъ этой мѣры...

Въ концѣ концовъ, не смотря на извѣстную беспочвенность, замѣчаемую зачастую у многихъ чешскихъ писателей, нельзя не признать, что все же жилка славянскаго сознанія еще бьется въ чешской словесности; другъ славянства съ отрадой замѣчаетъ съ каждымъ годомъ даже болѣе и болѣе сильное бѣненіе этой жилки, въ которой трезвые чехи справедливо видятъ возможность сбереженія своего народа для славянства, вмѣсто ожидаемаго съ часу на часъ врагами славянства укрѣпленія ихъ лишнимъ славянскимъ народомъ, который можетъ, наконецъ, не выдержать страшной, непосильной борьбы за свою народность и, оставивъ ее, усилить ряды исконныхъ противниковъ славянства... Можно сказать даже болѣе: ни одно изъ славянскихъ племенъ не предается все таки въ такой мѣрѣ общеславянскимъ и преимущественно русскимъ изученіямъ, какъ чешское, которому его здоровое естественное чувство само собою подсказываетъ вѣрную дорогу и указываетъ настоящія и дѣйствительныя средства спасенія. Столько, сколько сдѣлали въ словесности для общеславянскаго дѣла чехи, не сдѣлало никакое другое славянское племя, что, впрочемъ, и естественно, такъ какъ, повторяю, всеславянская идея уже

разъ спасла и еще можетъ спасти чеховъ. На чешскомъ языкѣ вы можете больше всего встрѣтить поэтическихъ и прозаическихъ переводовъ съ другихъ славянскихъ нарѣчій, особенно польскаго и русскаго, разныхъ общихъ и частныхъ славянскихъ грамматикъ, словарей, (напр. русскочешскій, I. Ранка) хрестоматій, пѣсенныхъ сборниковъ и пр. См., напр., хоть такъ называемыя „Слованста(ія) чтени(-ія)“, изданныя литературнымъ обществомъ „Славія“ и состоящія изъ нѣсколькихъ книжекъ, гдѣ приведены по каждому нарѣчію лучшія произведенія его словесности съ подстрочными чешскими объясненіями, изд. въ Прагѣ въ 1883 году. Можно также отмѣтить книгу г. Фр. Вымазала „Початки (на—) слованщины“ (девяти книжныхъ славянскихъ языковъ), составляющіе первый выпускъ его „Все-славянской библіотеки“, изд. въ Бѣрнѣ въ 1884 году, и выходящее съ 1884 года изданіе г. Людвика Кубы „Слованство во свы(ои)хъ зпѣвехъ“ (пѣсняхъ), гдѣ выбраны лучшія народныя и усвоенныя народомъ пѣсни всѣхъ славянскихъ племенъ и, кромѣ напѣвовъ, приведены возможно болѣе полно слова къ нимъ съ объясненіями или переводомъ на чешскій языкъ; доселѣ вышелъ 21 выпускъ этого изданія, между которыми четыре-русскихъ (два великорусскіе и два малорусскіе). Есть, конечно, и другія изданія общеславянскаго характера, но, такъ какъ изчисленіе ихъ не входитъ въ задачу этой книги, то достаточно для нашей цѣли и вышеуказанныхъ.

Вотъ эта то наклонность къ всеславянскимъ изученіямъ, усиливающаяся съ каждымъ годомъ, и составляетъ весьма замѣтную черту новой чешской словесности, черту, повторяю, спасительную для нея.

Примѣчаніе: Приведемъ нѣкоторые любопытныя данныя относительно переводовъ съ русскаго и другихъ славянскихъ нарѣчій. Переведены древнія русскія поэмы „Слово о полку Игоревѣ“ и „Задонщина“ (Эрбенемъ);

поэтическія произведенія А. Пушкина переводились Винц. Бендлемъ, Жуковскаго и Лермонтова—І. Коларемъ, Алоиз. Дурдикомъ и Фр. Коринкомъ, Шевченка—Эм. Ваврой, Некрасова—Игн. Мейснаромъ, Кольцова, Рылѣева (перев. Мейснара во „Вшеобенце Книговнѣ“ Закрейса, вып. VI) и др. Изъ нашихъ романистовъ переводились слѣдующіе: Булгаринъ (перевод. Фр. Волакомъ и І. Бачкарой, напр. „Иванъ Выжигинъ“), Лажечниковъ (перев. Бог. Залѣской), Данилевскій Гр. (напр., его романъ „Потемкинъ на Дунаѣ“ переведенъ Яромиромъ Грубымъ въ „Матицѣ Лиду“, ч. 6, 1878 г.), Сенковский (повѣсти его перев. Чѣлковскимъ), Гоголь Н. (Мертвыя души перевод. Запомъ Эм. Ваврой, нѣкоторыя повѣсти имъ же и Гавличкомъ), Гончаровъ Ив. (перевод. Эм. Ваврой), Тургеневъ Ив. (тоже Эм. Ваврой, но и другими, напр. Павломъ Дурдикомъ; переведены, между прочимъ, „Рудинъ“ въ „Матицѣ Лиду“ 1879 г. ч. 5, „Дымъ“, „Стихотворенія въ прозѣ“, перевод. Іос. Пенижкомъ въ Валечковой „Книговнѣ Слованской“ ч. 1. 1884 г. и др., „Записки охотника“ (Lovsöu zapisky) во „Вшеобенце Книговнѣ“ Закрейса вып. 3); Толстой Л. Н. (напр. переводъ его „Анна Каренина“ издавъ книгопродавцемъ Фр. Шимачкомъ; Толстымъ чехи начали въ послѣднее время очень интересоваться, какъ, впрочемъ, и всѣ остальные европейскіе народы...). Переводы съ русскаго также см. въ „Слованске бесѣдѣ“, которую ведъ Галекъ, въ „Слованске поэзи“, которую издаетъ въ Бърнѣ Фр. Вымазалъ, въ „Свѣтозорѣ“, раньше въ „Библіотекѣ забавнаго чтенія“, изд. Ян. Малимъ и пр. Затѣмъ особенно посчастливилось не упомянутому нами еще Достоевскому Ф. М., который въ скоромъ времени предстанетъ предъ чешской читающей публикою въ полномъ видѣ, въ переводѣ

всѣхъ родовъ словесности на общество, такъ что, собственно говоря, единственнымъ дѣйствительнымъ властителемъ и выразителемъ его думъ, помысловъ и стремленій является уже только такъ называемая изящная литература, или вообще поэзія; прозаическіе же отдѣлы словесности слишкомъ обособились, получили черезчуръ уже недоступный массѣ общества научный характеръ и производятъ извѣстное дѣйствительное вліяніе на общество уже не непосредственно, а чрезъ своихъ жрецовъ и адептовъ. Ясно, что обзоръ новой прозы по необходимости долженъ быть коротко; сдѣлать его въ такой же мѣрѣ подробнымъ, какъ по отношенію къ древнему и особенно среднему періоду, когда, вслѣдствіе легко обозримого даже въ количественномъ отношеніи литературнаго матеріала, ставилось, какъ говорится, всякое лыко въ строку, — теперь, въ сущности, излишне да даже и невозможно, иначе объемъ книги увеличился бы до чрезвычайныхъ размѣровъ, ввиду соблюденія извѣстной соразмѣрности въ изложеніи литературныхъ явленій.

Исторія словесности и языковѣдѣнія. Послѣ Шафарика, Небескаго и Сабіны, о которыхъ было сказано выше, наиболѣе важными изслѣдователями по исторіи словесности являются Алоизъ-Войтѣхъ *Шембера* (род. 1807 г.) и Іосифъ *Йиречекъ* (род. 1825 г.) Первый, преподаватель чешскаго языка и литературы въ вѣнскомъ университетѣ, долженъ быть признанъ однимъ изъ первыхъ пробудителей народнаго сознанія и „властенецкаго“ чувства въ Моравіи, по исторіи и топографіи которой онъ составилъ нѣсколько дѣльныхъ монографій, (напр., О „Высокемъ Мытѣ“, „Оломуцѣ“ и др.; важенъ также и трудъ его „О западныхъ словакахъ“). Главными трудами его должно признать 1) „Дѣяны (исторію) рѣчи а литературы ческе“ (1861), въ которой онъ явился упорнымъ противникомъ подлинности „Суда Любуши“ и нѣ

которыхъ другихъ памятниковъ, напр., „Згорѣльскаго“ отрывка евангелія (см 50 стр.; отдѣльно издана была книжка „Либушинъ Судъ... есть подвѣренъ (поддѣл.)“ Вѣна 1879 г.)¹⁾ и 2) Закладове (основанія) діалектологіе чешкословенске(-ой) 1864 г. О Гусовомъ правописаніи, изданномъ имъ, см. выше (69 стр.)

Йиречекъ, какъ и Шембера, въ университетѣ учился праву, но всѣми своими сочувствіями и дѣятельностью принадлежитъ исторіи словесности. Ему обязана чешская литература прекрасною книгою „Антологія въ литературы ческе“—т. е. историческая хрестоматія, вродѣ нашей превосходной хрестоматіи Буслаева, съ очеркомъ грамматики древнечешскаго языка и словаремъ (2 изд. 1870 г.). Исторію чешской литературы онъ знаетъ превосходно, и ему принадлежитъ немало прекрасныхъ въ ней изслѣдованій, помѣщенныхъ въ „Часописъ“, „Свѣтозоръ“, „Розправахъ филологицкыхъ“ (Вѣна 1460 г.) и пр. Вмѣстѣ съ братомъ Герменегильдомъ (род. 1827 г.), которымъ составлены весьма извѣстные труды по славянскому праву („Слованске право въ Чехахъ а на Моравѣ одъ нейстаршихъ добъ (временъ) ажъ до столѣти(—іа) XIV“, „Сводъ законѣвъ слованскихъ“, Прага 1880 г., гдѣ собраны старыя законодательные памятники славянскихъ племенъ, затѣмъ масса изслѣдованій по древнечешскому праву и изданій его памятниковъ, напр., книги Викторина Вшегърда, старыхъ городскихъ правъ и пр.), онъ издалъ въ 1862 году замѣчательную нѣмецкую книгу „Die Echtheit der Königinhofer Handschrift“... („Подлинность Краледворской рукописи), которая до послѣдняго времени служила неодолимою твердыней для всѣхъ защитниковъ неподдѣльности этого памятника. Въ „Часописъ“ за 1878 г. явилась его и болѣе новая защита Краледворской

¹⁾ Въ 1880 году Шембера сдѣлалъ нападеніе на Краледворскую рукопись въ своей работѣ „Kdo sepsal Kralodvorsku rukopis roku 1817?“, гдѣ рѣшаетъ вопросъ такъ: эническія лѣсни сочинялъ Вацл. Свѣбода, лирическія В. Ганка, а писцемъ былъ І. Линда (о нихъ см. выше). Въ томъ же году въ „Свѣтозоръ“ ч. 29—30 явилось и возраженіе Шемберъ.

рукописи. Затѣмъ Йиречку принадлежитъ весьма важная, много разъ упоминавшаяся въ нашемъ изложеніи, „Руковѣтъ къ дѣинамъ (исторіи) литературы чешке до конце XVIII вѣку“ Прага 1876 г., 2 книги; это „руководство“ представляетъ изъ себя чрезвычайно дѣльно составленный жизнеописательный и библиографическій словарь чешскихъ писателей. Въ 1878 году онъ издалъ также замѣчательную книгу „Дѣины (исторія) циркевного басництва (поэзіи) чешского“ (до XVIII вѣка)—трудъ первостепенной важности. Дѣятельность Йиречка важна и въ другихъ отношеніяхъ: онъ издалъ въ „Памятникахъ старой чешской литературы“ лѣтопись Далемилы, „Дивадельни (театральныя) (и)гры“, завѣдывалъ городскими училищами въ Прагѣ и вообще сдѣлалъ весьма много для народного образованія, особенно въ бытность свою, впрочемъ кратковременную, австрійскимъ министромъ просвѣщенія и исповѣданій (въ кабинетѣ Гогенварта, въ 1871 году; жизнеописаніе см. въ „Научномъ Словникѣ“ Ригера.)

Затѣмъ должны быть упомянуты: Ант. Рыбичка, весьма старательно излагавшій жизнеописанія разныхъ чешскихъ писателей въ „Часописи“, „Живѣ“, „Свѣтозѣрѣ“, „Освѣтѣ“ и пр.; Зелены Вацлавъ (1825—75), дѣйствовавшій на томъ же поприщѣ—ему принадлежатъ жизнеописаніе Вячеслава Стаха въ „Освѣтѣ“ 1874 г., Яроміра Эрбена, Палацкаго и Яна Коллара въ альманахѣ „Май“ (1859—61 г.) и особенно превосходный, образцово составленный, „Животъ (жизнь) Іозефа Юнгманна“, о которомъ см. выше. а также статья объ исторіи литературы въ „Научномъ словникѣ“; словакъ Людевитъ Штуръ (1815—56), которому принадлежитъ замѣчательное эстетическое изслѣдованіе „О народныхъ писняхъ а повѣстехъ племенъ слованскихъ“, изд. „Чешской Матицей“ въ 1854 г. Соботка Примусъ, написавшій культурно-историческое изслѣдованіе „Рослинство (растенія) а его вызнамъ

(значение) въ народныхъ писняхъ, повѣстехъ а т. д. слованскихъ“; наконецъ, Янъ *Косина* (род. 1827 г.), издавшій вмѣстѣ съ Франт. *Бартошемъ* хорошій учебникъ словесности для высшихъ классовъ среднихъ училищъ, а затѣмъ немало работавшій на полѣ литературной критики (см. „Говоры Олимпске“, особенно четвертый отдѣлъ). Извѣстны также имена: *Кепта*, сдѣлавшаго эстетическую оцѣнку произведеній Зеленогорской и Краледворской рукописи, Иос. Коржинка, которому принадлежитъ очень дѣльное изданіе этихъ памятниковъ (см. 15 стр.), Ант. *Вашка* (1829—80 г. былъ гимназическимъ профессоромъ въ Бърнѣ), писавшаго противъ подлинности ихъ (*Filologický důkaz* (доказательство), že (что) *Rukopis Kralodvorský a Zelenohorský... jsou podvržena děla* (поддѣлки) *V. Hanky*“ Въ Бърнѣ 1879 г., работа небольшая — 80 стр.—но очень важная!) и наконецъ Карла *Тифтрунка*, профессора нѣмецкаго реального училища въ Прагѣ, написавшаго дѣльную „Исторіе литературы чешскѣ“ (3-е изд. 1884 г.), кромѣ того, сочиненіе, изданное Чешскою Матицею: „Одпоръ ставѣвъ (сословія) чешскихъ проти(въ) Фердинандови I р. 1547“ (см. выше, 99 стр.) и нѣсколько меньшихъ историческихъ работъ въ „Часописѣ“, „Освѣтѣ“, „Научномъ Словникѣ“ и пр. Изъ издателей древнихъ памятниковъ, кромѣ вышеупомянутыхъ лицъ, зачастую трудившихся и на этомъ поприщѣ, можно указать и людей, преимущественно посвятившихъ себя этому дѣлу и вообще изученію рукописей, каковы: Ярославъ *Въртятко*, сдѣлавшій фотографическое изданіе Краледворской рукописи, Я. *Розумъ* („Библіотека Староческа“), Брандль („Книга Товачевская“, „Книга Дърновская“; см. 102 и 106 стр.), *Патера* Адольфъ (род. въ 1836 г.) его работы см. въ „Часописѣ“ особенно за послѣдніе годы (см. о немъ у насъ еще на 65 и 85 стр.) Игн. *Ганушъ* и многіе другіе.

На поприщѣ языковѣдѣнія дѣйствовали и по большей части дѣйствуютъ и доселѣ съ особеннымъ успѣхомъ слѣдующія лица: *Гаттала* Мартинъ (священникъ католическій изъ словаковъ, род. 1821 г.), преподаватель славяновѣдѣнія въ пражскомъ университетѣ, особенно извѣстный своими работами въ области славянскаго звукословія, гдѣ онъ является вполне авторитетнымъ изслѣдователемъ и дѣльнымъ защитникомъ подлинности Зеленогорской и Краледворской рукописей (см. „Часопись“ 1854, 1858—60: защита Гатталы главнымъ образомъ основывается на разборѣ звукословныхъ данныхъ). Главныя работы Гатталы слѣдующія: Грамматика словацкаго языка (1848 г. по латыни), „Звукослові(-е) языка старо—и новоческаго а словенскаго (словаковъ, 1854 г.), „Складба (словосочиненіе, синтаксисъ) языка ческаго“ (1855 г.; къ чешскому словосочиненію же относятся и статьи его въ „Часописѣ“ 1837 г.), „Сровнаваца млувице (сравнительная грамматика) языка ческаго а(и) словенскаго (1857 г.), „Слово о полку Игоревѣ“ (1858 г.), „Початки млувице словенске(-ой) 1860 г., „De continuarum consonantium mutatione in linguis slavica (объ измѣненіи согласныхъ стечевій въ славянскихъ языкахъ, 1867 г.), „Початечне скупенины (начальныя стеченія) согласекъ чехословенскихъ“ 1870 г. и много мелкихъ статей, напр., объ отношеніи кирилловскаго языка къ нынѣшнимъ славянскимъ („Часопись“ 1855 г.), объ исторической грамматикѣ Буслаева („Часопись 1862 г.), о всеславянскомъ книжномъ языкѣ („Освѣта“ 1871—72) и др.

Изъ послѣднихъ работъ Гатталы отмѣтимъ „Брусъ языка ческаго“ (Прага 1877 г. 304 стр.) и „Збытки“ (остатки) ры(е)мованныхъ Александреидъ староческихъ“, изд. имъ вмѣстѣ съ Ад. Патерой (Прага 1881 г.). Какъ видитъ читатель, списокъ трудовъ Гатталы довольно длиненъ; но они также и

весьма важны, такъ что послѣ Шафарика Гаттала долженъ считаться крупнѣйшимъ чешскимъ языковѣдомъ.

Гебауеръ Янъ (род. 1838 г.), преподаватель пражскаго университета и чешскаго реального училища, также весьма извѣстенъ въ чешскомъ ученомъ мѣрѣ. Изъ сочиненій его упомянемъ слѣдующія: „Этимологиѣе початки рѣчи“ (1868) „Слованске языки“... (1869 г., перевод. и на русскій языкъ подъ названіемъ „Славянскія нарѣчія“ Кіевъ 1882 г.), „Прѣспѣвкы (прибавленія) къ гисторіи чешскаго правопису а высловности (выговора) староческе (1871, въ „Вѣдѣцкомъ“ (научномъ) сборникѣ, „Увагы (соображенія) о Нове(—ой) Радѣ пана Смиля Фляшки (1873 г. тамъ же), „Уведені(е) до млувице чешке“ (1876 г. работа небольшая—62 стр.—, но весьма отчетливая; такъ какъ это „введеніе“, въ сущности, общаго характера, то было бы нелишне перевести его и на русскій языкъ.), „Гласкослови языка чешскаго“ (Прага 1877, 156 стр.) и друг. Въ вопросѣ о Краледворской р—си Гебауеръ защищаетъ ея подлинность.

Затѣмъ должны быть еще указаны: Вацлавъ *Зиммундъ*, профессоръ старомѣстской гимназіи въ Прагѣ (1816—1873), написавшій, кромѣ учебника по грамматикѣ и нѣсколькихъ разсужденій, обширную „Складбу“ (словосочиненіе) чешскаго языка, особенно важную многочисленнымъ подборомъ примѣровъ. Игн. *Машекъ*, гимназическій профессоръ въ Прагѣ, одинъ изъ ярыхъ защитниковъ подлинности Краледворской р—си; его труды въ „Часописѣ“ и „Листахъ филологицѣихъ“. Фр. *Бартошъ* (род. 1833 г.), профессоръ гимназіи въ Бърнѣ, также много работалъ въ области чешскаго словосочиненія (см. его „Складбу языка чешскаго“ 1879 г.); кромѣ того, онъ составилъ хорошую „читанку“ (хрестоматію) для гимназій и занимался этнографическими работами (см. „Часописъ Матицы Моравской“), изъ которыхъ отмѣтимъ весьма хорошее допол-

неніе къ Сушилову сборнику моравскихъ пѣсенъ „Новѣ народни писнѣ моравске съ напѣвы...“ (въ Бѣрнѣ 1882, см. „Извѣстія Петербургскаго Славянскаго Общества“ 1884 г., № 12, 33 стран.)

Матценауэръ Антонинъ (род. 1823 г.) издалъ при посредствѣ Моравской Матицы извѣстный трудъ „Цязи (чужія) слова ве слованскихъ рјечехъ“.

Гейтлеръ Лавославъ (род. 1847 г. ум. въ 1885 г.), профессоръ загребскаго университета, чрезвычайно даровитый, но рано умершій языковѣдъ, извѣстенъ во первыхъ своею диссертациею о современномъ положеніи сравнительнаго языкознанія („Часопись 1873 г.), затѣмъ „Староболгарскою фонологіею“ 1873 г.), въ которой онъ во первыхъ обратилъ вниманіе и на литовскій языкъ, а во вторыхъ пришелъ къ выводу, полученному еще покойнымъ нашимъ ученымъ М. А. Максимовичемъ (см. полное собраніе его сочиненій Кіевъ 1880 г. т. III-й, отдѣлъ I, изслѣдованія о полногласіи), именно, что, судя на основаніи полногласія, должно признать облики русскаго языка болѣе древними, чѣмъ староболгарскія (церковнославянскія, срв. Журн. М. Н. Просв. 1873 г. статья А. Потебни и „Филологическія записки“ 1875 г.) ¹⁾.

Плодомъ поѣздки Гейтлера въ русскую и прусскую Литву (описана въ „Освѣтѣ“ 1874 г.) явились его „Litauische Studien“, а въ „Листахъ филологическихъ и педагогическихъ“ 1876—7 года былъ помѣщенъ рядъ статей „о слованскихъ кменехъ (корняхъ) на и“ и тогда же въ хорватскомъ „Радѣ“ разысканіе „Этимологія имена Хърватъ“, переведенное и на чешскій языкъ. Въ 1878 году явилось изслѣдованіе „Поэтицке традице Өраку и Булгару“ (также и похорватски)—плодъ путешествія въ Сербію и Македонію 1875—6 года: тутъ извѣст-

¹⁾ Любопытно, что подобнаго же мнѣнія держится и нѣмецкій ученый Іогъ Шмидтъ въ своемъ *Zur geschichte des indogermanischen Vocalismus* 1876 г. Срав. также книгу г. А. Кочубинскаго „Къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ славянскихъ нарѣчій“ 1877 г.

ныя „открытія“ Верковича (сборникъ „Вѣда Словена“ древнихъ болгарскихъ пѣсенъ) признаны подлинными.

По возвращеніи изъ путешествія на Синай, онъ издалъ кириллицею на счетъ Югославянской Академіи два замѣчательныхъ глаголическихъ памятника XI в. *Euchologium* (молитвословъ) *glagolski spomenik* (памятникъ) *monastira Sinai brda*“ (горы) Загребъ 1882 г. и „*Psalterium*...“ 1883 г. Последними трудами безвременно погибшаго слависта были: *Die albanesischen und slavischen Schriften* (рукописи) *mit 25 photographischen Tafeln*“ (таблицами) Вѣна 1883 г. (188 стр. 4о), гдѣ помѣщены точные снимки отдѣльныхъ листовъ изъ евангелія Ассеманіева, Григоровича, Охридскаго, Зографскаго, кievскихъ и пражскихъ глагольскихъ отрывковъ (кievскіе хранятся въ Церковноархеологическомъ музеѣ при духовной академіи) и пр. Изданіемъ этимъ авторъ думалъ покрѣпить свою мысль, уже, впрочемъ, отвергнутую критикою, объ албанскомъ письмѣ, какъ посредникѣ при развитіи глаголицы. (См., напр., приложеніе къ отчету о присужденіи Ломоносовской преміи за 1883 годъ,) а также „Четыре критикопалеографическія статьи“ Спб. 1884 года.

Исторія, земледѣліе и путешествія. Изъ живущихъ доселѣ историковъ чешскихъ первое мѣсто занимаетъ, конечно, Вацлавъ-Владивой *Томекъ* (род. въ 1818 г.). Главный трудъ его—это „Дѣпись (исторія) мѣста (города) Праги“, которымъ онъ началъ заниматься около пятидесяти лѣтъ тому назадъ, по предложенію Палацкаго; книга доведена уже въ своихъ четырехъ огромныхъ томахъ до смерти короля Сигизмунда; въ недавно изданномъ пятомъ томѣ заключается лѣтописный обзоръ событій за время 1348—1436 г. Главный трудъ Томка сопровождался не менѣ важными побочными работами, дополнявшими или освѣщавшими его съ другихъ сторонъ; таковы, напр., изданные въ 1865 году „Заклады (основанія) стараго мистопису (мѣстоописанія, топографіи) пражскаго“, „Ре-

гистра деса(я)ткѹ папешскыхъ“ (папской десятины) или же „Янъ Жижка“—жизнеописание великаго чеха, явившееся въ 1879 году.

Изъ другихъ работъ Томка, кромѣ его „всеобщей“ исторіи, отмѣтимъ: „Дѣе земѣ(-ли) чешскѣ“(-ой), 1843 г. (третье изданіе 1864 г.), „Дѣе монархства ракускаго“ (исторія австрійскаго государства) 1845 г., „Дѣины университѣ(-ета) пражскаго“ къ 500 лѣтнему юбилею этого знаменитаго разсадника просвѣщенія въ средней Европѣ (1848 года), „Снѣмы (сеймы) чешскѣ...“ Получивши въ 1850 году катедру исторіи въ пражскомъ университетѣ, Томекъ продолжалъ неустанно работать по всеобщей и отечественной исторіи; въ 1858 году вышла его „Приручни книга (руководство) дѣпису ракускаго“, въ которой весьма замѣчательна основная мысль, которую раздѣлялъ и Палацкій, именно, что Австрія существуетъ и существовала искони внѣ какой нибудь необходимой и неизбѣжной связи съ германской имперіей и по своимъ собственнымъ естественнымъ законамъ и условіямъ; *raison d'être* ея существованія—естественная внутренняя связь и общность интересовъ отдѣльныхъ частей этого конгломерата. Въ 1881 году была написана почтеннымъ историкомъ не менѣе важная книга „Прибѣги (обстоятельства) клаштера (монастыря) а мѣста Полице(-ы) надъ Медгуйи(-ей)“—прекрасный образецъ монографіи второстепеннаго города. Труды Томка отличаются чрезвычайнымъ научнымъ спокойствіемъ и основательностью; его холодный умъ явно не терпитъ разныхъ предположеній, пустыхъ фразъ и пр., а ищетъ во всемъ документальной точности и вѣрности. (Жизнеописание Томка см. въ „Свѣтозорѣ“ 1878 г., ч. 23—25).

Весьма важны труды и другаго превосходнаго историка Антонина Гиндели (род. 1829 г.), профессора сначала въ оломуцкомъ университетѣ, затѣмъ, по закрытіи его, въ пражскомъ

реальномъ училищѣ, наконецъ, съ 1882 г. въ пражскомъ университетѣ. Ему принадлежатъ прекрасныя „Дѣиы (исторія) чешскаго повстанія лѣта 1618 г.“, затѣмъ „Исторія чешскихъ братьевъ“ (на нѣмец. яз.) и др. Гиндели же положилъ основаніе изданію важнаго сборника историческихъ источниковъ 16—17 вв. „Старе(-ыя) памѣти дѣинъ чешскихъ“, а нынѣе издаетъ вмѣстѣ съ Фр. *Дворскимъ* „Снѣмы чешскѣ“ (дѣла сеймовъ съ 1526 г.). Онъ же состоитъ и архиваріусомъ Чешскаго королевства.

Карлъ Влад. *Запъ* (1812—71), редактировавшій журналы „Путникъ“ и „Паматы ареологицке“, считается однимъ изъ лучшихъ историковъ, писавшихъ общедоступно, для публики, а не для ученыхъ, по примѣру горячаго патріота и ревнителя просвѣщенія Якуба *Малаго*, которому, между прочимъ, принадлежитъ прекрасный трудъ „Наше зновузрзени“ (см. 160 стр., примѣч.) доведенный уже до шести книгъ (шестая вышла въ 1885 г.) и, вмѣстѣ съ книгой Индр. *Шольца* „Народность а еи вызнамъ (значеніе) въ животѣ вержейнемъ (общественной жизни)“, раскрывающій исторію возникновенія и господства у чеховъ идеи народности. Запъ замѣчателенъ своею чрезвычайно любимою иллюстрированою, Чешскоморавскою кроникою“, доведенною имъ до 1526 г. и доконченною послѣ его смерти Г. *Коржаномъ*, составителемъ многихъ историческихъ статей въ „Паматкахъ“, въ „Словникѣ Научномъ“ и жизнеописанія Яна Жижки. Въ 1880 г. Коберъ началъ выпускать „Хронику“ вторымъ изданіемъ. Важенъ также Заповъ „Прѣводце(—никъ) по Празѣ 1848 г., передѣланный въ 1868 году подъ заглавіемъ „Прага, пописьани гл. мѣста крал.“

Бенедиктинецъ Беда *Дудикъ* (1815). не смотря на свое противославянское направденіе, считается однимъ изъ авторитѣнѣйшихъ историковъ Моравіи, исторіографомъ которой онъ

сдѣлался послѣ историка Ант. *Бочка* (1802—47).¹⁾ Главнѣйшій его трудъ—„Дѣины Моравы“, сначала выходившій только по нѣмецки. Съ Дудикомъ дѣлитъ славу лучшаго знатока моравской исторіи претивникъ его по взглядамъ—Винц. *Брандль* (род. въ 1834 г.), профессоръ гимназіи въ Бърнѣ и архивариусъ Моравіи, усердно возбуждающій въ моравской молодежи охоту къ роднымъ изученіямъ. Ему принадлежатъ „Книга про каждого моравана“ 1863 г., „Морава“ въ „Научномъ Словникѣ“ (отдѣльно вышла подъ заглавіемъ „Стручный (враткій) прѣгледъ властивѣды (отчизновѣдѣніе) моравске 1869 г.), множество статей въ „Часописѣ“ чешскомъ и моравскомъ и „Паматкахъ археологицкихъ“, изданіе старыхъ сочиненій, напр., Карла Жеротина (см. 108 стр.), біографическія статьи о Жеротинѣ, Шафарикѣ, жизнеописаніе Добровскаго (объ этой книгѣ см. „Слованскій Сборникъ“ 1884 г.) и пр.

Эмлеръ Іосифъ (род. въ 1836 г.), состоящій съ 1870 года редакторомъ „Часописа Ческого Муз.“ и архивариусомъ города Праги, извѣстенъ особенно изслѣдованіемъ и изданіемъ старыхъ памятниковъ (см. „Прамены (источники) дѣинъ чeskыхъ“, „Regesta Bohemica“ и пр.; объ Эмлерѣ см. „Slovnik Naučný“ и „Světazor“ за 1877 г.)

Затѣмъ могутъ быть названы: *І. Калоусекъ*, извѣстный жизнеописаніемъ Палацкаго, книгой „о гисторіи калиха“ (чаши) 1881 г., статьей „Коруна чesка“ въ „Часописѣ“ 1870 г. и др.; *Резекъ* Ант. („Памѣти о бурѣ пражске(-ой) р. 1524 г.“) „Зволени а коруновани Фердин. I за крале чesкого“ 1878 г. и др.), *Боровый* Климентъ, извѣстный работами по чешской церковной исторіи, *Зубекъ* Франт. („О закладани мѣстъ въ Чехахъ“ 1878 г. нѣсколько монографій о разныхъ городахъ, хорошее жизнеописаніе Коменскаго и др.), *Челяновскій* Яро-

¹⁾ Ему принадлежитъ, между прочимъ, „Прѣгледъ книжать (книзей)... въ маркрабствѣ моравскѣмъ“. Бърно, 1850 г.

миръ („Урядъ подкоморьскій въ Чехахъ, 1881 г.) *Голъ* Ярославъ („Выпись о М. Иеронимови зъ Праги а кроника о І. Жижкови“ и др.), *Баумъ* Ант. (чешскій зодчій, написавшій въ „Паматкахъ...“ и „Часописъ“ нѣсколько статей о древнемъ чешскомъ искусствѣ, напр. разборъ миньятюръ „*Mater Verbohum*“, „Часоп.“ 1877 г.). Эм. *Тоннеръ* („Выправовани дѣинъ домашнихъ“), *Свобода* Янъ („Правдиве выличені живота... Я. Гуса...“ Пр. 1884) и мн. др.

Изъ чешскихъ историковъ, занимавшихся всеславянской исторіей, замѣчательны: *Кржижекъ* Вяч. (род. въ 1832 году, † въ 1881), *Первольфъ* І. (род. въ 1841 г.), *Йиречекъ* Іос. Константинъ (сынъ извѣстнаго Іосифа Йиречка, род. въ 1854 г.) Первый извѣстенъ своей книгою „Дѣины народѹ слованскихъ въ прѣгледу синхронистичкемъ се стручнымъ (краткимъ) образомъ ихъ освѣты, литературы а умѣни“, 1871 г., статьею „Эпохи а обсагъ (содержаніе) дѣинъ (исторіи) народѹ слованскихъ“ въ „Часописъ“ 1877 г. Въ 1881 году вышелъ посмертный его трудъ „Зъ дѣинъ старыхъ слованѹ“. Этотъ же ученый работалъ и въ области южнославянскихъ литературъ (см. „Часописъ“ 1859—60 г.), по которымъ онъ составилъ и „Антологію“. Дѣятельность Первольфа, профессора въ Варшавскомъ университетѣ, равно принадлежитъ чешской и русской литературѣ. Почешски имъ изданы: статья о Польшѣ и Руси въ „Часописъ“ за 1872 годъ, статьи о польской и русской исторіи въ „Научномъ Словникѣ“ и „Освѣтѣ“, любопытная книга „Идея взаимности у народѹ слованскихъ“ 1867 г. На русскомъ языкѣ написаны имъ: „Славянская взаимность съ древнѣйшихъ временъ до XVIII в.“ (Спб. 1874 г.), „Славяне, ихъ взаимныя отношенія и связи, т. І. очеркъ исторіи славянъ до XVIII в.“ Варшава 1886 г.—эта книга составляетъ развитіе предыдущей; ей предшествовалъ „Отчетъ о научныхъ занятіяхъ за границею...“, цѣлю которыхъ было ознакомленіе съ новыми мате.

ріалами для книги „Славяне...“ К. Иречекъ преимущественно посвятилъ себя болгарской исторіи и землеописанію, относительно которыхъ немало его статей помѣщено въ „Часописѣ“ и „Освѣтѣ“ за послѣдніе годы. Важнѣйшій его трудъ— „Дѣины (исторія) Булгару“, имѣющій два русскихъ перевода (Яковлева въ Варшавѣ, Бруна и Палаузова въ Одессѣ; послѣдній весьма важенъ дополненіями самого автора). Затѣмъ могутъ быть названы: І. Лад. *Пичъ* (его труды о словакахъ см. въ „Часописѣ“ за 1878 г., „Исторія словаковъ“ помѣщена въ петербургскомъ „Славянскомъ Сборникѣ“, І, II и III); *Лепаръ* Янъ, редактировавшій „Часопись Ч. М.“ въ 1865—70 г. и извѣстный работами по исторіи силезскихъ славянъ (см. „Крокъ“ за 1865 г. и „Часопись“); *Черный* Янъ (писалъ о Герцеговинѣ) и др. Между изданіями, посвященными исторіи, этнографіи и пр., слѣдуетъ указать особенно „Слованскій Сборникъ“, редакт. Э. Елинкомъ и „Сборникъ историческій“.

Что касается лицъ, занимавшихся главнымъ образомъ землевѣдѣніемъ и землеописаніемъ, то изъ нихъ болѣе другихъ извѣстны: *Корjistка* Карлъ, работы котораго по описанію чешскихъ горъ особенно цѣнятся (см., напр., „Архивъ про пріродовѣдѣнне прозкумани (изслѣдованіе) Чехъ“, выходящій съ 1870 г., подъ редакціей Корjistки и Я. Крейчаго, которымъ изданы путевыя записки по западной Европѣ; *Эрбену* Іосифу, управляющему статистической канцеляріей города Праги, принадлежатъ въ „Научномъ Словникѣ“ статьи о Чехіи, Хорутаніи, Крайнѣ и Руси; *Ортъ* І. и *Сладекъ* Фр. составили хорошій „Топографическій словникъ Чехъ“; *Студницкій* Фр. написалъ огромный „Вшеобедный земѣписъ“ 1881 г., *Влахъ* Ярославъ составилъ изслѣдованіе объ Африкѣ по новѣйшимъ даннымъ (Певнина (материкъ) африка... 1880 года). *Палацкій* Я., *Ржегакъ* Я. и др. также писали по всеобщей географіи. Якубъ *Мамый* и *Прошекъ* перевели извѣст-

ную книгу Гельвальда „Земѣ а обыватели еи“. Изъ путешествій отмѣтимъ: „Седмь лѣтъ въ йижни Африцѣ“ 1881 г., Эм. Голуба, затѣмъ „Цеста (путь) по Шпанелихъ (Испанія) Пинкаса От. (1880 г.), „За океанемъ“—любопытныя записки беллетриста Г. Штольбы (см. выше 264 стр.); „За свободу, кресбы (очерки) зъ бойу черногогорскихъ а герцеговскихъ проти туркумъ“ Г. Голечка, работы Дурдика Павла (О Кавказѣ, „О домашнимъ животѣ Насовцу“ въ Люмѣрѣ за 1884 г.) и др.

Право разрабатывалось въ Чехіи и въ новое время съ большимъ успѣхомъ, и мы упомянемъ здѣсь лишь выдающіеся явленія въ этой области. Въ 1801 году вышли „Выклады (объясненія) пріороз(ж)енего права“ Ант. Павловскаго († 1818 года). Затѣмъ извѣстны труды другаго правовѣда Ант. Штробаха (1814—1856), которому, вмѣстѣ съ Фричемъ и др., принадлежитъ переводъ на чешскій языкъ общихъ австрійскихъ законовъ „Рядъ обещни, судни а конкурсни“, произведенный послѣ знаменательнаго 1848 года. Онъ же составилъ и „Взоры (образцы) нейобычнѣйшихъ выносу (рѣшеній) суднихъ друге (-ой) инстанце(-и)“ и вмѣстѣ съ извѣстнымъ Яр. Эрбеномъ очень много содѣйствовалъ выработкѣ и установкѣ чешскихъ правовыхъ терминовъ.

Затѣмъ, кромѣ вышеупомянутаго Герменегильда Йиречка, слѣдуетъ указать Ант. Ранду, изъ трудовъ котораго особенно цѣнятся: Прегледъ възнику(-овенія) а вывину (развитія) дескъ чили (или) книгъ вержейныхъ (общественныхъ) главнѣ въ Чехахъ а на Моравѣ“, „Сукроме(-ое, частное) право обходни“ (торговое), „Право властнице“ 1871 г. и 1874 г., составляющее часть приготавлиаемаго Рандою ббльшаго труда „Системъ ракускего (австрійскаго) обещного права сукромего“ и друг. Ранда же положилъ основаніе и „Еднотѣ (обществу) правнице(-ой)“, органомъ которой служить „Правникъ“, выходящій съ 1861 года. Въ области политической экономіи изъ

вѣстенъ Фр. Лад. *Ритеръ* (род. въ 1818 г.), которому принадлежит переводъ книги Дроза и вѣскольکو статей по государственному праву Чехіи. *Ганъль* Яромиръ замѣчательнъ своимъ изслѣдованіемъ „О вливу(-яніи) права нѣмецкаго въ Чехахъ а на Моравѣ“, *Йичинскій* Карлъ—книгою „Водни право“, *Павличекъ* Ант.—книгою „Жалобы зъ обогащени“, а *Лауринъ* Фр.—изслѣдованіемъ „О безженствѣ а манжельствѣ (супружествѣ) духовныхъ“. Изъ юридическихъ изданій отмѣтимъ, кромѣ „Правника“, еще „Самосправный Обзоръ“ (ред. К. Чижекъ).

Литература богословская, философская и педагогическая. Изъ богословскихъ писателей извѣстнѣ другихъ слѣдующіе: *Сушилъ* Фр., которому принадлежит прекрасный новый переводъ Новаго Завѣта, сдѣланный по самымъ исправнымъ греческимъ изданіямъ и снабженный подробными объясненіями; имъ же переведены и нѣкоторые изъ отцевъ церкви. *Ржегакъ* Ант. (1809—51) составилъ обширную энциклопедію, или выборъ изъ твореній св. отцевъ; а библейская энциклопедія была написана *Иннокент. Ант. Френцелемъ* (1818—1862). *Билый* Янъ издалъ обширную исторію католической церкви. *Рыбичка* Ант. извѣстенъ работами о монастыряхъ (см. напр., „Паматки“). Затѣмъ множество болѣе или менѣе важныхъ трудовъ разбросано по разнымъ духовнымъ изданіямъ, каковы, напр., „Благовѣсть“, „Часопись католическаго духовенства“ и др. Между философскими писателями выдаются: *Заградникъ* Винц. писавшій и по богословію и педагогикѣ; его важный трудъ изъ области практической философіи помѣщенъ былъ въ 1818 г. въ „Гласателѣ“ (см. „Часопись“ 1871 г.) Для философской чешской терминологіи много сдѣлали извѣстный уже намъ другъ *Юнгмана Марекъ* Ант., составившій, по вызову послѣднѣго, курсы логики и метафизики; *Черный* Иос. (1785—1834), которому принадлежит переводъ Мендельсонова „Федона“; *Клацелъ* Мат., написавшій введеніе въ метафизику (1842 г.),

въ свое время стоявшее на высотѣ науки, и нѣсколько статей въ „Часописѣ“ (1849—50); ему же принадлежало главное участіе въ составленіи „Добровѣды“, т. е. Ученія о нравственности, изданнаго въ 1847 г. Чешскою Матицею. Затѣмъ важныя труды *Гануша* Иг. (1812—69 „Настинъ (начертаніе) душевѣды (психологій) и логики“ и „Разборъ философіе(—и) Тома де Штитнего), *Дастиха* Іосифа (1834—70) замѣчательнаго своими „Закладами (основаніями)“ практической философіи, „Философской пропедевтикой“, статьями въ „Часописѣ“, „Живѣ“ и „Кровѣ“, а затѣмъ „Логикой“, составленной имъ для высшихъ классовъ гимназій вмѣстѣ съ *Яндечкой* Вацлавомъ. Изъ новѣйшихъ философовъ наиболѣе дѣятельнъ *Дурдикъ* Іосифъ, профессоръ пражскаго университета, составившій курсъ психологій, „Дѣписный (историческій) настинъ философіе нововѣке“ и многія статьи въ „Часописѣ“. Болѣе всего ему по сердцу занятія „красовѣдой“ (эстетикой), и ему принадлежать очень важныя труды въ этой области: „Вшеобецна эстетика“ и „Поэтика, яко эстетика умѣни басницего“ (поэтическаго искусства), а также немало оцѣнокъ нѣкоторыхъ поэтическихъ произведеній. Кроме того, *Дурдикъ* писалъ и монографіи, напр. „О сну(—ѣ)“, „О лѣтарехъ“ (темпераментахъ), „Розправы философице“, „О поэзии а повазѣ (значеніи) лорда Байрона“ и др. По эстетикѣ же работалъ и извѣстный *Фр. Палацкій* (см. „Часописъ“). *Линднеръ* Густ., профессоръ пражскаго чешскаго университета, извѣстенъ работами въ области психологій (учебникъ, статьи въ „Освѣтѣ“ и пр.) и педагогики, въ которой очень цѣнится его „Вшеобецне выховательстви (ученіе о воспитаніи)“ 1878 г. и „Вшеобецне выучовательстви“ 1878 г. (обученіе).

Изъ присяжныхъ педагоговъ отмѣтимъ: *Яна Властимила Свободу* (1803—84), извѣстнаго своей чрезвычайно практич-

ной „Школкой“, переведенной на датскій, польскій и русскій языки, и другими работами; Фр. Болесл. *Котта* (род. въ 1848 г.), которому принадлежит дѣльная „Простонародни наука о выховани“ (воспитаніи); Яна К. *Шкоду* (род. въ 1857 г.), чья „Катехетика“ представляет довольно цѣнный вкладъ въ педагогическую литературу; Ф. *Шимжа*, извѣстнаго огромной книгой „Выховательстви (ученіе о воспитаніи) про (для) кандидаты учительстви“(—а) 1875 г.; Эм. *Шульца*, написавшаго дѣльные „Заклады (основы) психології а педагогикѣ“ 1877 г. Яну *Лепарю* принадлежать: прекрасная „Обецна педагогика“ 1878 г., „О основахъ учебныхъ на розныхъ школахъ...“ (по Коменскому) и „О методахъ учебныхъ а логицке(-ой) еихъ прѣбузности“ (родственности) 1873 г. Затѣмъ множество болѣе или менѣе дѣльныхъ статей разбѣяно по многочисленнымъ педагогическимъ повременнымъ изданіямъ, каковы, напр., „Прѣитель младеже“ (1823—46 г. ред. І. Циглеръ), „Вѣстникъ“, „Слованскій педагогъ“, „Ческа школа“ и „Педагогѣумъ“, основан. Линднеромъ въ 1879 г., „Листы филологѣцке а педагогѣцке“, „Женске листы“ (съ 1871 года), „Коменскій“ (съ 1873 г.), „Народъ а школа“ съ 1878 г. и пр. Къ этой же области долженъ быть отнесенъ и знаменитый „Научный Словникъ“ въ 11 томахъ,—огромная энциклопедія, редактированная сначала Лад. *Ритеромъ*, а затѣмъ Яв. *Малымъ*, и отличающаяся такимъ обиліемъ статей о славянствѣ и славянскихъ вопросахъ, что въ этомъ отношеніи она является *единственнымъ* полнымъ и надежнымъ источникомъ; этотъ послѣдній составилъ также малыя энциклопедіи: „Властенецкѣй словникъ“, и „Стручный (краткѣй) вшеобецный словникъ“, а І. Ранкъ издалъ „Прѣиручный словникъ вшеобецныхъ вѣдомости“,

Изъ педагоговъ, разрабатывавшихъ главнымъ образомъ классическую филологію, долженъ быть въ особенности указанъ *Кочичала* Янъ, помѣстившій множество статей въ „Лис-

тахъ филологическихъ а педагог.“, основанныхъ имъ же вмѣстѣ съ Гебауеромъ, въ „Крокъ“, „Научномъ Словникѣ“ и др. и извѣстный своимъ переводомъ Геродота и Саллюстія; затѣмъ очень дѣльные труды въ этой области принадлежатъ Э. *Новотному* (переводъ Демосееновыхъ рѣчей, статьи въ „Листахъ фил. а пед.“), *Нидерле* Индр. (перев. изъ Гомера, Софокла (Электра и Аяксъ), хорошая греческая грамматика и статьи въ „Листахъ..“, „Освѣтъ“ и пр.), *Депарю* Фр. (огромный греческо-чешско-нѣмецкій словарь) и *Велишскому* Фр. (прекрасный трудъ „Животъ (жизнь) (Г)рѣковъ а рѣиманувъ“, переведенный и по русски Кіевскимъ Обществомъ классической филологіи и педагогики, подъ ред. И. Я. Ростовцева 1878 г.) Изъ старыхъ трудовъ по классической филологіи слѣдуетъ отмѣтить переводы Иліады (Яна *Непдлаго* въ 1801 г. и болѣе поздній—Я. *Вълма*), „Категорій“ Аристотеля (Ант. Яр. Вертатка, въ 1860 г.), рѣчи Цицерона противъ Катилины и Горациева письма о стихотворномъ искусствѣ (извѣстнаго Сим. *Махачка*, см. 207 стр.). Но, собственно говоря, по чешски переведены почти всѣ важнѣйшія произведенія греческихъ и римскихъ писателей.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о чешскихъ по-временныхъ изданіяхъ ¹⁾. Типъ нашихъ таеъ называемыхъ „толстыхъ“ журналовъ въ чешской литературѣ отсутствуетъ, что объясняется, конечно, вопервыжъ относительно немногочисленностью серьезно читающей чешской публики, изъ которой многіе, особенно чиновники, доселѣ еще охотнѣе держатся нѣмецкой журналистики, а вовторыхъ множествомъ мелкихъ изданій по всѣмъ отраслямъ науки и литературы, изданій, которыя по своей дешевизнѣ удовлетворяютъ вкусу чеха

¹⁾ Объ этомъ, равно какъ и вообще объ издательскомъ дѣлѣ въ Чехіи, читатель найдетъ краткія свѣдѣнія хотя бы въ „Извѣстіяхъ Петербургскаго Славянскаго Общества“ за 1884 г. № 12, 32—3 стр.

(какъ, впрочемъ, и вообще западноевропейца) и потому въ своей массѣ въ сущности, хотя и не вполне, замѣняютъ типъ „толстых“ журналовъ. Названія этихъ мелкихъ журналовъ („Часописи“ разные, Освѣта, Свѣтозоръ, Квѣты и др.) много разъ уже встрѣчались въ нашемъ изложеніи, и мы теперь не будемъ о нихъ говорить; скажемъ только нѣсколько словъ о массѣ разныхъ сборниковъ, въ которыхъ съ необыкновенною дешевизной издается множество всевозможныхъ произведеній текущей словесности и, слѣдовательно, бьется, такъ сказать, главнымъ образомъ пульсъ литературной жизни страны. „Чешская Матица“, состоящая при народномъ музеѣ, издаетъ преимущественно сочиненія научно-литературнаго содержания; а „Матице Лиду“ (народная)—общедоступныя и беллетристическія. Затѣмъ издательское общество „Либуше, матице забавы а умѣни“ просто поражаетъ дешевизною своихъ изданій, между которыми попадаютъ иногда очень дѣльные произведенія извѣстныхъ писателей, какъ Ирасекъ, Требизскій и др. Отмѣтимъ еще сборники: Народни библиотека, Салонни(—ая) библиотека, Коброва „Лацина (дешевая) книговна народни“, Кабинетни книговна, Поезіе свѣтова (преимущественно для переводовъ) и мн. др.; это внушительное количество сборниковъ свидѣлствуетъ о значительной потребности въ чтеніи, существующей у чеховъ. Подобныя изданія у насъ, напр., находятся только въ зародышѣ (напр., Дешевая библиотека, А. Суворина, изданія книжнаго склада „Посредникъ“).

Изъ представителей чешской публицистики, развившейся главнымъ образомъ уже послѣ 1848 года и особенно въ шестидесятихъ годахъ, кромѣ много разъ упомянутого Ригера и его товарища Ю *Грегера*, болѣе всего извѣстны: братья *Скрейшовскіе*: Янъ (род. въ 1831 г.), издающій съ 1862 г. извѣстную газету „Политикъ“, въ которой ведетъ борьбу

съ враждебной нѣмецкой журналистикой, и Франтишекъ (род. 1837), основатель иллюстраціи „Свѣтозоръ“; затѣмъ *Тоннеръ* Эм. (род. 1829), извѣстный своими статьями „Поляци а Чехи“, помѣщенными въ „Народныхъ листахъ“ за 1863 г.; *Сладковскій* Карлъ (1823—89), демократъ, много лѣтъ проведеншій въ тюрьмѣ и подъ конецъ жизни принявшій православіе; наконецъ, *Вагера* Винц. (1824—77) тоже человѣкъ съ крайне бурнымъ политическимъ прошедшимъ, издававшій одно время газету „Гласъ“ и въ 1865 г. соединившій ее съ „Народными листами“. Почти всѣ названные раньше журналисты были по убѣжденіямъ младочехи, по многимъ вопросамъ очень разошедшіеся съ старочехами, органомъ которыхъ служилъ „Покрокъ“, а представителями были Палацкій и Ригеръ, а нынче только послѣдній: разногласіе, напр., касалось русскопольскихъ отношеній, причемъ младочехи болѣе сочувствовали полякамъ, а старочехи на оборотъ; кромѣ того, взгляды младочеховъ заключали въ себѣ много демократическаго, чего нельзя сказать о старочехахъ; въ отношеніи къ мадыарословацкому вопросу опять разны: младочехи стоятъ за словаковъ, а старочехи кокетничаютъ съ мадыарами... Очень часто, впрочемъ, обѣ партіи идутъ вмѣстѣ, особенно въ отношеніи историческихъ правъ Чехіи и вообще въ борьбѣ съ нѣмцами.

Извѣстная свобода общественной жизни создала въ Чехіи множество всякаго рода кружковъ и обществъ, начиная съ литературнаго „Академицкаго чтенарьскаго сполка (общества)“ студентовъ и кончая гимнастическимъ обществомъ „Соколъ“ члены котораго разсѣяны по всей Чехіи. Цѣли всѣхъ этихъ обществъ по большей части весьма серьезны, а иногда и очень дальновидны; напримѣръ, это можно сказать о такъ называемомъ „Русскомъ кружкѣ“ въ Прагѣ и особенно о „Соколѣ“... Члены перваго главнымъ образомъ посвящаютъ свои собранія русскимъ изученіямъ, по уставу, говорятъ въ

нихъ только по русски и, подобно членамъ студенческаго общества „Славія“, устраиваютъ иногда и русскіе литературные вечера. ¹⁾).

Такимъ образомъ, какъ видитъ читатель, и въ литературѣ и въ жизни чеховъ широкою струею уже течетъ славянская идея, за которую чешскій народъ инстинктивно держится, какъ за спасительную для себя; но только если придетъ пора, когда она бурнымъ потокомъ разольется по странѣ, можно будетъ съ извѣстнымъ спокойствіемъ отнестись къ судьбамъ Чехіи, до того же времени эти судьбы все еще будутъ внушать невольное тоскливое сомнѣніе въ друзьяхъ славянства...

¹⁾ О нѣкоторыхъ обществахъ см., хотя бы, „Извѣстія Петербургскаго Славянскаго Общества, напр. за 1885 г. 401—2 стр., но и въ др. мѣстахъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

I. Краткій очеркъ развитія въ Чехіи математики и естествовѣдѣнія.

Науки индуктивныя съ трудомъ развивались въ средніе вѣка, это время по преимуществу разныхъ астрологическихъ и алхимическихъ бредней, исключавшихъ свободное и непредвзятое изслѣдованіе и наблюденіе силъ и законовъ природы. Тѣмъ не менѣе и по этимъ наукамъ въ Чехіи достигнуты были болѣе или менѣе важные результаты. Еще въ гуситскую эпоху славился, какъ математикъ, астрономъ и лѣкарь, другъ Гуса Хриситіанъ изъ *Прагатицъ*, († 1439) извѣстный хорошими чешскими сочиненіями по этимъ наукамъ. Одно время онъ былъ ректоромъ пражскаго университета. Между прочимъ Эрбенъ приписываетъ именно ему переводъ двухъ замѣчательныхъ медицинскихъ книгъ 1) „Разесово ранне лѣкарстви“ (Разесъ—арабскій врачъ) и 2) „Салисеттова ранна (отъ ранъ) лѣкарстви“ (Салисетти—итальянскій хирургъ); обѣ эти книги были изданы въ 1864 и 1867 г. пражскимъ „Сполкомъ (обществомъ) чешскихъ лѣкарей“ такъ какъ онѣ были чрезвычайно важны для чешской медицинской терминологіи. Близкій другъ Гуса, Прагатицкій имѣлъ мужество посѣтить его въ Костницѣ, самъ былъ схваченъ папистами и былъ освобожденъ лишь благодаря заступничеству самого короля Сигизмунда. Неза-

долго до смерти онъ былъ однимъ изъ главныхъ распорядителей въ дѣлахъ партіи подобоевъ.

Въ шестнадцатомъ вѣкѣ такъ называемые „былинари“, или гербаріи были наиболѣе любимой формой сочиненій, въ которую врачи и естествовѣды заключали и посредствомъ которой распространяли въ обществѣ свои научныя знанія и врачебные совѣты.

Самыми знаменитыми лѣкарями считались въ это время два „брата“ чешскихъ, Янъ *Черный* и Микулашъ *Клавдіанъ*, одинъ въ Литомышлѣ, другой въ молодой Болеславѣ. Оба составили лѣкарскую книгу (1517 г.) „Гербарь“ или „былинаръ“ (былина—зелье), пользуясь многими латинскими сочиненіями. Хотя приложенные рисунки и неудачны, но „былинаръ“ представляетъ успѣхъ въ томъ отношеніи, что уже болѣе въ немъ обращено вниманіе на дѣйствительную природу. Огромный успѣхъ въ изученіи лѣкарственныхъ снадобій и травъ сдѣланъ былъ въ Чехіи славнымъ итальянцемъ *Матіоли*. Призванный Фердинандомъ I въ качествѣ лѣкаря къ эрцгерцогу Фердинанду въ Прагу, онъ оставался при императорскомъ дворѣ до 1565 г. и былъ однимъ изъ главныхъ объяснителей извѣстнаго греческаго врача, Діоскорида. Матіоли неустаннымъ прилежаніемъ, богатыми средствами императорскаго двора и перепиской съ лучшими ботаниками своего времени приобрѣлъ широкое и основательное знаніе растений и ихъ свойствъ и написалъ по латыни знаменитый гербарій, изданный послѣ на разныхъ европейскихъ языкахъ. Ближайшимъ сотрудникомъ и товарищемъ славнаго итальянца, пріятельски относившагося въ чехамъ, былъ чешскій ученый Тадеашъ *Гаекъ* изъ Гайка (1525—1600). Прослушавъ лекціи въ нѣсколькихъ итальянскихъ университетахъ, онъ возвратился въ Чехію, гдѣ прославился, какъ лѣкарь, математикъ и астрономъ. Сойдясь съ Матіоли, онъ обработалъ по чешски его гербарій, который и

былъ изданъ издвигеніемъ чешскихъ сословій великолѣпной книгой въ 1562 г. Трудъ Тадеуша Гайка заключаетъ въ себѣ массу прекрасныхъ медицинскихъ терминовъ и тогдашнихъ народныхъ названій травъ; составляя хорошую обработку гербарія Матиоли, онъ многихъ расположилъ въ пользу чешской лѣкарственной науки. Описанія въ немъ большею частью хороши, рисунки тоже удачны; находится много объясненій лѣчебной силы разныхъ снадобій и способа ихъ приготовленія. Такимъ образомъ гербарій Гайка, будучи занимательнымъ по содержанію и удобоопытнымъ по слогу, служилъ хорошую службу во многихъ семьяхъ, какъ дѣльный совѣтникъ въ разныхъ немощахъ; онъ много послужилъ также къ распространенію такъ называемыхъ домашнихъ средствъ, и доселѣ сохраняющихся въ народѣ. Кстати уже замѣтимъ, что, когда разошелся весь гербарій Гайка, ученый чешскій лѣкаръ Адамъ Губеръ изъ Ризенбаха (1596 г.) приготовилъ съ Д. Велеславинимъ новое изданіе гербарія Матиоли и кромѣ того сдѣлалъ изъ него извлеченіе для обихода бѣднѣйшаго люда. Этотъ же Губеръ перевелъ по чешски извѣстное латинское сочиненіе Генриха Ранзовія о сохраненіи здоровья. Чины королевства, желая почтить заслуги Гайка, возвели его на сеймъ въ Прагѣ 1571 въ рыцарское достоинство и назвали его первымъ лѣкаремъ королевства. Годомъ раньше Максимилианъ II сдѣлалъ его врачомъ при своей особѣ; въ этой должности Гаекъ состоялъ и при Рудольфѣ II. Но въ каждомъ положеніи этотъ человѣкъ не переставалъ трудиться на пользу науки и распространять и латинскими и чешскими сочиненіями любовь къ естествознанію. Самъ Рудольфъ II очень любилъ естественныя науки, и при его дворѣ находилась масса ученыхъ естествоиспытателей, средоточіемъ которыхъ былъ Гаекъ, привлеченный потомъ къ этому ученому союзу и еще двѣ знаменитости: датскаго астронома Тихо-де-Браге и нѣмецкаго

Кеплера. Къ лучшимъ естествовѣдамъ своего времени принадлежалъ и Адамъ *Залужанскій* (род. ок. 1560, † 1613), профессоръ и ректоръ пражскаго университета. Особенно былъ извѣстенъ его ботаническій трудъ „*Methodus herbaria*“, написанный, по обычаю времени, по латыни, но заключающій въ себѣ чешскія названія травъ. Не останавливаясь на простомъ внѣшнемъ описаніи, онъ занимается и внутренними свойствами зелій; на основаніи своихъ усердныхъ наблюденій онъ распредѣляетъ травы по закону однородности по семействамъ, родамъ и пр. высшимъ синтетическимъ группамъ. Эта систематичность его гербарія представляла уже явный успѣхъ въ ботаникѣ. (См *Čas. čes.* М. 1848. и *Osvěta* 1876 г.) Будучи извѣстнымъ лѣкаремъ и фармацевтомъ, Залужанскій сдѣлался завѣдующимъ больницами въ „старомъ мѣстѣ“ Праги и издалъ въ 1592 г. „Рядъ аптекарскій“ (порядокъ, уставъ, положеніе аптекарское), гдѣ находятся правила для аптекарей. Онъ занимался также и астрономіей и издавалъ нѣсколько лѣтъ чешскій календарь. Въ 1600 г. онъ убѣждалъ Рудольфа II и сословія въ необходимости улучшеній въ пражскомъ университетѣ, особенно относительно обновленія медицинскихъ занятій въ немъ и заведенія анатоміи. Между разными удобными для этого условіями онъ указывалъ на славнаго лѣкаря Яна Есенскаго, котораго сословія пригласили для Праги. Но только въ 1605 г., въ ректорство Мартина Бахачка, впервые анатомировался трупъ человѣческій тѣмъ же Есенскимъ, а исполненіе желаемыхъ улучшеній въ университетѣ протянулось до 1611 г.

Изъ чеховъ, писавшихъ при Рудольфѣ по чешски о разныхъ алхимическихъ вещахъ, особенно былъ извѣстенъ Баворъ младшій *Родовскій* изъ Густиржанъ (1526—1600).

Изъ писавшихъ по математикѣ въ періодъ чешскаго возрожденія извѣстны: *Выдра* Стан. (1741—1805 г. о немъ см. „Часописъ“ за 1870 г.); *Седлачекъ* Войт. составившій „Заklady

природництви небѣ (или) физики“, (1785—1836 г., о немъ и о Выдрѣ см. книгу „Прједни (вос)крјисители народа чешскаго“) и *Сметана* Іос. (1801—61), писавшій много по физикѣ (напр. учебники), извѣстный и своимъ обширнымъ „Вшеобecnымъ дѣписомъ обчанскимъ“ въ 3 частяхъ, изд. въ 1846 г. Матицей Чешской. Въ новое же время замѣчательны: *Скриванъ* Густ. (1831—66), весьма способный ученый, извѣстный своими „Закладами (основы) аналитичке геометріе 1864 г. и „Прједнашками (докладъ) о алгебраичке анализи“ 1685 г.; *Студничка* Фр. Іос. (род. въ 1836 г. о немъ см. выше), которому принадлежать „Закладове (основы) высши(—ей) математики“, „О детерминантехъ“ (опредѣлителяхъ), „О почту вариачнимъ“ (разностномъ счисленіи), „Высши математика въ улогахъ (задачахъ) „Закладове науки о числахъ“—все труды и важные и отличающіеся яснымъ изложеніемъ; онъ же писалъ и по исторіи математики (о происхожденіи разностнаго изчисленія, о Коперникѣ, Гауссѣ и пр.); *Покорный* Март. написалъ, кромѣ разныхъ журнальныхъ статей, и книгу „Детерминанты а высши ровнице“ (параллели). Еднота (общество) чешскихъ математиковъ издаетъ свой „Часопись“ и „Архивъ математики и физики“, гдѣ встрѣчаются дѣльныя работы, кромѣ вышеизчисленныхъ лицъ, еще *Эмиля* и *Эдуарда Вейрова*, *Крейчаго*, *Сейдлера* Авг., извѣстнаго своими „Закладами (основы) теоретичке физики“ 1880 г., *Панка* Авг. и др.; братьямъ Вейрамъ принадлежать также важные „Заклады высши геометріе“, извѣстные и въ заграничной наукѣ. Затѣмъ *Мюллеръ* Фр. извѣстенъ своей исторіей квадратуры круга, *Лавичка*—исторіей описательной геометріи, *Смоликъ* книгой „Математики въ Чехахъ“. Изъ естествовѣдцовъ эпохи возрожденія особенно замѣчателенъ *Пресль* Я. Святополкъ (1791—1849; о немъ см. 168 стр.) начавшій уже съ 1820 года издавать превосходный „Вшеобecnый Ростлинарь“ (ботан.), котораго,

впрочемъ, вышло только четыре части; затѣмъ онъ написалъ „Лучбу“ (химію) въ 2 частяхъ, „Розправы о прѣвратехъ коры земскѣ“ (переводъ изъ Кювье), „Технологію“ съ атласомъ 1837 г., въ которой любопытны образцы народнаго ремесленнаго „назвосолові(я, терминологіи). Въ томъ же году вышла его Минералогія, лучший трудъ въ то время, и не только въ чешской литературѣ. Кромѣ того, онъ въ продолженіе 1821—36 г. издавалъ „Крокъ“, чрезвычайно дѣльный научный журналъ, на каждомъ выпускѣ котораго стояло превосходное властенецкое „гесло“ (девизъ): „Patiam, quam pactus es, огна“! (прославляя отчизну, которую приобрѣлъ). Наконецъ въ 1846—8 г. вышли въ свѣтъ давно ожидавшіеся „Вшеобецный Ростлинописъ“ (ботаника) въ 3 частяхъ и „Початки Ростлинослові(я)“, которыми положено было прочное основаніе славяночешской ботанической терминологіи. Эти работы стоили тѣмъ большаго труда Преслю, что, со времени Тад. Гайка, т. е. отъ XVI вѣка, въ чешской литературѣ не появилось ничего замѣчательнаго въ этой области, а наука тѣмъ временемъ значительно подвинулась впередъ! Преслю пришлось самому изобрѣтать названія, для чего онъ прибѣгалъ въ значительной мѣрѣ и къ другимъ славянскимъ нарѣчіямъ. Послѣ Пресля наиболѣе замѣчателенъ *Пуркынъ* Янъ (1787—1869), бывшій дѣятельнымъ сотрудникомъ „Крока“ и создавшій изъ своихъ учениковъ цѣлую школу молодыхъ естествовѣдовъ. Изъ ученыхъ болѣе молодаго поколѣнія извѣстнѣе другихъ: *Крейчій* Янъ (род. 1825), написавшій „Прѣгледъ сывставы живочишне“ (системы животнаго царства), „Початки неростопису“ (минералогія, царства ископаемыхъ), „Образъ квітенъ (флоры, растительнаго царства), „Кристаллографію“, „Початки силоспыту“ (физики), „Заклады земѣвналецтви“ и множество статей въ „Научномъ Словникѣ“, „Живѣ“, гдѣ онъ былъ редакторомъ вмѣстѣ съ Пуркынѣмъ, и „Часописѣ“;

Съ особенной однакоже любовью Крейчій занимался геологіей, и его „Геологія“, гдѣ обращено особенное вниманіе на чешскую землю, очень цѣнится.

Фричъ Ант. (род. въ 1832 г.) написалъ обширное „Европске птацтво“ съ рисунками, „Прїродописъ живочинства (царство животныхъ) про стрѣдни шволы“, нѣсколько зоологическихъ монографій (напр. о чешскихъ рыбахъ), палеонтологическое изслѣдованіе „О вѣрствахъ (слояхъ) коры земске (—ной)“ 1869 г. и множество статей въ „Часописѣ“, „Архивѣ про прїродовѣдѣцкый вызкумъ (изслѣдованіе) Чехъ“, „Живѣ“ и другихъ изданіяхъ. *Старый Карлъ* (род. въ 1831 г., гимназическій профессоръ въ Прагѣ) извѣстенъ, какъ лучший общедоступный писатель по естествовѣдѣнію; ему принадлежать, напр., „Образы въ прїроды“, „Животъ звирьатъ“, „Веселе празднины“ (вакаціи), „Прїродописне образы въ чешскихъ лѣсу а лугу“ и др. *Еличка* Пав. (род. въ 1826 г. † въ 1883 г., былъ гимназическимъ профессоромъ въ Прагѣ) написалъ „Свѣтозоръ про домъ а школу“, „Назорный(—глядный) прїродописъ вшехъ трїа(—ехъ) рїиши“ (царствъ) и др.

Извѣстный поэтъ *Лад. Челяковский* замѣчателенъ и своими работами по ботаникѣ: Прїродописный атласъ растлнства, Аналитицка кѣтена (флора) ческа, статьи въ Живѣ, Научномъ Словникѣ, Часописѣ, Освѣтѣ. *Боржикій* Эман. (1839—1881) написалъ „Неростописъ“ (минералогію) для гимназій и много дѣльныхъ работъ въ Живѣ, Освѣтѣ и др. *Шафарикъ* Войтѣхъ (род. въ 1829 г.) составилъ прекрасные „Закладове (основы) хеміе“, или, во 2 изданіи, „Руковѣтъ(—водство) хеміе про высоке учені(е) ческе“ (для студентовъ) и много дѣльныхъ статей въ Живѣ, Часописѣ, Хемичкихъ листахъ и др. Важны также химическія сочиненія *Штамбы* Фр. (род. въ 1846 г. (въ Живѣ, Часописѣ химиковъ чешскихъ и др.) *Яна* Юлія—Вратислава (Початки хеміи, Хеміе неростна (неорганическая)

сы эпического характера (всѣхъ пѣснь въ книжечкѣ 14) отдѣляются одна отъ другой только тѣмъ, что начинаются съ новой строки и имѣютъ начальную букву въ сильно увеличенномъ размѣрѣ; лирическія и того не имѣютъ. Начальные буквы разрисованы красной, кое-гдѣ зеленой и синею краской съ позолотой и украшены виньетками, впрочемъ довольно простыми, какъ это видно изъ приложеннаго къ нашей книгѣ снимка.

Текстъ тянется почти непрерывно между горизонтальными линейками; иногда онъ прерывается заглавіями, находящимися предъ нѣкоторыми произведеніями, именно тамъ, гдѣ начинается новая глава книги. Предъ лирическими пѣснями, напр., находится такое заглавіе: *posínasie kapitule osmmezcietna trsietiech kniž o piesniech* (начинается 28-я глава третьей книги о пѣсняхъ). Утраченнымъ нужно считать по крайней мѣрѣ 2 книги и 24 главы 3-й книги. Сокращеній въ рукописи немного, и всѣ они, равно какъ и характеръ письма, соединеніе двухъ буквъ въ одну—чисто чешскаго свойства; несомнѣнно рукопись писана въ Чехіи и чехомъ, какъ замѣчаетъ Шафарикъ. Что касается до древности рукописи, то наиболѣе авторитетные палеографы (Палацкій и др.) относили ее къ концу XIII вѣка; а что до самихъ пѣсень, то мнѣнія о происхожденіи ихъ различны. Одни считаютъ ихъ произведеніями искусственной поэзіи (напр. Палацкій; только лирическ. пѣсни онъ считаетъ народными), другіе (Шафарикъ) исключительно плодами народнаго творчества, значительно превосходящими свѣжестью и неподдѣльностью чувства все, написанное самыми старыми чешскими поэтами въ средніе вѣка. Впрочемъ, Шафарикъ допускаетъ, что эти пѣсни не прямо взяты изъ устъ народа, а списаны въ нынѣ найденную рукопись изъ другой, болѣе старой, быть можетъ, извѣстнымъ чешскимъ рыцаремъ Завишемъ изъ Розенберга, знаменитымъ въ свое время поэтомъ, и притомъ для его возлюбленной,

вдовы—королевы Кунгуты. На это указывает необыкновенно малый видъ рукописи и красивое письмо съ золотыми заглавными буквами. По мнѣнію Шафарика, пѣсни, много разъ списываемыя и переписываемыя, значительное видоизмѣнились и много теряли изъ своихъ достоинствъ отъ невѣжества или недобросовѣстности писцовъ; такъ что до насъ дошли онѣ уже изрядно попорченными, хотя все еще сохраняютъ всѣ черты народнаго происхожденія.

Латинская азбука всегда была слишкомъ недостаточна для выраженія всѣхъ славянскихъ звуковъ; поэтому славяне, прежде всего встрѣтившіеся съ этой азбукой и усвоившіе ее себѣ, принуждены были употреблять для обозначенія собственно славянскихъ звуковъ различныя сочетанія латинскихъ буквъ. Ясное дѣло, что подобная искусственность и условность знаковъ производила большую неточность письма, а потому была неудовлетворительна и непрочна; чуть ли не каждое поколѣніе одного и того же народа, не говоря уже о различныхъ славянскихъ народахъ, имѣвшихъ все таки одинаковые звуки, чуть ли не каждый писатель мѣняли по своему вкусу и соображенію эти обозначенія; мало того, сбивчивость и неточность ихъ замѣтна часто на одномъ и томъ же произведеніи; это видно на правописаніи Краледворской рукописи, гдѣ, напр., *ч* (нынѣшнее чешское *č*) обозначается:

1) соединеніемъ *sz* предъ согласными, предъ гласной *a* и на концѣ словъ; напр. *szrn* (чърн, črn), *szarodei*, *orasz* (повелит. накл. отъ глагола *oračiti* повторять, 190 ст. пѣсни „Честмиръ и Влаславъ“).

2) соединеніемъ *si* напр. *sie* (че, čе); *sieho* (чего, čeho), *mesieš* (мечемъ, меčем) и пр.

3) буквой *s*; напр. *osceroma* (осчепома, oščeroma), *oci* (очи, oči), *vzkosi*, *scit*, *rosína* и пр.

4) соединеніемъ *cz* напр. *csmīr* (чмиръ, čmīr), *csmīgu*, *csmīrovim*, *csmīrem*, *viesce* и пр.

Алфавитъ „Суда Любушина“—круглая старая латынь почти безъ всякихъ сокращеній и безъ нарочитыхъ знаковъ для славянскихъ звуковъ, и это одно уже обличаетъ глубокую древность рукописи; письмо ея непрерывное, безъ раздѣленія словъ, писано въ перемежку большими и малыми буквами, по-видимому безъ всякаго основанія и порядка, имѣетъ вообще очень древній видъ, и нѣкоторые ученые относятъ рукопись къ концу IX в. или, по крайней мѣрѣ, къ началу X. Въ ней, напр., еще не существуетъ шепеляваго *rj* (ř), а мягкое *p* (p̣) должно выговариваться, какъ и доселѣ у словаковъ, русскихъ и пр.

Знаковъ препинанія нѣтъ; единственная точка вверху строки отдѣляетъ первый маленькій эпическій отрывокъ отъ втораго, большаго; начальныя гласныя буквы слоговъ обозначены красными чертами, а начальная буква большаго отрывка значительно превосходитъ своей величиной прочія буквы, въ срединѣ окрашена сурикомъ, а по краямъ болѣе яркочерной киноварью.

Пергаментъ „Суда Любушина“ до того темень и грязень, что всѣ попытки издать рукопись фотографически, какъ это было сдѣлано съ Краледворской рукописью, не удались, хотя буквы ея значительно крупнѣе буквъ Краледворской рукописи. Кажется, рукопись первоначально написана была очень просто, но въ XIII или XIV в. по ней много разъ прогуливались разные руки и наставили множество разныхъ красныхъ значковъ и точекъ на буквахъ и между буквами; значеніе этихъ значковъ и позднѣе окрашенныхъ буквъ еще не можетъ быть вполне удовлетворительно объяснено; думаютъ, что это просто знаки удареній въ пѣніи (слѣдовательно что то въ родѣ нотныхъ, по мнѣнію *Гамуша*) или, какъ думаетъ г. Страширибека, что красныя черточки надъ буквами просто означаютъ, гдѣ начинается и окан-

чивается каждое слово (что дѣйствительно могло казаться необходимымъ при непрерывномъ письмѣ). Дурная въ этомъ отношеніи постановка черточекъ встрѣчается всего разъ 10, быть можетъ, случайно.

ДОПОЛНЕНІЯ

Къ 15 стр. Между переводами произведеній Краледворской рукописи на иностранные языки нельзя не отмѣтить въ особенности одного, важнаго по великому имени переводчика. Я говорю о Гёте, который усвоилъ нѣмецкой словесности въ своемъ чудномъ стихѣ одну изъ лирическихъ пѣснь рукописи „Кытице“ (см. т. II, 341).

Къ 28 стр. Читателю, желающему познакомиться съ вопросомъ о близкомъ взаимномъ сродствѣ народной поэзіи славянскихъ племенъ и въ частности о поэзіи Краледворской р—си и Зеленогорской въ общедоступномъ изложеніи, можемъ посоветовать прекрасную статью г. Ор. Миллера въ „Поэзіи славянъ“ г. Н. Гербеля, 17—32 стр.

Къ стр. 44. Приводимъ эти двѣ замѣчательныя церковныя пѣсни—наслѣдницы кирилломеѳодіевскаго преданія въ Чехіи:

1) Господине (первонач. обликъ: Господи), помилуй ны,
Іезу Кресте, помилуй ны!

Ты, спасе вшего (первоначальный обликъ: всѣго) міра,
Спаси-жъ ны и услыши-жъ,
Господине, гласы наше!

Дай намъ вшемъ (первонач.: всѣмъ), Господине,
Жизнь а міръ въ земли.

Кърлешъ (трижды=киріе елейсонъ, господи помилуй!)

Эта пѣснь въ чешскихъ церквахъ поется и доселѣ (см. примѣчаніе къ ней въ „Выборѣ“ ч. I, стр. 28). Первоначальные облики (Господи, всѣмъ и др.) приведены нами по предполагаемому подлинному виду пѣсни, помѣщенному въ „Выборѣ“ же.

2) Свѣтый Вацлаве, веводо ческе земѣ, кнѣже нашъ!

Прось за насъ Бога Сватога Духа, Кириелейсонъ!
Небеске-тъ естъ дворство (пре)красне:
Блаже(—го) тому, кто жъ тамъ пойде(тъ)
Въ животъ вѣчный, огонь ясный
Сватога Духа. Кириелейсонъ.
Помоци тве(—ой) жа(ж)дамы(—емъ):
Смилуй сѣ надъ нами;
Утѣшь смутне(—ыхъ), отведь вше зле,
Святий Вацлаве, Кириелейсонъ!
(„Выборъ“ I, 322 стр.).

Какъ видить читатель, древнецерковнославянскій характеръ этихъ пѣсней просто бросается въ глаза; такія слова, какъ *Господинъ, жизнь* и пр., отсутствующія въ нынѣшнемъ чешскомъ языкѣ, такія выраженія, какъ кириелейсонъ, кърлешъ и наконецъ просто общій тонъ и духъ языка невольно свидѣтельствуютъ о давнемъ и восточномъ происхожденіи этихъ замѣчательныхъ памятниковъ.

Къ 45 стр. Отрывокъ изъ стихотворной легенды „Животъ свате Катерины“ (прозаическая легенда, гдѣ „выправуе сѣ (разсказывается) пашіе (страданія) свате(—ой) Катерины, достойне(—ой) дѣвице(ы)“, помѣщена въ „Выборъ“ I, 288—300 стр. въ полномъ видѣ):

Кдыжъ за давныхъ часовъ въ Грьешѣ (Греція)
Еденъ цѣсарь поганъ бѣше (былъ язычникъ)
(Генъ (онъ) владѣше(—лъ) всѣми крали(—ями),
Цо-жъ (сколько) ихъ было ближъ и vzdali
Вшего люду поганского (языческаго);
Максенціусъ имѣ(-я) того злого
Было, такъ намъ писъмо прави(тъ, говоритъ).
Его гнѣвни крути прави
Были сѣ пронесли тады,
Ежъ (что) его имѣ въ горы вшады (вездѣ)

Каждый яко горы возилъ (т. е. каждый словно
исполнялъ тяжелую работу, когда
произносилъ его имя).

Бѣше поганство угрозилъ:

Такъ жъ сѣ тръесли его зракемъ,
Яко курьѣ (курица) прѣдѣ лунякемъ (коршуномъ),
(В)мѣсто Бога ей(его) имѣху,
Его модламъ (изображеніямъ) сѣ кланѣху(—яли),
А цо жъ казалъ, то сѣ стало
Сѣров(м)нѣ много небо (или) мало.
Подѣ тѣмъ цѣсарѣмъ въ гърдости
Еденъ краль у богатости
Седѣше въ одномъ островѣ
Въ ц(к)ипрской земи, въ добремъ словѣ;
Дѣху (называли) ему Костусъ именемъ....
Былъ мудрый, щедрый, радный, къ тому
Вѣрный сему и оному,
Бранный (храбрый) въ непрѣательске прѣтѣ
(стычкѣ),

На вше страны ве вшемъ свѣтѣ
Его хвала слу(ш)ла спорѣ(—о),
Такъ же цѣсарь на свемъ дворѣ
Не(и)мѣлъ крале(—я) раднѣйшего (лучш. совѣтника),
А ни къ службѣ снажнѣйшего (ревностнѣйшаго)
Цо жъ му (при)каз(ыв)алъ ве дне, въ ноци....

Клеветники обвинили этого превосходнаго короля Костуса въ измѣнѣ, и императоръ Максенцій удалилъ его отъ двора, хотя, не совсѣмъ довѣряя злымъ навѣтамъ, оставилъ за нимъ прежнее его кипрское королевство. Костусъ поселился

съ женою и единственною дочерью Екатериною въ Александріи.

Ту (т. е. дочь) миловаше(—лъ, любилъ) вшѹ силоу (со
всею силою)

Якъ жъ то съ правемъ было зъ чина (что и дѣйстви-
тельно, въ сам. дѣлѣ было справедливо),

Небѣ (ибо) (е)му бѣше дѣци (дочь) едина.

Прото часто радоще(а)ми

Възискрилъ, ажъ (пока) ю(ее) милощени

Далъ въ ученѣе у высоке.

Екатерина выучилась всѣмъ наукамъ и успѣла въ нихъ чрезвычайно. Кромѣ того, она славилась повсюду необычайною красотою, и когда Максенцій, вздумавъ женить своего сына и отдѣлить ему часть имперіи, разослалъ пословъ во всѣ страны для разысканія самыхъ красивыхъ дѣвушекъ, чтобы выбрать изъ нихъ невѣсту сыну, судьба привела пословъ и въ Александрію. Узнавъ о красотѣ Екатерины, они поладили съ ея матерью, и та, не сказавъ ничего дочери, начала готовиться къ свадебному пиршеству „хѣтѣцъ (желая) сву(—ою) милу дѣщеръ выдати въ славней дражи, съ людскимъ слухемъ (приличіемъ), стравоу (угоженіемъ) и богатымъ рухемъ“ (платьемъ). Но дочь, рано привыкшая къ похваламъ своей красотѣ, заупрямилась и наотрѣзъ отказалась выйти замужъ за человека, котораго она „ани знала, ни видѣла,—

Какъ есть взростлый на животѣ (сколькихъ онъ лѣтъ),
Гѣрбовать (горбатъ) ли чи въ лѣпотѣ (или въ красотѣ),

Грады ль има(—ѣтъ) чи зле (злые, плохіе) дома,
Слѣпый ли е(сть) чи видомый (зрячій),

Мързутый ли чили тварный (противный ли или
пригожий),

Скупый ли е чили дарный,

Красный ли есть чи некрасный (красивый)

Немудрый ли, чи вѣгласный (умный)

Хромый ли есть небо (или) правый (прямой)

Немоцный ли чи панъ здравы? и т. д.

(См. Эрбеново изданіе этого произведенія: русскій читатель болѣе подробностей найдетъ въ Славянской Хрестоматіи Г. Воскресенскаго, вып. III. Кромѣ того, одинъ отрывокъ см. въ „Антологіи“ Иречка 51 стр.) Легенда эта найдена въ 1850 году І. Печиркою въ чешской рукописи XVI вѣка въ Стокгольмѣ, куда было завезено много чешскихъ рукописей во время тридцатилѣтней войны; издана она была въ Прагѣ въ 1860 году подъ редакціей К. Яроміра Эрбена. Въ 1878 г. (см. 163 стр.) эта рукопись, вмѣстѣ съ другими, была возвращена изъ Швеціи и хранится въ моравскомъ земскомъ архивѣ, въ Бърнѣ.

Къ 77 стр. Напѣвъ пѣсни „Кдо ѡсте божи боѣвници.“, весьма любопытный (in modo dorico въ дорическомъ ладу), можно найти хотя бы въ изданіи Л. Кубы „Slovanstvo ve svých zpěvech“ kniha I, sešit 1.

Къ 188 стр. Любопытно, что съ именемъ Хмеленскаго связана нѣсколько темная исторія о стихотвореніяхъ такъ называемой Софіи *Яндовой*, появившихся въ 1822 г. въ „Чехославѣ“ и „Доброславѣ“. Это былъ псевдонимъ, но кто скрывался подъ нимъ, было загадкою до самаго послѣдняго времени. Еще г. Якубъ Малый въ своемъ трудѣ „Наше зновузрожені“ (ч. I стр. 22) прямо утверждаетъ, что эти стихотворенія принадлежали Хмеленскому; то же утвержденіе повторено было имъ, въ качествѣ редактора „Народни библиотека“ (та-

ковымъ онъ былъ до 1873 г.), на 68 стр. перваго выпуска сочиненій Хмеленскаго. Но, разбирая подробно всѣ обстоятельства *за* и *противъ* того, что эта невнятная шутка (введшая, однако, въ заблужденіе даже Юнгмана, у котораго въ „Гисторіи литературы чешке“ стр. 572, втор. изд., Софья Яндова названа дѣйствительно существовавшей писательницей, и ей, между прочимъ, приписано имъ же, разумѣется, по ошибкѣ, и произведеніе Шнейдера „Янъ за карта данъ“, см. 164 стр.) была выкинута именно Хмеленскимъ, Бачковскій пришелъ къ заключенію, что подъ Софьей Яндовой скрывался Челяковский; мнѣніе Бачковскаго и намъ кажется болѣе вѣроятнымъ (см. разсужденіе о Яндовой на стр. 686—694 его труда „Dějiny českého písemnictví doby nové“, вып. 15, Прага 1886 г.).

Приводимъ, встати, по памяти, за неизмѣнимъ подъ рукою книги, подлинникъ указаннаго на 188 стр. въ русскомъ переводѣ отрывка изъ драмы Хмеленскаго „Ласка Чехова“.

Якъ красна днесъ ноцъ та была!

Тиха, якъ рѣше стинѹ,

Рѣше влиду нейнѣмѣйши.

А та луна стрѣб्रोасна

Густо была обсыпана

Гвѣздичками кмитавыми,

Яко мати милоклидна

Либезными дитками.....

Не будучи увѣрены въ *полной* вѣрности приводимой по памяти выдержки съ подлинникомъ, мы и рѣшились помѣстить ее не въ изложеніи, а въ приложеніяхъ.

Къ стр. 190. Яблонскій умеръ въ 1881 году. Прахъ его съ великимъ торжествомъ былъ перевезенъ изъ Кракова въ

Прагу и похороненъ въ древнемъ Вышеградѣ. Любопытное описаніе этихъ проводовъ находится въ книжкѣ г. Э. Елинка, „Вспоминка на Болеслава Яблонского послѣдній на(воз)вратъ до власти“ (отчизны). Прага 1881 г. Кромѣ изчисленныхъ нами выше произведеній его, можно указать еще на хорошенькую стихотворную сазочку „Три злате(не) власы“. Здѣсь, въ дополненіе къ вышесказанному, приведемъ еще одну небольшую выдержку изъ его мастерской дидактической пьесы „Соломонъ“ или „Мудрость отцава“. Вотъ, напр., превосходное по своей кротости и благородной простотѣ мѣсто:

III. „Сыну! чинь, цо (что) слунце чини(тъ),
Надъ земи(—лею) кѣдыжъ (егда) путуе(тъ):
Трои—тъ оно доброди(ѣя)ні(я)
Свѣту проуказуе(тъ).
Оно папърскемъ (лучемъ) св(о)имъ деннимъ
Свѣтло сѣе(тъ), загрева (согрѣваетъ),
А свымъ благымъ пособенимъ (дѣйствиємъ)
Вщецы (всѣ) тво(а)ри блажива (счастливитъ).
Ты пакъ (и) свѣтлемъ св(о)е(й) мудрости
Освѣцуй (просвѣщай) въ темностехъ лидъ (темный
людь);
Розпалуй (е)му сьрдце къ цтности (честности доб-
лести),
Блажъ, якъ можно, его цитъ (чувство),
Тень ень (тотъ лишь) праве(ы)мъ слунцемъ слеу
(слыветъ),
Кого трои здоби (украшаетъ) цтность:
Кдо свымъ свѣтлемъ розширю(я)е(тъ)
Правду, цтность а блаженость(—ство, счастье).

или: V. Стой, о сыну! напни зраки (напрягай взоры)—

ковымъ онъ былъ до 1873 г.), на 68 стр. перваго выпуска сочиненій Хмеленскаго. Но, разбирая подробно всѣ обстоятельства *за* и *противъ* того, что эта невинная шутка (введшая, однако, въ заблужденіе даже Юнгмана, у котораго въ „Гисторіи литературы чешке“ стр. 572, втор. изд., Софья Яндова названа дѣйствительно существовавшей писательницей, и ей, между прочимъ, приписано имъ же, разумѣется, по ошибкѣ, и произведеніе Шнейдера „Янъ за харта данъ“, см. 164 стр.) была выкинута именно Хмеленскимъ, Бачковскій пришелъ въ заключенію, что подъ Софьей Яндовой скрывался Челяковскій; мнѣніе Бачковскаго и намъ кажется болѣе вѣроятнымъ (см. разсужденіе о Яндовой на стр. 686—694 его труда „Dějiny českého písemnictví doby nové“, вып. 15, Прага 1886 г.).

Приводимъ, кстати, по памяти, за неимѣніемъ подъ рукою книги, подлинникъ указаннаго на 188 стр. въ русскомъ переводѣ отрывка изъ драмы Хмеленскаго „Ласка Чехова“.

Якъ красна днесъ ночь та была!

Тиха, якъ рѣше стинѹ,

Рѣше клицу нейнѣмѣйши.

А та луна стрѣбросна

Густо была обсыпана

Гвѣздичками кмитавыми,

Яко мати милоклидна

Либезными дитками.....

Не будучи увѣрены въ *полной* вѣрности приводимой по памяти выдержки съ подлинникомъ, мы и рѣшили помѣстить ее не въ изложеніи, а въ приложеніяхъ.

Къ стр. 190. Яблонскій умеръ въ 1881 году. Прахъ его съ великимъ торжествомъ былъ перевезенъ изъ Кракова въ

и серебра, разсыпаннаго по чертогу, увеличивался отъ огней, освѣщавшихъ его. Вдова смутилась и такъ подумала про себя:

Милый Боже, цо (что) я скусимъ (испытываю)
На томъ свѣтѣ нузе(—жды), гладу!
Биднѣ животь(—знѣ) хранить мусимъ (должна)—
А zde(ѣсь) (с)толи(ь)кѣ(о) тѣхъ покладу! (сокровищѣ)
Толикѣ стрѣбра, толикѣ злата
Въ подземни(—ой) ту(тѣ) лежи(тѣ) скрыши!
Еномъ (только) гърстку съ те(—ой) громады —
А я была быхъ богата,
А была быхъ нейсчастнѣйши,
Я и мое дитѣ(—я) тады (это)!

.
Истѣ (вѣрно) тото пѣрсть е(сть) божій
Покладъ указаль ми въ скрыши,
Хѣде(—четѣ), быхъ была облажена (осчастливлена):
И сгрѣшити быхъ мусела (должна была бы),
Быхъ (если бы) имъ (т. е. кладомъ) погърднути
(презрѣть) (и)мѣла“.

И вотъ простодушная вдова кладетъ мальчика на полѣ, а сама начинаетъ усердно собирать серебро; набрала столько, что должна была оставить ребенка въ пещерѣ, а сама ушла съ серебромъ. Возвратившись она набрала столько же и золота и опять побинула ребенка одного, не смотря на то, что бѣдное дитя жалостно плакало и кричало:

„Мама, мама! Ахъ, ахъ, мама!“,
Хытайцѣ йи (хватая ее) ручинкама.
—Мѣлчъ, сыначку! мѣлчъ, мѣлчъ, гоху (мальчикъ)!
Почѣей (обожди) еномъ еще троху (немного)—
А къ дитѣти се наклони(—яеть),

А до клина (полю) рукоў(—ю) сагне (достае(т)ъ),
Два пенизе (червонца) ве(о)нъ выта(а)гне,
О пенизъ пениземъ звони(т)ъ:
—Где, гледъ, цо то ма (имѣе(т)ъ) маминка!
Цинъ-цинъ! слышишь, яеъ то цинка(е(т)ъ, звенит(т)ъ)?
А вшакъ (но) дитѣ stale (постоянно) плаче(т)ъ—
Йи (ей) радости(ю) сѣрдце скаче(т)ъ.
А до клина опѣ(а)тъ сагне,
Пыну злата гѣрстѣ вытагне,
Вложи(т)ъ дитѣти до клинка:
Где, гледъ, цо ти да(е(т)ъ) маминка!..
Мѣльчѣ, сыначку, мѣльчѣ, мѣльчѣ, гоху:
Цинъ-цинъ! послышь, яеъ то цинка!
Почкей еномъ еще троху.
Гнедѣ (сейчасъ) се врати(т)ъ засѣ (опять) маминка.
(И)грай си пѣвнѣ (хорошо), грай, дѣтатко,
Почкей еще енѣ дробатѣо (немного).“

Прибѣжавши къ своей убогой хижинѣ, вдова поспѣшила
распростаться съ нею:

Гой ты, хижѣ, спроста хижѣ,
Бѣрзы (скоро) (и)мѣй се добрѣ тады! (здѣсь, т. е.
оставайся) и т. д.

Она предалася суетнымъ мечтамъ, какъ переѣдетъ въ большой
городъ, сдѣлается барынею и пр., но каковъ же былъ ея ужасъ,
когда вдругъ, вмѣсто серебра и золота, она увидѣла, что на-
несла себѣ камней и глины. Тутъ то вдругъ она вспомнила
и о ребенкѣ:

Ахъ, дитѣ, ме дитѣ драге!“
„Дитѣ драге, драге, драге!“

Загучело (пронеслось) въ густемъ лѣсѣ.

Прибѣжала она назадъ—пещеры уже нѣтъ и слѣда, и камень по прежнему торчитъ у дороги. А между тѣмъ

Одъ костела вѣтрикъ вѣе,

Цо-жъ пакъ не слышѣти пѣні(я)?

Криста Пана умучені(е)

Въ вѣру тамъ се йижъ (ужъ) не пѣе (поется)...

Обезумѣвъ отъ ужаса, бѣгаетъ вокругъ камня бѣдная женщина, рветъ на себѣ волоса и повторяетъ:

Ахъ, kdo ми м(о)е дитѣ врати(тъ)?

Ахъ, ме дитѣ, кѣде йси, кѣде йси?!

И вотъ ей слышится:

„Ту(тъ) подъ земли(—лею) йсемъ глубоко!—

Гласъ тихунькій вѣтремъ шуми(тъ):

„Не спатрји (усмотритъ) мѣне жадне (ничѣ) око,

Ухо ми не порозуми(—ѣетъ)!

Блазе (хорошо) ту(тъ) подъ земли, блазе,

Безе идла (пищи), безе питі(я),

На мраморове(—ой) подлазѣ (полу)

Рызи (чистое) злато въ клинку (на колѣняхъ) ймити(имѣть).

Ноцъ(—чь) а день се не стрѣдаи (встрѣчаются),

Никѣды(—огда) не йду(тъ) спать очинка (глазенки):

(И)граи(—ю) си ту пѣкнѣ, граи—

Цинъ-цинъ! Слышишь, якъ то цинка?

Много недѣль и мѣсяцевъ можно было послѣ того видѣть печальную женщину то въ церкви „на пагорку“, то блуждающею возлѣ камня:

Ту(тъ) си вздыхне(тъ) прѣглубоко

А до дланѣ чело склопи (берется за голову руками):

„Ахъ, ме дитѣ!“ а йижъ око
Въ слъзахъ кануцихъ (капающихъ) се топи(тъ).
Несчастна—тъ то зъ хижѣ(—ины) жена,
Вждыцкы (всегда) смутна, вждыцкы блѣд(н)а,
Вждыцкы тѣ(я)жце(—ко) замышлена:
Одъ рана ажъ до сумраку
Никъды(—огда) ясно въ ей(—я) зраку (взорѣ),
Въ ноци пакъ (же) жель (жалость) спати неда(еть)...

Прошелъ годъ, и снова наступила великая пятница.
Сельскій людъ опять валить толпою въ церковку „на пагорку“
идеть туда же и бѣдная вдова. И вдругъ... что это?! Въ
трехстахъ шагахъ отъ храма, тамъ, гдѣ торчалъ огромный ка-
мень, опять видна пещера... Опрометью бросается въ нее бѣ-
дная женщина, вбѣгаетъ въ знакомую уже ей храмину, и, не
обращая вниманія на драгоцѣнности, бросается къ ребенку,
который кричитъ ей:

„Га-га, мама, га-га, мама!“
Эй, гле (вотъ) дитѣ, дитѣ ей(—я),
По цѣлый рокъ (годъ) оплакаче,
Потлескуе (плещетъ) ручинкама!

Счастливая мать хватаетъ дитя и безъ оглядки бросается
къ выходу—и во-время: за нею послышался ужасный шумъ
и трескъ; и, едва она успѣла выбѣжать изъ пещеры, какъ на
ея мѣстѣ опять появился огромный камень, и все вокругъ
приняло прежній видъ. Счастливая мать „либа (цѣлуетъ) чело,
ручки, рѣтики (уста), а засъ (опять) къ нядрамъ (груди) ей (ре-
бенка) прѣитиска“ и не обращаетъ даже вниманія на то, что чер-
вонцы, которые она дала для забавы малютеѣ, не обратились въ
глину и по прежнему горѣли яркимъ блескомъ; слишкомъ до-

рогою цѣною купила она тотъ драгоцѣнный урокъ „же (что) тѣ вельми (очень) мало золото (т. е. имѣетъ значеніе),

А вшакъ (всячески) дитѣ наде вшецко (выше всего)!”

Заканчивается баллада такъ:

„Давно костеличекъ (церковка) зборженъ (разрушенъ),

Умълкли йижъ (ужъ) звонка звуки;

А вѣде (едѣ) нѣды(—огда) ет(о)али буки,

Сотва (едва) акій гніе(тъ) коржень.

Старјецъ много паматуе(тъ),

Много—тъ и дозра(ѣ)ло гробу:

А вшакъ (однако) ли(ю)дѣ си (себѣ) указуе

Еще миста по ту добу (пору).

А вѣдыжъ вечеръ погромадѣ (вмѣстѣ)

Младежъ за мразу сѣдава (усаживается),

Радъ старјечекъ повѣдава (повѣствуетъ).

О вдовѣ а о покладѣ.

Къ 217 стр. Изчисляя лирико-эпическія поэмы Галька мы какимъ то образомъ не упомянули объ одной изъ лучшихъ его поэмъ „Goar.“ Теперь, для образца эпическихъ изображеній этого важнаго поэта, мы приведемъ именно изъ указанной поэмы одну выдержку, содержащую въ себѣ описаніе стараго замка.

„Върхъ странѣ (скалы), въ модремъ (синемъ) лонѣ

горъ

Устарѣлый градъ се къ выши звезда (воздымается),

Вѣкъ стѣны шеремъ засмушилъ (затемнилъ),

А съ мехемъ (мхомъ) стрѣха сростла шеда (сѣдая).

Двѣ вѣже (башни) пну(тъ) се граду вышь,

Та една давноу раноу пукла (треснула),

Енжъ (который) окнемъ в(про)никнути се снажилъ
(силился).

Надъ стрѣхоу (крышей) брѣза (береза) выростла
Кмень (корень) уткала си (себѣ) въ барву (цвѣтъ)
снѣжну,

А скальный врабѣцъ прѣлеталъ,
(Что)бы на ни (ней) писень запѣлъ нѣжну.....

Къ стр. 220. Въ виду историколитературной важности
сборника „Въ природѣ“ приводимъ еще два стихотворенія
изъ него.

IV Въздухъ ярній (весенній) напѣленъ е(сть) писні(ю),
Та (и)грае(тъ) въ деху (дыханіе) маѣвемъ,
А каждая вѣтевь аспонь (хотя) гласекъ
Ма (имѣетъ) въ листечку ѣи (еѣ) домовемъ.
Въздухъ ярній напѣленъ е красоу,
Та сви(ѣ)ти(тъ) въ неби(ѣ) маѣвемъ,
А каждый к(ц)ви(ѣ)текъ аспонь листекъ
Ма въ калишку (чашечкѣ) ѣи домовемъ
Въздухъ ярній напѣленъ е ласкоу (любовію),
Та капе(-летъ) въ дешти (дождѣ) маѣвемъ,
А каждый птачекъ аспонь капку(—лю)
Ма въ гни(ѣ)здечку ѣи домовемъ.

XII Правда, правда! Вельке морје
А я квиткемъ въ загонце (грядкѣ)
Могу пить енъ (лишь) дробне (мелкія) капки(-ли),
А то морје безъ конце(а).
Правда, правда! Небе(-о) шире(-окое)—
А я птакъ подъ облаки!
Литамъ, цо (что) ми крѣidla стачи (хватаетъ),

Але (но) просторъ далекій.
Правда! Весмірь бѣзе грази (предѣловъ),
А мнѣ жить, цо чьловѣку;
Дыхамъ ей сицѣ каждемъ дехемъ (дыханіемъ),
Але весмірь бѣзѣ вѣку.

Въ этомъ стихотвореніи любопытво поэтическое сопоставленіе ничтожества чьловѣка и незначительности его силъ, сравнительно съ безпредѣленнымъ просторомъ и многообразіемъ вселенной.

Въ слѣдующемъ же стихотвореніи (XIII) поэтъ сближаетъ чьловѣка и его развитіе и жизнь съ жизнью и развитіемъ природы и объясняетъ одно другимъ.

Ницѣ(—чего) не йсемъ вицѣ (болѣе), нежѣли та
рѹже

Ницѣ вицѣ, неж(ели) славиѣ въ подлеті (весною):
Ме(мой) листки съ яремъ опадаи(—ютъ),
Ма писень въ есень одлети(тъ).

Вшаѣъ (но), яѣо славиѣ ма сву хвили (время,
минута),

А рѹже въ (благо)воні(и) пропуци (распустится)
Такъ духъ мой къ св(о)е(и) се хвили гласи(тъ),
А цо (что) ѣ(сть) въ немъ, то зазвучи(тъ).
А то ми дости (довольно) въ хвили(-ѣ) праве(—ой)
Жѣ (что) выдохнулъ йсемъ напѣвы,
Въ нихъжѣ заплесалъ (ликовалъ) йсемъ бѣзе стеску
(жалобы)

А дотескнилъ се улевы (облегченія)
Паѣъ (и) нехѣтъ (пустъ) и заграю(тъ) си вѣтры
Надъ гробу м(о)его травникомъ (дерномъ);
Я въ хвили све, въ мыхъ рѹжи (розъ) квѣту
Йсемъ прѣчѣ (все таки) енѣ (только) бывалъ сла-
викемъ.

Къ 226 стр. Изъ произведеній Яна Неруды переведено на русскій языкъ цѣликомъ, сколько намъ извѣстно, только одно—именно небольшой рассказъ изъ его „Арабесокъ“ „Былъ даребакемъ“ (негодяемъ). См. „Живописное Обзорѣніе“ за 1884 г. № 21, стр. 328.

Къ 233 стр. Чтобы дать читателю понятіе о стихѣ Е. Красногорской (собств. Елишки Пеховой), занимающей первое мѣсто между чешскими поэтессами, приведемъ хорошенькій ея сонетъ „Поэзіе“, пріятно выдѣляющійся извѣстной трезвостью содержанія между другими пьесами этой писательницы, носящими нерѣдко слишкомъ ужъ отвлеченный и рефлектирующій характеръ (таковы, напр., „Надъ прудемъ живота (—зни)“, „Цо'—съ выконалъ“ (что совершилъ) и др.

Ты мѣне(я) тѣшишь, кѣды (—гда) г(з)вѣзда клеса
(падаетъ),

Кѣды ми осудъ (судьба) зъ тѣрнѹ вѣнецъ віе(тъ),

Драге тужбы вышь а дале неса(—я),

(Пре)красна, сва(я)та матко поэзіе.

Ты мѣне хранишь, яко темно(та) лѣса,

Жыгавымъ (жгучимъ) папърскѹмъ (лучамъ) к(ц)вѣтъ
емный (нѣжный) крые (скрывая),

А твѹй стигъ (тѣнь) тимъ звучнымъ тихемъ плеса
(ликуетъ),

Ежъ (которое) ми въ души пожегнани (благосло
вѣніе) ліе(тъ).

А кѣды мракъ ми влѣхазі на обзору (кругозорѣ,
небосклонѣ),

Златишь ей (его), цо (что, какъ) зарје вечерни(—я),
Клесайици (падающая) за облачну гору.

А кѣде (гдѣ) блага м(о)его станъ се срјити (ру
шится),

Ты, якъ брјечтанъ (плющъ) вѣчноѹ зелені(ю),

Спусту ссутинъ (груду развалинъ) влидне (ласково)
будешь крыти.

Кромѣ всего вышесказаннаго, слѣдуетъ еще замѣтить, что этой писательницѣ принадлежитъ хорошій переводъ Мипкевича „Пана Тадеуша“.

Къ стр. 246. *Замѣтка объ общемъ характерѣ Шеллинговой философіи.* Въ первый періодъ своей дѣятельности (1794—1798) Шеллингъ, будучи послѣдователемъ философа Фихте, старался нѣсколько пополнить воззрѣніе своего учителя на субъектъ (Я) и объектъ (внѣшній міръ, не—Я) и примирить два взаимнопротивоположныя и потому одностороннія воззрѣнія: первое (оно выразилось въ ученіи Фихте о субъективномъ идеализмѣ, по которому внѣшній міръ существуетъ не самъ по себѣ, а только, такъ сказать, служить границей стремленія духа въ безконечность), признававшее единственно изначала существующее Я, духъ, стремящійся въ непредѣльное, но ограниченный въ этомъ стремленіи созерцаніемъ, такъ сказать, пройденнаго пути, рефлексомъ, или остановкой въ своемъ стремленіи; этотъ, де, рефлексъ и есть природа, внѣшній міръ, то не—Я, которымъ ограничивается стремленіе Я, или духа въ безконечность. Второе воззрѣніе (оно выразилось напр. въ Кантовомъ ученіи о Ding an sich=вещь въ себѣ, т. е. существующая независимо отъ духа и даже воздѣйствующая на него въ видѣ, напр., представленій), напротивъ, принимаетъ изначала реально существующее не—Я, внѣшній міръ, воздѣйствующій на Я и приводящій это Я къ самосознанію. Шеллингъ примиряетъ эти два воззрѣнія (очевидно, неполныя и одностороннія уже по тому одному, что объектъ и субъектъ взаимно предполагаютъ свое существованіе) своей философіей безразличія, или тождества вѣчнаго духа (Я) съ внѣшнимъ міромъ, не—Я. Онъ доказываетъ, что ни субъектъ не произвелъ объектъ (т. е. что субъектъ не есть причина суще-

ствования объекта и наоборот), ни объект не был первоначальной причиной субъекта; что реально не существуют ни субъект без объекта ни наоборот, что есть одинъ неизвѣстный, такъ сказать, субъектъ—объектъ, въ которомъ дѣйствуютъ однѣ и тѣ же силы, различающіяся не качествомъ своимъ, но количествомъ, степенью напряженія. Слѣдовательно, духъ (Я) и природа (неЯ) одно и то же; только въ духѣ дѣйствуютъ количественно высшія силы, производящія въ немъ его *сознаніе* и дающія ему превосходство надъ природой, въ которой силы дѣйствуютъ съ меньшимъ напряженіемъ и постепенно (сначала отъ царства животныхъ къ царству растений, наконецъ къ міру совершенно безжизненной, бессознательной матеріи, существующей единственно взаимодействіемъ двухъ силъ: отталкиванія и притяженія частицъ) переходятъ въ полную бессознательность. Такимъ образомъ весь міръ есть тождественное единство одной и той же силы, дѣйствующей съ различной степенью напряженія, начиная отъ самосознающаго разума (Я мыслящихъ существъ) и кончая бессознательнымъ веществомъ, матеріей. Все остальное въ природѣ заключается между этими двумя полюсами. Слѣдовательно, не можетъ быть и рѣчи о субъектѣ и объектѣ, какъ о взаимно различныхъ сущностяхъ. Все существующее представляетъ собой произведеніе одной и той же, только различно дѣйствующей (въ количественномъ, но не въ качественномъ отношеніи) силы.

Къ 255 стр. Въ послѣднее время намъ удалось встрѣтить еще одинъ переводъ изъ Св. Чеха; именно въ №№ 45 и 47 кievской газеты „Заря“ за 1886 г. былъ помѣщенъ небольшой, но хорошенекій очеркъ его „Хорошая идея“.

Къ 264 стр. Одинъ изъ черногорскихъ очерковъ І. Голечка, „Поединокъ Марка Мильянова съ Пекомъ Павловичемъ“ (помѣщен. въ „Славянск. Сборн.“ за 1881 г.) переведенъ и на рус. яз. (въ Рус. Вѣст. за 1885 г.).

Къ стр. 272. Кромѣ переводовъ съ сербскаго, Зигфридъ Капперъ извѣстенъ и самостоятельными стихотвореніями „Чешке Листы“ и затѣмъ „Гусле“—„огласы“ (отголоски) народныхъ черногорскихъ пѣсенъ. Нѣкоторые изъ его переводовъ читатель найдетъ въ очень хорошей „Малой словесности“, составленной Я. Косиной и Бартошемъ Фр., гдѣ приведено множество образцовъ изъ лучшихъ чешскихъ произведеній по всѣмъ видамъ поэзіи и прозы; сообщены и коротенькія свѣдѣнія о писателяхъ. Ко всему этому прибавлены и краткія необходимѣйшія свѣдѣнія изъ теоріи словесности. (См. выше 277 стр.). Капперовы „Зпѣвы лиду сѣрбскаго“, гдѣ представлена поэтическая картина борьбы сербовъ съ турками по народнымъ черногорскимъ пѣснямъ, вышли отдѣльнымъ изданіемъ въ Прагѣ въ 1872—4 г. О Капперѣ см. статью Ферд. Шульца въ „Освѣтѣ“ за 1879 г.

Къ 276 стр. Важна также и другая его книга, сборнаго, впрочемъ, характера „Выклады престопаходни зъ обороу (области) языкопыту, баеслові(я), баснослові(я), миеологіи), психологіе народни...“. Объ этой книгѣ см. отзывъ въ Кіевскомъ Славян. Ежегодн. за 1882 г., в. 5, стр. 239.

Къ 278 стр. Краткую, но очень дѣльную оцѣнку филологическихъ трудовъ Гатталы (а также А. Фойгта, Добнера, Добровскаго, Шафарика, Гануша Иг.—особенно его изслѣдованія о происхожденіи славянскихъ писемъ „Zur slawischen Runen-Frage“ Въѣа 1856 г.—и др.) читатель найдетъ въ прекрасномъ библиологическомъ обзорѣ покойнаго А. А. Котляревскаго „Древняя русская письменность“, см. Филологич. Зап.“ 1879—80 г. и отдѣльно.

Къ 292 стр. Говоря о болѣе выдающихся явленіяхъ новой чешской журналистики, мы, по недосмотру, не упомянули о недавно основанномъ (въ 1882 г.) повременномъ из-

даніи „Athenaeum“, выходящемъ ежемѣсячно книжками въ два печатныхъ листа. Его задача—быть „критическимъ реестромъ современной научной литературы“ не только чешской, но и иностранной. Такимъ образомъ это—собственно чисто научное обозрѣніе, имѣющее нѣсколькихъ редакторовъ, подъ главнымъ наблюденіемъ профессора философіи *Ө. Г. Масарыка*.

Къ 303 стр. Кажущаяся незначительность научной литературы чеховъ по естествовѣдѣнію и математикѣ происходитъ, между прочимъ, отъ того обстоятельства, что очень многіе изъ выдающихся чешскихъ ученыхъ въ этой области предпочитаютъ писать для болѣе многочисленной аудиторіи, чѣмъ чешская, и, пользуясь нѣмецкимъ языкомъ, какъ однимъ изъ всемірныхъ, тѣмъ самымъ обогащаютъ нѣмецкую литературу и науку и не содѣйствуютъ, разумѣется, развитію родной. Ученые въ области гуманитарныхъ наукъ, конечно, рѣже прибѣгаютъ къ нѣмецкому языку и чаще пишутъ на родномъ, очень просто потому, что кругъ читателей для ихъ произведеній все таки несравненно обширнѣе, чѣмъ для произведеній точныхъ и опытныхъ наукъ; но, какъ видѣли читатели изъ нашего предыдущаго изложенія, и тутъ чешскіе писатели, если хотѣли выйти изъ узкой рамки національнаго значенія, употребляли нѣмецкій языкъ. (Вспомнимъ *Шафарика*, *Палацкаго*, *Йиречкова*, *Гейтлера* и др: У многихъ писателей, писавшихъ или пишущихъ вообще по чешски, нѣкоторые изъ капитальнѣйшихъ ихъ трудовъ, предназначенныхъ для всего ученаго міра, составлены опять таки на нѣмецкомъ языкѣ; таковы напр., *Ганушъ Иг.*, и особенно *Л. Пичъ*. По данному вопросу любопытныя статьи читатель найдетъ въ „Извѣст. Пет. Слав. Общ. за 1885 г. № 11—12 и 1886 г. № 4—5, см. корреспонд. изъ Праги).

Азбучный указатель личных именъ.

Августа Янъ 81, 100

Анненковъ Ю. 98

Арбестъ Я. 265

Байронъ 216

Бальбинъ Богуславъ 150—1

Бартошъ Ф. 277, 279, 324

Бахачекъ М. 298

Бачкара 271

Бачковский 312

Баумъ А. 284

Бель Мать. 197

Бендль Винц. 226

Бенешъ Шумавскій 264

Бенешъ Требизскій см. Тре-
бизскій

Берличка Войтъхъ 152.

Бергъ Н. 15, 165, 173 и
т. д.

Бецковский Я. 151

Билый Я. 288

Благославъ Янъ 71, 81, 82,
83, 100, 116, 117, 126

Боговичъ 272

Богуславъ Лобковичъ см.
Лобковъ.

Боздѣхъ Э. 266

Бодяскій 199, 200

Боровый К. 284

Борьницкій Э. 301

Бочекъ А. 284

Брандль Винц. 16, 107, 108,
284

Брѣзанъ В. 117

Брѣзовскій Ваврин. 68

Булгаринъ О. 271

Биджовскій М. 28

Вавра Винц. 223

Вавра Эм. 271

Вавринецъ Бенедиктъ 126

Вацекъ (Каменицкій) Яр. 186

Вашекъ А. 277

Вейри: Эм. и Эд. 299

Вейсъ В. 302

Веленскій Ольдр. 124

Велеславинъ Ад. 109—112

Велишскій Ф. 291

Вертакто Я. 277

Верхлицкій Ярославъ 234—
249

Виллани Д. 189, 191

Винарицкій К. 72, 187

Влахъ Я. 286

Волакъ 271

Волчекъ Я. 291

Волчекъ Вач. 261

Воскресенскій Г. 33, 101

и др.

Воцель Я. 15, 192

Вратиславъ Митровицкій
121

Вукотинновичъ 272

Видра С. 298

Вшегордь Викт. 72, 104—
6, 123

Гавласа Бог. 265

Гавличекъ Боровскій К.
207—210

Гасекъ Т. 296 и 7

Гасекъ В. 114, 115

Гайнишъ 302

Галашъ 165

Галець Витезславъ 217—
221, 267, 319—332

Гаммершмидъ 151

Ганка В. 6, 2, 164, 167,
184—6, 303

Ганкенштейнъ Ганке 160

Гаушъ Иг. 56, 179, 288;
306, 327

Гаттала М. 16, 33, 85 278,
327

Гавѣль Я. 287

Гебауеръ Я. 16, 41, 279

Гейдуць 187, 226—33
 Гейтлеръ Д. 1, 280, 326
 Герцгесъ 266
 Герольдъ Э. 264
 Гербель 79 и мн. др.
 Гете 307
 Гзель Петръ 125
 Гильфердингъ 208
 Гиндели 99, 143, 282—3
 Гинтерродъ Авраамъ 124
 Гиника В. 205
 Гнѣвковскій Сев. 165
 Годѣвскій Я. 75
 Гоголь Н. 271
 Голечекъ І. 264, 272, 287, 327
 Голый И. 197
 Голубъ Э. 286
 Гончаровъ И. 271
 Горѣвскій 302
 Госіусъ Матв. 120
 Грегеръ Ю. 292
 Григоровичъ В. 143
 Грубый Григор. 72, 123
 Грубый Зигмундъ 123
 Грубый Яр. 271
 Грушковичъ Сам. 147
 Губеръ А. 297
 Гундуличъ 272
 Гускъ Я. 110
 Гусъ Я. 68—70, 87—96
 Гюго В. 215, 246

Далемилъ 37—8, 60—61
 Дастихъ І. 289
 Дачицкій Ник. 78, 118
 Дворскій Фр. 108, 266, 283
 Длабачъ 161

Добнеръ Гел. 161, 327
 Добровскій 161, 162, 163, 184, 327
 Доиниъ Фридр. 122, 123
 Достоевскій 271
 Дражовъ Сам. Март. 145
 Дубровскій П. 186
 Дудникъ Б. 283
 Дурдикъ Павелъ 287
 Дурдикъ Юсифъ 289
 Дурдикъ Ал. 271
 Дурихъ 161, 164
 Дювернуа А. 96

Еленскій Зигмундъ 75
 Егличка П. 301
 Елинекъ Э. 286, 313
 Ерьябекъ Ф. 266
 Есенъ Пав. 100
 Есенскій Я. 298
 Ефремиъ Янъ 100

Желѣзный Я. 96
 Жеротинъ Карлъ 71, 107, 118, 130
 Жидекъ Павелъ 96, 109
 Жуковскій В. 271

Завѣта Ю. 118
 Загорье И. 302
 Задеракскій И. 170, 197
 Закрейсъ Ф. 266—7
 Залужанскій А. 298
 Залѣская Бог. 271
 Запъ К. 283
 Заточилъ І. 151
 Зеленый Вацлавъ 170, 177, 276
 Зигмундъ В. 279

Злицкий Бригидъ 106
 Зноемскій Стан. 96
 Зубекъ Ф. 131, 284
Ирасекъ А. 258—261, 291
 Иречекъ Іос. 15, 81, 85, 99, 106, 108, 126, 136, 275—6, 326
 Иречекъ Герм. 15, 106, 275, 287
 Иречекъ К. 285
 Ичинскій К. 288

Іеронимъ Пражск. 94
 Іокай 267

Кадлинскій Фел. 153
 Калина І. 198
 Калоусекъ 201, 284
 Камаритъ І. 167, 186
 Кампанъ 85
 Канперъ З. 272, 326
 Караджичъ В. 272
 Квичала Я. 290
 Квѣтъ 15, 143, 277, 290
 Кинскій Д. 165
 Кинскій Ф. 150, 160
 Клавдіанъ М. 296
 Клацелъ 288
 Клиппера Влч., Кл. Янъ 206
 Кодицилъ (Книжка) П. 75, 125, 126
 Кодимъ Ф. 302
 Козманецкій В. 152
 Коларъ І. Ю. 206, 233
 Кодинъ П. 106
 Колинскій М. 75
 Колларъ Я. 167, 172—7,
 Коловратъ З. 267

Кольцовъ 271
 Коменскій А. 71, 83, 130—145
 Коначъ Н. 72 84, 100
 Конашь Ант. 153—158
 Коржанъ І. 283
 Коринекъ І. 15
 Користка К. 286
 Корженевскій 272
 Косина Я. 277, 324
 Котляревскій А. А. 327
 Коциневскій 110
 Крайчій Григ. 99
 Крамеріусъ В. 164
 Красногорская Е. 214, 233, 325—6
 Крашевскій І. 272
 Крейчій Я. 286, 299, 300, 301
 Крижекъ В. 285, 303
 Куба Л 311
 Кубекъ Православъ 189, 207, 221
 Куникъ А. 15
 Кутенъ М. 115
Лавичка 299
 Лавровскій П. 6, 129, 186
 Лажечниковъ 271
 Ламанскій В. 16, 65
 Лангеръ Яр. 207
 Лауринъ Ф. 288
 Леопарди 215
 Лепаръ Я. 286, 290
 Лепаръ Фр. 291
 Лермонтовъ Ю. 261
 Линда І. 189
 Ливднеръ Г. 288—290

Литомѣрицкій Гиларій 94 96
 Лобковичъ Богуславъ 71, 75 104, 120, 123
 Лобковичъ Янъ 120, 121
 Ломницкій Спм. 84
 Лукашъ Я. 81, 82, 99

Майеръ 302
 Макушевъ В. 18
 Малый Як. 160, 179, 283, 286, 290, 311
 Марекъ А. 167, 188, 288
 Марекъ Я. 202
 Марковичъ М. 147
 Масарыкъ 327
 Матиоли 296
 Матпенауэръ Д. 280
 Маха К. 216
 Махачекъ С. 206—7, 291
 Машекъ И. 279
 Мезигорскій III, 121
 Мейснарь Н. 271
 Менчикъ Ф. 56—7
 Миковець Ф. 207
 Миличъ Я. 52
 Миллеръ О. 178 и др.
 Минаевъ 208
 Миропольскій 193
 Митровичъ В. 121
 Михалець М. 81
 Мицкевичъ А. 272
 Младеновицкій П. 94
 Мокрый От, 264, 272
 Мотовскій 85
 Мюллеръ Ф. 299

Небескій Влч. 44, 156, 195
 —6, 205

Некрасовъ Н. 45, 63
 Неруда Я. 221—226, 225
 Неѣдлый В. 165
 Неѣдлый Я. 167, 291
 Нидерле И. 291
 Новотный Э. 291
 Нудожерскій Бенедиктъ (см. Вавринецъ) 126, 147
 Нѣмцева Божена 202, 205—6, 267

Оптатъ Бенешъ
 Ортъ І. 239

Павличекъ А. 288
 Павловскій А. 287
 Палацкій Ф. 6, 15, 99, 109, 115, 171, 192, 201 289, 293, 304, 326
 Палацкій Я. 286
 Палковичъ Ю. 65, 166, 198
 Панекъ А. 299
 Патера А. 5, 33, 63, 65, 85, 277
 Пельцль 151, 156, 161, 167
 Первольфъ І. 285
 Першттейнъ В. 119
 Петерсъ В. 302
 Печирка 311
 Пешина Т. 151
 Пилярикъ С. 147
 Пинкасъ О. 286
 Писаръ Бартошъ 112
 Писецкій В. 72, 124
 Пицѣкъ В. 191
 Пичъ Л. 286, 327
 Плахій Ю. 153
 Пляцель 110

Подлинская С. 265i 267
 Покорный М. 299
 Покорный Р. 233
 Поль В. 158
 Польжичей К. 120, 121, 122, 149
 Поляк М. 167, 171
 Попов Н. 170
 Пражский Венгориі 71
 Прахатицкий Х. 295
 Пресль Я. 168, 299, 300
 Префат Олдр, 122
 Прокоп Рарль 233
 Прохазка 161, 163
 Прошек 286
 Пубича 161
 Пулава Прибислав 62—3
 Пуркыш Я. 300
 Пухмайер А. 164—5, 176
 Пухов Зигмунт 120
 Пушкин А. 5, 9 272
Рабштейн Я. 71
 Ранда А. 287
 Ранко Войт. 52—3
 Ранк І. 272
 Резек А. 284
 Ріегак Я. 286
 Ріегак А. 288
 Ригер А. 192, 287, 290, 292, 293
 Родовский В. 298
 Розенберг П. 64
 Розкоханый 66
 Розум В. 111, 277
 Рокицана Ян 94, 99
 Ростовцев И. Я. 291
 Роса Вацл. 137, 158

Рубеш Яром. 207
 Рыбичка Ант. 164, 167, 276 288
 Рыльов 271
 Ръзничек В. 264
Сабина К. 202—3
 Салаба 302
 Салиус Микул. 84
 Сахаров 27—8
 Свобода В. 189
 Свобода Я. 285, 289
 Святая К. 257
 Седлачек В. 298
 Сенковский 271
 Сейдлер 299
 Сингль Оттердорф 113, 114
 Сильвий Эней 110
 Скрейшовский Я. 292
 Скрейшовский Ф. 293
 Скривант Г. 299.
 Скала П. 145—146
 Славата 146, 148
 Сладковский К. 293
 Сладек І. Вац. 233
 Сладек Ф. 286
 Словацкий 272
 Сobotка П. 276
 Соколов А. 15
 Сметана І. 299
 Снѣгирев И. 162
 Спасович В. 272
 Смолян 299
 Срезневский И. И. 4, 5, 16, 65, 166, 174, 185, 186
 Стах Вац. 170
 Станек 302
 Станковский Ю. 261
 Степович А. 166, 222, 235
 Старый К. 301.

Стороженко А. 6, 16
 Странский П. 145
 Страширибка 306
 Стрейц Юрий 83, 100
 Струнежничей Л. 263
 Студничей Ф. 286
 Студничка Ф. 299
 Студничка Ал. 302
 Сушилъ Ф. 172, 288
Таблицъ Богуславъ 165
 Тамъ Игн. 160
 Тамъ Вац. 160
 Теодоровичъ 174
 Тифтрунъ К. 277
 Тихий О. 75
 Толстой Л. 271
 Томек 6, 281—2
 Томса Фр. Я. 164
 Тоннеръ Э. 151, 285, 293
 Трѣбизский 13, 261, 262—3, 267, 291
 Трянковский Юрий 147
 Тургеневъ И. 267, 271
 Туринский Ф. 167, 207
 Турнъ М. 148
 Турновский І. 205
 Тыль І. 203—206
Фейфалинъ Ю. 15
 Фляшка Смиль 40—44
 Фойгт А. 327
 Френцель А. 288
 Фричъ І. В. 216, 267
 Фричъ А. 301.
 Фурхъ В. 189
Хельницкий Петръ 97—99
 Хмеленский І. К. 188, 311
 Хохолушекъ П. 202—203
Цейеръ Ю. 263
 Цидлинский см. Янда, 256

Цтиборъ изъ Цимбука 78
102—104

Цтиборъ Дърновичъ 106

Цыбулька Ис. 100

Чайковский 272

Челяковский Л. 55, 111 197
168, 172, 177—184,
192, 267, 301

Челяковский Яр. 284

Ченка I. 302

Черный Янъ 82, 396, 286

Черный I. 288

Черный Герм. 149

Чехтицъ (изъ) Богуславъ 75

Чехъ св. 187, 249—286, 326

Чешка Янъ 123

Шабчанинъ 272

Шатильонскій Готье 31

Шафарикъ В. 301

Шафарикъ П. 6, 168, 171
192, 198—200, 304,
326, 327

Шевыревъ С. 208

Шевченко Т. 271

Шеллингъ 245, 323—4

Шембера А. 16, 69, 101,
147—274—5

Шимекъ М. 158

Шимекъ Ф. 290

Шкода Я. 290

Шлехта Янъ 75

Шмиловскій А. Вяч. 257 267

Шнейдеръ К. С. 164, 312

Шолингъ 302

Шольцъ В. 256

Штейеръ М. Вацл. 153

Шпеннгауэръ 215

Штепанекъ Я. 206

Штефанъ Андр. 101

Штитинъ Оома 53—60, 69

Штольба I. 264

Штольба Ф. 301

Шторхъ К. 143

Штробахъ А. 287

Штульцъ Вяч. 191

Штуръ Л. 276

Штурмъ Вацлавъ 152

Штѣпничка Фр. 170

Шубертъ Фр. 263

Шульцъ Эм. 290

Шульцъ Ферд. 165. 169, 291

Шумавскій В. 246

Шумавскій Фр. Иос. 117

Щастный В. 256

Щастный Я. 303

Щитный О. 53—60, 69

Эйзельтъ Бог. 303

Эмлеръ 102, 284

Энеашъ Янъ 100

Эрбенъ Я. 56, 87, 93. 112,
172, 192 — 7, 286.
310, 314—319

Эрбенъ I. 286

Эренбергеръ I. 205

Юнгманнъ I. 55, 166—170

Яблонскій В. 190 312—314

Якубекъ 94

Янда Бог. 226, 256

Яндечка В. 289

Яндушъ А. 302

Яновскій Матвѣй 52—3

Яновскій В. 302—3

Янъ Ю. В. 256, 301

ОГЛАВЛЕНИЕ.

СТРАН.

Къ фотографическому снимку листка Краледворской рукописи	V
Предисловіе составителя	X
Введение	1

Древняя пора.

Самобытная поэзія:	3
Содержаніе и оцѣнка „Суда Любуши“	6
Содержаніе и оцѣнка Краледворской рукописи	9
Сравненіе Краледворской и Зеленогорской рукопи- сей съ „Словомъ о полку Игоревѣ“ и русскими пѣснями	24
Поэзія подражательная:	29
Свѣтская	30
Смилъ Фляшка	40
Духовная поэзія	44
Мистерія	47

Проза:

Произведенія церковныя и духовно нравственнаго содержанія	50
Оома Щитный	53
Лѣтописи	60

Литература права	64
Словари	65

Средняя пора.

а) Время высшего развитія чешской словесности (Золотой вѣкъ):

Общія замѣчанія	68
Свѣтская поэзія	74
Духовная поэзія	81
Школьная драма	84

Проза:

Религіозная литература	87
Янъ Гусъ и его послѣдователи	87
Петръ Хельчицкій	97
Право	101
Викторинъ Вшегърдъ	104
Литература исторіи	108
Даніилъ Велеславинъ	109
Литература землевѣдѣнія и путешествій	120
Гуманизмъ и языкознаніе	123
Заключеніе о „золотомъ вѣкѣ“	126

б) время упадка чешской словесности:

Общія замѣчанія	128
Литература изгнанниковъ: Янъ Амосъ Коменскій	130
Произведенія домашней словесности въ Чехіи	148
Иезуитская словесность. Ант. Коняшъ	152

Новая пора.

Возрожденіе чешскаго языка и словесности	160
Госифъ Добровскій	162

Чешскій сентиментализмъ. Автонинъ Пухмайеръ .	164
Госифъ Юнгманнъ	166
Чешскій романтизмъ и народное направленіе поэзіи .	170
Янъ Колларъ	172
Ладиславъ Челяковский и Вячеславъ Ганка .	177
Винарицкій, Хмеленскій, Яблонскій	187
Эрбенъ, Воцель, Небесскій, Шафарикъ, Палацкій .	191
Повѣсть и романъ. Тыль, Нѣмцова	203
Драма. Клицпера В.	207
Сатирическая словесность. Гавличекъ	208
Космополитическое направленіе чешской поэзіи .	211
Витезславъ Галекъ	217
Янъ Неруда	221
Адольфъ Гейдукъ	226
Ярославъ Верхлицкій	234
Святополкъ Чехъ	249
Новѣйшіе романы и повѣсти	256
Ирасекъ	258
Требизскій	262
Ифлегерь-Моравскій	264
Новѣйшая драма. Боздѣхъ	266
Общія замѣчанія о новѣйшей поэзіи и перево- дахъ съ русскаго и другихъ славянскихъ нарѣчій.	267
Прозаическія произведенія:	272
Исторія словесности и языковѣдѣніе	274
Исторія и землевѣдѣніе	281
Право	287
Литература богословско-философская и педагоги- ческая	288
Повременныя изданія	291

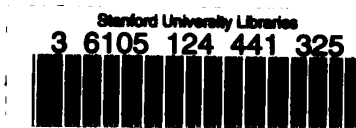
ПРИЛОЖЕНІЯ:

1. Краткій очеркъ развѣтїа въ Чехїи математики и естествовѣдѣнїа	295
2. Краткое описаніе Краледворской и Зеленогор- ской рукописей	303
Дополненїа	307
Азбучный указатель личныхъ именъ	328

PB-36746-SB
530-25
5-cc
B/T

[

,

PG
5001
573

Stanford University Libraries
Stanford, California

Return this book on or before date due.

NOV 12 1973

